Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Антихрист Путин и Откровение Русской Классической Литературы в 2-х томах

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Антихрист Путин и Откровение Русской Классической Литературы в 2-х томах

2024

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла

Х98 Антихрист Путин и Откровение Русской Классической Литературы в 2-х томах / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2024. — 494 с.
[б. н.]

УДК 1
ББК 87

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, 2024

АНТИХРИСТ ПУТИН
И ОТКРОВЕНИЕ РУССКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТОМ 1. ТРЕТИЙ ЗАВЕТ МЕРЕЖКОВСКОГО

ГЛАВА 1. Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ТРЕТИЙ ЗАВЕТ МЕРЕЖКОВСКОГО И ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА

Для Мережковского очевидно, что все великие мыслители или просто искренние мыслители человечества, которые ищут Истину, Разум, Науку — что эти души ищут Бога. И хотя Мережковский еще не знал, как решить этого вопроса, как соединить Рациональное Откровение Греции (Язычество в его интерпретации) и Духовное Откровение Израиля и Христианства — он ставит этот вопрос во всей остроте и с удивительной последовательностью исследует его через бесчисленное множество фактов исторической и социальной действительности.

Как соединить Науку Язычества с Правдой Христианства? Как соединить Дух и Плоть? Для него очевидно, что «Человечество выросло из христианства как младенец из пеленок», и что ответы на эти вопросы могут быть получены только вне христианства, в Третьем Завете Святого Духа, который включит в себя истину двух первых Заветов: Завета Отца и Завета Сына.

Со всей проницательностью гения, поставив вопрос о Третьем Завете как Правды которой нет без Бога, а значит вопроса о Метафизики Интеллекта, он понимает отчаянные духовные поиски русской интеллигенции как Миссию Святой Руси «служить

всечеловечеству» на пути к этому последнему Третьему Откровению. Он видит две крайности заблуждения в борьбе славянофилов и западников на этом пути к Третьему Откровению: первые все еще ждут истины из православия, вторые ищут истину в позитивизме и материализме. Первые потеряли Бога в магическом сознании, вторые потеряли Бога в агностицизме и цинизме. И тем не менее, их поиски Правды Бога, нашедшие свое отражение в русской литературе, так искренни, так отчаянны, так «не от мира сего», — Мережковский не видит аналогов в современном ему мире. «Мы еще не решили вопроса о существовании Бога, — говорит „первый русский интеллигент" Белинский Тургеневу, — а вы есть хотите!». В этой «стерильной возбужденности русских революционеров», как высказался о них Макс Вебер, на самом деле проглядывает их ангельская сущность, их небесное предназначение к поискам и утверждению Третьего Завета Святого Духа, последнего, теперь уже научного Откровения Божьего.

Я со своей стороны несколько расширила бы перечень Народов — Мессий. Это конечно, не только Израиль, получивший Завет Отца, и не только Церковь Апостолов, получивших, Завет Сына. Но всенепременно и Античная Греция, в лице Пифагора, Сократа и Платона, получившая Завет через Интеллект, и несомненно Государство Платона Марка Аврелия в Античном Риме, получившего Откровение Естественного Права как единственного пути к преодолению Государства-Зверя. И если бы Мережковский мог так широко посмотреть на этот вопрос (для Ренана он не составлял тайны), то его мнимое противоречие между тем что он называл «язычеством античности» и христианством сразу бы разрешилось. Ибо не в античной цивилизации язычество, а в доисторическом магическом сознании, отчасти сохранившемся и в язычестве и в христианстве вплоть до наших дней.

И теперь так ярко бросается в глаза сходство, аналогия, единство всех этих Народов-Мессий, принявших Откровение со «стерильной возбужденностью» русской интеллигенции, которая в этом смысле столько же «не от мира сего» и в своей «иде-

альности», и в своем бесстрашии и героизме, и в своей глубокой преданности правде (что есть истинная религиозность как бы они ее сами не называли), и в своих отчаянных поисках свободы, и в своем социализме, как церкви братства и дружбы всего человечества, и наконец, в отчаянной метафизической борьбе, которую они объявили Злу, в своей революционности! «Мой череп вам, друзья», — говорит Герцен в Воспоминаниях не менее знаменитых, чем письма Плиния и Анналы Тацита. И не один ли и тот же смысл в них, — утверждения Святого Духа Гения, Свободы, Дружбы и Всечеловечности в государстве Платона Марка Аврелия или Религиозной Революции русской интеллигенции?

В этом смысле, Жюльен Бенда не смог бы обвинить русскую интеллигенцию в «Предательстве» всечеловеческой истины: как все люди глубокого религиозного сознания они всегда оставались людьми мира или «всечеловечности», как говорит Мережковский, преисполненные ненависти к «зоологическому патриотизму».

Мережковский понимает Назначение Третьего Завета в Разрешении трех задач, с которыми не могло справиться христианство, так как «не вместило человечество»:

1. Тайна Одного — вопрос единства Духа и Плоти, Святая Плоть

2. Тайна Двух — вопрос половой любви непорочной, единство двух

3. Тайна Трех — вопрос общественности, победы церкви как единства и братства людей над государством, как мертвой машиной насилия.

Для Мережковского очевидно, что Третий Завет, разрешив эти вопросы, станет Апокалипсисом Зла — Смертью и Вечным Поражением Зверя Государства, поедающего живые души людей. Он ставит со всей остротой вопрос о бескомпромиссной войне между Церковью и Государством, утверждая что Царское Самодержавие и Православие есть церковь поглощенная государством, также как папское католичество есть церковь, которая превратилась в государство.

И только Революция, только всемирный социальный переворот, который приведет к победе Церкви над Государством может спасти человечество из его мертвящих челюстей. Он оправдывает и благословляет Великую Русскую Революцию, и утверждает, что это только «самый ранний фазис» ее, и что то, что началось как позитивизм и материализм на поверхности проявит свою великую религиозную глубину. Русская Революция есть Революция Религиозная на пути к Третьему Завету и преодолению Зверя Апокалипсиса.

Действительно, коммунистическая революция была ранним фазисом. Разве не удивили мир Хрущев и Солженицын, когда вновь показалась великая религиозная глубина русской интеллигенции в покаянии «Зверя материалистов»? Разве был возможен Солженицын без Хрущева? Разве не Хрущев разрешил его рассказы к печати? Разве не пригласил к себе жертву советских концлагерей для задушевной беседы? Разве не поплатился потом отставкой с поста генсекретаря — единственный отставленный генсекретарь? Что это если не покаяние русской революции с ее самого глубокого религиозного пласта? И разве не было еще большим покаянием «Гласность и перестройка» М. Горбачева, так глубоко поразившие мир?

И вот сегодня, благодаря этим первым самым ранним фазисам русской религиозной революции, мы, Святая Русь, можем сказать наконец, что русская религиозная революция закончена. Что мы наконец дошли до самого ее фундаментального слоя: до Третьего Завета, который есть конец Зверя Апокалипсиса, конец Государства как машины для насилия.

Это Научная Революция Энергетика, и я автор ее, — Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, — уже много лет представляю ее в России и за рубежом на английском языке. Разве так удивительно, что Зверь Апокалипсиса, прежде всего Российсккий — Путин и его режим — искалечил меня и вступил в позорный предательский сговор со Зверями иностранных государств, чтобы скрыть от людей Третий Завет святого Духа: Научную Революцию Энергетику!

Д. С. Мережковский «Меч»:

> «Корни человечества — в религии. Когда корни засохли, то дерево может еще некоторое время зеленеть. Такое дерево на сухих корнях — современная европейская культура; нижние ветви продолжают зеленеть, но вершина вянет и желтеет на наших глазах. Эти первые желтые листья всемирной осени, это начало конца есть то, что называлось некогда «мировою скорбью», потом «пессимизмом», «нигилизмом», а в настоящее время не имеет себе имени: пока были слова, люди говорили, теперь они молчат или говорят о другом. Некоторые песни Леопарди и Байрона, подобные воплям, некоторые страницы Мопассана и Тургенева, подобные предсмертным письмам самоубийц, дают заглянуть в бездну этой скорби, о которой сказано: будет скорбь, какой не было от начала мира. Но лица безмолвных прохожих, иногда встречаемых в многолюдстве больших городов, говорят нам яснее всяких слов о такой глубине человеческой безнадежности, которая не нашла и, может быть, никогда не найдет своего выражения ни в каких философских построениях, ни в каких поэтических воплях.
>
> Третья ступень — откровение третьей ипостаси — будет окончательным синтезом тезиса и антитезиса, объекта и субъекта, плоти и духа, последним соединением первого Царства Отчего и второго Сыновнего — в третьем Царстве Духа Святого, плоти святой. Третий Завет будет откровение трех в едином.
>
> Ныне религиозное сознание человечества и восходит на эту ступень. Христианство кончается, потому что оно до конца «исполнилось», подобно тому, как «закон и пророки» окончились с пришествием Христа. Христос не нарушил, а исполнил закон. И Дух не нарушит, а исполнит христианство.
>
> Но всего яснее обнаруживается предел христианства не в тайне одного и двух, личности и пола, а в тайне Трех, вселенской соборности — общественности.
>
> Поскольку христианство оставалось верным своей метафизике, оно всегда уединяло, а не соединяло людей. Совершенный христианин — монах, отшельник.
>
> Церкви никогда не было; христианство нецерковно — вот один из тех кажущихся парадоксов, за которыми скрывается невероятное, потому что неизвестное, лицо истины. Христианство всегда делало одно из двух: или, отказываясь от всякой реализации, превращало Церковь, тело Христово, в безголосную отвлеченность, в отрицание всякого реального бытия, так что Церковь становилась не только невидимой, но и несуществующей; или, пытаясь ее реализовать,

превращало тело Христово в тело зверя, государственного Левиафана, подменяло внутреннее соединение в любви и свободе внешнею скрепою принуждения и насилия, которые, в последнем счете, всегда суть человекоубийство, служение дьяволу, исконному человекоубийце. Это общественное бессилие, нецерковность христианства есть мистический предел христианства, таинственный рубеж, отделяющий второй Завет от третьего.

Все многобожное язычество искало единого Бога Отца и нашло его в откровении Израиля; весь Израиль, закон и пророки, искали Мессии, Сына Божиего, и нашли его в христианстве; все христианство ищет Духа Божиего и найдет его в третьем Завете.

Как Израиль есть только чаяние и пророчество о Богочеловеке, но само явление Богочеловека совершилось за пределами Израиля, так христианство есть только чаяние и пророчество о богочеловечестве, о Церкви, но само явление Церкви совершится за пределами христианства.

Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе — эти последние слова Господа, сказанные при вознесении, утверждают Царство Божие как величайшую земную реальность. Христианство признало власть Христа-царя только на небе, а власть на земле отдало Князю мира сего, тому, кто говорит о власти и славе царств земных: Она предана мне, и я, кому хочу, даю ее. Христианство поклонилось Христу на небе и зверю на земле. Но Апокалипсис предсказывает, хотя и в конце истории, все же исторически-реальную земную победу Христа над зверем, в тысячелетнем Царстве святых на земле, в Новом Иерусалиме, граде возлюбленном. Этот град — не бесплотное видение, а опять-таки исторически-реальное событие в исторически-реальных судьбах мира; это безвластная, в смысле внешнем, государственном, а в смысле внутреннем, церковном — боговластная общественность. Извне будет она казаться пределом анархизма, изнутри — пределом социализма; а в действительности преодолеет антиномию анархизма и социализма в совершенном синтезе безгранично свободной личности и безгранично любовной общественности.

Истинная Церковь войдет в мир, врежется в исторически-реальное человечество, как в живое тело врезается меч.

Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Церковь грядущего Господа и есть этот меч».

2. РУССКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ПРАВОСЛАВИЕ КАК ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА

Противоречия между Язычеством и Христианством, которые так терзали Мережковского в проблеме «раздвоенности», получают свое разрешение в Метафизике Интеллекта, то есть в рационалистической философии известной еще со времен Сократа и Платона. Мережковский искал Откровения в Мистике, как оно было дано Израилю, но было еще и Откровение Интеллекта, как оно было дано рациональной философии Греции и Естественному праву Рима. Эрнест Ренан, которого Мережковский славит как великого гения и ангела духа в «Марке Аврелии», становится у него «кощунником» в «Иисусе Неизвестном», потому что Ренан понимал эту разницу между Откровением через Мистику Израилю и Откровением через Интеллект Греции и Риму. И Ренан тоже утверждал, что последний Завет будет заветом Интеллекта, то есть Метафизики Интеллекта.

Что есть рациональная философия, метафизика Интеллекта? Самый простой здравый смысл: Бог установил Законы Природы, Интеллект есть Законы природы, установленные Богом, ибо Бог и есть Интеллект. Человек родился от Святого Духа, от Интеллекта, и потому Бог дал ему Активный Интеллект — Мышление, чтобы человек мог познавать законы природы (Пассивный интеллект) и контролировать эти законы (наука и техника). Следовательно, Законы природы есть Законы Бога (здесь я не буду вступать в полемику с эмпиризмом, позитивизмом, материализмом, немецким идеализмом, которые утверждают либо, что и бог и законы природы есть, но они не познаваемы (кант), либо что поскольку нет бога, то не может быть и законов природы (давид юм), либо что бога нет, а законы природы есть (ленин). Ибо итак понятно, что Метафизика Интеллекта понятнее даже со стороны простого здравого смысла: есть бог, который установил законы природы и есть мышление, данное богом чтобы открывать эти законы. Это просто и логично.

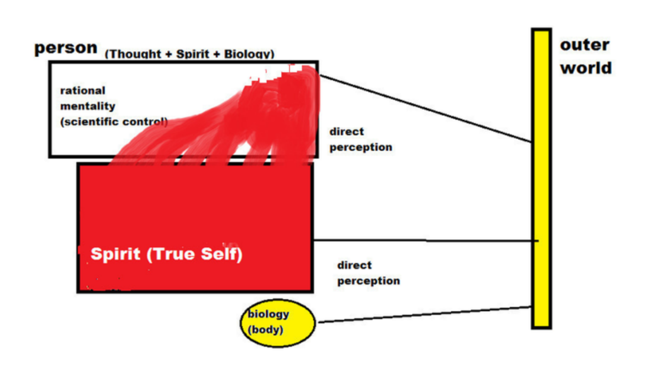
И если смотреть на вопрос с позиции метафизики интеллекта, а не мистики, то все поставленные Мережковским вопросы для разрешения в Третьем Завете святого Духа действительно получают свое решение:

1) Тайна Одного — вопрос единства Духа и Плоти.

Здесь важно понять, что полюса Активного и Пассивного Интеллекта метафизики интеллекта рассекают космос на два вида энергий природы: Детерминированные (материальные) энергии, которые имеют только законы природы (пассивный интеллект) и Контрольную энергию Духа, которая имеет Активный интеллект, мышление помимо законов природы (она тоже детерминирована законами природы как все прочие энергии). Собственно, полюса Активного и Пассивного Интеллекта и составляют плюс и минус ее силового поля, которое мы ощущаем как потребность в знании. Это и значит, что Дух Человеческий происходит от Святого Духа.

Пока человек не имеет знаний о законах природных энергий и не может их контролировать (в том числе и свою собственную психическую и биологическую энергии), его Дух как носитель божественного мышления (активного интеллекта) заражается мертвенностью пассивной детерминированной энергии. Человек превращается в животное, в скот, в нравственную гниль. Вот почему на этой стадии, где еще нет знаний, нет еще научного контроля материального мира, правильна позиция христианства, которая завещает отвернуться от мира и сохранять силу своего духа.

Однако, когда Дух стал силен и обрел знания для научного контроля материального мира, его отношение к материальному миру меняется. Он больше не может его заразить мертвечиной своей материальности, теперь человек контролирует и энергии природы и свои две энергии — психическую и биологическую. Теперь, когда Дух на своем высоком месте Активного Интеллекта и Силы научного контроля, материальный мир тоже на своем месте «творения божьего» на основе законов природы бога. Теперь это Святая Плоть материального мира, сотворенного Господом.

2) Тайна Двух — вопрос половой любви, единение двух

Мережковский не умел увидеть синтеза между Этикой, как законами энергии Духа человеческого и «механицизмом» как законами природы материальных энергий. Действительно, если не делать принципиальную оговорку на различие Активного и Пассивного Интеллекта и не ставить Контрольную энергию Духа и детерминированные энергии материи на свои места, то тождества между этикой и механицизмом как законами природы провести нельзя.

Однако, если мы уже знаем об этом кардинальном различии, то все опять очень просто объясняется: Этика есть законы энергии духа, такие же законы природы, установленные богом. Разница в том, что человек еще может контролировать законы природы, обладает относительной свободой воли, чего нет у других энергий.

Наконец, психическая энергия человека, помимо Духа (фундамента и здоровья) обладает также материальной, детерминированной энергией (паразит и болезнь). Плюс и минус силового поля этой энергии открыт Фрейдом как системы Эго и СуперЭго. Неслучайно Фрейд был материалистом — эта энергия действительно абсолютно материальна, и является раковой опухолью,

пожирающей энергию Духа, — разумную, живу и нравственную. Вот собственно вся тайна Нравственности и Порока в человеке и его врожденного греха (материальной энергии).

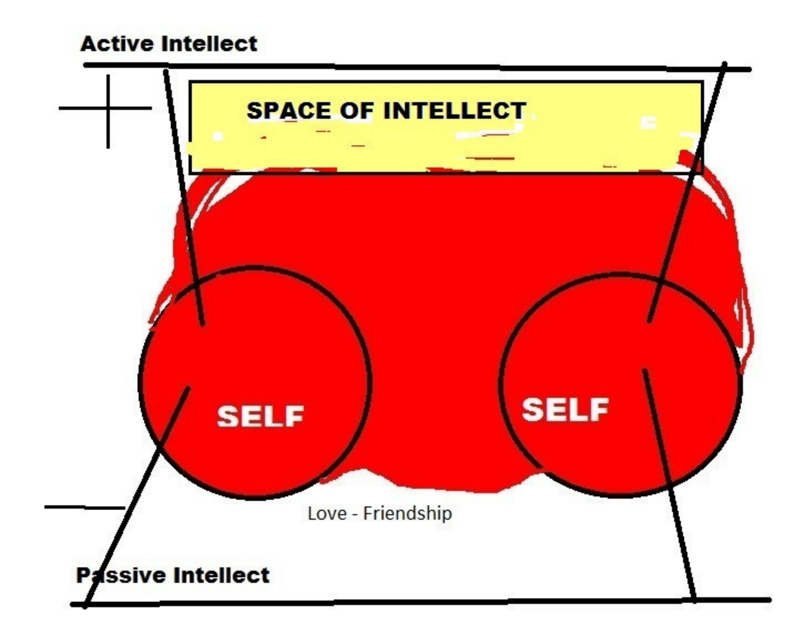
Духовная энергия нравственна, основана на научном контроле закона сохранения силы, Материальная энергия поля Эгозащиты основана на физическом контроле насилия. Все пороки и психические болезни, все войны и абсурд праздности, все «озверение» и «омертвение» в жестокости и садизме — всем этим человек обязан материальной энергии паразиту — полю Эгосистемы, которое разлагает поле Интеллекта духовной энергии.

Человек может взаимодействовать с миром через энергию Духа, то есть поле Интеллекта и Совести — и тогда все взаимоотношения человека — это Церковь братства и Святости

Человек может взаимодействовать с миром через энергию поля Эгозащиты, то есть мертвую и тупую (нет мышления или фиктивное мышление формальной логики) энергию насилия, — и тогда все отношения это садомазохизм, раболепие и господство, ложь и лицемерие, тщеславие и праздность, обжорство и разврат.

И здесь легко видеть решение вопроса о Тайне Пола: не биологическое единение оскверняет человека, биологическая энергия сама по себе никакого вреда не несет духовной энергии духу человека. Если это взаимоотношения Духа на уровне психической энергии, то единение плоти на уровне биологической энергии — есть Святой Брак, единение двоих в одном, освещенный на небесах. И наоборот, если это взаимоотношения поля Эгосистемы на психическом уровне, то на уровне биологическом это будет такой же садомазохизм и ненасыщаемый разврат, как все отношения материальной энергии психики.

И опять Первый и Второй завет Отца и Сына правы: и святой брак и безбрачие монахов имеют свой смысл, ибо когда еще нет контроля материальной энергии психики, поля Эгозащиты, лучше совсем воздержаться от отношений пола.

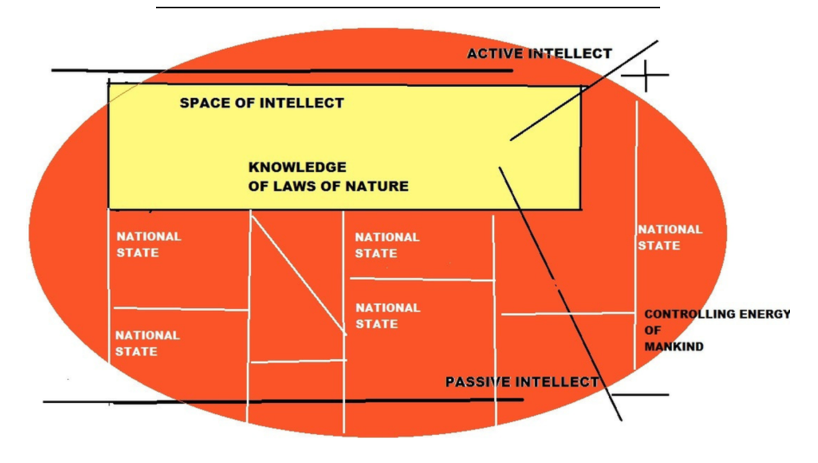

3. Тайна Трех — вопрос общественности. Как обеспечить победу Церкви над Государством, победу любовной общественности, единства Духа людей над машиной для насилия государства?

Ответ на этот вопрос уже существует в Государстве Платона Марка Аврелия — единственного кто воплотил девиз Платона (Пусть царствует гений!) в жизнь: Та общественность есть Церковь, которое основана на Законе Бога, а законы бога — это законы природы, и следовательно, Общество Естественного Права.

Почему не удержалась Церковь Марка Аврелия? Потому что было понимание Естественного Права как законов природы человека, но еще не было самих законов природы человека.

В том то и состояло Откровение Второго Завета, Откровение Сына, что он был «ранним фазисом» Откровения о законах пси-

хической энергии, переданных еще пока на поэтическом языке в притчах и через любовь к божественной личности Иисуса, ибо величие этого ангела в той неземной любви которую он умел внушать людям. Это пока мистическое Откровение, очень важное потому что входит непосредственно через энергию Духа, и учит людей что есть братство Церкви Духа. Но недостаточное, ибо законы природы есть категория интеллекта идолжны быть сказаны в формулах интеллекта.

И тут Третье Откровение Мережковского — Открытие Психической энергии в законах природы энергии Духа и ее борьбы с материальной энергией-паразитом психики. И теперь Церковь Естественного права Марка Аврелия получает свою законченность: есть и понятие Церкви как естественного права законов природы и сами законы природы как открытие психической энергии, Научная Революция Энергетика.

Значит, в Тайне Трех — вопросе общественности, который Мережковский ставит как бескомпромиссную войну Церкви с Государством, самое главное дать четкие определения Церкви и Государству на основе метафизики интеллекта и законов психической энергии (чего действительно в рамках Первого и Второго Завета еще сделать нельзя):

Церковь — это общественность основанная на естественном праве законов природы и значит, Церковь святого единства Духа и научного контроля (социализма)

Государство — это общество построенное на физическом контроле насилия и подчинения (садомазохизма материальной энергии-паразита, машина для насилия в определении Ленина), и значит человекоубийцы энергии Духа, и всего разумного и живого в человеке. Зверь Апокалипсиса.

Правовое Государство — переходная ступень между двумя этими состояниями, научным контролем церкви (естественным правом) и физическим контролем насилия Зверя (Левиафана). Это как правило Государство Нормативного Права, то есть придуманного человеком закона, вводимого силовыми институтами под угрозой наказания.

Очевидно, что наша цивилизация не только застряла на этом переходном периоде, но и дала сильный крен назад, в сторону возврата к Зверю физического контроля, потому что коррупция современных государств есть не что иное как игнорирование Нормативного Права с целью утверждения голого насилия господствующих классов = то есть утверждения физического контроля Зверя.

Вот почему как никогда актуален Крик Мережковского о том, что никакого компромисса между Церковью как господством Естественного права (закона бога, законов природы) и Государством как царством Зверя где господствует насилия быть не может. Ибо любой компромисс обратят на то, чтобы вернуть голое насилие Зверя.

Д. С. Мережковский «Революция и Религия»:

> «Имеет ли русская революция религиозный смысл?
> Для Европы и для самих русских пока заслоняется в ней все остальное великим смыслом общественным. Что это переворот не только политический, как все доныне бывшие европейские революции, но и социально-экономический, следовательно, небывалый в истории, уже и теперь, кажется, явно для всех. Именно в этом социальном значении своем русская революция есть продолжение и, может быть, конец того, что начали и не кончили революции европейские.

Во всяком случае, этим грозным девятым валом уносится Россия от всех берегов исторических; этим небывалым пожаром охвачено государственное строение, величайшее не только в пространстве, но и во времени.
Русское самодержавие уходит корнями своими через Византию, Второй Рим христианский, в Первый Рим языческий и еще далее, в глубину веков, в монархии Востока. Рушится здание тысячелетней древности, тысячелетней крепости, твердыня, которая служила оплотом всех реакций и о которую разбивались все революции. Последняя, глубочайшая основа этой твердыни, — не только социально-политическая, но и религиозная.
низвержение русского единовластия, имеет великий смысл религиозный. Для того чтобы понять этот смысл, следует рассматривать русскую революцию, как одно из действий и, может быть, именно последнее действие трагедии всемирного освобождения; тогда первое действие той же трагедии — Великая французская революция. Разумеется, глубокое недоразумение или бесстыдная ложь заключается в том, что какое бы то ни было современное государство считает нужным называть себя «христианским», связывать себя с именем и учением «Мертвого Жида», как Юлиан Отступник ругал воскресшего Господа. И те, для кого Христос — истина, должны бы радоваться обличению лжи и обнаружению истины о нехристианстве современной Европы; должны бы радоваться, что отныне Креста не будет там, где Крест — кощунство. И если католическая церковь не радуется отделению своему от государства, это свидетельствует о том, что она сама чувствует себя больше государством, чем церковью, и менее чтит истину, заключенную в ней, чем враги этой истины.
Римское папство и русское царство суть две попытки «теократии», т. е. религиозной политики, осуществления града Божиего в граде человеческом.
а в реальности наоборот: небесное поглощалось земным, церковное — государственным; глава государства становился главою церкви, кесарь несомненно-языческого Первого Рима — первосвященником сомнительно-христианского Третьего Рима.
Этот византийский уклон привел старую Россию к тому же, хотя с другого конца, к чему пришла и средневековая, католическая Европа, — к борьбе государства с церковью.
Обе эти ложные теократии двумя различными путями пришли к одному и тому же: западная — к превращению церкви в государство; восточная — к поглощению церкви государством; в обоих случаях — одинаковое упразднение Церкви, царства любви и свободы, царства

Божиего — государством, царством вражды и насилия, царством безбожия.

Православное самодержавие оказалось невозможным равновесием, реакцией в революции, страшным висением над бездною, которое должно кончиться еще более страшным падением в бездну.

Посеянное при Александре I в бескровном либерализме взошло при Николае I кровавою жатвою.

Религиозное и революционное движения русского общества, дотоле разъединенные, впервые соединились в Декабрьском бунте. Наиболее сознательные и творческие вожди декабристов — Раевский, Рылеев, кн. Одоевский, Фонвизин, барон Штейнгель, братья Муравьевы и многие другие вышли из мистического движения предшествующей эпохи. Подобно народным сектантам и раскольникам, все это люди «настоящего града не имеющие, грядущего града взыскующие», — другого града, другого царства, потому что и «другого Бога».

«Православного Катехизиса» братьев Муравьевых:

«Вопрос. Не сам ли Бог учредил самодержавие?

Ответ. Бог в области своей никогда не учреждал зла. Злая власть не может быть от Бога.

Вопрос. Какое правление сходно с законом Божиим?

Ответ. Такое, где нет царей. Бог создал нас всех равными.

Вопрос. Стало быть, Бог не любит царей?

Ответ. Нет. Они прокляты суть от Бога, яко притеснители народа, а Бог есть человеколюбец. Да прочтет каждый, желающий знать суд Божий о царях, книгу Царств, главу восьмую: Возопиете в то время из-за царя вашего, которого выбрали вы себе, но не услышит вас Господь. — Итак, избрание царей противно воле Божией.

Вопрос. Что же святой закон наш повелевает делать русскому народу и воинству?

Ответ. Раскаяться в долгом раболепствии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: да будет всем един Царь на небеси и на земли — Иисус Христос».

Прочтя это место, император Николай I написал на полях: «Quelle infamie! — Какая гнусность!»

Следовало совершиться всему, о чем декабристы не смели мечтать и что теперь на наших глазах совершается, — следовало разразиться русской революции, для того чтобы мы, наконец, поняли религиозное значение того, что высказано в этих забытых и никакого реального действия не имевших листках «Православного Катехизиса»; чтобы мы догадались, что здесь поставлен религиозный вопрос о власти так, как он никогда в истории христианства не ставился. Здесь впервые Благовестие, Евангелие Царствия Божия понято

и принято не как мертвая, идеальная и бесплотная отвлеченность, а как живая, действенная реальность, как основание нового религиозно-общественного порядка, абсолютно противоположного всякому порядку государственному. На обетование Христа пришедшего: Мне принадлежит всякая власть на земле и на небе

Историческим христианством принято Царство Божие только на небе, а царство на земле отдано «Князю мира сего» в лице папы-кесаря на запад или кесаря-папы на восток. Но ежели Христос не идеально и бесплотно, а реально и воплощенно есть Царь на земле, как на небе; ежели истинно слово Его: Се, Я с вами, до скончания века. Аминь, — то не может быть иного Царя, иного первосвященника, кроме Христа, сущего до скончания века с нами и в нас, в нашей плоти и крови, через таинство плоти и крови. Вот почему всякая подмена сущей плоти Христовой, сущего лика Христова человеческой плотью и ликом или только личиною, маскою — папою или кесарем, есть абсолютная ложь, абсолютное антихристианство. Кто может стать «на место» — вместо Христа, как не антихрист? В этом смысле, всякий «наместник» Христа — самозванец Христа, антихрист.

В «Православном Катехизисе» декабристов критикуется глубочайшее мистическое основание не только самодержавия, но и какой бы то ни было государственной власти. Да всем будет один царь на земле и на небе, — Христос — это чаяние русских искателей града грядущего неосуществимо ни конституционною монархией, ни буржуазной республикой, о которой мечтали тогдашние, — ни даже республикой социал-демократической, о которой мечтают нынешние революционеры; оно осуществимо только абсолютною безгосударственностыо, безвластием как утверждением боговластия.

Так, в первой точке русской политической революции дан последний предел революции религиозной, может быть, не только русской, но и всемирной.

Приходило ли, однако, в голову составителям «Православного Катехизиса», что он столь же не православный, как и не самодержавный? Русские святители не могли бы, конечно, не согласиться с мнением русского царя «Quelle infamie! Какая гнусность!» И согласились, действительно.

Так Царство Божие русский царь объявил «гнусностью», а русскую церковь — «крамолою».

Так Достоевский совершил полный круг своего развития: начал с революции политической, кончил революцией религиозной.

За что посажен в Шлиссельбургскую крепость Новиков, только помысливший о Царстве Божием; за что повешены декабристы, впер-

вые сказавшие: «да будет всем один Царь на земле и на небе — Христос»; за что объявлен сумасшедшим Чаадаев, который только и делал, что говорил: «да приидет Царство твое»; за что погиб Гоголь, бежавший из мертвого царства мертвых душ, — то самое сказано и в этом предсмертном завете Достоевского:

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать, и в конце своем должна явиться как царство на всей земле».

«Царство Божие» — озаглавил Л. Толстой произведение свое, посвященное проповеди религиозной анархии.

Он первый показал, какую неимоверную силу приобретает отрицание государства и церкви, делаясь из политического религиозным, показал место, где находится рычаг, которым может быть разрушено всякое государственно-церковное строение. Но сам не сумел взять в руки этот рычаг.

Толстой провозглашает анархию, Достоевский — теократию; Толстой отрицает государство как царство безбожно-человеческое, Достоевский утверждает церковь как царство богочеловеческое. Надо соединить отрицание Толстого с утверждением Достоевского, для того чтобы между этими двумя столкнувшимися тучами вспыхнула первая молния последнего религиозного сознания, последнего революционного действия.

Безмолвное недоумение Шлиссельбургского узника Новикова, младенческий лепет декабристов-мистиков, тихая молитва сумасшедшего Чаадаева, громкий смех Гоголя, неистовый вопль бесноватого или пророка Достоевского, подземный ропот слепого титана Л. Толстого, глас вопиющего в пустыне Вл. Соловьева — все они твердят одно и то же: да приидет Царствие Твое. У всех бессознательная стихия религиозная соединяется со стихией революционною. Но религиозное сознание и революционное действие соединились только на один миг, в одной точке обоих движений, в декабристах, и тотчас опять разошлись. Русская революция совершается помимо или против русского религиозного сознания; и это сознание развивается помимо или против русской революции. Революция без религии или религия без революции; свобода без Бога или Бог без свободы.

Нам предстоит соединить нашего Бога с нашей свободой, нам предстоит раскрыть единую мысль в обоих движениях; это — мысль о Церкви как Царстве Божием на земле: Да приидет Царствие Твое».

3. ПУТИНИЗМ: ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗВЕРЯ АПОКАЛИПСИСА

Мережковский решительно объявляет что Самодержавие и Православие Русского Царизма — есть Царства Антихриста, и — здесь он согласен с Толстым — даже в большей степени, чем римское папство, которое в Средние века по его слову очень много послужило делу свободы и истинной церкви через разделение церкви и государства.

Действительно, говорит Мережковский, если Христос значит Помазанник Божий, и если Евангелие четко говорит что власть на земле и на небе принадлежит Христу, то как назвать человека, который называет себя Христом, Помазанником Божьим и берет всю власть в свои руки? Только Самозванцем и Антихристом, говорит Мережковский. И отсюда выводит неразрывную преступную связь между самодержавием и православием: православие провозглашает человека помазанником божьим и сажает на место Христа самозванца.

Мережковский делает различие между Царством Зверя (Антихриста, Самозванца, Левиафана) и Правовым государством как переходным периодом на пути к Царству Божьему на земле, к победе Церкви. Если Царство Зверя есть самоцель которая поглощает живых людей и голое насилие личное воли Самозванца, то правовое государство только техническое средство, которое служит человеку на его пути к Царству Божьему. Если первое есть зоологический патриотизм национальной государственности, то второе движение к всечеловечности единого закона божьего. Действительно, правовое государство не есть произвол самозванца, оно хотя бы в теории, либо представляет волю большинства, либо права человека как зачатки естественного права (то есть научного контроля). Он говорит об этой разнице между государством-средством на пути к победе Церкви и государством-самоцелью Зверя самодержца в статье «Христианство и государство», отвечая на упреки кн. Е. Трубецкого в анархизме

Д.С.Мережковский «Христианство и Государство»:

«Христианство не преодолело государства; но и государство в христианстве утратило тот абсолютный смысл, который имело в язычестве, — перестало быть религиозной целью и сделалось эмпирическим средством.

Да, недаром и не случайно у моего критика это забвение церкви как реального пути к всечеловечеству. Ведь главная сущность всего старого порядка в России и есть поглощение церкви государством, превращение церкви в «департамент дел духовных». Петр, основатель русского абсолютизма, и основал его на этом именно смешении «кесарева с Божиим». Достоевский видел, что «русская церковь в параличе с Петра Великого»; но откуда паралич, не видел или не хотел видеть.

И напрасно, возражая мне, князь Е. Трубецкой ссылается на Достоевского, как будто я его не знаю: знаю и отрицаю именно здесь, в отношении к церкви.

То превращение государства в церковь, в котором Достоевский видит спасительное будто бы отличие «богоносной» России от «безбожной» Европы, — еще больший соблазн, чем превращение церкви в государство, папы в кесаря, которое, по мнению Достоевского, происходит в католическом Риме. Пока нельзя соединить, лучше отделить, чем смешивать. Отделение церкви от государства — вот если не последняя, то первая, если не богочеловеческая, то человеческая, но все-таки святая правда современной европейской культуры. А Россия не только не прошла через нее, но и не дошла до нее. Просвещенному христианину Запада, принявшему ту святую правду, показался бы кощунственным «истинно русский» вопрос князя Е. Трубецкого: возможно ли всечеловечество вне национальной государственности? Если оно невозможно, то церковь — «пустой звук», христианство — «пустой звук», Евангелие, благая весть о царстве Божием на земле, как на небе, — «пустой звук».

Понятно и правдиво подобное утверждение в устах откровенного язычника. Но удивительная необдуманность со стороны христианина — это исповедание Христа на словах и «Князя мира сего» на деле. «Если падши поклонишься мне, я дам тебе все царства мира». Так называемая «христианская государственность» или «государственное христианство» есть не что иное, как поклонение Христа «Князю мира сего».

Действительное отделение церкви от государства неизмеримо значительнее и глубже того, которое доныне происходило в истории христианства.

Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненацио-

> нальную, всечеловеческую правду, «Царство Божие на земле, как на небе».
> Всякая революция, достойная этого имени, утверждает — пусть на одно мгновение, на одной высшей точке своего подъема, но все-таки неизменно и неотразимо утверждает вненациональный и внегосударственный идеал, не менее, а может быть, и более, чем исторические церкви, вселенский, всечеловеческий, — тот идеал «свободы, равенства и братства», который ни в каком народе и ни в каком государстве осуществиться не может, т. е. в последнем счете утверждает «Царство Божие на земле, как на небе».
> Государственность — эмпирически-необходимое средство, но не религиозно-свободная цель человечества. Не человек для государства, а государство для человека. Когда же в относительной и преходящей правде национальной государственности утверждается, как делает князь Е. Трубецкой, безусловная и вечная правда всечеловечества, тогда из эмпирического средства государство становится мистическою целью, из доброго, домашнего животного, коня или вола — в хищного «зверя», в «самое холодное из чудовищ», по слову Ницше, в того «Левиафана», который уже не человеку служит, а человека пожирает. Религия государственности и есть не что иное, как поклонение «зверю».

Смысл возражений Мережковского не в том, что он совсем отрицает правовое государство, но в том, что он настаивает на том, что мы должны помнить о его временном характере как орудия переходного периода на пути от царства Зверя к Царству Божьему, к победе Церкви над Государством. Тот же вывод делает А. Тойнби в «Постижении истории» — о конечной победе Церкви как Царства Божьего над Государством Левиафаном. Близок ним Ж. Прудон в «Что такое собственность», где он уже точнее формулирует Царство Божье как правление научного контроля естественного права, и говорит о том что даже воля большинства правового государства есть только правление «многих королей вместо одного короля».

Нельзя забывать о переходном характере правового государства (нормативное право воли большинства) потому что Царство Зверя не дремлет, и будет пользоваться неустойчивостью этого переходного механизма (ни богу свечка, ни черту кочерга) с тем, чтобы вернуть абсолютизм самодержавия, то есть голое

насилие физического контроля пока не будет побеждено окончательно.

И действительно, путинизм есть самая откровенная демонстрация этого хамского нападения на все цивилизационные основы правового государства с тем, чтобы вернуть голое насилие физического контроля Царства Зверя — то есть Русско-византийского Самодержавия-Православия. В культовых книгах путинского режима — «Происхождение Суверенитета» И. Грачева и «Революция Консерваторов» В. Соловьева — прямо формулируются все положения о Государстве, которые Мережковский определил как Царство Зверя и как Царство Самозванца — Антихриста или Хама.

Действительно, там прямо утверждается, что глава российского государства есть Помазанник Божий, то есть возобновляется основной принцип «самодержавие-православие», который упраздняет все законы и конституции и оставляет только произвол личной воли Самодержца или Самозванца. Принцип верховенства закона и народный суверенитет высмеиваются как «юридическая фикция», не имеющая основания в действительности: субъект и объект власти не могут быть равны, — заявляет Происхождение суверенитета Грачева, — субъект правит, а объект, то есть народ — подчиняется». Так восстанавливается садомазохизм физического контроля — отношения насилия и подчинения. Государство объявляется священной самоцелью, которому жизнь народа приносится в жертву: люди служат государству, а не государство людям. Само название книги Соловьева — Революция Консерваторов — уже говорит о том, что правовое государство подверглось атаке «консерваторов» с тем, чтобы вернуть голое насилие физического контроля. Действительно, в Происхождении суверенитета (2018) прямо говорится, что прогресс — иллюзия, что нет движения вперед, есть только движение по кругу, что наша задача — возвратится в «золотой век» до научной, до рациональной цивилизации магического сознания, что рационализм погубил Античную Грецию и тп.

Вот почему идеологи Царства Зверя так привержены Социальному Дарвинизму, который формулирует основной закон жизни как выживание сильнейшего: действительно физический контроль материальной энергии психики есть поедание более сильными более слабых (садомазохизм). Об этом опять с поразительной проницательностью пишет Мережковский в статье «Красная Шапочка»: вы не обманете русскую интеллигенцию, предлагая ей волка в лице Великой России Царства Зверя вместо бабушки, Царства божьего, царства естественного права всего человечества.

Д. С. Мережковский «Красная Шапочка»:

> «Великая Россия для своего создания, — говорит Струве, — требует от всего народа, и прежде всего от его образованных классов, признания идеала государственной мощи». Этот идеал должен образовать «железный инвентарь нового политического и культурного сознания». Только государство и его мощь могут быть для настоящих патриотов путеводной звездой. Остальное — «блуждающие огни». Верховный закон государственной мощи для Струве определяется так: «Всякое слабое государство — добыча государства сильного». Надо есть других, чтобы не быть съеденным; народ народу — зверь. Этот закон природного, дочеловеческого, звериного бытия есть вместе с тем будто бы и верховный закон бытия государственного.
> Человек не зверь. Человек иногда не может не быть, но никогда не хочет быть зверем; не быть зверем и значит быть человеком. Уход от зверства и есть человечество. Так нам казалось; но вот оказывается, что все это революционная «романтика», «блуждающие огни», гнилые устои почти рухнувшей идеологии. Патриотизмом «великой России» должно отныне сделаться стремлением к новому, сознательному, оправданному культурному зверству, и это стремление должно образовать «железный», может быть, не только железный, но и кровавый «инвентарь нового культурного сознания» — почему же, однако, «нового», а не древнего? почему «культурного», а не варварского? Ведь именно безусловное принятие закона: слабый — добыча сильного, как закона верховного и единственного, восторженное преклонение перед зверством как перед абсолютной «мощью» и есть глубочайшая основа древнего варварства, пусть даже вечного и неизбежного, но с которым так же вечно и неизбежно вся человеческая культура борется.

> Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит «банальный радикализм» — я хочу быть банальным.
>
> Как ни субъективны эти мои признания, они для Струве не могут не иметь и некоторого значения объективного. Я — член того «образованного русского общества», которому он предлагает свой идеал. По мне может он судить если не о всех, то о множестве подобных мне. Та же соль, которою все море солоно, должна быть и в каждой капле.
>
> Ежели русская соль — государственность в том смысле, как ее понимает Струве, то я пресен, как родниковая вода».

Я, автор Научной Революции Энергетика, не раз писала об этой угрозе путинского режима как угрозе реставрации Царства Зверя Самодержавия-Православия, о которой пишут Мережковский, Толстой, Белинский, Герцен, Кропоткин и прочие «святые» интеллигенты России. И сегодня, я вновь обращаюсь к русской интеллигенции в этом очерке о Третьем завете Мережковского, великого вождя Русской Религиозной Революции — не дайте волку обмануть вас, не будьте красными шапочками, будьте великой русской интеллигенцией, которая несет Миссию Третьего Завета, Откровения Святого Духа.

ГЛАВА 2. МЕРЕЖКОВСКИЙ В ПОИСКАХ ЗВЕРЯ ГОСУДАРСТВА

1. Пророк Русской Революции Достоевский

2. Языческие Герои Мережковского: Сверхчеловек Ницше и проблема «раздвоенности»

3. Расшифрованная Илиада Л. Клейна: сила или слабость «культуры тщеславия» Гомера

1. ПРОРОК РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОЕВСКИЙ

Мережковский есть воплощение Воинствующей христианской церкви, несущей Духовный Меч Христа. Альберт Швейцер, Арнольд Тойнби подчеркивают в своих книгах эту сущность христианства как священной войны объявленной злу Христом: «Огонь принес я на землю и как томлюсь чтобы он уже возгорелся», «не мир я принес, но меч».

Как истинный христианин Мережковский несет духовный меч Христа в своих многочисленных сочинениях, единственная цель которых — найти зло, найти антихриста, найти Зверя Апокалипсиса и уничтожить его. Потому Русская Религиозная Революция — дело всей его жизни.

В статье «Пророк русской революции», посвященной Достоевскому, Мережковский казалось бы нашел очень четкие определения Добра и Зла, Бога и Дьявола, Христа и Антихриста в контексте исторической и социальной жизни людей, и столь же ясно и четко очертил Божий Меч, которым должен быть сражен Зверь, то есть зло дьявола воплощенное на земле.

Он говорит с большой определенностью о непримиримой вражде между Церковью и Государством. Церковь в этом опре-

делении — это христианское братство управляемое законами Христа, Евангелия, подобно братству Франциска Ассизского. И потому это законное царство Богочеловека, царство Божие, царство Христа. Государство — это царство Самозванца, где роль Бога, роль Христа принимает на себя либо самодержец, либо много самозванцев — воля большинства. И в том и в др. случае это царство ЧеловекоБога, то есть царство Человека который себя обожествил, поставил себя на место Христа, Помазанника Божьего, царство Антихриста, царство Хама и Самозванца.

Именно в статье о «религии Третьего завета Достоевского» «Пророк русской революции» Мережковский с особенной последовательностью и систематичностью противопоставляет понятия Церкви и Государства, Богочеловека и Человекобога как две непримиримые категории, как метафизическую борьбу Добра и Зла, воплотившуюся в земных формах. «Это война на жизнь и смерть», не устает подчеркивать Мережковский.

И именно Достоевский «отточил лезвие духовного меча» для этого последнего смертного боя со Зверем Апокалипсиса, с Человекобогом, с самозванцем Антихристом, который воссел на престол Божий в виде самодержца. Потому как Достоевский не устает подчеркивать в «Братьях Карамазовых», что нет и не может быть компромисса между церковью и государством, и что существом их взаимоотношений со времен Первого Рима была смертная война, и всегда будет смертная война, пока Церковь не победит окончательно Зверя Государства.

И стоит, говорит Мережковский, нам только понять этот Завет Достоевского, как мы становимся обладателями теократического сознания: самодержавие преодолевается теократий, православие преодолевается Третьим заветом Святого Духа (после заветов Отца и Сына), а народность (национализм) преодолеваются всечеловечеством, всемирным социализмом (как у Бертрана Рассела).

И тогда, продолжает Мережковский, религиозная революция народная станет тем камнем, пущенным из пращи Божьей, который сломит глиняные ноги Истукана — Государства Зверя, Государства Антихриста.

Здесь все логично, четко, непротиворечиво, и можно было бы использовать как Духовный Меч в борьбе со Зверем Государства, если бы не одно «но». Как нам разделить Богочеловека и Человекобога, если сам Мережковский так окончательно и не решил, в чем последняя цель их вечного противоборства: в смертном ли бою, из которого только один выйдет живым, или же в «божественной гармонии» и «синтезе тезиса и антитезиса». Ведь Человекобог Мережковского — это его Языческий Герой, которому так много внимания уделено в других произведениях автора. Это фундаментельный вопрос всего его творчества — «раздвоенность» культуры между Язычеством и Христианством, между языческими героями — полубогами и христианским Богочеловеком, между языческими антихристами и Богочеловеком Христом.

И если в статье «Пророк русской революции» Мережковский наконец со всей решимостью отказывается от попыток найти «синтез» и «гармонию» между Язычеством и Христианством, между Человекобогом и Богочеловеком, между Христом и Антихристом, и объявляет Человекобога — дьяволом и Зверем Государства, которого следует уничтожить, то он все таки не дает нам никакого теоретического обоснования своего вывода. Почему он в конечном итоге решает вопрос в пользу смертного боя, а не в пользу синтеза и гармонии, о которых столько было сказано раньше?

Мережковский как всегда прав, его гениальное чутье пророка его не подвело в его окончательном выводе о смертном бое между Человекобогм и Богочеловеком, однако, вопрос о теоретическом основании по прежнему остается открытым, и нам, Третьему Завету Научной Революции Энергетика, предстоит дать научное доказательство правоты Мережковского.

Д. С. Мережковский «Пророк Русской Революции Достоевский»:

> «Но может быть оба зверя борются только до тех пор, пока не соединятся для борьбы с общим врагом — с Агнцем. Тогда то снова в Третьем Риме, как некогда в Первом, «произойдет столкновение двух самых противоположных идей, которые когда-либо существо-

вали на земле», — ЧеловекБог встретит БогоЧеловека, Антихрист — Христа.

Достоевский вложил этот меч в наши руки. Сам он только и делал всю жизнь, что выковывал и оттачивал его, но не поднял в бою, потому ли что не успел, или не наступил еще срок для последнего боя.

Во всяком случае одна черта отделяет сознание Достоевского от нашего религиозного сознания — борьбы с Грядущим Зверем под личиной Господа Грядущего — в апокалипсических чаяниях и ужасах русского народа о самодержавии.

В его последнем величайшем и наиболее синтетическом произведении, в «Братьях Карамазовых»,, дана уже почти совершенная формула этого сознания; уже почти вскрывается неразрешимое противоречие между Церковью и Государством, как между абсолютною истиной и абсолютною ложью, Царством Божьим и Царством дьявола..

О смешении этих двух царств говорит недаром в первых же главах романа не кто иной как Иван Карамазов, ученик Великого Инквизитора, старцу Зосиме, ученику или учителю самого Достоевского.

«Церковь должна заключать в себе все государство, в не занимать в нем лишь некоторый угол, и если это теперь невозможно, то должно быть поставлено прямою и главнейшею целью всего дальнейшего развития христианского общества.... Таким образом не церковь должна искать себе места в государстве, а напротив всякое земное государство должно впоследствии обратиться в церковь вполне и стать не чем иным как церковью».

Ученый монах, о. Паисий, обостряет и доводит до конца эти мысли Ивана Карамазова:

«Не церковь обращается в государство. То Рим и его мечта. То третье дьяволово искушение. А напротив государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно противоположно Риму...»

«Церковь есть воистину царство и определена царствовать и в конце концов должна явиться как царство, на всей земле несомненно, на что имеем обетование...»

И старец Зосима подтверждает:

«Общество христианское пребывает незыблемо в ожидании своего полного преображения из общества, как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь. Сие и буди буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться»

И если Иван Карамазов допускает «необходимый еще в наше грешное и не завершившееся время компромисс», то старец Зосима возражает:

> «Церковь с Государством сочетаться даже и в компромисс временный не может. Тут нельзя уже в сделки вступать».
> Только этою непримиримостью меч Христов и заостряется до последней остроты для последней битвы со Зверем.
> Заострение этого серпа и есть теократическое сознание. Борьба между государством и церковью — борьба на жизнь и смерть. Всему, чему государство говорит абсолютное «да», церковь говорит абсолютное «нет». Как невозможен переход абсолютной лжи в абсолютную истину, дьявола — в Бога, так невозможен и переход Государства в Церковь. Возможен только переход общества в Церковь, и этот переход, естественная эволюция, действительно совершается во всемирно-историческом процессе. Теократическое сознание вскрывает неразрешимое противоречие между Государством и Церковью и постепенный переход эволюции становится революцией, история — апокалипсисом, самой разрушительной и убийственной для государства революцией. Религиозная революция — предельная и окончательная, ниспровергающая всякую человеческую власть, всякое государство в его последнем метафизическом основании. Это тот малый камень, пущенный из пращи Божьей, который разбивает глиняные ноги Истукана в видениях пророка Даниила. Это — та малая искра, которая взрывает пороховой погреб, так что не остается камня на камне. «Огонь пришел Я низвесть на землю и как томлюсь, чтоб он возгорелся» Будучи внутри себя величайшим порядком, властью, теократия будет казаться величайшим бунтом».

2. ЯЗЫЧЕСКИЕ ГЕРОИ МЕРЕЖКОВСКОГО: ПРОБЛЕМА «РАЗДВОЕННОСТИ»

«Он обнажает два вечные начала, — пишет Мережковский в статье „Трагедия целомудрия и сладострастия“ о Еврипиде, — „я“ и „не-я“, Аполлона и Диониса, его мощное и тонкое сознание, поднимающее его над стихийностью, и приближает к нему нас, людей с душами, едва пробудившимися к сознанию, еще такими же раздвоенными как душа Еврипида»

Это абсолютно гениальное диагностирование болезни нашей культуры, которая есть еще только зачатки цивилизации, и которая станет настоящей цивилизацией только с победой той религиозной революции о которой говорит Мережковский: с третьим заветом, который даст точные знания человеку

о его собственной душе, то есть с открытием психической энергии.

Надо сказать, что эта тема «раздвоенности» человеческой души как болезнь «только пробудившегося сознания» красной нитью проходит через все творчество Мережковского, определившего ее как противоборство языческого самоутверждения личности с одной стороны и христианского самоотречения с другой стороны.

Великая культура Древней Греции для Мережковского и есть культура Язычества. В ее основе он видит Героев –Полубогов Гомера, Самоутверждение «Я» Индивида с большой буквы, и словно бы не замечает, что параллельно с рождением личности и индивида в Греции происходило рождение коллектива, социализма, полиса, которые нашли отражение в «пифагорейских общинах», в социализме «Государства Платона», и наконец, в сплоченности древнегреческого полиса. Не замечает или не обращает внимания на «раздвоенность» Язычества между полюсами индивидуализма Героев-Полубогов Гомера с одной стороны и Социализма Государства Платона и пифагорейских общин. Потому что разлад между «культурой совести (саомопожертвование)» и «культурой тщеславия (самоутверждение я)» начался уже с первым пробуждением сознания в Греции. Это не разлад между Язычеством и Христианством — это разлад между двумя энергиями психики, и он имел место всегда. Просто Древняя Греции и Гомер поставили акцент на «культуре тщеславия» (культуре стыда), а Христианство противопоставило им «культуру совести» (культуру вины), объявив тщеславие пороком (справедливо). И эта борьба между Энергией Духа (Платонизм) и Энергией Эгосистемы (Полубоги Гомера) выразился в откровенной враждебности Платона к Гомеру, который вообще постановил что поэтов нужно изгонять из нравственного общества. И конец этой борьбы тоже известен: победа Энергии Эгосистемы во всем античном мире, как неудавшееся первое откровение, закончилась казнью Сократа в Греции «за оскорбление национальных богов» и распятием Христа в Риме с тем же обвинением.

Действительно, И. Суриков в книге «Пифагор» подчеркивает эту «раздвоенность» античного сознания в Древней Греции осевого времени К. Ясперса — эпохи, когда человечество в разных уголках земли получило свое первое откровение. Это раздвоенность между полем Интеллекта Духовной энергии и полем Эгосистемы магического сознания, которая обнажается с пробуждением разума, потому что разум как энергия Духа сразу становится в оппозицию к магическому сознанию (аборигены, как доказала антропология обладают только активным магическим сознанием, духовная энергия почти полностью пассивна). Энергия Духа — это энергия разума и совести, энергия этики и единства духа (социализма), в то же время энергия поля Эгосистемы — это энергия физического контроля, тщеславия, индивидуализма, конкуренции и войны.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности
> различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры
> на «культуры вины» и «культуры стыда». В первом случае регулятором
> поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно
> должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью.
> Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то,
> как его оценят другие. Главное — не «ударить в грязь лицом», чтобы
> не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной «культурой стыда». Само понятие «совесть», судя по всему, эл-
> линам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо,
> даже и слова такого в языке не существовало. Для грека превыше
> всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней
> самооценкой: доброта, милосердие, сострадание… Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко котируются воинская доблесть, величественность, щедрость — словом, то, что характеризует человека с «внешней стороны». А ведь
> именно эти гомеровские герои служили образцом для греков после-

> дующих эпох, особенно для аристократов».

И. Суриков «Пифагор»:

> «Религиозные воззрения эллинов
> к этому моменту были уже вполне сформировавшимися, в том числе и представления об Аполлоне. Двойником-антиподом этого «светлого бога» был Дионис, который являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия — экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX веке выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде «Рождение трагедии») видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал — «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу. Со времен Ницше в «эллинской душе» выявлена, наряду с «аполлонической», «дионисийская» сторона, иррациональная по самой своей сути. Борьба двух
> тенденций пронизывала буквально всё бытие:
> …Удивляться не приходится: повторим, в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, всё как бы «двоится» и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов. Парадигматичные фигуры Аполлона и Диониса, являющиеся в разнообразных обличьях… Да, две стороны было в античном эллинском мироощущении: светлая, солнечная, и темная, «ночная». Из этих двух сторон, естественно, первая больше бросается
> в глаза и гораздо лучше известна. Ведь именно с ней связаны самые главные достижения древнегреческой культуры, литературы, искусства, как бы лучащиеся ярким сиянием. Темную сторону своей души грек, судя по всему, старался подавить, вытеснить в подсознание.
> Но она то там, то здесь прорывалась, давала о себе знать».

Можно видеть, что Герои −Полубоги Гомера рождаются из «культуры тщеславия» (культуры стыда), и что их «Самоутверждение Я» есть тот болезненный «Сверхчеловек» Ницше, от которого Мережковский впоследствии так отчаянно открещивался. Более того, сами греки считали это «Самоутверждении личности, Я» которым Мережковский восхищался как проявлением героического начала в человеке, как силе духа против слабости, как «демоническому» гению, — сами греки, повторим, считали это

«сверхчеловечество» Гомера — болезнью и именовали «гибрис» (Hubris на английском языке, куда этот термин перекочевал в качестве отрицательного — высокомерие, надменность). И действительно, именно этот «Гибрис» в конечном итоге уничтожил Грецию в жесточайших междоусобных войнах и стал причиной ее унижения, слабости, полного ничтожества.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это «чрезмерное» акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин гибрис. Обычно это слово переводят как «спесь, наглость, гордыня», но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина «гибрис» описательно, то окажется, что это — дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово «гибрис» происходит от предлога гипер — «над». Греческое гипер — то же самое, что латинское супер. «Гибрис» — это стремление стать «суперменом», сверхчеловеком. «Гибрис» осуждался. Считалось,
> что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину...»

И. Суриков «Пифагор»:

> «во всем общественном бытии архаической (а впоследствии — и классической) Греции параллельно и отнюдь не всегда мирно сосуществовали коллективизм и индивидуализм. Это, в свою очередь, немедленно повело к острой борьбе за власть между лидерами. Борьба, которую вели друг с другом яркие личности, зачастую имела результатом многолетнее состояние непрекращающейся междоусобной смуты. А в ряде развитых полисов выделилась и восторжествовала над остальными «сверхличность» — тиран. Феномен греческой тирании был, без сомнения, порождением именно индивидуалистической тенденции в политической жизни. Индивидуалистические начала находили себе выраже-
> ние в духе состязательности, соревновательности, который пронизывал собой буквально все поры общества. Что бы

> ни делал эллин — воевал или писал стихи, принимал законы или ваял статуи, — он всегда соревновался, стремился быть первым, победить всех соперников, обрести славу.
> Оба злосчастья, о которых идет речь, были, по сути дела, «двумя сторонами одной медали» — они порождались отсутствием единства, по-
> стоянной борьбой. Проявлялась эта борьба и на внутриполисном, и на межполисном уровнях. Надо сказать, что почти каждое эллинское
> государство разъедалось междоусобной распрей, которую сами греки
> обозначали термином стасис. Соперничали друг с другом за власть и влияние, различные группировки аристократов; из этой конкуренции, как мы знаем, могли вырастать жестокие режимы тирании.

Так, Языческие Герои, Сверхчеловеки и Полубоги Мережковского оказываются теми Истуканами на глиняных ногах из книги пророка Даниила.

Все дело в путанице понятий о «Я» и «Самоутверждении Я», научного определения которых в самом деле не могло быть у Мережковского.

Две энергии в сознании человека означает два «Я» в его сознании — это и есть проблема «раздвоенности» личности и первичной культуры. Постановка этого вопроса как центральной проблемы нашей цивилизации с такой остротой и последовательностью — навсегда останется величайшей заслугой Мережковского. А решение вопроса, как он и предполагал принесло следующее откровение — научной открытие психической энергии.

Два «Я» в сознании человека — это ложное Я поля Эгосистемы (обозначим его как ложное Эго) и истинное Я поля Интеллекта. Таким образом, материальная энергия психики и духовная энергия имеют каждое свое Я — но только духовное Я истинно, тогда как ложное Эго есть мертвый и тупой паразит материальной энергии пожирающий ресурсу духовной энергии Интеллекта.

Уже видно, что нельзя ставить проблему раздвоенности личности как проблему «самоутверждения Я» и «самоотречения

от своего Я», потому что культуры тщеславия Языческих Героев есть «Утверждение Ложного Эго» и следовательно отрицание и разрушение Истинного Я Духа.

В то же время, «Самоотречения от Я» в социализме Духа также только иллюзия, рождаемая из единства духовной энергии всего человечества. Дружба, единство с близкими родными людьми — самое дорогое что есть у человека в жизни. Сегодня эта площадь очень ограничена за счет все еще побеждающего поля Эгосистемы и враждебности людей, тем острее чувствуется потребности в близкой дружбе. А. Маслоу, который изучает энергию Духа в исследовании «самых здоровых людей» (самоактуалов), особенно подчеркивает этот момент в личности его «подопечных»: сильная личность рождается одновременно с такой же способностью к дружбе. Вот только дружба эта избирательна: Дух может соединяться только с Духом, но никак не с энергией Эгосистемы. Дружба интеллектуалов в письмах Плиния, в воспоминаниях Герцена и Кропоткина, в жизни Толстого — это и есть та самая способность Духа быть одновременно сильной личностью и «настоящим братом» другим людям Духа.

В то же время «Сила» «самоутверждающего индивида» Языческих Героев оказывается «колосом на глиняных ногах» именно потому, что здесь речь идет об энергии Эгозащиты, об утверждении силы ложного Эго, которое всегда враждебно другим людям, а вовсе не об истинном Я человека. Это Абсолют Зла в человеке, поскольку в Языческих героях ложное Эго достигает своего максимума — своего обожествления — за счет фиктивного интеллекта. Это оторванный от действительности интеллект, который вместо того чтобы искать законы природы через факты жизни, заблудился и попал на поле Эгосистемы и видит весь мир через загрузки Эго и СуперЭго (как аборигены с магическим сознанием, которые видят природу как Тотемы). Этот фиктивный интеллект (формальная логика) называется в психиатрии шизоидностью («метафизическая интоксикация»). Вот этому кривому зеркалу Языческие Герои и обязаны своим статусом Полубогов

и Человекобогов, как говорит Мережковский (Сверхчеловеки Ницше). Теперь понятно, что такое ложное Эго утвержденное фиктивным интеллектом — истинный колос на глиняных ногах. И конечно, это воплощение зла, потому что поле Эгосистемы — это поле физического контроля насилия, которое не знает морали и этики. Оно «по ту сторону добра и зла» как Сверхчеловеки Ницше, потому что единственная цель — победа любой ценой, и «победителей не судят». Это «количественные» отношения насилия и подчинения, где важно только «количество абстрактной силы».

Об этом очень хорошо сказано у Кьеркегора в его знаменитой «Болезни к смерти», в которой он впервые дает определение шизоидности как «отчаявшемуся, заблудившемуся духу». Это все таки Дух, потому что порожден Интеллектом, но Дух смертельно больной, потому что он «уперся против Бога» встав на защиту Ложного Эго материальной энергии психики. И в конечном итоге, вместо всесилия — это абсолютное ничто, колос на глиняных ногах. Так, Кьеркегор разделяет здоровье «этического» от нездоровья «эстетического», подобно Платону указывая на опасность «быть поэтом» в фантазировании себе всесильного Эго. Для Кьеркегора ответ очевиден: христианство как религия Истинного Я ополчившаяся против «дьявола» Эгозащиты есть спасение «этическое», спасение духовное, от болезни «эстетического» упертости против бога, против своего истинного Я.

С. Кьеркегор «Болезнь к Смерти»:

> «И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее... И это понятно, поистине злое противоречие всегда, изогнувшись, упирается против того, что его поддерживает!
> Худшая из опасностей — потеря своего Я — может пройти у нас совершенно незамеченной, как если бы ничего не случилось. Ничто не вызывает меньше шума, никакая другая потеря — ноги, состояния, женщины и тому подобного — не замечаются столь мало.

То, что здесь недостает, это реальность, как это хорошо выражено в обычном языке, где можно услышать, что кому-то недостает чувства реальности. И вовсе не из-за отсутствия силы, по крайней мере в обычном смысле слова, это Я по ошибке забредает в возможное. Недостает, прежде всего, силы повиноваться, подчиняться необходимости, заключенной в нашем Я, тому, что можно назвать нашими внутренними границами. Несчастье такого Я состоит не в том, что оно ничего не добилось в этом мире, но в том, что оно не осознало само себя, не заметило, что его собственное Я есть четкая определенность, а стало быть, необходимость. Вместо этого человек потерял сам себя, позволив своему Я воображаемо отражаться в возможном. Нельзя увидеть себя самого в зеркале, не узнав себя тотчас же, иначе это не значило бы увидеть себя, но просто увидеть кого-то. А ведь возможное — это поразительное зеркало, в котором можно стать другой личностью. Это то, что можно назвать кривым зеркалом. Как тот рыцарь, о котором твердят легенды, который внезапно увидел редкую птицу и упрямо последовал за нею, полагая вначале, что ее нетрудно поймать...

Однако птица всегда ускользает к приходу ночи, а рыцарь, оказавшись вдали от своих, не может уже в своем одиночестве отыскать дороги, — таково же возможное желание. Вместо того чтобы перенести возможное в необходимость, желание преследует его, пока не собьется с дороги, ведущей к самому себе.

при ближайшем рассмотрении вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь в конце концов все здесь зависит он произвола Я.

Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит».

3. РАСШИФРОВАННАЯ ИЛИАДА Л. КЛЕЙНА: СИЛА ИЛИ СЛАБОСТЬ «КУЛЬТУРЫ ТЩЕСЛАВИЯ» ГОМЕРА

Всемирно известный российский археолог, Л. Клейн, в книге «Расшифрованная Илиада» высказывает полное убеждение в том, что эпос Гомера не песня победе, а плач поражения ахейцев в Троянской войне. Греки знали свою болезнь — Гибрис (Hubris Ego) — и оплакивали эту болезнь в Илиаде Гомера с тем, чтобы победить болезнь, победить смертную вражду греков друг к другу. Ибо истинный сюжет эпоса вовсе не Троянская война, которая остается только фоном, а ссора между двумя ахейскими героями полубогами — Агамемноном и Ахиллесом.

Действительно, греки по настоящему только один раз в своей истории были победителями: когда сплотились против нападения Персидской Империи. Именно эта сплоченность дала им возможность проявить всю силу духа, дарованную им Откровением Осевого времени и нашедшего отражение в той великой эллинской философии и искусстве, которыми восхищаются до сих пор. Однако, мы помним о раздвоенности первого пробуждения разума, первого откровения: была и оборотная сторона — шизоидность, фиктивный интеллект поля Интеллекта, который нашел свое отражение в философии циников, скептиков и софистов, которые отреклись от истины, отреклись от этики и уже тогда заложили основы теоретического оправдания зла — правоты сильного.

Однако, на деле это теоретическое оправдание Зла через Гибрис, через культ Человекобогов, эта культура тщеславия привела к всеобщей междоусобной войне греческих полисов, в конечном итоге погубившей их окончательно. Какие ранние истоки имеет эта вражда греков между собой можно судить по гомеровскому эпосу. Клейн утверждает в «Расшифрованной Илиаде», что это эпос о Поражении ахейцев в Троянской войне, который имел цели поучительные — предупредить ссоры ахейцев и междоусобные войны в будущем, способствовать сплочению Греции.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Для героического эпоса вообще притягательны военные поражения своего народа. Реальное историческое поражение ахейцев явно не вяжется с победным славословием Гомера. Но возьмем в руки Илиаду или Одиссею. Прочтем их повнимательнее — так, как историки давно уже прочли надписи Рамсеса Второго о битве с хеттами при Кадеше. Там за пышными самовосхвалениями проступает горькая правда о поражении. Обратимся к Гомеру. Чем оканчивается повествование в «Илиаде»? По сути ничем. Вся Илиада густо насыщена зловещими предчувствиями ахейцев относительно их собственного грядущего поражения, и это не может быть ничем, кроме по нечаянности не убранных остатков начального повествования, следов исторической реальности. Отблески грядущего поражения так многочисленно, что складываются в систему, охватывающую помыслы всех в Илиаде — героев, богов, судьбы.
> Сразу по взятии города Агамемнон и Менелай рассорились по пустячному поводу, Одиссей откололся от Менелая. Новая ссора развела Менелая с Нестором и Диомедом. Корабли разделились, флот рассеялся. Многие герои похода предпочли вообще домой не возвращаться. Главный герой коалиции вместе со своими сподвижниками был убит сразу же по возвращении. Коалиция распалась, и это было как бы прелюдией к страшной картине гибели ахейского мира.
> Для героического эпоса вообще притягательны военные поражения своего народа. Все компоненты такого же творчества налицо и в эпосе о Троянской войне Дальний романтический поход, сведенный в легенде из нескольких реальных и пришедшийся на конец золотого века ахейской экспансии. Ахейцы нападали на Египет, на хеттов, на Кипр, но именно этот поход закончился неудачей! А сразу же за тем — Темные века греческой истории, эпоха потрясающей национальной катастрофы, когда само выживание и сохранение народа было поставлено под вопрос. Тяжелые воспоминания о постыдной неудаче терзали участников экспансии, заставляли их снова и снова возвращаться к этому недавнему прошлому, чтобы хотя бы в своих рассказах задним числом «исправить» историю.
> Илиада — не о войне. Война в ней только фон и канва. Еще в главном веке ученые заметили, что главный герой поэмы — не царь Спарты Менелай и не его брат Агамемнон, верховный вождь ахеян, а юный царь небольшого царства мирдонян Ахилл. Сюжет поэмы — ссора двух ахейских вождей, Ахилла и Агамемнона, во время осады города. Причина ссоры, ее развитие и результат — этим определен стержень сюжета, этим обусловлены границ поэмы. Последствия ссо-

> ры оказались бедственными. Поэма не воспевает Ахиллов гнев, поэма его осуждает. Все заканчивается похоронами Патрокла и душевным обновлением Ахила. Чувство вины в смерти друга так потрясло Ахила, что сердце его смягчилось, и он согласился выдать тело Гектора отцу его, Приаму, для почетного погребения.
> По греческому миру ходило много подобных песен. В Илиаде перелагается рассказ об обиде и гневе Мелеагра, в Одиссее упоминается ссора Одиссея с Ахиллом на пиру, в Эфиопиде излагается ссора Одиссея с Аяком, закончившаяся самоубийством Аякса. Что породило всю эту серию однотипных песен о ссорах вождей на радость врагу? Прежде всего конечно, сама действительность. Какая же сила настоятельно обращала взоры поэтов 8—7 вв до н.э. на враждующих вождей? Какая сила подняла поэму о ссоре над сказаниями о ходе великой войны, даже над песнями о победе, развернула именно ее в грандиозную эпопею и сохранила на века?»

Л. Клейн показывает в своем исследовании, что это переломный момент в истории греков, когда культура тщеславия делает первые решительные шаги в сторону культуры совести, то есть от демонического утверждения индивида в войне всех против всех к духовному единению человечества в братстве, в единой совести товарищей, основанной на справедливости и сочувствии. Вот где уже обозначается первая борьба «язычества с христианством», как ее понимал Мережковский.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Какова была действительная причина перехода к новому варианту эпизода? Главное отличие — в ином отношении к нравственным ценностям, в иных идеалах. На первый план теперь выступает восхваление жалости, милосердия. Сострадание к человеку и милосердие чувствуются в «Похоронах Патрокла», где бывшие враги Агамемнон и Ахилл совместно хоронят Ахиллова друга.
> Историческое значение «Илиады» в призыве к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от складывающихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. Призыв прозвучал своевременно: за век два до самого опасного, персидского нашествия. И не пропал даром. Отстояв свою цивилизацию, греки сохранили для будущего мира разработанные наиболее полно для того времени основы демократии и культуру, в которой человек стал мерой всех вещей. Призыв к единению был естественным образом

> сопряжен в «Илиаде с прославлением взаимопонимания, сдержанности и человечности, и уже в ней самой это требование было распространено на контакты между народами, даже воюющими. Коль скоро так, этот призыв звучит злободневно и без малого три тысячи лет спустя — как обращенный ко всему человечеству в самый ответственный и опасный час его истории».

Клейн в этой связи подчеркивает, что поучительный пафос эпоса состоит в том, чтобы показать как велико было наказание главного героя, Сверхчеловека Полубога Ахилесса за его тщеславие. Последний отказался помогать грекам в войне против троянцев не простив Агамемнону личную обиду — отобранную у него пленницу и желал грекам поражения. В конечном итоге он поплатился жизнью самого близкого ему человека — друга Патрокла. Смерть Патрокла и глубокое огорчение Ахиллеса и составляют главную тему эпоса, считает Клейн, поскольку со всей очевидностью обнажают суетность тщеславия и великую правду истинной силы Духа — в дружбе истинного Я людей, в братстве разумных и благородных человеческих существ. Так, культура тщеславия с ее сатанизмом жестокости и всепобеждающего индивида выставляется гибелью народа и нравственной и духовной в том метафизическом плаче по другу Патроклу, который пронизывает всю Илиаду.

Л. Клейн «Расшифрованная Илиада»:

> «Трогательная дружба Ахилла и Патрокла с давних времен служит лучшим примером боевого союза двух героев и античного представления об идеальной дружбе вообще. Герой, оплакивающий друга, сравнивается со львом или львицей, у которой отняли львят. Ахилл долго отказывается похоронить друга, наконец, погребает, заливая прах медом и маслом. Во сне Ахилл пытается обнять тень Патрокла. Под Троей тень Патрокла печально посещает Ахилла. Все предрекают Ахиллу близкое следование в мир иной за Патроклом и сам он это чует. Ахилл знает, что вступаясь за Патрокла, он будет убит, но это не может его удержать.
>
> Тема Патрокла — это гимн беззаветной дружбе и в то же время реквием, ибо время дружбы скоротечно и друзьям суждена разлука навек. Патрокл погиб за друга, вместо друга и перед ним: вскоре погибнет и кратковечный Ахилл. Но пока он жив его терзает осознание

> безнадежности утраты и тяжести ошибок. Он предвкушал близкое торжество над ахейцами и упивался этим, не зная, что цена торжества — утрата того, кто был ему дороже всех. Чего стоят слава, дары и ненужная дева! Это тема суетности и величия, возмездия и раскаяния. Раскаяния — в чем? Возмездия — за что? Тут есть о чем подумать. Излишне и говорить, как важна эта тема для Илиады в ее нынешнем виде — поэмы о гневе Ахилла, о его злосчастной обиде, о ссоре с Агамемноном, выведшей Ахилла из боев, сделавшей его врагом ахейцев и предопределившей смерть Патрокла. Об этом гибельном междоусобном раздоре из-за несправедливости одного и обидчивости, болезненного самолюбия другого».

Как бы ни старался Мережковский, а в своем желании «синтеза и гармонии Язычества и Христианства» в поисках разящего меча против Зверя Государства он приходит к прямо противоположной цели: его меч разящий затупляется и на глазах плавится в кисельные берега неопределенности и путаницы.

Стоит только вспомнить героев его трилогии «Христос и Антихрист», где Мережковский на роль Антихристов приглашает Юлиана Отступника, Леонардо де Винчи и Петра Великого, видя в них начала «самоутверждающего я» противоположного слабости христианского самоотречения. Что же тогда получается?

Языческий Герой Гомера = Сверхчеловек Ницше = Человекобогу = Антихристу и значит равен Зверю Государства!

И где же теперь наш меч разящий? Ведь в конечном итоге в поисках синтеза между язычеством и христианством Мережковский приравнивает Христа и Антихриста. Кого разить и зачем? Вот почему провалилась его религиозная революция.

И видимо, осознав свою ошибку, он в статье «Пророк русской революции» проводит такую жесткую черту между Язычеством Человекобожества и Христианским Богочеловечеством, раз навсегда отвергая всякую мысль о синтезе между богом и дьяволом. И опять оттачивается меч, и опять виден Зверь, и вновь высвечена вся глубина метафизической пропасти между Христом и Антихристом.

ГЛАВА 3. «РАЗДВОЕННОСТЬ» МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. СЛАБОСТЬ ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин и Лермонтов — поэты Сверхчеловечества

2. «Слабость» христианского смирения Толстого и Достоевского

3. Ультрапурпуровый цвет религиозной революции социалистов-христиан

1. ДЕМОНИЧЕСКИЙ БУНТ ЛЕРМОНТОВА. КЛЕОПАТРА-ВАКХ ПУШКИНА

Все ту же «Раздвоенность» видит Мережковский центральной темой мировой и русской литературы. Раздвоен Гете и его Фауст между Язычеством и Христианством, раздвоен «Герой нашего времени» — Печорин Лермонтова, раздвоена поэзия Пушкина, воспевающего одинаково языческих героев и христианское смирение. И вот только безумный Ницше с одной стороны ставит вопрос об уничтожении христианства, и о полной победе язычества, а с другой стороны «возможно не менее безумный Толстой» ставит вопрос о полном упразднении язычества и торжестве христианства. В этой односторонности «безумии» Ницше и Толстого, тогда как великий гений Пушкина и Гете в их способности найти синтез и гармонию между Язычеством и Христианством.

В целом по Ницше и Толстому можно судить о двух противоположных направлениях западной и русской литературы: если демонические герои западной литературы несут свой бунт

до конца непримиренные, то русская литература напротив, выводит на сцену этих Героев Полубогов, чтобы в конечном итоге осмеять и смирить их гордыню, чтобы показать что зло в бесовстве гордыни, которая рождает Человекобогов. В этом Мережковский видит воспевание «слабости» в русской литературе в противоположность воспеванию силы романтических бунтарей западной литературы.

В этом смысле он хвалит Пушкина и Лермонтова, которые кажутся ему единственными кто несет знамя «самоутверждающего я» наравне с героями полубогами западной литературы, прославляя силу, а не слабость героя. Это поэты ницшеанского сверхчеловечества, и в их раздвоенности Мережковский видит «Богоборчество» на пути к религиозной революции и третьему завету. Вот такое в самом деле «ницшеанство», которое вначале его творчества внесло путаницу в его миросозерцание. Ибо как отделить святое богоборчество от обыкновенного сатанизма, которое тоже есть война с богом?

Мережковский в роли критика русской литературы противопоставляет Пушкина и Лермонтова как «поэтов Сверхчеловечества» — Толстому и Достоевскому, упрекая последних в прославлении христианского смирения. Для него это старая неразрешимая дилемма противостояния «Силы» Языческих Героев с их «самоутверждением Я» и «Слабости» Христианского смирения с его «Самоотречением».

В этом смысле он воспевает Пушкина за «синтез и гармонию» темы Язычества и Христианства в его произведениях, и прославляет «Демонический бунт» Лермонтова в статье «Лермонтов — поэт Сверхчеловечества», поскольку только в силе Языческих Героев Мережковский видит силу, способную подвигнуть общество на борьбу со злом, на борьбу со Зверем Государства.

В то же время, Мережковский не устает осуждать и порицать «христианское смирение» Толстого и Достоевского, их отказ от западной культуры, и видит в нем пропаганду «слабости» христианского самоотречения, которая ведет к соглашательству со злом.

Таким образом, знамя Революции он вручает Пушкину и Лермонтову, а Толстого и Достоевского считает тормозом на пути к Царству Божьему.

Д. С. Мережковский «Лермонтов — поэт Сверхчеловечества»:

> «Смирись, гордый человек!» — воскликнул Достоевский в своей пушкинской речи. Но с полной ясностью не сумел определить, чем истинное Христово смирение сынов Божиих отличается от мнимо христианского рабьего смирения. Кажется, чего другого, а смирения, всяческого — и доброго и злого, — в
>
> Если кто-нибудь из русских писателей начинал бунтовать, то разве только для того, чтобы тотчас же покаяться и еще глубже смириться. Забунтовал Пушкин, написал оду Вольности и смирился — написал оду Николаю I, благословил казнь своих друзей, декабристов:
>
> Забунтовал Гоголь — написал первую часть «Мертвых душ», и смирился — сжег вторую, благословил крепостное право. Забунтовал Достоевский, пошел на каторгу — и вернулся проповедником смирения. Забунтовал Л. Толстой, начал с анархической синицы, собиравшейся море зажечь, и смирился — кончил непротивлением злу, проклятием русской революции.
>
> Где же, где, наконец, в России тот «гордый человек», которому надо смириться? Хочется иногда ответить на этот вечный призыв к смирению: докуда же еще смиряться?
>
> И вот один единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся, — Лермонтов.
>
> Богоборчество Иова повторяется в том, что Вл. Соловьев справедливо называет у Лермонтова «тяжбою с Богом». «Лермонтов, — замечает Вл. Соловьев, — говорит о Высшей воле с какою-то *личною обидою*».
>
> Вл. Соловьев осудил Лермонтова за богоборчество. Но кто знает, не скажет ли Бог судьям Лермонтова, как друзьям Иова: «Горит гнев Мой за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб мой Иов» — раб мой Лермонтов.
>
> «Он не сатана, он просто черт, — говорит Ив. Карамазов о своем черте, — раздень его и наверно отыщешь хвост, длинный, гладкий, как у датской собаки».
>
> Вся русская литература есть, до некоторой степени, борьба с демоническим соблазном, попытка раздеть лермонтовского Демона и отыскать у него «длинный, гладкий хвост, как у датской собаки». Никто, однако, не полюбопытствовал, действительно ли Демон есть дьявол, непримиримый враг Божий.

> Хочу я с небом примириться,
> Хочу любить, хочу молиться,
> Хочу я веровать добру.
>
> Но для того чтобы этого достигнуть, надо принять, исполнить до конца и преодолеть христианство. Трагедия Лермонтова в том, что он христианства преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца.
>
> Замечательно, что во всей его поэзии, которая есть не что иное, как вечный спор с христианством, нет вовсе имени Христа.
>
> От матери он принял «образок святой»:
>
> Дам тебе я на дорогу
> Образок святой.
>
> Но этот образок — не Сына, а Матери. К Матери пришел он помимо сына. Непокорный Сыну, покорился Матери.
>
> Религия Вечной Женственности, Вечного Материнства уходит корнями своими в «мать сырую землю» — в стихию народную.
>
> Что такое Матерь Божия в народном всемирном христианстве? Не предчувствие ли в нем того, что за ним?
>
> Христианство отделило прошлую вечность Отца от будущей вечности Сына, правду земную от правды небесной. Не соединит ли их то, что за христианством, откровение Духа — Вечной Женственности, Вечного Материнства? Отца и Сына не примирит ли Мать?
>
> Не от «благословенного» Пушкина, а от «проклятого» Лермонтова мы получили этот «образок святой» — завет матери, завет родины. От народа к нам идет Пушкин; от нас — к народу Лермонтов; пусть не дошел, он все-таки шел к нему. И если мы когда-нибудь дойдем до народа в предстоящем религиозном движении от небесного идеализма к земному реализму, от старого неба к новой земле — «земле Божией», «Матери Божией», то не от Пушкина, а от Лермонтова начнется это будущее *религиозное народничество*».

И тем не менее, Достоевский был прав: Демон Лермонтова не более чем черт с хвостом длинным как у датской собаки. Самое обыкновенно Гибрис-Эго эллинского героя -демона, эллинского Человекобога, с его преклонением перед эстетическим в ущерб всему нравственному, всему этическому. Удивляешься, читая эти строки, в чем же собственно нашел Мережковский Святое богоборчество Лермонтова на пути к Третьему завету, который он здесь называет Заветом Матери, которая примирит предыдущие заветы Отца и Сына? В том ли «женская тема» Лермонтова, что он подобно всем Языческим Героям Полубогам

всегда заканчивающим самой банальной идолопоклоннической Влюбленностью в противоположный пол, тоже и в Демоне своем и в других произведениях ставит центральной темой глупости романтической влюбленности? Он развивает эту тему, упраздняя свое понятие Антихриста — Человекобога, как Зверя, который воплотится в самозванца на троне Христа в критике Толстого, объявившего войну язычеству:

Д. С. Мережковский «Толстой и революция»:

> «И не то же ли, что о героях Шекспира, мог бы он сказать о Прометее Эсхила, о Фаусте Гете, о Каине Байрона, о Заратустре Ницше, — о всех высочайших точках европейского гения, который по преимуществу есть гений личности, самоутверждающейся, бунтующей, богоборческой во временных путях своих, но в вечных целях Богосыновней?
> Побеждаемое отрицание как путь к побеждающему утверждению, язычество как путь к христианству, богоборчество как путь к Богосыновству — вот чего Толстой не видит — не видит и потому ненавидит, — отрицает всю культуру европейского, может быть, и не «христианского», но подлинно Христова человечества, ибо откровение Христа и есть откровение абсолютной личности.
> И во вселенской культуре, так же как в своем художественном творчестве, Толстой отдаляет себя от всех, утверждает себя против всех, порывает связь со всеми. Говорит всем: вы или я, вы все или я один. Самоутверждение личности, религиозное начало всякой революции, Толстым отрицаемое, заставило его отрицать и русскую революцию».

В очерке о преклонении Пушкина перед Языческими Героями Мережковский замечает, что Пушкин одинаково восхищается низостью аморальных поклонников силы и святостью христианского смирения, потому что и те и другие ищут бога. Да, но какого бога: Человекобога, который преступно обожествляет себя, становится Антихристом или Богочеловека, то есть Христа учащего отказу от суеты тщеславия? Пушкин воспевает безумного Наполеона, который заканчивает свою карьеру римского императора как всякий колос на глиняных ногах и развратную Клеопатру, демонический соблазн которой стоил трона Римской Империи и Цезарю и Антонию. Этот вопрос Мережковский оставляет неотвеченным, и этим перечер-

кивает свои поиски Зверя и затупляет свой меч в борьбе с ним.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «Религию жалости и целомудрия как философское начало, которое проявляется в разнообразных исторических формах — в гимнах Франци-
> ска Ассизского и в греческой диалектике Платона, в индийском ни-гилиз-
> ме Сакья-Муни и в китайской метафизике Лао-Дзи, — можно опре-де-
> лить как вечное стремление духа человеческого к самоотречению, к слия-
> нию с Богом и освобождению в Боге от границ нашего сознания, к нирване, к исчезновению Сына в лоне Отца.
> Язычество как философское начало, которое проявляется в столь же разнообразных исторических формах — в эллинском многобожии, в гим-
> нах Вед, в книге *Ману* и в законодательстве *Моисеяпь*, — можно опреде-
> лить как вечное стремление человеческой личности к беспредельно-му раз-
> витию, совершенствованию, обожествлению своего «я»,
> Поэзия Пушкина представляет собою редкое во всемирной литера-туре,
> а в русской единственное явление гармонического сочетания, рав-новесия двух
> начал — сочетания, правда, бессознательного по сравнению, напр., с Гёте.
> Мы видели одну сферу миросозерцания Пушкина; теперь обратимся к противоположной.
> Пушкин, как галилеянин, противополагает первобытного челове-ка со-
> временной культуре. Той же современной культуре, основанной на власти
> черни, на демократическом понятии равенства и большинства голо-сов,
> противополагает он, как язычник, самовластную волю единого — творца
> или разрушителя, пророка или героя. Полубог и укрощенная им сти-
> хия — таков второй главный мотив пушкинской поэзии.

Красота героя — созидателя будущего; красота первобытного человека —
хранителя прошлого: вот два мира, два идеала, которые одинаково привлекают Пушкина, одинаково отдаляют его от современной культуры,
враждебной и герою, и первобытному человеку, мещанской и посредственной, не имеющей силы быть до конца ни аристократичной, ни народнои, ни христианскои, ни языческой
Пушкин берет черты героизма всюду, где их находит, — так же, как черты христианского милосердия, потому что и те и другие имеют один и
тот же источник, основаны на едином стремлении человека от своей человеческой к иной, высшей, природе.

Любопытно, что русский нигилист, Раскольников, заимствовал у пушкинского Магомета эти слова о «дрожащей твари». Два идеала, преследующие воображение Раскольникова — Наполеон и Магомет, привлекают и Пушкина.

Более чем кто-либо из русских писателей, не исключая и Достоевского, Пушкин понимал эту соблазнительную тайну — ореол демонизма, окружающий всякое явление героев и полубогов на земле.

Однажды, беседуя при Смирновой о философском значении библейского и байроновского образа Духа Тьмы, Искусителя, Пушкин на одно
замечание Александра Тургенева возразил живо и серьезно: «суть в нашей душе, в нашей совести и в *обаянии зла*. Это обаяние было бы необъяснимо, если бы зло не было одарено прекрасной и приятной внешностью. Я верю Библии во всем, что касается Сатаны; в стихах о Падшем Духе, прекрасном и коварном, заключается великая философская истина».

«Обаяние зла», — языческого сладострастия и гордости, поэт выразил в своих терцинах, исполненных тайною раннего флорентийского Воз-

рождения142. Здесь Пушкин близок нам, людям конца XIX века: он уга-
дал предчувствия нашего сердца — то, чего мы ждем от грядущего искус-
ства.
Красота этих божественных призраков ближе сердцу его, чем «пол-
ные святыни словеса» строгой женщины в темных одеждах. Более всех
других привлекают отрока два чудесные творенья:
То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) — лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.
Эти два демона — два идеала языческой мудрости145: один — Апол-
лон, бог знанья, солнца и гордыни, другой — Дионис, бог тайны, неги и
сладострастия.
Оба время от времени воскресают. Последним воплощением дельфий-
ского бога солнца и гордыни был «сей чудный муж, посланник провиде-
нья, свершитель роковой безвестного веленья... сей хладный кровопийца,
сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари»146, — Наполеон. В самые
темные времена, среди воплей проповедников смирения и смерти, воскре-
сает и другой демон, «женообразный, сладострастный», — со своею песнью на *пире во время чумы:*
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы —
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие чумы!
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении чумы!

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог147!

Это упоение ужаса еще яснее выражено в *Египетских ночахш*. Клеопатра, бросающая поклонникам своим вызов: «...свою любовь я продаю:
скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою»149, является вопло-
щением демона Вакха в образе женщины. На вызов отвечают три мужа,
три героя — римский воин, греческий мудрец и безымянный отрок, «лю-
безный сердцу и очам, как вешний цвет едва развитый», с первым пухом
юности на щеках, с глазами, сияющими детским восторгом, столь невинный
и бесстрашный, что сама беспощадная царица остановила на нем взор с
умилением:

Свершилось! Куплено три ночи.
И ложе смерти их зовет.

Но рядом со смертью — какая нега, какая беззаботная полнота жизни, освобожденной от добра и зла:

Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампады.
Курится легкий фимиам
И сладострастные прохлады
Земным готовятся *богамт*.

Они достойны этого фимиама — избранники Диониса, герои сладострастия, ибо, увлекаемые безмерностью своих желаний, они преступили
границы человеческого существа и сделались «как боги».

В страстях самых низких Пушкин, которого в этом отношении можно сравнить только с Шекспиром, находит черты героизма и царственного
величия. Человек не хочет быть человеком: все равно, в какую бы то ни
было пропасть, — только бы прочь от самого себя.

Необходимым условием всякого творчества, которому суждено иметь

всемирно-историческое значение, является присутствие и в различных
степенях гармонии взаимодействие двух начал — нового мистицизма как
отречения от своего *«Я»* в Боге и язычества как обожествления своего
«Я» в героизме.
Дух Возрождения освободил язычество из-под гнета католицизма и в то же
время освободил родники христианского чувства из-под развалин и об-
ломков язычества, схоластики и варварской латыни166. Два мировых нача-
ла в первый раз встретились в духе Возрождения и вступили в живое
взаимодействие, в борьбу как два равноправных, равносильных бойца.
Достижимо ли полное примирение? Это — неразрешенный, быть может,
даже неразрешимый, вопрос будущего.
То, что Пушкин смутно предчувствовал, Гёте видел лицом к лицу.
Как ни велик *Фауст* — замысел его еще больше, и весь этот необъятный замысел основан на сознании трагизма, вытекающего из двойствен-
ности мира и духа, на сознании противоположности двух начал:
Из этого разлада двух стихий — *«двух душ, живущих в одной груди»*, возникает двойник Фауста, самый страшный из демонов, — Мефи-
стофель. Борьба Отца Светов с духом тьмы, борьба этих вечных врагов в
сердце человека, неутолимо жаждущем единства, — таков смысл траге-
дии Гёте. Небо и ад, благословения ангелов и проклятья демонов, христи-
анская мученица любви Маргарита и языческая героиня Елена, дух се-
верной готики и дух эллинской древности, сладострастные ведьмы на
Брокене и священные призраки умерших богов над Фессалийскою равни-
ною, самоубийство мудреца, достигшего предела знаний, и детская ра-

> дость пасхальных колоколов, поющих «Христос воскресе», — от на-
> чала
> до конца во всей поэме стихия восстает на стихию, мир борется
> с ми-
> ром — и над всем веет дух гармонии, дух творца поэмы»

2. «СЛАБОСТЬ» ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО

Однако, в конечном итоге Пушкин остается таким же слабаком, как и вся русская литература, которая не признала языческих героев — полубогов и терпит их на своих страницах только в показательно-воспитательных целях. Более того, Пушкин в конечном итоге изменяет своему благородному синтезу и дает крен в сторону христианского смирения: его Евгений Онегин — этот тот самый западный байронический герой с демоническим бунтом против Бога — заканчивает плачевно, проигрывая абсолютно героине христианского смирения Татьяне. Этим первым русским романом Пушкин задал направление всей русской литературе уверяет Мережковский, которая после него казнит на своих страницах западную языческую гордыню, жертвуя ею для победы христианского смирения.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «То, что нерешительно и слабо пробивается, как первая струя нового
> течения, в *Кавказском пленнике*, что достигает зрелости в *Цыга-
> нах* и *Га-
> лубе*, получает здесь, в заключительной сцене первого русского ро-
> мана,
> совершенное выражение. Пушкин *Евгением Онегиным* очертил гори-
> зонт
> русской литературы, и все последующие писатели должны были дви-
> гать-
> ся и развиваться в пределах этого горизонта. Жестокость Печорина и
> доброта Максима Максимовича, победа сердца Веры над отрицанием
> Марка Волохова, укрощение нигилиста Базарова ужасом смерти,
> смире-
> ние Наполеона-Раскольникова, читающего Евангелие, наконец, вся
> жизнь

> и все творчество Льва Толстого — вот последовательные ступени в раз-
> витии и воплощении того, что угадано Пушкиным106.
> «Я думаю, — замечает Смирнова, — что Пушкин — серьезно ве-
> рующий, но он про это никогда не говорит. Глинка рассказал мне, что он
> раз застал его с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: «вот
> единственная книга в мире — в ней все есть»»

С этих пор христианство русской литературы создает «бесконечную галерею портретов слабости, калек, неудач». «Если бы иностранец поверил Гоголю, Тургеневу, Гончарову, — говорит Мережковский — то русский народ должен бы представиться ему народом, единственным в истории отрицающим самую сущность героической воли». Однако, Ренан в «Истории Израильского народа» указал другой такой народ, который в основу своей священной борьбы и священной истории положил не только борьбу с государством, как Мережковский, но и борьбу «анавим с арицим», то есть святых покровителей слабых с элитой сильных, угнетающих народ.

Д. С. Мережковский «Пушкин»:

> «По-видимому, явления столь гармонические, как Пушкин и Гёте,
> предрекали искусству XIX века новое Возрождение, новую попытку при-
> мирения двух миров, которое начато было итальянским Возрождением
> XV века. Но этим предзнаменованиям не суждено было исполниться:
> уже Байрон нарушил гармонию поэта-олимпийца, и потом, шаг за шагом,
> XIX век все обострял, все углублял разлад, чтобы дойти наконец до по-
> следних пределов напряжения — до небывалого, безобразного противо-
> речия двух начал в лице безумного язычника Фридриха Ничше и, быть,
> может, не менее безумного галилеянина Льва Толстого.
> Тургенев создает бесконечную галерею, по его мнению, истинно русских героев, то есть

героев слабости, калек, неудачников. Он окружает свои «живые мощи» ореолом той самой галилейской поэзии, которой окружены образы Татьяны, Тазита, старого цыгана. Он достигает наивысшей степени доступного ему вдохновения, показывая преимущества слабости перед силой, малого перед великим, смиренного перед гордым, добродушного безумия Дон-Кихота перед злою мудростью Гамлета. У Тургенева единственный сильный русский человек — нигилист Базаров. Конечно, автор *Отцов и детей* настолько объективный художник, что относится к своему герою без гнева и пристрастия, но он все-таки не может простить ему силы. Поэт как будто говорит нам, указывая на Базарова и не замечая, что это вовсе не герой, а такой же недоносок, неудачник, как его «лишние люди», ничего не созидающий, обреченный на гибель: «вы хотели видеть сильного русского человека — вот вам сильный! Смотрите же, какая узость и ограниченность воли, направленной на разрушение; какая грубость и неуклюжесть перед нежною тайною любви; какое ничтожество перед величием смерти. Вот чего стоят ваши герои, ваши русские сильные люди!». Если бы иностранец поверил Гоголю, Тургеневу, Гончарову, то русский народ должен бы представиться ему народом, единственным в истории отрицающим самую сущность героической воли. Если бы глубина русского духа исчерпывалась *только* христианским смирением, *только* самопожертвованием, то откуда эта «божия гроза», это великолепие, этот избыток удачи, воли, веселия, которые чувствуются в Петре и в Пушкине?

Но это еще не последняя ступень. Гоголь, Тургенев, Гончаров кажутся писателями, полными уравновешенности и здоровья по сравнению с
Достоевским и Львом Толстым. Без того уже захудалые и полумертвые
русские герои, русские сильные люди — Базаров и Марк Волохов, оживут еще раз в лице Раскольникова, Ивана Карамазова, в уродливых видениях «бесов», чтобы подвергнуться последней казни, самой утонченной
адской пытке в страшных руках этого демона жалости и мучительства —
великого инквизитора Достоевского.

Последовательнее Тургенева Достоевский еще и в другом отношении:
он не скрывает своей славянофильской гордости, не заигрывает с культурою Запада. Эллинская красота кажется ему Содомом, римская сила —
царством Антихриста. Чему может научиться смиренная, юная, богоносная Россия у гордого, дряхлого, безбожного Запада?

Тем не менее как художник он ближе к Пушкину, чем Тургенев и
Гончаров. Это единственный из русских писателей, который воспроизводит *сознательно* борьбу двух миров. Великая душа Достоевского — как
бы поле сражения, потрясаемое, окровавленное, полное скрежетом и воплями раненых, — поле, на котором сошлись два непримиримых врага.

Кто победит? Никто никогда. Эта борьба безысходна.

Казалось бы — вот предел, дальше которого идти некуда. Но Лев
Толстой доказал, что можно пойти и дальше по той же дороге.

Лев Толстой есть антипод, совершенная противоположность и отрицание Пушкина в русской литературе. И, как это часто бывает, противоположности обманывают поверхностных наблюдателей внешними сходствами. И у Пушкина, и у теперешнего Льва Толстого — единство, равновесие, примирение. Но единство Пушкина основано на гармоническом

соединении двух миров; единство Льва Толстого — на полном разъеди-
нении, разрыве, насилии, совершенном над одной из двух равно вели-
ких, равно божественных стихий. Спокойствие и тишина Пушкина свиде-
тельствуют о полноте жизни; спокойствие и тишина Льва Толстого — об окаменелой неподвижности, омертвении целого мира.
Многознаменательно, что величайшее из произведений Льва Толстого развенчивает то последнее воплощение героического духа в истории, в
котором недаром находили неотразимое обаяние все, кто в демократии
XIX века сохранил искру прометеева огня — Байрон, Гёте, Пушкин, да-
же Лермонтов и Гейне. Наполеон184 превращается в *Войне и мире* даже
не в нигилиста-Раскольникова, даже не в одного из чудовищных «бесов»
Достоевского, все-таки окруженных ореолом ужаса, а в маленького по-
шлого проходимца, мещански самодовольного и прозаического, надушен-
ного одеколоном, с жирными ляжками, обтянутыми лосиною, с мелкою и
грубою душою французского лавочника, в комического генерала Бона-
парта московских лубочных картин. Вот когда достигнута последняя сту-
пень в бездну, вот когда некуда дальше идти, ибо здесь дух черни, дух
торжествующей пошлости кощунствует над Духом Божиим, над благо- датным и страшным явлением героя».

Д. С. Мережковский «Достоевский»:

«Байрон создал нового человека, новую героическую душу — в Корса-
ре, Чайльд-Гарольде, Каине, Манфреде. В то время в воздухе носились
семена, зародыши тех настроений, которые сумел выразить поэт.
Жюльен Сорель, — герой великого, но, к сожалению, мало известного в России романа Стендаля *Le Rouge et le Noir*32* — по духу родной

брат байроновских героев, хотя он создан совершенно самостоя-
тельно,
помимо влияния Байрона.
Манфред и Жюльен Сорель — родоначальники героев, наполнивших литературу XIX века, — отдаленные отпрыски их сложного генеало-
гиче-
ского дерева простираются до нашего времени.
и в Манфреде, и
в Раскольникове есть нечто мировое, вечное, связанное с основами
чело-
веческой природы и вследствие этого повторяющееся в самых раз-
личных
обстановках.
В герое Достоевского та же ненависть к толпе, тот же страстный протест против общества, как и в байроновских типах. Он тоже презира-
ет
людей, видит в них насекомых, которых «властелин» имеет право
разда-
вить. Пролив кровь, он тоже считает себя не виноватым, а только
непо-
нятым.
Хищное и гордое начало его природы возмущается. В сосредоточенной ненависти к людям он превзошел даже байроновских героев.
Этот тонкий и стройный молодой человек, с огненными черны-
ми гла-
зами и бледным лицом, внушает им почтение или даже суеверный
страх.
Простые люди видят в нем что-то *«демоническое»*. Соня прямо гово-
рит,
что «Бог его предал дьяволу»36. Человек из толпы, Разумихин, со-
знавая
его неправоту, преклоняется и почти трепещет перед ним. Как бай-
ронов-
ские герои, он обладает громадной силой, но тратит ее без пользы, пото му что он тоже слишком мечтатель, в нем тоже нет ничего прак-
тического,
он презирает действительность.
Автор не думает скрывать или прикрашивать его слабости. Он показывает, что гордость, одиночество, преступление Раскольникова про-
исхо-
дят не от силы и превосходства его над людьми, а, скорее, от недо-
статка

любви и знания жизни. Прежний грандиозный и мрачный герой сведен с пьедестала и развенчан. Корсар, Жюльен постоянно рисуются, как будто играют роль, наивно верят в свою правоту и силу. А герой Достоевского уже сомневается, прав ли он. Те умирают непримиримыми, а для него это состояние гордого одиночества и разрыва с людьми только временный кризис, *переход к другому миросозерцанию.*

В Раскольникове крайнее развитие личности, одинокой, мятежной и восставшей против общества, достигло последней границы — той черты, за которою или гибель, или переход к другому миросозерцанию. Он дошел путем ожесточенного протеста до отрицания нравственных законов, до того, что наконец сверг с себя как ненужное бремя, как предрассудок все обязательства долга. Он «по *совести* позволил себе кровь». На людей смотрит он даже не как на рабов, а как на гадких насекомых, которых следует раздавить, если они мешают герою. На этой ледяной теоретической высоте, в этом одиночестве кончается всякая жизнь. И Раскольников неминуемо должен бы погибнуть, если бы в душе его не было скрыто другое начало. Достоевский довел его до момента, когда в нем пробуждается подавленное, но не убитое религиозное чувство.

Автор покидает героя в ту минуту, когда он на каторге в Сибири задумался над Евангелием, еще не смея открыть его».

3. УЛЬТРАПУРПУРОВЫЙ ЦВЕТ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ СОЦИАЛИСТОВ-ХРИСТИАН

Но почему же в конечном итоге из демонического бунта Лермонтова революционера никак не получается (Лермонтов — революционер — это вздор, говорит Мережковский), а христианское смирение Достоевского и Толстого делают их Пророками и Вождями Русской Религиозной Революции?

Не потому ли, что Языческие Герои — это только колос на глиняных ногах, а истинное христианское смирение — это настоящая сила Истинного Я, духовной энергии Интеллекта. Те кто сохраняет абсолютную свободу в мышлении, подчиняясь только голосу разума и фактам действительности — самые отчаянные борцы за царство божие, обладающие единственной силой доступной человеку — силой интеллекта. Христианское смирение не есть отказ от борьбы, ибо христианство в своей суть есть борьба со злом. Христианское смирение есть отрицание суеты тщеславия, но только на этом пути отрицания ложного Я обретается сила истинного Я — сила духовной энергии человечества.

Поэтому нетрудно решить, за кем на самом деле сила, а за кем слабость: за теми ли, кто прославляет колос на глиняных ногах языческих героев полубогов, или за теми, кто ставит целью своих произведений показать всю иллюзорность «силы» суетного тщеславия, как это делает русская литература. И конечно, не Толстой и не Достоевский проявили слабость в своем христианском смирении, ибо нож интеллектуального анализа из разума заточен до абсолютной остроты: и тот и другой со свободой титанов режут и анализируют христианские догматы, доказывая тем самым что отказавшись от ложного Эго, они со всей мощью утвердили силу истинного Я — свободу мышления.

И в том что они сознательно отказываются от плодов современной им западной культуры опять сила, а не слабость, причем абсолютно согласная с мнением самого Мережковского, который провозглашает победу Материализма, позитивизма, скепти-

цизма, эмпиризма как сатанизм Грядущего Хама и абсолютного мещанства: «абсолютное мещанство — абсолютное свинство». Так в чем же провинились Толстой и Достоевский, если они видели этого Грядущего Хама дарвинизма до Мережковского и сознательно отвернулись от него, пользуясь все той же абсолютной свободой своего христианского смирения?

И вот Мережковский вынужден констатировать на практике тот факт, о котором пишет Ренан в «Жизни Иисуса», где он утверждает, что Евангелие Христа будет поднимать народы на освободительные движения пока однажды не победит церковь. И где Ренан пророчески предупреждает, что без Христа никакого социализма никогда быть не может, что социализм придет только вместе с Христовой церковью, а значит настоящие революционеры — это революционеры –христиане. О том же пишет П. Новгородцев, современник Мережковского, эмигрировавший как и он заграницу после революции в «Лекциях об истории философии права»: начиная с революции Кромвеля, затем Американской революции, которая стала источником Французской революции — все великие освободительные бунты поднимались теорией естественных прав человека, содержащейся в Евангелии.

Теперь нетрудно понять, почему в романе Достоевского сыщики много больше опасаются «социалистов –христиан чем социалистов –безбожников», и почему красные знамена революционеров –материалистов меркнут перед ультрапурпуровым цветом религиозной революции.

Д.С.Мережковский «Пророк русской революции»:

> «Один из слушателей беседы старца Зосима с Иваном Карамазовым, русский атеист и либерал, вспоминает слова сказанные ему в Париже «не то что сыщиком, а в роде управляющего целою командой политических сыщиков».
> «- Мы собственно, этих всех социал-анархистов, безбожников и революционеров, не очень то и опасаемся; мы за ними следим и ходы их нам известны. Но есть из них, хотя и немного, несколько особенных людей: это в Бога верующие и христиане, а в то же время и социалисты. Вот этих то мы больше всех опасаемся; это

страшный народ. Социалист-христианин страшнее социалиста-безбожника». Слова эти и тогда меня поразили, но теперь у вас господа, они мне как-то припомнились.
— То есть вы их прикладываете к нам и в нас видите социалистов? — прямо и без обиняков спросил отец Паисий».
Вопрос этот остается без ответа, а между тем это самый важный все решающий вопрос для религиозно-общественных идей Достоевского. Ответ, впрочем, для нас теперь уже ясен: конечно, старец Зосима, отец Паисий, Иван Карамазов, и сам Достоевский, с точки зрения не только французских и русских сыщиков, но и тех кого эти сыщики преследуют, — опаснейшие бунтовщики, революционеры и анархисты. Красные знамена политических восстаний бледнеют перед этим невиданным ультрапурпуровым цветом религиозной революции. Такова последняя сущность общественных идей Достоевского, которую проглядели одинаково как русские реакционеры, так и русские революционеры».

Д. С. Мережковский «Толстой и Революция»:

«ведь вся его собственная жизнь — не что иное, как вечный внутренний бунт, вечная внутренняя революция. Не должно ли, наконец, внутреннее слиться с внешним? Доныне бунтовал он за себя против всех; не начнет ли, наконец, бунта за всех против себя?
«Накиньте намыленную веревку на мою старую шею!» — что значит этот крик последнего одиночества, это обратное «моление о чаше»: да не идет чаша сия мимо меня?
Не задумается ли он, почему мимо него идет чаша, почему Голгофа для него в том, что нет Голгофы, крест для него в том, что нет креста? А для тех, кого он явно проклял и кому, может быть, втайне завидует, — тысячи крестов, тысячи «намыленных веревок»?
Откровение абсолютной личности, откровение Христа совершается во всех делах человеческих; но сейчас, в России, больше, чем во всем остальном, — в русском освобождении, которое ведь и есть не что иное, как освобождение, восстановление абсолютной личности в порабощенном и поруганном лице народа. Сейчас, в России, или нигде, или в освобождении — Христос. Или русский народ не несет креста своего, или этот крест — освобождение.
И Толстой не один, а только со всем русским народом сможет поднять свой крест.
Что он это сделает, особенно хочется верить сегодня, когда против воли других, против воли своей оказался он лучезарным средоточием русской свободы. Он осудил ее, она оправдала его; он проклял ее, она благословляет его; он развенчал ее, она венчает его. Сегодня

враги русской свободы — враги Толстого; друзья его — ее друзья. Сегодня он и она — одно. Хотят ли этого или не хотят, праздник Толстого — праздник русской революции.

Когда это поймет и он, тогда исполнится его желание: мы не только увенчаем его, как художника, но и пойдем за ним, как за пророком. Как пророк русского и всемирного освобождения, пока живо человечество, будет жив Толстой».

ГЛАВА 4. АНТИХРИСТ НЕРОН. РОЖДЕНИЕ ЗВЕРЯ ИЗ ПЕНЫ ЭЛЛАДЫ

1. АФРОДИТА-ЭРОС — ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА, ПОРОЖДЕННЫЙ ЭЛЛАДОЙ

Вот как много мы узнаем о греческой богине любви и красоты и в краткой сводке из Википедии: Рождена от «детородного члена», отрезанного у бога Урана и брошенного в море: из этой пены рождается богиня любви и красоты. Имеет мужа труженика, бога Гефеста, того самого который сделал для Ахиллеса его знаменитый щит, но сама бездельница по определению, способна и обязана внушать всем влюбленность и похоть, и не имеющая права работать (разделение труда между богами0олимпийцами). От мужа детей не имеет, но множество детей от связей с другими богами. Так, от знаменитого Бога Вакха имеет сына Приапа: «Испугавшись большого полового органа своего новорождённого сына Приапа, оставила его в лесу одного». Не только гулящая жена, но и отвратительная мать, не только бездельница, но и безумная: «Афродита первой бросилась с Левкадской скалы, чтобы излечиться от любви к Адонису». Адониса погубил ее другой любовник Арес, от которого Афродита родила самого знаменитого бога любви — Эрота. Она не только изменница, но и преступница, потому что тех, кто отказывается от ее раз-

врата она нещадно преследует и умерщвляет. Иными словами, согласно эллинской культуре «все хорошие девочки пойдут в ад», и это противоречит культуре иудейской и христианской.

> «Была безжалостна к тем, кто отвергает любовь. Помогая любящим, Афродита преследовала тех, кто пренебрегал её культом и отвергал любовь. Она была причиной смерти Ипполита и Нарцисса, внушила противоестественную любовь Пасифае и Мирре и наделила отвратительным запахом женщин с Лемноса. Афродита жестоко наказала Аталанту, которая хотела оставаться девственницей». Нам также сообщается, что «Согласно Евгемеру, Афродита — женщина, которая изобрела проституцию».

Наконец, это та самая богиня, которая внушила преступную любовь Парису и Елене, и спровоцировала этим эпохальную Троянскую войну, на которую прибыли все греческие государства того времени.. «Во время вызванного Эридой спора о том, какая богиня — Гера, Афина или Афродита — самая красивая, Парис принял решение в пользу Афродиты и отдал ей золотое яблоко. За это она пообещала Парису любовь Елены, помогла ему похитить её и следила за прочностью их союза, хотя Елена и бранила её. Во вспыхнувшей по этой причине Троянской войне Афродита защищала троянцев». Будучи бессовестной супругой, изменявшей своему мужу Гефесту с кем попало, она втягивает в свои безобразия и Елену, вынуждая ее бросить мужа Менелая и бежать с царевичем Парисом. Вот нравственный облик греческой богини любви и красоты, вдохновившей самых великих художников на создание шедевров знаменитого эллинского искусства. Поклонение Красоте и непревзойденные высоты в искусстве — таковы основные черты эллинской культуры.

Всем известно о великой роли Греции в становлении мировой цивилизации. На том пути «от мифа к логосу», на котором мы движемся к научной цивилизации, вклад Античной Греции с ее рационалистической философией Пифагора, Сократа и Платона оказался решающим в свое время наряду с другими народами откровения осевого времени. Об этом очень много сказано, и нет смысла повторять эти восторженные эпитеты опять. Ибо это так и есть.

Однако, я не помню, чтобы кто-нибудь указал и обратное влияние Греции, принесшей миру не только откровение от бога, но и тяжелую болезнь юного интеллекта, заблудившегося на поле Эгосистемы — шизоидность. Я много писала об этом в своих работах, но не припомню чтобы кто то еще поставил акцент на темной стороне влияния греческой культуры на цивилизацию. О «раздвоении» Греции пишуь со времен Ницше, который выделили две противоположные линии культуры: линию Аппонона (рационализма) и линию Диониса — Вакха (магического сознания варваров). Однако, мало кто наряду с положительным влиянием линии рационализма подчеркнул столь же отрицательное влияние вакхического начала в эллинской культуре, то есть ее закоренелого язычества. А ведь именно язычество победило в конечном итоге в древней Греции, казнившей Сократа за оскорбление Олимпийских богов в его рационалистической философии признававшей только одного бога — Интеллект, бога разума и совести, противного, как мы видели на примере Афродиты, ее любовников и детей, безнравственности вакхического язычества.

> «**Вакхана́лия** (лат. *bacchanalia*) — оргиастические и мистические празднества в честь бога Вакха (Диониса), шедшие с Востока через Грецию и распространившиеся сначала на юг Италии и Этрурии, а ко II в. до н. э. — по всей Италии и в Риме.
> В расширительном толковании — любое разгульное пиршество, оргия; в переносном смысле — широкий спектр состояний беспорядка, от мелкой локальной неорганизованности до газетной гиперболы, характеризующей широкомасштабный разгул своеволия, буйства и зачастую насилия в широких общественных масштабах».

Разве приходится удивляться, что Иудеи ответили восстанием Маккавеев на попытки насильно насаждать этот греческий культ бога Диониса (Вакха) в Иудее? А между тем, даже Ренан который сообщает об этом факте в «Истории Израильского народа», хоть и не одобряет насильственного насаждения какой либо культуры вообще, и в частности вакханалий, а все же общий тон его рассуждений — критика иудеев за то, что отказа-

лись от «солнца эллинской культуры». Ницше, разделив Греческую культуры на антитезу рационального и вакхического начал, становится, как известно на сторону вакхического начала. В то же время, римские писатели сатирики, о которых пишет в своем очерке К. Марта «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи», очень хорошо знали цену языческой культуре Греции, которую они противопоставляли истинной философии Сократа и Платона.

Гораций в своих сатирах высмеивает «Афродиту — Елену», чье величие в пагубных и низких страстях, губящих человечества, и в целом отзывается об «Илиаде» Гомера, которая воспевает войну и прелюбодеяние и жертвует им невинных и детей и дружбу — «безумием». В том же роде, в каком Л. Клейн пишет, что с течением времени именно «плач по Патроклу» как проклятие войны и низких страстей тщеславия и разврата становится главное темой эпоса.

Гораций, Книга 1 Сатира 3:

> Тут уклонились они от войны; города укрепили;
> Против воров, любодеев, разбойников дали законы:
> Ибо и прежде Елены велись из-за похоти бабьей
> Стыдные войны не раз; но все, кто в скотском порыве
> Рвался страсть утолить, от сильной руки погибали
> Смертью бесславной — как бык погибает, убитый сильнейшим

Гораций, Книга 2 Сатира 3:

> Молви, Атрид, почему хоронить не велишь ты Аякса?
> ≪Царь я — вот мой ответ!≫ — Ну, что ж! я — плебей, я смолкаю. —
> — Царь! за что же Аякс, сей герой, второй по Ахилле,
> Греков спасавший не раз, истлевает под небом открытым?
> Или на радость Приаму и Трое лишен погребенья
> Тот, кем их юноши были могил лишены в их отчизне?
> ≪Нет, а за то, что казнил он овец, восклицая, что режет
> Он Менелая, Улисса, меня!≫ — А когда ты в Авлиде
> Милую дочь, как телицу, привел к алтарю и осыпал
> Солью с мукою ей голову, был ли ты в здравом рассудке? —
> ≪Что за вопрос?≫ — Но безумный Аякс перерезал лишь стадо,
> Много ли в этом вреда? Ни жену он не тронул, ни сына:

Только Атридам, Атридам одним грозил он расправой —
Тевкру не сделал он зла, не коснулся он даже Улисса. —
≪Я же, чтоб ветер попутный судам от враждебного брега
Боги послали, хотел смягчить их той жертвенной кровью≫.
— Чьею? своею, безумный? — ≪Своей, но совсем не безумный!≫
— Всякий безумным слывет, которому ум затмевает
Призраков ложных игра, взметаемых пагубной страстью,
Гнев ли причиной тому или попросту глупость людская.
Пусть был безумен Аякс, поражающий агнцев невинных;
Но неужели ты сам разумен и чист от порока,
Если спокойно творишь преступления почестей ради?
Если б кто вздумал носить на покойных носилках овечку,
Шить ей, как дочери, платье, дарить ожерелья, служанок,
Куколкой, девочкой ласково звать и готовить для брака,
Верно бы претор ему запретил управленье именьем
И передал бы его хозяйство родным под опеку.
Ну, а если кто дочь настоящую вместо овечки
В жертву приносит богам, — ужели он в здравом рассудке?
Всюду, где глупость — там и безумие; где преступленье —
Там и припадок; а там, где погоня за хрупкою славой, —
Там помраченье ума, как от грохота ярой Беллоны!
Бросишь ли признаки страсти, все эти запястья, повязки,
Эти венки, как бросил их он, вином упоенный,
Только услышав случайно философа слово, который
В школе своей натощак проповедовал юношам мудрость!
Столь же разумный слуга между тем говорит: ≪Господин мой,
То, в чем ни меры, ни смысла, — никак под законы рассудка
Нам подвести невозможно. В любви ведь это и худо:
В ней то война, то последует мир. Но кто захотел бы
Сделать то постоянным, что переменно, как ветер
Или как случай, — это все то же, как если б он вздумал
Жить как безумный и вместе по точным законам рассудка!≫
Как? когда ты гадаешь и зернышки яблок бросаешь,
Чтобы попасть в потолок, неужели ты в здравом рассудке?..
Как? когда ты, беззубый, лепечешь любовные речи,
То умнее ль ребенка, который домики строит?
Вспомни и кровь и железо, которыми тушат сей пламень;
Вспомни Мария: он, заколовши несчастную Геллу,
Бросился сам со скалы и погиб; не безумец ли был он?
Если же это безумие ты назовешь преступленьем,
В сущности будет все то же, различие только в названье!

Ювенал, Сатира 3:

> «Высказать я поспешу, — и стыд мне не будет помехой, Что за народ стал приятнее всем богачам нашим римским: Я ж от него и бегу. Перенесть не могу я, квириты, Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев, Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком, Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами, Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок: Велено им возле цирка стоять. — Идите, кто любит Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах! Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом, Знаком побед цирковых отличил умащенную шею! Греки же все, — кто с высот Сикиона, а кто амидонец, Этот с Андроса, а тот с Самоса, из Тралл, Алабанды, Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу, В недра знатных домов, где будут они господами. Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их Как у Исея течет. Скажи, за кого ты считаешь Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь: Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник, Канатоходец, и врач, и маг, — все с голоду знает Этот маленький грек; велишь — залезет на небо; Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат, не фракиец, Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах
>
> Поверить легко, что не маска актера Женщина там говорит: настолько пусто и гладко Под животом у нее, где тонкая щелка двоится. Греков нельзя удивить ни Стратоклом, ни Антиохом, Ни обаятельным Гемом с Деметрием: комедианты Весь их народ. Где смех у тебя — у них сотрясенье Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого, Вовсе без скорби. Когда ты зимой попросишь жаровню, Грек оденется в шерсть; скажешь «жарко» — он уж потеет. С ними никак не сравнимся мы: лучший здесь тот, кто умеет Денно и нощно носить на себе чужую личину, Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга, Как он ловко рыгнул, как здорово он помочился, Как он, выпятив зад, затрещал с золоченого судна. Похоти их нет преграды, для них ничего нет святого: Будь то семейства мать, будь дочь-девица, будь даже Сам безбородый жених или сын, дотоле стыдливый; Если нет никого, грек валит и бабушку друга Все-то боятся его: он знает домашние тайны. Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимнасий, Слышишь, что говорят о проступках высшего рода: Стоиком слывший старик, уроженец того побережья, Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны, Друг и учитель Бареи, Барею угробил доносом. Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то Иль Протоген, иль Дифил, иль Гермарх, что по скверной привычке Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся; Стоит лишь греку вло-

> жить в легковерное ухо патрона Малую долю отрав, естественных этой породе, Гонят с порога меня, и забыты былые услуги»

Ювенал, Сатира 6:

> «С самых старинных времен ведется, мой Постум, обычай Портить чужую постель, издеваться над святостью ложа. Скоро железный век все другие принес преступленья, Первых развратников знали уже и в серебряном веке.
>
> Трагика любит. — Не жди, чтоб влюбились в Квинтилиана. Женишься ты, а жене настоящим окажется мужем Иль Эхион-кифаред, иль Глафир, или флейта-Амброзий. Ставьте подмостки в длину всех улиц узких, богато Лавром украсьте все косяки и дверные пороги: Лентула знатный сынок в своей черепаховой люльке Весь в Эвриала пошел иль в другого еще мирмиллона! Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком В Фарос бежала, на Нил и к славному городу Лага; Сам Каноп осудил развращенные нравы столицы: Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах, Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы, После же — странно совсем — и Париса забросила с цирком.
>
> Хуже всего, что супруга себя не признает красивой, Если не сможет себя из этруски сделать гречанкой, Из сульмонянки — афинянкой чистой: все, как у греков. Хоть и позорнее нашим не знать родимой латыни, Греческой речью боязнь выражается, гнев и забота, Радость и все их душевные тайны. Чего еще больше? Любят, и то — как гречанки! Простительно девушкам это; Ну, а вот ты — девяносто тебе уже скоро ведь — тоже Хочешь по-гречески? Нет, для старух эта речь непристойна, Сколько уж раз говоришь ты по-гречески так похотливо: «Жизнь ты моя и душа»; при всех произносишь, что было Только что под одеялом! Бесстыдно-разнеженный голос Похоть разбудит у всех, захватит, как пальцами; пусть же Перья спадут, и лицо твои годы выдаст, хотя бы Ты говорила нежнее, чем Гем, нежней Карпофора.
>
> Спросишь: откуда же гнусность такая и в чем ее корни? Некогда скромный удел охранял непорочность латинок, И небольшие дома не давали внедряться порокам Там, где был труд, где недолог был сон, и грубые рук Были от пряжи этрусской жестки, а к самому Риму Шел Ганнибал, и мужья охраняли Коллинскую башню. Ныне же терпим мы зло от долгого мира: свирепей Войн налегла на нас роскошь и мстит за всех побежденных. Римская бедность прошла, с этих пор у нас — все преступленья И всевозможный разврат; на наши холмы просочился Яд Сибариса, Родоса, Милета, отрава Тарента, Где и венки и разгул и где господствует пьянство. Деньги пре-

> зренные сразу внесли иностранные нравы; Нежит богатство, — оно развратило роскошью гнусной 300 Все поколение: нету забот у прелестницы пьяной»

Д. С. Мережковский игнорирует эту темную вакхическую сторону, завещанную великой греческой культурой, и понимает ее «язычество» как «самоутверждение я», которым следует восхищаться и которое следует заимствовать. А между тем, ведь так очевидно, что именно с этого Вакха-Диониса, Афродиты –Эроса начинается тот Грядущий Хам, тот Зверь Апокалипсиса, которого он увидит только в 20-м веке, и так и не сумеет идентифицировать. Попробуем восполнить этот пробел в пророчествах Мережковского. Ведь и Жюльен Бенда в своем знаменитом очерке «Предательство Интеллектуалов», где он тоже разоблачает Грядущего Хама Мережковского, тоже не сумел узнать Зверя в его зародыше в язычестве античной Греции, и выделяет только положительную, рациональную линию греческой культуры противопоставляя ее агностицизму и эмпиризму немецкого идеализма. Но разве не Греции -родина скептиков, софистов, агностиков, эмпириков, циников также как она остается родиной рационализма? Впрочем, Ж. Бенда все же отмечает, что «предательство интеллектуалов» против истины и этики началось еще в Древней Греции и нашло отражение в споре Сократа с Калликлом в диалогах Платона: Платоновский Сократ на стороне истины и справедливости, тогда как Калликл утверждает что все решает сила и целесообразность. Но замечает, Бенда, тогда позиция Калликла возбуждала всеобщее возмущение, а сейчас ей аплодируют.

Ж. Бенда «Предательство Интеллектуалов»:

> «Мы только говорим, что интеллектуалы, впавшие в такой фанатизм, изменили своему предназначению, ибо оно заключается в том, чтобы в противовес несправедливости, на которую обрекает народы поклонение земному, составлять корпорацию, поддерживающую единственный культ — культ истины и справедливости. Правда, эти новые интеллектуалы заявляют, что им неведомо, что такое справедливость, истина или другие ≪метафизические туманности≫; что для них истинное определяется полезным, а справедливое — обсто-

> ятельствами. Все это высказывал еще Калликл, с тем, однако, различием, что он возбуждал негодование влиятельных мыслителей своей эпохи. ...Можно отметить и такую инновацию интеллектуалов. До наших дней люди знали только два учения о связи политики и морали: по Платону, ≪мораль определяет политику≫, по Ма- киавелли, ≪политика не имеет никакого отношения к морали≫. Теперь они знают третье: ≪Политика, — назидает Моррас, — определяет мораль≫. Однако истинная новизна не в том, что людям преподносят эту догму, а в том, что они к ней прислушиваются. Еще Калликл объявлял, что сила — единственная мораль; но мыслящий мир презирал его. Воспитатели человеческой души, принимающие сторону Калликла против Сократа, — вот революция, которая, смею сказать, важнее всех политических переворотов»

Действительно, хотя и тогда эти дебаты Сократа с языческой Грецией закончились его казнью, в эпоху Ренессанса и Нового времени, именно движение Калликлов, разрушающих метафизику интеллекта Платона, его рационалистическую философию становится ведущим и оформляется в того Грядущего Хама торжествующего эмпиризма, позитивизма, материализма, агностицизма, цинизма, который вскоре вместе с утвердившейся парадигмой Социального Дарвинизма, станет уже не просто отрицанием Бога как истины и этики, но утверждением Анти – Бога, Сатаны в Сатанинской библии Ла Вея, основанной на положениях Социального Дарвинизма.

К. Марта в очерке «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи» рассказывает на примере обращения Диона Хризостома из софиста в философа о том, какая пропасть лежала между тщеславными и глупыми софистами с одной стороны и философами –платониками с другой стороны, определяя софистов и платоников как «зло и добро», как «безумие и разум» соответственно.

К. Марта «Философы и поэты –моралисты во времена Римской империи»:

> «В эту эпоху философия было своего рода религией, налагавшей по крайней мере добродетельную внешность. ...Мы ничего не говорим об их нравах, так как догадаться о них легко. Сердце слишком близко к уму для того, чтобы испорченность одного не пе-

> решла к другому. Невозможно было вполне предаваться легкомысленной игре ума, мелочной изысканности тщеславия, не отказавшись от истинного уважения к самому себе, и от гордости честного человека. Потому то их раздоры, зависть и скупость были так же известны, как их надменность, а их сладострастная жизнь была такова, что подала даже повод к появлению поговорки: жить как софист.… Мы видим у Филострата, Эвнапа чем сделалось красноречие благодаря отсутствию предмета: пустой декламацией, театральной игрой, с позами гистриона и блестящими одеждами, с женственным пением, словом, достойной забавой праздного и раболепного общества. Ничего великого и разумного не могло выйти из этих хотя и любопытных а подчас и трагичных, но смешных состязаний, так как ценою борьбы было лишь удовлетворение самолюбия, и так как самая борьба была не более как битвой двух тщеславий. ...Софистов узнавали по их распущенным нравам и надменным манерам, а философов по их достойному поведению и осанке. Вступление в философию было как бы назидательным обращением на истинный путь, выход из нее был каким-то позорным отступничеством.
> Это доказывается и счастливой переменой в жизни Диона, и противоположным
> примером некоего Аристокла, строгого и скромного перипатетика, дерзнувшего на старости лет сделаться софистом. Он объехал все театры Италии, чтобы участвовать в ораторских состязаниях, и приняв нравы своей новой профессии, огорчил всех честных людей своими беспутными выходками.
> Сам Дион с интересным простодушием рассказал о своем обращении. Трогательная исповедь, простота которой может нас удивить со стороны софиста, некогда напыщенного самим собой. Два он начал размышлять о совести и нравственности, он заметил что люди не более как безумцы, занятые тщеславием, деньгами и удовольствиями. Тогда он впервые увидел свое собственное безумие, замечает Дион с истинным смирением философа, который отказался от тщеславия софиста».

Мережковский упрекает Достоевского в том, что тот видит в красоте эллинского искусства «только Содом разврата». Однако, правда на стороне Достоевского, если великий свой талант греческие скульпторы поставили на прославление языческих богов, которые в действительности оказываются воплощением зла, Демоном Лермонтова, что «блистая неземною красой», одержим только порочными мыслями о развращении юных

дев. Не красота виновата в сатанизме греческого Диониса Вакха, Афродиты-Эрота, а тот факт, что красоту поставили на службу магическому сознанию поля Эгосистемы. Ибо, единственный дьявол — это материальная энергия психики, весь дьяволизм которой состоит в том, что она разрушает живую и разумную энергию духа — фундаментальную энергию психики человека. Поле Эгосистемы — самая обыкновенная детерминированная законами природы энергия, такая же как электрическая или механическая энергия например. И сама по себе никакого «зла» не представляет. Ее зло в том, что это паразит, который может существовать только за счет ресурсов энергии духа, поля Интеллекта человека. «Магическое сознание» поля Эгосистемы называется так не потому что действительно обладает какой то волшебной силой, а потому что это «кривое зеркало» чувственного восприятия, которое отражает только две фигуры — самого человека и весь остальной мир, как две противостоящие силы, Эго и СуперЭго. Такую картину дает физический контроль закона сохранения силы психики, порождая «магическое сознание» как фигуры Эго и СуперЭго — полюса силового поля материальной энергии. Что отражают эти две фигуры? Фрейд, который обнаружил их опытным путем в процессе анализа психики многих своих пациентов, отмечал что это прежде всего система: Эго и СуперЭго всегда вместе, и во вторых что это противостоящие фигуры, то есть на языке энергетики «плюс и минус силового поля». Что они отражают? Это количественная абстракция «силы», в которой все разнообразные энергии природы сводятся к единой количественной абстракции силового давления. Чье давление больше Эго или СуперЭго — таков смысл этого кривого зеркала физического контроля закона сохранения силы. Леви-Брюль в «Первобытном сознании» отмечает, что «страх сверхъестественных сил» есть доминирующая мотивация всего поведения аборигенов. Понятно, что «сверхъестественные силы» — это искажение информации о человеке и мире в кривом зеркале Эгосистемы как количественной абстракции всего двух сил, где весь мир противостоит человеку.

А страх — это реакция на картину, запускаемая законом сохранения силы психики, на картину силе Эго противостоит сила всего мира. Вот собственно как просто расшифровывается «магическое сознание» и как вовсе не сверхъестественен дьявол — материальная энергия психики.

Однако, для человека эта материальная энергия есть настоящий дьявол, поскольку она разрушает его разумную, живую, этическую, мощную энергию научного контроля — его духовную энергию. Конечно, этот процесс будет остановлен как только научный контроль духовной энергии будет иметь знания о механизмах материальной энергии психики (открытие психической энергии) и сможет нейтрализовать поле Эгосистемы через снятие эгозащиты (я много об этом писала в своих предыдущих монографиях). А пока, автоматизмы законов природы, которыми детерминирована материальная энергия, и есть то самое «бессознательное», чье угрожающее влияние на сознание человека было открыто Фрейдом.

Красота, сила, богатства — все это имеет значение и свою истинную ценность поскольку происходит из духовной энергии человека, из его способности к научному контролю, из его интеллекта и живых эмоций поля Интеллекта. Однако, с рождением настоящего интеллекта в Греции — родился и фиктивный интеллект, который вместо фактов действительности заблудился в кривое зеркало поля Эгосистемы. Такой интеллект — ложный, потому что видит своей задачей не открытие и контроль законов природы, а защиту Эго от СуперЭго — то есть вмешивается в автоматизмы материальной энергии (и ломает их, в этом тайна шизофрении). Это и есть философии Человекобога как у Ницше и подобных ему «языческих героев», которые противопоставляют себя всему миру и богу, в гордом Сатанизме или же в Сверхчеловечестве, или же в Дендизме, когда Красота становится целью вместо всесилия.

Таким образом, фиктивный интеллект превращает настоящую природу — ее красоты, ее разнообразные энергии — в количественную абстракцию силового давления кривого зеркала

Эгосистемы. То есть в безумие, которое разрушает прежде всего их самих.

Но это безумие всегда однотипно, потому что в его основе всегда один и тот же механизм: сводить весь мир к борьбе двух количественных абстракций силового давления: Эго как ложное Я и СуперЭго как ложное восприятие мира в виде противостоящего врага, которого надо уничтожить. Вот почему этому полю незнакома совесть и справедливость (этика) составляющие основу поля Интеллекта, где закон сохранения силы показывает человеку совсем другую картину: единство духовной энергии человечества в его взаимодействии (научном контроле) со средой.

Божественное Откровение (поле Интеллекта духовной энергии) великой греческой рациональной философии Пифагора, Сократа и Платона (и всех истинных ученых) породило великую культуру, эстетику, искусство и красоту. А Язычество варварского магического сознания поля Эгосистемы превратило эту красоту в Эгозащиту, в фабрикацию Полубогов и Человекобогов, Гибрис Эго, через фиктивный шизоидный интеллект, который тоже в это время получает свое развитие и будет развиваться вплоть до открытия психической энергии. Так рождаются одновременно и Богочеловк истиной рациональной философии и Человекобог шизоидной Эгозащиты, Бог и Дьявол в культуре человека.

Красота становится только орудием в борьбе Сверхчеловеков за свое превосходство, за победы друг над другом в тщеславной погоне за славой, становится той количественной абстракцией силового давления, которая выхолащивает до абсурда и бессмыслице все поведение человека. «Дендизм», который так метко раскритиковал Альберт Камю в «Бунтующем человеке» есть прямое порождение этого культа эстетики греческого язычества. Ему же поклоняется и Ницше, возродитель Диониса — Вакха.

Те же самые процессы происходят с государством и «богатствами» как продуктами труда человека. Они выхолащиваются до количественной абстракции в борьбе тщеславие за силовое давление друг на друга. Государство превращается в бога-Леви-

афана, в «машину для насилия», в самоцель или иначе в абсурд, как всякая мотивация поля Эгосистемы. «Богатства», которые на самом деле есть продукты труда и необходимое сырье для работы духа, научного контроля, также превращаются в самоцель, в количественную абстракцию денег, и также становятся объектом культа сами по себе, как красота и государство. Это тот «золотой телец», тот истукан на глиняных ногах материальной энергии психики, который получает свое рождение здесь, в шизоидности языческого Гибрис Эго.

Гений греков создал естественное право законов природы, которое получит свое развитие в философии Цицерона и в Римской Империи святого Марка Аврелия. Болезнь юного интеллекта, шизоидность Гибрис Эго создала (в теории Калликлов) государство как машину для насилия, который получит свое развитие в Риме безумных императоров, в Риме Антихриста Нерона, и в Левиафанах всех последующих сверхчеловеков язычества — в концлагерях Гитлера, в ГУЛАГах Сталина. Гений греков создал социализм государства Платона и пифагорейских общи и прославил этику как законы природы единого духа человечества — совесть, справедливость сочувствие и отражают единство истинного человеческого «Я», как мощной энергии научного контроля, сила которой в дружбе и в доступе к силе всех прочих детерминированных энергий природы. Болезнь юного интеллекта, шизоидность Гибрис Эго создала Сверхчеловеков поля Эгосистемы, которые на смерть сражаются за доказательство друг другу своего абсолютного превосходства во всем: в красоте, в силе, в деньгах. «Дендизм», тот демонизм эстетического противостоящего этике божественного, как ложное Эго истинному Я, над которым посмеялся Кьеркегор в «Болезни к смерти», в «Или-Или» станет развитием этого болезненного извращения красоты. Американское «общество потребления», станет развитием культа денег, где все человеческое получило свое выражение в количественной абстракции денег, и таким образом превратилось в абсурд, в поклонение истукану на глиняных ногах. Так что в конечном итоге правы те, кто искал раздеть Демона Лермонтова, «блистав-

шего неземной красотой», чтобы найти обыкновенного черта Достоевского «с длинным хвостом как у датской собаки».

2. ПРИТЯЖЕНИЕ САМОЛЮБИЯ И ВЛЮБЛЕННОСТИ, САДОМАЗОХИЗМ: ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Персидский Дьявол, как полная противоположность богу, как зло противостоящее добру, первая абстракция зла, которая потом будет заимствована в другие религии. Однако, он еще слишком абстрактен, чтобы оказывать большое влияние на культуру. Даже иудейский и христианский Сатана, который пришел туда из персидского зороастризма, если верить Ренану, тоже очень абстрактен. Он «отец лжи, человекоубийца» и тот кто искушал Христа земными царствами. Больше мы о нем ничего не знаем.

Зато Дьявол греческого язычества абсолютно конкретен, и в этом секрет его громадного влияния на человеческую культуру. Греческий Дьявол — Дионис-Вакх, Афродита-Эрос — это бог сладострастия, бог половой любви, чье божественное происхождение должна подтвердить «неземная красота». Вот что делает языческого дьявола греков таким живым.

Дело в том, что Поле Эгосистемы материальной энергии психики — это поле циклического гомеостаза двух эмоциональных притяжений — Самолюбия и Влюбленности. Что это значит? Все материальные энергии природы (детерминированные энергии), как доказывали Вильгельм Оствальд, Эрнст Мах, Гельм, — имеют в своей основе механизм баланса-дисбаланса, то есть циклического движения энергии, провоцируемого неравновесием между двумя противоположными величинами: разница температур, разница давлений, разница электрических зарядов. Это неравновесие провоцирует ток энергию в сторону равновесия — уравнивания температур, давлений, зарядов. И тогда ток энергии останавливается. И чтобы его возобновить,

надо возобновить состояние неравновесия. В этом смысл циклического движения равновесия –неравновесия, которому подчинены все материальные энергии. Оствальд в этой связи приводит даже примером с движением рек, текущих в моря — ведь это движение провоцируется разницей в высоте. Все течет через этот механизм циклического гомеостаза, кроме духовной энергии человека, чье движение обусловлено полюсами Интеллекта: Активный (мышление) и Пассивный (законы природы). Страсть к познанию есть двигатель духовной энергии, вот почему это единственный случай не кругового, а линейного движения и устойчивого равновесия: человек постигает законы природы, умножает свои знания. Сила духа растет и умножается, доступ к истине законов природы гарантирует устойчивое равновесие.

Совсем не то в случае с материальной энергией психики, с поле Эгосистемы в основе которой обычный циклический гомеостаз всех природных энергий. «Неравновесие» в данном случае ощущается как «голод». Неравновесие одинаково ощущается как «голод» и для биологической энергии и для психической энергии. На примере циклического гомеостаза биологической энергии мы можем приблизиться к пониманию поля Эгосистемы. Голод пищевой, голод половой, голод тепловой, голод кислородный — это двигатели биологической энергии. Неравновесие голода приводит в действие организм — поиски пищи, поиски тепла, поиски полового партнера. В этих циклах от голода к удовлетворению проходит вся жизнь животного.

Поле Эгосистемы действует по тому же принципу. Кривое зеркало магического сознания — сила Эго против силы СуперЭго — провоцирует «страх сверхъестественных сил» (у дикарей эти «загрузки СуперЭго природа, потому они поклоняются тотемам, у современных людей загрузки СуперЭго социальный мир, потому они поклоняются „авторитетам“, как доказали эксперименты Милграма). Так возникает „голод“ поля Эгосистемы: страх его движущий мотив. Если поле Эгосистемы показывает что Эго меньше чем СуперЭго — то возникает эмоциональное

притяжение Влюбленности (например у тех, кто на низших ступенях соцлестницы смотрит на верхние слои, „авторитеты“). Если поле Эгосистемы показывает обратную картину, что Эго больше чем СуперЭго в данном случае (если „загрузки СуперЭго“ у человека который смотрит сверху соцлестницы на тех кто обитает внизу), то возникает эмоциональное притяжение Самовлюбленности. Эти два притяжения взаимно необходимы друг другу, потому что это „голод“ поля Эгосистемы, который удовлетворяется противоположными притяжениями: Самовлюбленности нужны те, кто в нее влюблены, а Влюбленности нужны те, кто их подчинит и будет ими командовать. Это отношения насилия, „господства и подчинения“, садомазохизма, существо которых в циклическом равновесии-неравновесии поля Эгосистемы. Отношения эти всегда недолговечны, потому что „маски“ кривого зеркала Эго и СуперЭго» ложные, и когда образы господина и раба размываются, начинается поиск нового равновесия «господства и подчинения». Это те отношения, которые Фромм в «Человек для себя» и «Искусство любви» обозначает как отношения садомазохизма, как ложную любовь, как патологию психики. Здесь четко прослеживается аналогия с «голодом» и циклическим гомеостазом биологической энергии: садомазохизм в отношениях людей есть психическое поедание, уничтожение друг друга, существо этих отношений — насилие, жестокость, злорадство, убийство, эксплуатация. Это физический контроль мертвой энергии, который не знает совести и морали, а знает только закон количественной абстракции силы — чье силовое давление больше. Это «машина для насилия», как Ленин определил государство Левиафан, основанное на физическом контроле поля Эгосистемы. Поэтому этим людям так нравится Социальный Дарвинизм — он действительно весьма правдоподобно описывает сущность отношений людей с активным полем Эгосистемы.

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каж-

> дый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения».

В этой цитате из книги Бертрана Рассела «Борьба за счастье», которую я сама переводила, ставится вопрос о том, что голод «кровопийц» называется любовью. Действительно, мы привыкли слышать, что «все есть любовь». Синяки регулярно избиваемой жены — это любовь, торговля сутенеров проститутками — это любовь, разлагающий разврат последователей маркиза Сада — это любовь, и так далее и так далее. Так ли это? Если искать общее, то можно сказать, что все есть — «голод». Тигр который поедает косулю, несомненно, любит косулю, также как человек поедающий баранину (Рассел проводит эту аналогию в «Предложенных дорогах к свободе»). Кушая баранину, человек любит баранину, психически поедая человека ему подчинившегося, господин любит раба, а раб любит господина. Это механизм голода материальной энергии, и он одинаково работает и на уровне биологической энергии, и на уровне психической энергии. Шекспир в Отелло формулирует это так: «Мужчина брюхо, а жена — еда, он ее жрет и жрет», хотя конечно, может быть и обратная картина, чаще все таки именно мужчины поедают женщин, о чем писала Симона де Бовуар. Джон Стюар Милль в «Свободе женщин» также безапелляционно заявляет, что закон силы, который вроде бы перестал действовать со времен варварства, все еще

полностью сохранился в «своей главной цитадели» — в отношениях мужчин и женщин, и чтобы окончательно победить рабство, мы должны победить его в этой главной цитадели. Герберт Спенсер в «Социальной статике» пишет, что есть прямая пропорциональная зависимость между магическим сознанием варваров (аборигенов, дикарей) и «поклонением, благоговением страхом перед силой (awe of power), и что там где правит закон насилия, нет и не может быть морали, это всегда лживые, бесчестные и жестокие садисты.

Так должны ли мы называть все человеческие отношения «любовью» или мы должны строго разделять «голод садомазохизма» материальной энергии психики и любовь, или лучше скажем дружба, поскольку любовь еще долго будет нести смысловую путаницу, духовной энергии поля Интеллекта (живой и разумной, моральной энергии человека).

Итак, мы противопоставили «голод садомазохизма» — дружбе духовной энергии, как зло — добру, как бога — дьяволу, как мертвое — живому, как безумное — разумному.

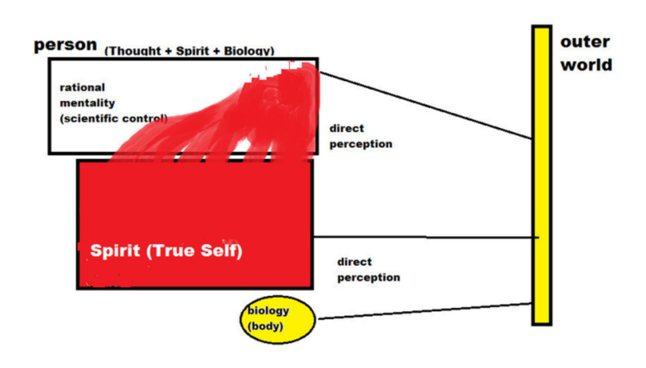
Как нам отличить одно от другого? Именно этот вопрос стоит в центре работы Эриха Фромма «Искусство любить». Там Фромм подчеркивает принципиальную разницу в том, что «садомазохизм» (это его термин) ложных отношений — это «fusion without integrity», то есть соединение без единства, соприкосновение без слияния, контакт на самой поверхности ложного «Я», который разделяет, а не соединяет истинное «Я» людей. Там же он указывает что садист (господин) так же нуждается в мазохисте (рабе) как раб в господине, то есть подчеркивает взаимодополняющий характер двух притяжений — Самолюбия и Влюбленности как частей единого циклического гомеостаза. Так же подчеркивает временный характер (цикличность) этих союзов, и одиночество партнеров, которые остаются всегда одни за своими масками (загрузки Эго). Фромм не забывает указать, что такая «невротическая мотивация» оказывает патологическое влияние в том числе на биологическую мотивацию человека, расстраивая отношения уже

на уровне половых отношений. Ненасыщаемость циклического гомеостаза, постоянно провоцирующего голод, и проявляется в неспособности увидеть и понять друг друга за масками поля Эгосистемы. Зависть, ревность, злорадство, взаимное мучительство, ложь, лицемерие, страх, — весь букет отношений на поле Эгосистемы и называется «соединением которое разделяет» или соединением ложных Эго и разделением истинных «Я».

И напротив, настоящие отношения людей — это всегда дружба, единство истинных «я», преодоление одиночества, искренность, моральные отношения совести и сочувствия, все то что Фромм называет «братской любовью», уверяя что братские отношения людей лежат в основе всех истинных отношений, в том числе эротических.

Теперь понятно, почему люди проглядели за языческим Дионисом-Вакхом, Афродитой — Эротом — безобразный облик Дьявола, и почему именно боги сладострастия стали самыми живучими богами в мертвой культуре дарвинизма. Проглядели потому что скрылись за священным именем «любовь» — к чему они не имели никакого отношения. Оказались столпами общества дарвинизма потому что это общество мертвой энергии поля Эгосистемы. А боги сладострастия — это дьяволы ненасыщаемого «голода садомазохизма», дьяволы порока и разврата, Содом и Гоморра, чье «сладострастие» во всем его сатанизме запечатлено в гимнах «преступлению» и «Проституции» маркиза Сада.

Именно тот факт, что поле Эгосистемы есть поле голода садомазохизма и отражен во всем мифологическом творчестве языческих богов Олимпа: их аморализм, их порочность, их преступность, их безмерное тщеславие, их ненасытная похоть. И все это до поры до времени скрывается в «романтике великой красоты», «великой силы», «великого наслаждения». Но далеко ли великой любви Афродиты с богами олимпийцами до современной американской проститутки, следящей чтоб соответствовать красоте Афродиты? И далеко ли Елене до Клео-

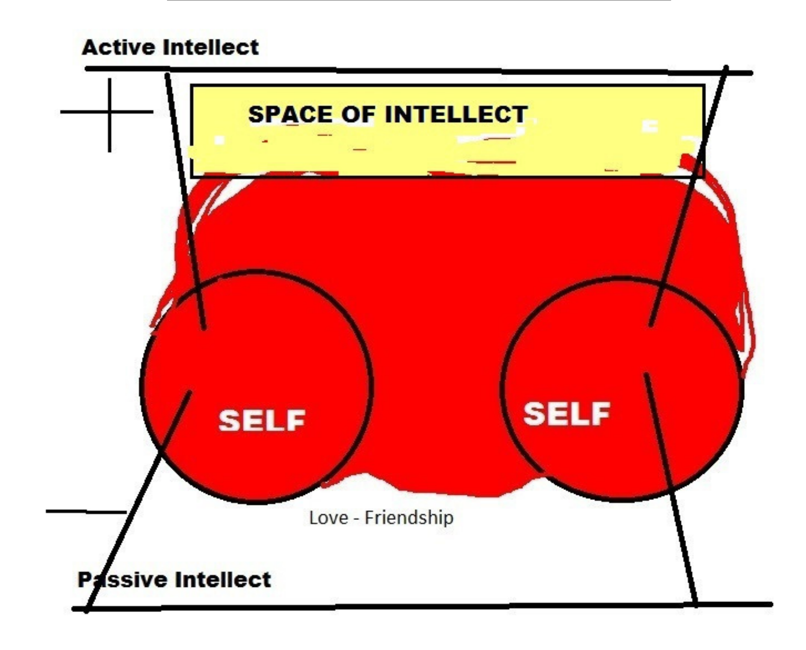
патры, погубившей Цезаря и Антония и наложившей на себя руки? Далеко ли от Дон Жуана, который заменяет великую любовь к одной на любовь к великому множеству женщин? И далеко ли от бескорыстной любви к великому множеству обиженных женщин до соединения поклонения красоте и деньгам, до торговли соблазненными женщинами? И вот уже основной закон государства маркиза Сада в действии — все обязаны заниматься проституцией. Не все ли проститутки в обществе, где все можно выразить в деньгах? И вот в итоге, демон неземной красоты Лермонтова — обыкновенный черт, а богиня сладострастия — истукан на глиняных ногах.

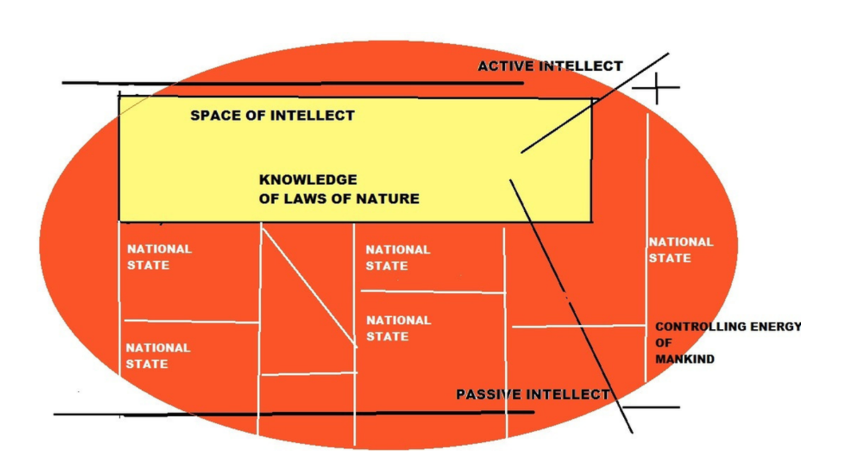
1) Поле Интеллекта: тайна одного, тайна двух и тайна трех

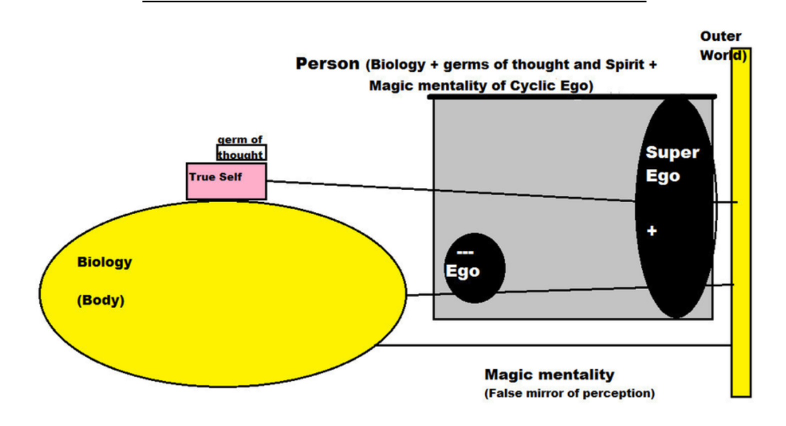
2) Поле Эгосистемы: тайна одного (обычное Эго магического сознания и Гибрис Эго фиктивного интеллекта), тайна двух, тайна трех

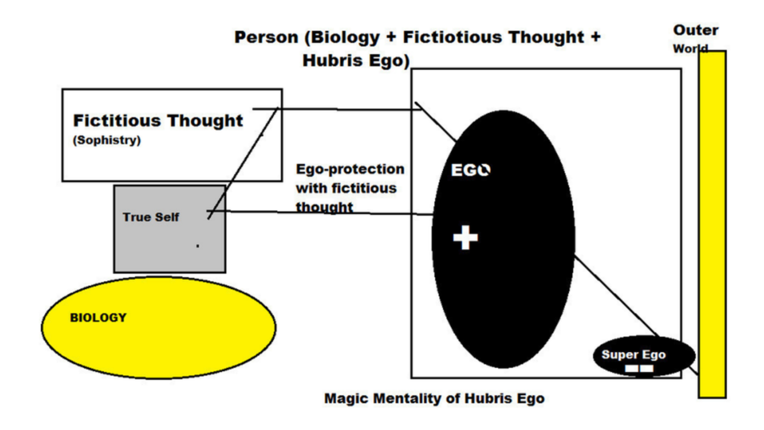
Э. Ренан «История Израильского народа»:

> «Таким образом у римлян, сделавшихся господами всего мира расцвело взяточничество не имевшее себе равных ни до ни после этого времени. Римляне того времени гиганты, но гиганты побежденные одной страстью, важные, жадные, слдострастные. Это золото, эти новые наслаждения вскружили им голову. Римляне и греки познакоми-

Active Intellect
SPACE OF INTELLECT
SELF
SELF
Love - Friendship
Passive Intellect

ACTIVE INTELLECT
SPACE OF INTELLECT
KNOWLEDGE
OF LAWS OF NATURE
NATIONAL STATE
NATIONAL STATE
NATIONAL STATE
NATIONAL STATE
NATIONAL STATE
CONTROLLING ENERGY
OF
MANKIND
PASSIVE INTELLECT

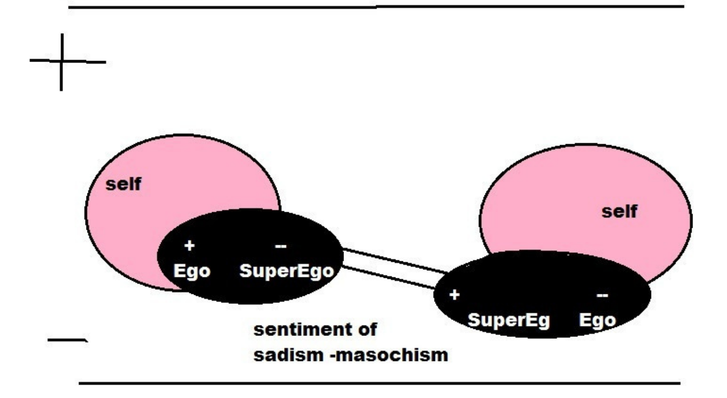

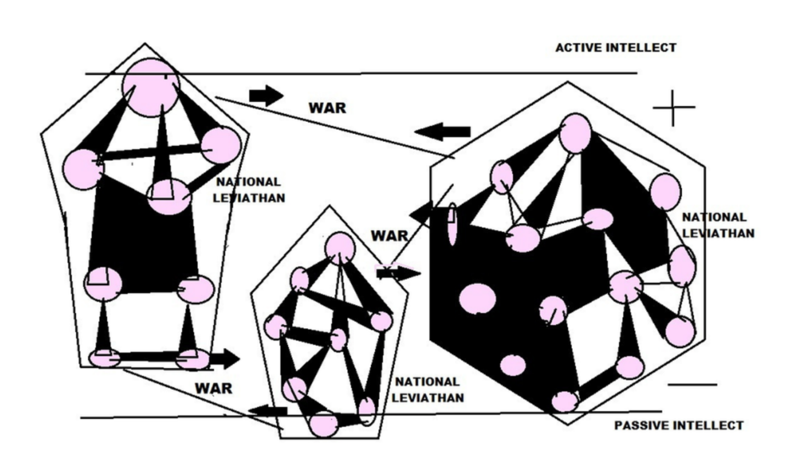

> лись с роскошью, римские генералы поддались искушению беспутной жизни. Антоний, в особенности, сделался настоящим идиотом. Этот человек, несравненный в сражении, казалось потерял рассудок. Его жизнь в продолжении десяти лет была лишена всякого смысла,. Она была сплошным развратом»

Гораций, Книга 1, Сатира 1:

> Очень много людей твердят, опьяняясь корыстью:

≪Мало нам, мало всего! ведь нас по богатству лишь ценят!≫
С этими что толковать! Пускай их мучатся вволю!
Был же в Афинах один скупец, богатый и гнусный —
Он презирал людскую молву, говоря о гражданах:

> ≪Пусть их освищут меня, говорит, но зато я в ладоши
> Хлопаю дома себе, как хочу, на сундук свой любуясь!≫
> Так вот и Тантал сидел в воде, а вода убегала
> Дальше и дальше от уст... Чему ты смеешься?
> Лишь имя Стоит тебе изменить, — не твоя ли история это?..
> Так ведь и ты над деньгами проводишь бессонные ночи,
> Их осужденный беречь как святыню; любуешься ими,
> Точно картиной какой!
> Все ненавидят тебя! Ты дивишься? Чему же? Ты деньги
> В мире всему предпочел, — за что же любить тебя людям?
> Если ты хочешь родных, без труда твоего и заботы
> Данных природой тебе, и друзей удержать за собою, —
> Тщетны надежды твои: с таким же успехом осленка
> Мог бы ты приучать к ристанью на Марсовом поле!

И вот уже Мережковский, который одинаково не мог принять, ни «государства силы» российского, ни «Общества потребления» западного, и чувствовал себя во Франции подобно Герцену и Солженицыну «угодило зернышко промеж жерновов», но подобно им оставался там, где больше свободы, видит в своих языческих героях, только «абсолютное мещанство и абсолютное свинство». Действительно, когда рушатся воздушные замки бредовых мифов о богинях сладострастия, о великой силе наслаждения и красоты, в голый остаток выпадает только разврат и свинство. Толстой в «Крейцеровой сонате» прямо говорит, что «Романтика» светских женщин также превращает все их поведение и стремления по сути, если не по внешности в проституцию, и что в этом смысле нет разницы между жизнью света и публичными домами, где все одержимы самолюбием и влюбленностью. Флобер, книги которого Толстой включает в «круг чтения», в «Госпоже Бовари» показывает то же безумие романтики, которое заканчивается смертью героини. Однако, в наше время целесообразности, когда культ денег соединился с культом сладострастия языческих героев — развращенных и изнасилованных женщин больше не убивают, х учат становится товарами «Общества потребления», ставить цену на свою «красоту» и гордиться ценником. Люди-товары в рыночной экономике исследуются в «Здоровом обществе» Фромма.

«Только подумай об этом вселенском мещанстве, — дважды цитирует письмо Герцена Мережковский в „Грядущем Хаме“, жалуясь на победивший дарвинизм, — и у тебя волы встанут дыбом». И у последнего действительно волосы становятся дыбом: вот уже от языческих богинь остался только истукан на глиняных ногах: абсолютное мещанство — абсолютное свинство.

Д. С. Мережковский «Цветы мещанства»:

> «Уходя с митинга, я попал из одной толпы в другую. На площади Республики по случаю воскресного дня устроено было гулянье, балаганы, карусели с музыкой. Ночь была тихая, теплая. Полный месяц стоял на безоблачном небе. Но в ослепительно белом, как бы дневном свете электричества гасло ночное светило. В одной из каруселей бегали вместо лошадок исполинские свиньи; хвостики закручены колечками; розовые голые тела как живые; оскаленные морды точно смеются, и в маленьких глазках лукавство, как будто что-то знают, да сказать не хотят. Музыка играла военный марш, и с быстротой головокружительной мчались верхом на свиньях мужчины, женщины, дети. Они тоже смеялись.
> И вдруг мне почудилось здесь то же, что там, на митинге: какой-то достигнутый предел, наступившая вечность, тишь да гладь, Божия благодать «Серединного Царства», «земного неба». Тоска, как во сне, сжала мне сердце. Что-то жуткое, вещее, как будто апокалипсическое, было в этой черной толпе и в свете солнц ночных, гасящих лунный свет, и в розово-голых, смеющихся свиньях» Что в одном, то и во всех; что наверху, то и внизу. Там, на площади Республики, в черной толпе и в розово-голых, смеющихся свиньях — глубокий чернозем, жирный навоз, а здесь — благоуханный цветок, как бы мистическая роза мещанства. Абсолютное мещанство — абсолютное свинство».

3. АНТИХРИСТ НЕРОН

В статье «Пророк русской революции» Д. С. Мережковский наконец произносит имена настоящих антихристов — безумных императоров Римской империи: Нероны, Тиберии, Калигулы. Ведь известно, что история Рима, как история Греции глубоко раздвоена: был великий Рим великих императоров — Цезаря, Августа, Веспасиана и Тита, Нервы, Траяна, Адриана, Антонинов,

Юлиана Отступника, Александра Севера, и был падший Рим, Содом безумных развратников — Тиберия, Калигулы, Нерона, Коммода, Каракалы, Гелиогабала.

Мережковский теперь четко указывает на языческих Сверчеловеков — императоров Содома — как на Антихристов. И здесь он наконец, соединяется с Эрнестом Ренаном, другим таким же неутомимым искателем Третьего Завета: они оба указывают на Нерона как Зверя Апокалипсиса и воплощение Антихриста, которое еще не раз появится на земле до победы Царствия Божьего.

Действительно, Нерон — это несомненное Гибрис Эго, шизоидность фиктивного интеллекта языческой культуры Греции. Он — «литератор», страстный поклонник греческой литературы, вырастивший в себе громадное Гибрис Эго языческих Человекобогов — Олимпийцев. Он безумен в своих поисках всемирной славы артиста и литератора, он добивается поездки в Грецию для обретения этой славы великого Олимпийского Бога и получает ее. И наконец, он же подобно Вакху и Афродите, великий бог сладострастия, который не останавливается ни перед одним преступлением, ни перед одним извращением, чтобы насытить раздутое тщеславием пламя сладострастия, которое остается вечно ненасыщаемым.

Это именно тот человек, с которого святой Иоанн напишет Зверя Апокалипсиса, ибо это он прольет реки крови христиан, подвергнув их невиданным дотоле зверствам. Именно тот Антихрист, который со всей очевидностью скажет людям всей своей жизнью: нет и не может быть середины, синтеза между языческими героями красоты, силы и наслаждения с одной стороны и благочестивыми людьми единого бога разума и этики с другой стороны, — будь то бог-интеллект Платона и Сократа, Ахура-Мазда Заратустры, Яхве иудеев или Иисус у христиан. Олимпийские боги красоты и сладострастия — машины для насилия, чье величие в количестве побитых и изнасилованных, а благочестие единого бога разума и совести — напротив в игнорировании силы ради силы, в отсутствии «голода садомазохизма» и в стрем-

лении к единству братского духа в церкви дружбы и научного контроля.

1) НЕРОН — БЕЗУМНЫЙ АРТИСТ –ЛИТЕРАТОР, ПОКЛОННИК ГРЕЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ

Э. Ренан «Антихрист»:

> «Бешеное помешательство Нерона дошло до своего апогея. Это было самое ужасное из событий, какие видал мир. Мир находился во власти чудовища. В отношении Нерона это было нечто ужасное и карикатурное, грандиозное и абсурдное. Так как цезарь был очень начитан, то и безумие его было главным образом литературным. Мечты всех веков, все поэмы, все легенды, Бахус и Сарданапал, Нин и Приам, Троя и Вавилон, Гомер и пошлая современная пиитика — все это создало хаос в бедной голове артиста, посредственного, но весьма самоуверенного, которому случай дал власть осуществить все свои химеры.
> В этом отношении Сенека причинил своему воспитаннику своим плохим литературным вкусом гораздо больше вреда, нежели принес ему пользу своей прекрасной философией. Сперва эти странности у Нерона казались безобидными; обезьяна любовалась на самое себя некоторое время и сохраняла позу, которой ее научили. Жестокость обнаружилась у него только после смерти Агриппины; очень скоро он всецело отдался этому чувству. С этого времени каждый год его жизни отмечен преступлениями: Бурра нет, и весь мир думает, что Нерон его убил; Октавия сошла в могилу, покрытая позором; Сенека в опале, с часу на час ожидает решения своей участи, думая только о пытке, закаляя свою мысль размышлениями о мучениях, стараясь доказать себе, что смерть есть освобождение. Тигеллин властвует надо всеми, сатурналия в полном разгаре. Нерон ежедневно возвещает, что одно лишь искусство следует считать серьезным делом, что всякая добродетель — ложь, что порядочный человек это тот, кто умеет всем злоупотреблять, все терять, все расточать. Добродетельный человек в его глазах лицемер, мятежник, опасная личность и прежде всего — соперник; когда он узнает о какой-нибудь ужасной подлости, оправдывающей его теорию, то испытывает припадок радости. Обнаруживалась вся политическая опасность кичливости и того ложного духа соревнования, которые с самого начала являлись червями, подтачивавшими латинскую культуру. Комедианту удалось завладеть правом жизни и смерти своей аудитории; дилетант угрожал людям

> пыткой, если они не будут восхищаться его виршами. Мономан, опьяненный литературным мелочным тщеславием, обративший преподанные ему великие истины в каннибальское шутовство, свирепый шалопай, гоняющийся за аплодисментами уличных пошляков, — вот каков был владыка великой империи. Подобной нелепости никогда еще не видано было в мире. Восточные деспоты, грозные и важные, никогда не раздражались безумным хохотом, не предавались невоздержанностям эстетического распутства. Самое ужасное зрелище он представлял, когда на манер декламации играл своими угрызениями совести и брал их темой своих стихов. Со свойственным ему одному мелодраматическим видом он говорил, будто фурии терзают его, цитировал греческие стихи об отцеубийцах. Его как будто бы сотворил бог иронии, чтобы дать себе представление об ужасном хаосе человеческой натуры
> Истинные римляне с полным правом негодовали против распространения восточных привычек. Но уже было неизбежно, чтобы более старая и более изношенная цивилизация укротила более молодую путем развращения ее. Еще Антоний и Клеопатра мечтали о восточной империи. Самому Нерону внушали идею о подобной же царской власти. Доведенный до крайности, он думал просить себе префектуру Египта. Начиная с Августа и до Константина каждый год приносил с собой новые победы части империи, говорившей на греческом языке, над частью, говорившей на латинском. надо помнить, что в то время безумие было в воздухе».

2) НЕРОН — БЕЗУМНОЕ ТЩЕСЛАВИЕ ГРЕЧЕСКОГО ОЛИМПИЙСКОГО БОГА: САМЫЙ КРАСИВЫЙ ИЗ ВСЕХ ГОЛОСОВ НА ПЛАНЕТЕ

Э. Ренан «Антихрист»:

> «В то время, как римская власть потерпела на Востоке такое кровное оскорбление, Нерон, переходя от преступления к преступлению, от одного безумства к другому, всецело отдавался своим химерам претенциозного артиста. Вместе с Петронием из окружающей его среды исчезло все, что называется вкусом, тактом, изяществом. Колоссальное самолюбие вызывало у него неутолимую жажду стяжать славу во всей вселенной; он испытывал свирепую зависть к тем, кто привлекал к себе внимание публики; иметь какой бы то ни было успех — это значило совершить государственное преступление; уверяют, что он хотел запретить

продажу произведений Лукана. Он стремился к неслыханной известности

Давно уже он мечтал о путешествии в Грецию, не в силу серьезного желания видеть образцовые художественные произведения несравненного греческого искусства, а в силу карикатурного самолюбия, побуждавшего его выступить на состязаниях, существовавших в различных городах Греции, и получить там призы.

Певческая мания у него дошла также до крайних пределов. Одной из причин смерти Тразеа было то обстоятельство, что он не приносил жертвоприношений в честь «небесного голоса» императора. Перед парфянским царем, своим гостем, он не нашел ничего лучшего, чем гордиться своим искусством править колесницей на бегах. Сочинялись лирические драмы с главной ролью для него, причем боги, богини, герои, героини были замаскированы и костюмированы так, чтобы изображать его и его любовницу. Таким образом он исполнял роли Эдипа, Фиестия, Геркулеса, Алкмеона, Ореста, Канацея; он являлся на сцене в цепях (сделанных из золота), в виде слепца, в виде безумного, даже в роли роженицы. В числе последних его планов было выступить на сцене голым, в виде Геркулеса, причем он должен был задавить льва руками или убить его палицей; для этого, говорят, лев был уже выбран и дрессирован, но в это время императора постигла смерть.

Мы уже говорили, что ему было досадно, что в Италии он был обязан своим успехом только шайке клакеров, очень хитро организованной и дорого оплачиваемой; он обходился с ними, как с невеждами, говорил, что уважающий себя артист может ценить только мнение греков о нем.

Столь желанный отъезд его последовал в ноябре 66 года. Нерон находился уже несколько дней в Ахайе, когда получил известие о поражении Цестия.

Нерон умер 9 июня. Во время рассказанных нами событий в Иудее он продолжал свою артистическую карьеру в Греции; в Рим он возвратился лишь в конце 67 года. Никогда он так не веселился; в угоду ему все игры были отпразднованы в течение одного года; все города отправили ему призы своих состязаний; ежеминутно к нему являлись депутации с просьбой приехать петь в их родные города. Этот большой ребенок, ротозей (а быть может, насмешник), каких еще не бывало, был в восхищении: «Одни греки умеют слушать, — говорил он, — одни греки достойны меня и моих стараний». Он осыпал их привилегиями, объявил на истмийских играх свободу Греции, с щедростью широкой одарил оракулы, пророчествующие в его пользу, покарал тех, кем остался недоволен: как говорят, велел уда-

> вить одного певца, который не понизил своего голоса настолько, насколько нужно было, чтобы выдвинуть вперед его голос. Краска бросается в лицо при мысли, что Греция была запятнана таким пошлым маскарадом.
> Тем временем до него доходили самые тревожные вести; почти уже год прошел, как он покинул Рим; он дал приказ возвращаться. Возвращение соответствовало самому путешествию. В каждом городе его встречали как триумфатора; разрушали стены для его торжественного въезда. В Риме устроен был неслыханный карнавал. Нерон ехал на колеснице, служившей при триумфе Августа; рядом с ним сидел музыкант Диодор; на голове у него был олимпийский венец, справа лежал пифийский; впереди несли все прочие венцы и доски с перечнем всех его побед, имена тех, кого он победил, названия пьес, в которых он выступал; за ним следовали клакеры, разделявшиеся на три рода клаки, изобретенные им, и всадники Августа; для его въезда снесли арку Большого Цирка. Кругом раздавались клики: «Да здравствует Олимпионикий! Пифионикий! Август! Август! Нерон-Геркулес! Нерон-Аполлон! Единственный периодоникий! единственный во все времена! Август! Август! О божественный голос! блаженны слышавшие его!» Все поднесенные ему 1800 венцов были выставлены в Большом Цирке и прикреплены к египетскому обелиску, который был здесь поставлен Августом, чтобы служить метой».

3) НЕРОН — ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА, АНТИХРИСТ

ставший второй Голгофой для христианства, машина по разврату и насилию, проливавшая реки невинной крови. Дионис — Вакх и Афродита — Эрос во всем блеске своего «величия».

Э. Ренан «Антихрист»:

> «После того дня, в который Иисус испустил дух на Голгофе, день празднества в садах Нерона (днем этим можно считать 1 августа 64 года) был самым торжественным в истории христианства. Прочность всякого построения находится в прямом отношении с суммой добродетели, жертв, преданности делу, положенных в его основание. Одни фанатики могут создавать что-либо: иудаизм все еще существует благодаря интенсивному изуверству его пророков, его ревнителей, христианство — благодаря мужеству его первых исповедников. Оргия Нерона была великим крещением кровью, которое отметило Рим, как город мучеников, для совершенно особой роли

в истории христианства и возвело его в степень второго священного города. В этот момент триумфаторы неизвестной до тех пор категории овладели Ватиканским холмом. Ненавистный безумец, управлявший миром, не замечал того, что он был основателем нового порядка и что он подписал для будущего хартию, начертанную, словно киноварью, подтверждаемую в своих положениях и по прошествии восемнадцати веков. Рим, сделавшийся ответственным за всю кровь, пролитую в нем, стал, подобно Вавилону, священным и символическим городом. Во всяком случае, с этого дня Нерон занял в истории христианства первостепенное место. Это чудо ужаса, чудо извращенности стало для всех очевидным знамением. Спустя сто пятьдесят лет Тертуллиан восклицает: «Да, мы счастливы тем, что объявление нас вне закона было торжественно возвещено подобным человеком! Когда научились его понимать как следует, то поняли, что все, осужденное Нероном, могло было быть только великим делом». Идея, что пришествию истинного Христа должно предшествовать пришествие некоего адского Христа, который будет полной противоположностью Иисуса, была уже распространена. Сомнений больше не могло быть; Антихрист, Христос зла, существует. Антихрист — не кто иной, как чудовище с человеческим обликом, составленное из жестокости, лицемерия, бесстыдства, гордости, которое объезжало весь свет в образе смешного героя, изверг, освещавший свои кучерские триумфы факелами из человеческих тел, упивавшийся кровью святых, совершавший, быть может, и еще худшие дела. Действительно, можно предполагать, что именно к христианам относится сообщение Светония о чудовищной забаве, придуманной Нероном. На арене к столбам привязывают обнаженных юношей, мужчин, женщин, молодых девушек. Из cavea появляется зверь, который удовлетворяет свою похоть над каждым из этих тел. Вольноотпущенник Дорифор делает вид, будто убивает зверя. Зверь же этот был сам Нерон, одетый в шкуру хищного животного. Дорифор был негодяй, за которого Нерон вышел замуж, испуская вопли девственницы, подвергающейся насилию... Таким образом, Нерону дано прозвище: Зверь. Калигула был Анти — Бог, Нерон будет Анти — Христос. Идея Апокалипсиса родилась в сознании. Христианская девственница, привязанная к столбу и подвергающаяся позорному объятию Зверя, унесет с собой в вечность этот ужасный образ.

Казни эти представляли собой нечто ужасное. Никогда не видано было такой утонченной жестокости. Почти все арестованные христиане были humiliores, люди ничтожные. Казнь, предназначаемая таким несчастным в случае обвинения их в оскорблении величества

или в святотатстве, заключалась в том, что их отдавали на съедение диким зверям или сжигали живыми в цирке, причем это сопровождалось жестокими бичеваниями.

На этот раз к варварству мучений присоединили еще и осмеяние. Осужденных приберегали для празднества, которому, без сомнения, был сообщен характер искупительной жертвы. В Риме насчитывалось немного столь необычайных дней. Во время ludus matutinus, утренних игр, посвященных травле диких зверей, римлянам представилось неслыханное зрелище. Осужденных вывели зашитыми в шкуры диких животных на арену, и здесь они были растерзаны собаками; других распинали на крестах, третьи, наконец, одетые в туники, пропитанные маслом и смолой, были привязаны к столбам, чтобы служить вместо факелов для освещения празднества ночью. Когда наступила ночь, эти живые факелы были зажжены. Для этого зрелища Нерон предоставил свои великолепные сады по ту сторону Тибра. При свете этих ужасных факелов Нерон, который ввел в моду вечерние скачки, показывался на арене, то вмешиваясь в толпу зрителей в костюме жокея, то управляя колесницей и стараясь заслужить аплодисменты.

Женщины и девушки подверглись страшной участи при этих ужасных зрелищах. Нет имени тем недостойным истязаниям, какие были над ними совершены для общего удовольствия. При Нероне вошло в обычай заставлять осужденных исполнять в цирке мифологические роли, сопряженные с неизбежной смертью их исполнителей. Подобные отвратительные представления, при которых с помощью искусных машин достигались удивительные эффекты, были в то время новинкой; Греция была бы удивлена, если бы ей вздумали внушить подобную попытку применить зверство к эстетике, сочетать искусство с пытками. Несчастного выводили на арену в богатом костюме бога или героя, обреченного на смерть, и затем казнь его происходила в виде трагической сцены из мифов, воспетых поэтами или увековеченных скульпторами. Иногда это был Геркулес в неистовстве, сожигаемый на горе Эте, старающийся сорвать со своего тела пылающую смоляную тунику; то изображался Орфей, разрываемый на части медведем, или Дедал, низвергнутый с неба и преданный на съедение зверям, Пасифая, отданная в добычу быка, умерщвление Аттиса; иногда ставились на сцене ужасные маскарады, в которых мужчины были одеты жрецами Сатурна. В заключение являлся Меркурий с раскаленным железным прутом, которым он прикасался к каждому телу, чтобы посмотреть, не дрогнет ли оно; прислужники, замаскированные Плутоном или Орком, утаскивали трупы за ноги, приканчивая молотом все, что еще трепетало. Самые почтенные христианские дамы должны были

испытать подобные зверства. Одни из них исполняли роль Данаид, другие роль Дирцеи. Трудно себе представить, с какой стороны миф о Данаидах мог служить темой для кровавых представлений. Казнь, которая, судя по всем мифологическим преданиям, была предназначена для этих преступных женщин и которая изображалась в лицах, была бы недостаточной, чтобы удовлетворить Нерона и привычных посетителей его цирка.

Так началась эта необычайная поэма христианского мученичества, эта эпопея амфитеатра, которой суждено было продолжаться двести пятьдесят лет и среди которой народилось облагораживание женщины, восстановление раба в своих правах, при посредстве таких эпизодов, как мученичество Бландины, распятой на кресте и ослеплявшей глаза своих собратьев до того, что они видели в кроткой и бледной невольнице образ распятого Иисуса; как случай с Потамиеной, которую защитил от оскорблений толпы молодой воин, конвоировавший ее на казнь; как ужас, охвативший толпу при виде обнаженной груди Фелицаты; как мужество Перпетуи, закалывавшей булавками на арене свои волосы, растрепанные животными, для того, чтобы не иметь скорбного вида. Легенда рассказывает, что одна из таких святых мучениц, идя на казнь, заметила молодого человека, который, тронутый ее красотой, смотрел на нее с состраданием. Ей захотелось оставить что-нибудь ему на память о себе, и она бросила ему покрывало, которым была прикрыта ее грудь; очарованный этим залогом любви, молодой человек спустя мгновение принял и сам мученическую кончину».

ГЛАВА 5. МЕРТВЫЕ И ВОСКРЕСШИЕ БОГИ МЕРЕЖКОВСКОГО. ЧЕЛОВЕКОБОГ И БОГОЧЕЛОВЕК: КЛЕОПАТРА И ПАТРОКЛ

Добро и Зло, Бог и Дьявол, Христос и Антихрист, Человекобог и Богочеловек — таковы известные нам имена двух энергий психики, Духа божественной энергии Интеллекта и материальной энергии садомазохизма поля Эгосистемы.

Весьма остроумно Л. Клейн в «Расшифрованной Илиаде» добавил еще одну пару имен к уже нам известным: Клеопатра и Патрокл.

«Имя Патрокл, — пишет Клейн, — является всего лишь перевертышем имени Клеопатра: Клео — патр –а и Патро — кле — ос. Греческий корень клее- означает «слава», а корень патр- — «отец». Клеопатра — «Славоотчая», Патрокл — «Отчеслав»

Действительно, мы можем расшифровать эти имена как «Отца Слава», «Богочеловк» — Патрокл, и «Известная предками», «Человекобог», как обычно расшифровывают имя Клеопатры. Мысль Клейна состоит в том, что идея «Илиады» как она дошла до нас состоит в осознании суетности тщеславия, которое в основе постоянной вражды греческих героев, и которое приносит в жертву истинное сокровище — дружбу, братство, единство людей, и в частности ахейцев. «Плач по Патроклу» как укоризна и проклятие всем войнам аристократов — вот основной мотив «Илиады», утверждает Клейн. И хотя он добавляет расшифровку имени Патрокла в другой связи, мне видится в этой расшифровке подтверждение его идеи об основной теме эпоса как «плачу по Патроклу».

Дело в том, что имя Клеопатра — это наследственное имя греческой династии Птолемеев македонского царства Египта. И в этом смысле — это символ эллинистических царств востока, образовавшихся после завоевания Востока Александром Македонским. Здесь, на востоке, на вершине деспотических Левиафанов, Гибрис Эго греков, этот Зверь Диониса — Вакха, порожденный фиктивным интеллектом, получил полную свободу для своего воплощения.

Дело в том, что Гибрис Эго, будучи порождением фиктивного интеллекта, который вторгается на поле Эгосистемы (материальной энергии, чьи механизмы никак не связаны с активным интеллектом), разрушает циклический гомеостаз поля Эгосистемы. Вот почему, в осевое время (время первого откровения) стали рушится государства Левиафаны, основанные на господстве-рабстве циклического гомеостаза. Как например, в Древней Греции, в еврейских государствах, позже в Риме. Гибрис Эго фиктивного интеллекта превращает людей в Человекобогов, которые уже не способны никому подчиняться, и потому физический контроль садомазохизма оказывается разрушен, и деспотические Левиафаны рушатся. Греция и Иудея знамениты таким яростным разрушением своих древних деспотических государств. На место Левиафанов приходили междоусобные войны, борьба Человекобогов друг с другом, и неспособность создать дружную общественность.

Так, Зверь Диониса — Вакха уничтожил себя у себя на родине в междоусобных войнах. Однако, с македонским завоеванием древних восточных деспотий Египта и Малой Азии, греческий Зверь оказался на самой вершине государств с нормально функционирующим физическим контролем (циклическим гомеостазом садомазохизма господства и подчинения) магического сознания варваров. У себя на родине в постоянной борьбе за абсолютную власть Человекобогов, греки жили в вечной борьбе между демократиями и тираниями — или всех подчинить себе или как минимум быть равными. Тиранов конечно убивали другие человекобоги и войны вновь возобновлялись.

Здесь, Зверь Диониса смог наконец сесть на стабильное царство. Самые знамениты имена языческого Зверя Диониса эллинистического востока известны всем: Антиох Четвертый Эпиман, тот чьи попытки насильственно эллинизировать Иудеи подняли восстание Макковеев и стоили ему жизни. Митридат Шестой Эвпатор, известный как Царь Азии, ставивший себе целью превратить всю Азию в один огромный Левиафан под своей единоличной властью. Знаменит своей паранойей которая стоила жизни двум его сыновьям, его дочерям и женам, а также ненавистью к римлянам: Эфесная вечеря стоило жизни 150 тысячам римлянам по приказу Митридата. И наконец, не менее знаменитое имя Клеопатры, женщины использовавшей все чары Зверя Афродиты-Эроса, чтобы превратить великий Рим в «восточное царство», то есть в варварский Левиафан садомазохизма, рабскую деспотию. И конечно, все эти Человекобоги эллинистического востока продолжали свои бесконечные войны уже между собой: наследники Македонского на вершинах своих восточных Левиафанах грызлись между собой с такой же озлобленностью, как в свое время греческие граждане и греческие полисы.

Дух Божий создает науку, красоту, силу, а материальная энергия психики превращает все это в мертвые Идолы через «загрузки СуперЭго». Тело человека, его биология — прекрасны, пока служат целям Духа. Но когда человек воспринимает свое тело через кривое зеркало Эгосистемы как «загрузки СуперЭго» оно превращается в Идола, и становится самоцелью, которому жертвуется разумная и моральная энергия Духа. Красота как творчество Духа — прекрасна, биологическое соединение людей соединенных на духовном уровне не развращает и не превращает похоть в самоцель. Но стоит только увидеть красоту и «наслаждения» через поле Эгосистемы, как они превращаются в Идолов, в самоцель, которая пожирает божественную энергию Духа. Такова суть языческих богов греческого Олимпа, этих Идолов красоты и наслаждения, и рожденного ими Зверя Гибрис Эго. Действительно, что может быть ужаснее греческих вакханалий, «оргий с массовым насилием», а Ренан замечает в Истории

Израильского народа, что Антиох Эпиман насильственно насаждал культ Вакха в Иудее и показательно зарезал на алтаре Иерусалима свинью.

Ренан в «Истории Израильского народа» отводит ведущее место в становлении всемирной цивилизации трем государствам — Иудеи, Греции и Риму. Согласно Ренану, роль Рима очень велика, поскольку именно Рим послужил распространению и соединению откровений Греции и Иудеи. Действительно, в Риме соединилось откровение Пифагора, Сократа Платона с откровением Ветхого Завета в Евангелиях христианства, в особенности в Евангелии Иоанна –Филона, как его называют исследователи (Ренан, Рассел, Мережковский). Здесь же мир впервые увидел Церковь естественного права законов природы, как государство понимается в «Республике» Платона и в «Законах» Цицерона. В этом смысле, Рим не только посредник между откровениями Греции и Иудеи, но и участник откровения. Огромным вкладом в цивилизацию стали империя Августа, поставившая законы государства как законы божьи выше человеческой воли, и адоптивная империя второго века от Нервы, Траяна, Адриана до расцвета ее в империи Антонинов. Это период становления государства как Церкви естественного права законов природы, который впоследствии дал современные правовые государства (еще далекие от естественного права, но уже опирающиеся на «Права человека», не только на волю большинства).

В чем различие между Человекобогом и Богочеловеком?

Богочеловек — тот, кто подчинил себя законам природы Бога, и такое подчинение всегда есть отношения Интеллекта, отношения мышления познающего законы, установленные богом, фундамент духовной энергии. Человекобог тот, кто обожествил свою собственную волю и противопоставил ее воле божьей, как о том пишет Кьеркегор в «Болезнь к смерти» и Камю, когда говорит о дендизме в «Бунтующем человеке». Богочеловек в награду за свою покорность Богу получил великий дар Духовной энергии с ее мощью научного контроля, открывающей доступ

к энергиям природы, с ее относительной свободой в контроле законов природы, с ее способностью к творчеству, к стабильному равновесию, к росту и развитию, к святой дружбе единого Духа человечества, к настоящим положительным эмоциям, чистым и устойчивым, способным расширять свою позитивную силу бесконечно. Человекобог был наказан за покушение на власть бога, за утверждение своей воли против бога тем, как известно, что был брошен в пучину ада. Так ли далек этот миф от правды? Ведь Гибрис Эго, то есть Эгозащита фиктивного интеллекта, есть потеря могучей силы божественной энергии Духа, в добровольном пожертвовании ее мертвым автоматизмам поля Эгосистемы, материальной энергии психики. Чем оборачивается мнимая абсолютная воля Человекобога, безумца, который ищет всесилия в материальной энергии? Прежде всего, «человекобоги» шизоидного интеллекта теряют всю силу реального интеллекта — мощь научного контроля. Более того, вместе с разумом они теряют и все преимущества поля Интеллекта — стабильность равновесия, чистота и мощь позитивных эмоций, способность свободы в пределах контроля (абсолютно свободен только бог, установивший законы природы, но человеку дан доступ к свободе вместе с научным контролем), способность к творчеству. Ведь автоматизмы циклического гомеостаза — это мотивация боли (страх, голод), это амбивалентность эмоций, открытая еще Фрейдом (смешение позитивных и отрицательных эмоций, ведь притяжения влюбленности и самолюбия замешаны на страхе и в основе их ненависть), это навязчивые состояния разрушенной воли в автоматизмах детерминированной энергии, — в общем весь набор адских симптомов «уплощения эмоций и разрушенной воли» психиатрии. Безумие Гибрис Эго часто заканчивается полным распадом психики — от шизоидной романтики богов Олимпа только один шаг до психического трупа шизофрении.

Что есть Клеопатра как Человекобог? Тот кто жертвует сокровища Духовной энергии на алтарь мертвых автоматизмов материальной энергии психики. Тот, кто убивает своих детей,

родителей, свою отчизну, совесть и разум, чтобы пожертвовать все это тщеславию, ненасыщаемой похоти садомазохизма, подлости в торжестве над обманутыми и униженными, растерзанными и убитыми товарищами. Действительно, было несколько цариц эллинистического востока с этим именем. Так, например, Клеопатра Тея прославилась тем, что убила своего мужа, чтобы быть регентом при детях, а потом убила своего старшего сына и пыталась убить младшего. Другая Клеопатра также пожертвовала своих детей от Цезаря и Антония, которые все были безжалостно убиты, своим тщеславным планам завовевать Рим в восточное царство искусными чарами Афродиты –Эроса. Действительно, если в случае с Цезарем еще были сомнения кто кого соблазнил и подчинил, то ее политика в течении многих лет с Антонием поставила все точки над «и». Как пишет Ренан, разврат превратил Антония в полного идиота, который в течении десяти лет ничего не делал и только предавался разврату в восточном царстве Клеопатры.

Что есть плач по Патроклу? Обратная тенденция в этой смертной войне между добром и злом, богом и дьяволом, человекобогом и богочеловеком, духовной и материальной энергиями психики: это когда всеми силами изничтожают поле Эгосистемы материальной энергии, чтобы сохранить всю мощь, чистоту и святость энергии духовной. И когда это не получается, когда Зверь Человекобог превращает государство в свое логово Левиафан, тогда и раздаются надрывные рыдания по погубленному божьему духу, по растерзанной невинности, по убитой совести, по погубленным детям, друзьям, чести, человечности. Великий вклад священны писаний Тацита в том, что он запечатлел этот плач по Патроклу в Римской империи времен Человекобогов Калигулы и Нерона, Тиберия и Домициана. Так, лира Тацита плачет невыразимым горем, рассказывая о бесчисленных жертвах Зверей — Человекобогов, казнивших цвет нации, достойнейших, невиннейших, только чтобы ограбить их, унизить их, насытить свое тщеславие насилием, и проводить дни в бесконечных вакханалиях. Так казнят простых граждан и знатных граждан, и так-

же казнят цезарей. Так, изображенная пером Тацита трагедия казни невинных детей Клавдия — Британника и Октавии — принесенных в жертву его похоти, которая подчинила его влиянию Агриппины и будущего Антихриста Нерона, была положена в основу многих позднейших трагедий, написанных на эту тему. Эта традиция Человекобогов жертвовать детей и родителей, родных и друзей на алтарь тщеславия и похоти сохранится до самого конца существования Левиафанов, возглавляемых этими чудовищами. Константин Великий, который вместе с Византией, унаследует эллинистическое царство, продолжит эту традицию, погубив своего старшего сына Криспа, а его потомки окончательно утвердят ее, устроив массовое избиение всей своей семьи после его смерти, чтобы устранить соперников на трон. Император Август говорил об Ироде, царе Иудеи, которого на этот трон посадил Антоний, и которого евреи ненавидели, что лучше быть свиньей этого человека, чем его сыном. В этом смысле, это можно сказать обо всех Зверях Человекобогах, стабильно приносивших в жертву все человеческое, все святое на алтарь тщеславия и похоти.

Интересно, что Калигула и Нерон, два развратных Зверя Человекобога, оба прямые потомки Антония от Октавии, сестры Августа. А ведь Антоний в погоне за восточным царством с Клеопатрой, с позором выгнал свою жену Октавию из дома в соответствии с требованиями Клеопатры. Но вот, его потомки сидели на троне только благодаря сестре Августа. И трон этот все таки стал троном Клеопатры — троном Зверя Человекобога.

Рим известен также своей отчаянной борьбой с Человекобогом, со Зверем эллинистического востока. Иудеям Маккавеям мы обязаны поражением Антиоха Эпимана, но угроза Митридата Эвпатора, по прозвищу Дионис, и Клеопатры Птолемея была обезврежена всецело усилиями Римской Империи. Одолеть Митридата оказалось совсем непросто — только гений Суллы нанес ему решительное поражение, и еще таким гигантам как Лукулл и Помпей приходилось его добивать. Клеопатра не сдавалась и после смерти Антония, которую она невольно подготовила, возбудив к себе и к нему ненависть всего Рима. Она вела пере-

говоры с Октавианом, надеясь и с ним выторговать себе свое царство, как с Цезарем и Антонием: ведь они не лишили ее восточного царства, этого донора с которого Зверь Диониса — Вакха питал свою демоническую гордость кровью рабов. Именно в этом видно, что Цезарь уступил чарам Афродиты — Эроса также как Антоний: ведь вступая в любовную связь с царицей на троне, они объявляли возможных потомков царской династией, одинаково легитимной для Римской империи и для Египта. Не так поступил сын Цезаря, Октавиан. Он категорически отказал Клеопатре в ее просьбе оставить ей царство и сделал его провинцией Рима, а ее саму намеревался провести пленницей в своем триумфе. Зато он обещал сохранить ей жизнь. Гибрис Эго Зверя Человекобога признал свое поражение, ведь Гибрис Эго не умеет подчиняться: Октавиан нашел только труп Клеопатры. С этой смертью заканчивалась история Зверей, порожденных языческим Олимпом на эллинистическом востоке. О славе македонского похода сказано очень много, в том числе и о пользе, которую принесло распространение эллинской культуры на восток. Однако, о Звере, рожденном языческим Олимпом, принято умалчивать.

Однако, зараза проникла так глубоко в саму ткань государства, что в дальнейшем борьба Человекобога и Богочеловека шла уже внутри государства, достигнув апогея в столкновении Антихриста Нерона с христианами. Зверь Человекобог уверенно побеждал Христа Богочеловека, пока Римская Империя не была разрушена окончательно. Тиберий принес в жертву прекрасного Германика, только для того, чтобы залить Рим кровью «Процессами по оскорблению величества» и оскорбить человеческую совесть чудовищными вакханалиями, о которых Тацит говорит, что ему воровали отовсюду юношей и девушек, принуждая их силой. И век Тиберия увидел распятого Богочеловека — Христа. Не пожалел Тиберий ни своего собственного сына Друза, ни семью Германика, убив жену и двух сыновей этого доблестного и честного римлянина самыми подлыми методами, которые с тех пор в арсенале всех Зверей Человекобогов.

Резкий контраст между Добром и Злом на троне Римской Империи, который поочередно занимали Человекобоги — Звери и Богочеловеки — Христы отмечен в гениальном труде Гиббона: История падения Римской Империи. Действительно, именно здесь эта борьба велась с небывалым ожесточением за счет того факты что рельефы Человекобога и Богочеловека впервые обретали такие ясные и четкие очертания. Калигула с Тиберием против убитой им своей семьи, Нерон против Сенеки и Тразея Пета, Домициан против Веспасиана и Тита, Коммод против Марка Аврелия, сыновья Константина Великого против Юлиана Отступника, Гелиогабал против Александра Севера. Вот где раздвоение между языческим Человекобогом и христианским Богочеловеком, о котором столько писал Мережковский, достигло своего апогея: концентрация сатанинской энергии поля Эгосистемы против концентрации божеской энергии духа.

Чем же закончилось это противостояние? Известно чем. Греческого и Римского откровения, создавшего первую Церковь Естественного права законов природы в империи Марка Аврелия оказалось недостаточно для победы Богочеловека над Зверем Человекобогом. Уже сын Марка Аврелия, Коммод, пустил по ветру все достижения отца, возвращая империю в русло варварского Левиафана садомазохизма. На помощь откровениям Греции и Рима пришло откровение иудейского народа, которое по словам Ренана, достигает своего апогея в притчах Иисуса, «последнего иудейского пророка». И только соединившись все вместе, эти три откровения порождают Римскую католическую церковь — церковь, которая примет наследие античной цивилизации и сохранит ее для последующих поколений. Церковь, которая разделением светской и духовной власти спасет для мира Церковь естественного права законов природы, порожденную Богочеловеками Римской империи, и таким образом, даст возможность появиться современным правовым государствам.

Однако, это далеко не конец истории, ибо как утверждает Мережковский, несмотря на громадность вклада Римской церкви в цивилизацию, в конечном итоге и ее ждал такой же печаль-

ный конец который постиг церковь византийскую (православную) сразу при ее рождении: она перестала быть церковью и стала Левиафаном сама, породив чудовищных Зверей Ренессанса, лучшим примером которых может служить папа Александр Борджа. А дальше Грядущий Хам дарвиновской парадигмы возродил Зверя Богочеловека уже в современных правовых государствах.

Так, языческий Зверь, порожденный греческим Олимпом, умирал и воскресал, непобедимый в своей отчаянной борьбе с Богочеловеками- Христами. Он был поражен в междоусобных войнах в Греции, Македонский оживил его на самых вершинах царств эллинистического востока, он был поражен римлянами на востоке, Клеопатра дала ему жизнь на троне Римской Империи. Христианская церковь истребила его в Римской империи, Зверь снова ожил в Папстве Ренессанса и в абсолютных монархиях той империи, когда папство и короли с их двором стали одинаково развратны, когда вакханалии вернулись во всей своей силе вместе со всем составом языческого Олимпа.

Очевидно, что прав Мережковский когда говорит, что без следующего откровения Зверя не одолеть. Первое откровение, дарованное Греции, Персии и Иудее позволило разрушить магическое сознание варваров — первые деспотии Левиафаны. Второе откровение, дарованное Риму, позволило одолеть Гибрис Эго языческой мифологии (Олимпа) греков. Синтез иудейского, греческого и римского откровения в христианстве позволил одолеть Зверя на римском престоле. И вот теперь, чтобы нас одолеть вновь ожившего Зверя, необходимо следующее, Третье откровение, о котором писал Мережковский. И на этот раз, это уже будет язык научного контроля, законы природы человека, открытие психической энергии. Потому что только наука, только знание законов природы, дают человеку полную силу его Духа, его поля Интеллекта, основанного на научном контроле. И чтобы одолеть Зверя, человек должен знать законы поля Интеллекта и поля Эгосистемы, которые дадут ему всю силу духовной энергии и позволят ему нейтрализовать поле Эгосистемы.

Ибо, Зверь Человекобог, ожив в эпоху Возрождения, с тех пор набрался еще огромной силы, по сравнению с которой его античный прародитель просто вредное насекомое. Теперь это тот Грядущий Хам, о котором Мережковский писал словами Достоевского «конец света… антихрист идет». Тот материализм, цинизм, национализм и милитаризм, о котором в ужасе писал Ж. Бенда в «Предательстве интеллектуалов», та победа материализма и нигилизма, абсурда и бунта против разума, о которой говорит А. Камю в «Бунтующем человеке», наконец, это то абсолютное утверждение Левиафана, которое предсказывает Дж. Оруэлл в «1984». Это безумие Первой мировой войны, это Зверь Гитлер Второй Мировой войны, это ГУЛАГи Сталина, это «общество потребления» и «люди-товары» современной Америки, это воскресшее «самодержавие-православие» Путина. Вот каких необъятных размеров достиг воскресший языческий Зверь Человекобог.

Мережковский прослеживает прямую наследственность между языческим Зверем Византии и «самодержавием — православием» царской России. Путин в интервью Оливеру Стоуну прямо говорит, что «самодержавие-православие» царизма и ГУЛАГи Сталина — суть одна система монархии «только вывеска изменилась». Это так и есть, следует только добавить, что Византийская Империя Константина Великого и есть единый прародитель обеих монархий, царство эллинистического востока. Ведь христианство здесь сразу стало волшебными сказками магического сознания, лишившись своего философского содержания, а в папской церкви только с течением времени. Об этом пишет не один Мережковский, но и Герцен, и Чаадаев, и Толстой, и Тойнби в «Постижении истории». Суть этой системы, о которой упоминает Путин есть нормально функционирующий физический контроль поля Эгосистемы: здоровый циклический гомеостаз материальной энергии психики. Тот самый, который был у всех до первого откровения, и который был разрушен Гибрис Эго фиктивного интеллекта, ломающего циклическое равновесие материальной энергии вторжением мыш-

ления туда, где активному интеллекту не место. После первого откровения Левиафаны античного мира были разрушены и уже больше никогда там не восстанавливались. Греки могли царствовать только на эллинистическом востоке возглавив обычное магическое сознание варваров, но между собой они всегда оставались непримирирыми соперниками и никогда уже не могли объединиться в союз садомазохизма, рабства и подчинения, в Левиафанами под начальством самодержца. Еще менее способны были к этому евреи, уничтожившие всякую светскую власть в своей общине. А вот в эллинистических царствах востока физический контроль циклического гомеостаза сохранился в целости. И именно этот механизм нормально функционирующего садизма-мазохизма Левиафана унаследовал Третий Рим — Царская Россия. А за ней — сталинские ГУЛАГи. И в этом замечание президента России В. Путина Оливеру Стоуну совершенно справедливо. И здесь с ним полностью соглашается Мережковский: «самодержавие-православие» Царской России есть наследство Зверя Человекобога эллинистического востока.

В то же время, прогресс западного христианства позволил создать «правовое государство», как переходную ступень от садомазохизма Левиафана к Церкви естественного права научного контроля. И хотя западный капитализм объявил правовое государство концом истории и эволюции — это даже приблизительно не соответствует истине. Именно потому, что Зверь Левиафана еще никогда за всю историю человечества не был так силен как сегодня. Дарвиновская парадигма, о которой пишут Ж. Бенда, А. Камю, Д. Мережковский, Дж. Оруэлл, А. Швейцер (разрушена философия рационализма, метафизика интеллекта), есть теоретическое оправдание энергии поля Эгосистемы. А что такое интеллектуальная защита Эго? Это фиктивный интеллект на поле Эгосистемы, это шизоидность, это Гибрис Эго языческого Зверя Диониса –Вакха. Вот вам и вся лженаука дарвиновской парадигмы как шизоидность фиктивного интеллекта. Следует ли после этого удивляться, что религия современного запада дар-

виновской парадигмы оформилась в Анти-Теизм, в Сатанизм Ла Вея, в сатанизм маркиза Сада, прославляющие садизм и похоть как «естественные законы природы животного мира», как Библию Дарвинизма?

Однако, Гибрис Эго остается Гибрис Эго — это сломанный цикличный гомеостаз, который не способен к отношениям господства и подчинения, а следовательно, как прежде античные греки, которые все время воевали друг с другом переходя от демократий к тираниям и обратно, современный запад неспособен выстроить империю власть в своей собственной среде. Им нужны как греческому Зверю Дионису-Вакху восточные царства с нормально функционирующим циклическим равновесием физического контроля, насилия и подчинения садомазохизма, для того чтобы их возглавить и там упражнять свою «волю к власти» Сверхчеловеков по определению Ницше. Эту роль всегда на западе играли их многочисленные колонии, и эту же роль они уготовили России и всем государствам, населенным по их мнению варварами.

В то же время в своей среде, они подобно древним грекам, продолжают войны между выборными демократиями и тираниями, что проявляется в массовой коррупции на вершинах власти современных западных государств. Что есть коррупция? Узурпация власти недобросовестными чиновниками. Сколько громких политических скандалов разоблачили эту тотальную коррупцию на вершинах власти правовых государств запада от убийства братьев Кеннеди до Уотергейта.

Это закономерные явления, которые детерминированы победой материальной энергии психики в ее шизоидной форме — Гибрис Эго, потому и вся политическая жизнь продолжает традицию тираний-демократий древней Греции, и политику колоний эллинистических восточных царств. Правовые государства, как воля большинства, не представляют волю народа, что известно абсолютно всем, так что реально правит не народ, а политическая элита запада. Однако, форма правовых государств до сих пор позволяла сохранять некий консенсус в обществе, которое

уже привыкло считать демократию недостижимой, постоянно ускользающей химерой. Что есть правовое государство? Правление народа, выражаемое через волю большинства, то есть не естественное право, которое есть научный контроль, основанный на законах природы, а нормативное право, основанное на законах согласованных волей большинства. И если на деле воля большинства править не может по ряду причин многократно обсуждавшихся в политической литературе (Новгородцев, «Кризис современного правосознания»), то вероятнее всего законы устанавливаются или контролируются политической элитой. Институт прав человека, который есть отражение развития естественного права в современном правовом государстве пришел в полный упадок именно потому, что разрушена его основа, метафизика интеллекта: ведь дарвинизм утверждает, что законов природы не существует, потому что не существует бога, а раз так, то что такое право человека, если не законы природы человека? Об этом прямо пишет Майкл Игнатьев, американский профессор, специализирующийся на правах человека — конец института прав человека в связи с тем, что разрушена его философская основа.

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «Хотя они этого и не высказывают, но, по смыслу своего учения, они вместе с Архелаем признают, что в сущности ничто не может быть правым или неправым — только чрез посредство решения государства оно делается тем или другим. Если верить им, то от правительства зависит определение, в чем должна заключаться нравственность, а не от нравственности, в чем должно заключаться управление. Их дельфийский оракул — палата общин. Руководствуясь их понятиями, можно подумать, что люди живут и двигаются, и даже обязаны своим существованием исключительно законодательным дозволениям. Право человека делать то или другое не есть естественное право, а предоставленное ему право. Вопрос о том, имеет ли гражданин право на произведение своих рук, может быть решен только парламентским большинством. Если большинство выскажется утвердительно, то он получит это право, если отрицательно, то нет».

«Карл Поппер Открытое общество и его враги

> «Мне кажется, что для анализа процесса осознания специфических особенностей природы и общества нам потребуется хорошенько усвоить одно важное различие. Это — различие между (а) *естественными законами,* или законами природы, такими, как например, законы, описывающие движение Солнца, Луны и планет, смену времен года и т. п., а также закон гравитации или, скажем, законы термодинамики, и *(b) нормативными законами или нормами,* запретами и заповедями, т. е. правилами, которые запрещают или требуют определенного образа поведения. В качестве примера нормативных законов можно назвать Десять заповедей, правовые нормы, регулирующие порядок выборов в парламент, и законы афинского полиса. Закон в смысле *(а)* — закон природы — описывает жесткую неизменную регулярность, которая либо на самом деле имеет место в природе (в этом случае закон является истинным утверждением), либо не существует (в этом случае он ложен).Закон природы неизменен и не допускает исключений. Поскольку законы природы неизменны, они не могут быть нарушены или созданы. Хотя мы можем использовать их в технических целях, они недоступны изменению со стороны человека, а их незнание или игнорирование может привести к беде. Ситуация совершенно иная, когда мы обращаемся к *(b)* — нормативным законам. Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но «истинным» или «ложным» его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения. Существование нормативных законов всегда обусловлено человеческим контролем — человеческими решениями и действиями. Этот контроль обычно осуществляется путем применения санкций — наказанием или предупреждением того, кто нарушает закон.
>
> Вместе со многими учеными, в особенности социологами, я полагаю, что различие между законами в смысле (а), т. е. утверждениями, описывающими природные регулярности, и законами в смысле *(b),* т. е. нормами типа запретов и заповедей, является фундаментальным и что два этих типа законов едва ли имеют между собой что-либо общее помимо названия

В чем же проявляет себя Зверь Дионис-Вакх, Зверь Человекобог языческого Олимпа в современных западных правовых государствах? В Российском государстве все понятно: это постоянно

возвращающийся Левиафан садомазохизма физического контроля, в отношениях господства и подчинения, в рабстве, где правит голое насилие. От византийского «самодержавия-православия» Царской России к марксизму ленинского государства как «машины для насилия» господствующего класса чекистов, от насилия чекистов назад к византийскому «самодержавию-православию», соединенному в чекисте Путине с насилием сталинского режима. Тут как говорит сам В. Путин блажь да благодать — катится варварская страна по рельсам физического контроля Левиафана, «только таблички меняются». И об этом Левиафане со всей отчаянной резкостью сказано в политических статьях того времени у Мережковского, на смерть боровшегося подобно всей русской интеллигенции с Левиафаном «самодержавия-православия».

Однако, в России правительство В. Путина стремится удержать физический контроль садомазохизма за счет поощрения магического сознания у населения, за счет превращения христианства в варварскую мифологию, которую бы можно было использовать как писал Л. Толстой «для одурения и гипнотизации» населения. Запад противопоставляет себя этой варваризации с насмешкой, хвастаясь, что у него «научное мышление». Но мы видели, что наукой и не пахнет дарвиновская парадигма: всего лишь лженаука шизоидного фиктивного интеллекта, всего лишь Гибрис Эго вместо циклического Эго в России.

Значит, на западе также поле Эгосистемы доминирует над полем Интеллекта Духовной энергии, и значит вся мерзость мертвенных автоматизмов поля садомазохимза должна иметь место и там. В чем же она проявляется? Только ли в коррупции и преступности? Только ли в культе гангстеров и культе денег? Эрих Фромм пишет, что современная западная культура — это культ языческого героя, не христианского, культ, всеобщей конкуренции, культ победы любой ценой, где победителя не судят. И что своего пика эта состязательность как в Древней Греции достигает в Олимпийских играх. О том же пишет и Э. Аронсон в «Общественном животном».

Действительно, вот в чем проявляется Бес Человекобога в современном западе, где он не может уже воскреснуть в виде Левиафана господства и подчинения. Если в России Идолом остается государство, которому все поклоняются как самоцели (вместо того, чтобы сделать его средством жизни для людей), то на западе Идол остался греческим: это Идол Денег, Идол Наслаждения и Красоты, Идол Общества Потребления, где все люди превращаются в товары, соперничающие на рынке за цену и сбыт.

В этом разница между Россией Путина и современным Западом: это не есть противостояние Добра и Зла, хотя каждый рисует другого Дьволом, а себя Богом. Это всего лишь противостояние двух разных Человекобогов, двух разных Антихристов: Зверя Вавилона восточных деспотий с физическим контролем садомазохизма, с которым боролись в свое время иудеи, и Зверя Диониса-Вакха языческого Олимпа греков, Гибрис Эго сломанного циклического равновесия. Кто из них черт, а кто из них хороший? Оба хуже, как говорят Герцен и Мережковский, цитируя детей.

Огромный вклад русской интеллигенции эпохи Мережковского в мировую цивилизацию состоит в той бескомпромиссной войне, которую они объявили Зверю Вавилона Царской России можно проследить в трудах Александра Герцена и Петра Кропоткина, запечатлевших в своих воспоминания летопись борьбы русской интеллигенции с Левиафаном самодержавия.

Д. С. Мережковский «Еще о Великой России»:

> «Некую тоже «соборную личность», или, вернее, личину, «искусственного человека», homo artificialis, предсказывал еще Гоббс в «Левиафане». Как бы не оказалась «Великая Россия» этим страшным «искусственным человеком», автоматом, который задушит в мертвых объятиях живую Россию?
> Царь Навуходоносор поставил золотой истукан и объявил: «Народы, племена и языки! Когда услышите звуки трубы, свирели, цитры, цевницы и симфонии, падите и поклонитесь золотому истукану, а кто не падет и не поклонится, брошен будет в печь, раскаленную огнем».

Национальная симфония «Великой России» напоминает эту вавилонскую музыку, а религиозно-революционные «отщепенцы» — как в русском народе, так и в русской интеллигенции — трех отроков, которые ответили царю: «Бог наш силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавить. Золотому истукану не поклонимся».
Навуходоносор за то, что велел поклоняться себе, как Богу, стал зверем. На этом смешении лица Божиего с ликом звериным, на старом порядке религиозном зиждется и старый государственный порядок. Нельзя перейти от старого порядка к новому, не преодолев этого религиозного смешения. Но Струве не преодолевает, а утверждает его, когда усматривает «сквозь хищничество Бисмарка его религию»: «Величие Бисмарка остается фактом, хотя бы мы к его имени приписали слово „Зверь“ с большой буквы», — не значит ли это, что религиозное величие государственности может являться и «в зверином образе»?
Мы на это ответим: будем гореть в печи огненной, но Великой России в образе зверином не поклонимся».

Д. С. Мережковский «Красная шапочка»:

«Я могу представить себе Герцена, умирающего на парижских баррикадах 48-го года за идею всемирного братства с верой, что и Россия когда-нибудь скажет миру свое новое слово об этом братстве. Но какую существенную разницу нашел бы Герцен между государственными идеалами Струве и Николая I — не могу себе представить.
О Л. Толстом, непримиримейшем враге не только русской, но и всякой вообще государственности, и говорить нечего. Величие Толстого есть воплощенное отрицание великой России, о которой мечтает Струве.
Я нарочно взял три столь крайние и противоположные точки — Лермонтов, Герцен, Толстой — для того, чтобы показать всю площадь противогосударственной заразы, с которой борется Струве: эта площадь так велика, что истребить заразу значит истребить едва ли не всю русскую интеллигенцию. Во всяком случае, чтобы сделать с ней то, что хочет Струве, нужно вывернуть ее наизнанку, да и то Бог весть, поможет ли — горбатого разве могила исправит.
Ежели сейчас в России есть фантастичнейшая сказка, отвлеченнейшая утопия, так это мечта о государственной мощи России как «путеводной звезде» для заблудившейся русской интеллигенции. Кажется, лучше пойдет она к черту в лапы, чем в такую Россию, — не примет, подобно Красной Шапочке, волка за бабушку».

Д. С. Мережковский «Пророк русской революции»:

> «но отсутствие религиозной идеи в русской революции свидетельствует именно только о том, что ее настоящий фазис очень ранний. Как ни огромен поднявшийся вал, он все еще не возмутил последних глубин стихии народной. Как ни страшна буря над землею, она лишь слабый отзвук того, что происходит под землею: это одна из тех бурь которые предшествуют землетрясениям.
> Впрочем и теперь уже русская революция бессознательная религия, как и всякий великий переворот общественный, потому что во всякой религиозной общественности скрыто начало соборности, и притом соборности вселенской — «мечта всемирного объединения человечества» в какой-нибудь последней всечеловеческой истине, то есть начало бессознательно-религиозное. В этом смысле душа русской революции — социал-демократия, уже и теперь соборно-вселенская и следовательно, бессознательно религиозная. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — этот призывный клич, напоминающий крик журавлей, нигде еще не раздавался с такой недосягаемо-далекой и торжественно-грозною, словно апокалипсическою, надеждою или угрозою, как именно в русской революции».

Великая Русская Революция свершилась: Зверь «самодержавия-православия», наследие восточного Левиафана Византии был успешно уничтожен. Какого же было удивление всех истинных социалистов, когда прямо из лона Новой Социалистической Республики вновь показалась чудовищная голова Зверя Вавилона, казнящая все живое, человеческое, думающее в огромных городах ГУЛАГа. Д. Мережковский долгое время надеялся на чудо, надеялся что социалисты-материалисты сумеют осознать религиозный характер революции, не станут «Бесами» Достоевского, о чем его статья «Бог или Бес», где он со всем отчаянием защищает русских революционеров. Но надежда оказались напрасными, чуда не случилось, «дарвиновская парадигма» в основе социалистической революции привела к полному краху революции религиозной, о которой говорит Мережковский. И вдруг, показались те религиозные глубины в «революции сверху» Никиты Хрущева, одолевшего Зверя Берию, и развенчавшего Человекобога Сталина в знаменитом докладе «Культ личности». И вдруг лидер громадного советского Левиафана

протягивает руку помощи «униженным и оскорбленным» на самом дне государства-зверя в лице А. Солженицына. Встречается с писателм, полной той религиозной глубины, о которой писал Мережковский как о глубине всей русской революции и разрешает его рукописи, обличающие Советскую Республику как Зверя Вавилона к публикации! Это ли не революция сверху! Это ли не величие русской религиозной революции! И тогда никто не оценил этот жест доброй воли по справедливости, а жест этот в совокупности с другими подобными поступками Хрущева стоил ему отставки с поста генерального секретаря, который в СССР все вожди занимали пожизненно. Хрущев провинился перед Зверем Вавилона своей страны еще и в том, что пошел на сотрудничество с президентом Америки Кеннеди. Последнему это стоило жизни, поскольку там зрел и наливался кровь свой возродившийся Зверь Человекобог дарвиновской парадигмы, а Хрущев отделался отставкой. И вдруг его горячий поклонник Горбачев идет еще дальше в своем миролюбии, в своем религиозном порыве «всечеловечности», и признает, что правовое государство запада несет больше свободы и справедливости и объявляет о переходе к «перестройке» с тем, чтобы соединится в едином всечеловечестве со свободным и гуманным западом! Вот где сбылись все пророчества Мережковского о религиозной глубине русской революции!

Однако, Горбачев просчитался. Запад не был цитаделью свободы и гуманности, а всего лишь Гибрис Эго со сломанным циклическим равновесием физического контроля. И запад за это время успел нарастить и напитать кровью людей своего возродившегося языческого Зверя Человекобога, завоевывая новые колонии, как это было во Вьетнамской войне, и насаждая свои правительства ценой кровавых переворотов в «варварских» государствах третьего мира. Жест доброй воли русской религиозной революции, которая себя осознала наконец до конца и протянула руку к вселенской соборности человечества, как говорит Мережковский был понят как проявление слабости, как переход России из категории соперников в категорию возможных коло-

ний. «Угодило зернышко промеж двух жерновов», как говорит Солженицын в своих Воспоминаниях о том, как он метался между Зверем Запада и Зверем России. Или «оба хуже» как говорят Мережковский и Герцен.

Следует ли удивляться, что в таких условиях в России вновь не удается утвердиться истине религиозной революции как Церкви естественного права законов природы. Ибо что есть всечеловечность? Законы природы человечества, одинаковые для всех стран, народов и эпох. Что есть социализм как не единство духовного Я человечества, выраженное в законах этики поля Интеллекта: совести, справедливости, сочувствии? Выраженное в общем Я духовной энергии столькими многими словами Евангелия? С нападением западного волка проснулись и внутренние волки, которые решили лучше взять страну себе, чем отдавать ее в колонию. Вновь возрождается Зверь Вавилона в России, бес «самодержавия-православия» так много пугавший Мережковского и Герцена, Толстого и Кропоткина. Русская интеллигенция вновь в положении «зернышка промеж двух жерновов»: западного Зверя Человекобога с одной стороны и царствующего чекиста Путина с другой стороны. Зверь Вавилона вновь жив и дышит, Россия вновь варварский Левиафан и кланяется Золотому Тельцу. Неслучайно же правительство Путина прокляло добрую волю Хрущева и Горбачева, которые исполнили пророчество Мережковского, и доказали всем что истинная цель Великой Русской Революции было Царство Божие, Церковь единого человечества.

Для правительства Путина Хрущев и Горбачев — всего лишь изменники, предатели. Действительно, если смотреть с точки зрения Зверя Левиафана, то российского Левиафана они выдали с головой. Но не в этом ли все их величие и все их непреходящее историческое значение, как вождей социализма, исполнивших конечную цель русской революции до конца в поисках братства и справедливости Царствия Божьего?

Ведь совершенно очевидно, что целью поисков русской религиозной революции была Церковь Естественного права зако-

нов природы. И потому и Герцен в «С того берега» и Кропоткин в «этике», и в «Нравственных началах анархизма» отрицают нормативное право, и утверждают естественное право природы человека. Герцен в «Докторе Крупове» дает философию всемирной истории как постепенное излечивание человечества от безумия — то есть вскрывает естественные законы человека как законы его психической энергии. Действительно, разве цивилизация не есть постепенное излечение человечества от безумия материальной энергии психики, от поля Эгосистемы? И разве самые темные времена варварства с их вакханалиями бессмысленного садизма не есть абсолютное безумия жертвы духовной энергии автоматизмам мертвой энергии психики? Этот извечный плач по Патроклу? Однако, ни Герцен, ни Кропоткин, который в «Этике» становится на позиции естественного права Огюста Конта, не могли дать того Третьего Откровения законов природы человека, которое было необходимо для Церкви Естественного права (или иначе Института прав человека). Потому что они оставались на позициях эмпиризма, на позициях дарвиновской парадигмы. Кропоткин пытался обойти дарвиновскую парадигму, противопоставляя ей закону выживания сильнейшего сотрудничество животных в природе, но ошибся: на этой почве правда за теми кто говорит о законе выживания сильнейшего. Сотрудничество — правда там, где четко разделяют духовную энергию человека и материальные энергии природы, уровни психической и биологической энергий.

Даже Ленин старался противопоставить западному эмпиризму, который отрицает законы природы, материализм марксистов с тем, чтобы утвердить естественное право. Все многословие его «Критики эмпиризма» можно свести к простому тезису: да, бога нет, соглашается он с дарвинистами, но законы природы все равно есть. И конечно, проигрывает, потому что если бога нет, то правы эмпирики а не материалисты: тогда и законов природы быть не может. Давид Юм прав, наличие законов природы можно объяснить только первичностью Интеллекта как формы мира, созданной Творцом, в противном

случае отсутствие Бога говорит об отсутствии каких либо закономерностей природы. И попытка Ленина утвердить Естественное право в рамках марксизма провалилась. И тут прав Мережковский когда в Грядущем Хаме говорит Герцену, что тот должен винить свой собственный позитивизм (философию эмпиризма Огюста Конта). Но все же важно отметить, что он сделал эту попытку. Точно также провалились и попытки Огюста Конта утвердить естественное право на основе его эмпирической философии позитивизма, и попытки Бертрана Рассела утвердить естественное право на фундаменте эмпиризма. Они провалились также как попытки материалиста Ленина, и попытки позитивистов Спенсера, Герцена и Кропоткина. Но оцените тот факт, что все они сделали эти попытки.

Герцен «С того берега»:

> *«Люди только справедливы к безумным и к совершенным дуракам, их по крайней мере мы не обвиняем за дурное устройство мозга, им прощаем природные недостатки; с остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждем от всех встречных на улице примерных доблестей, необыкновенного понимания — я не знаю; вероятно, по привычке все идеализировать. Я иначе смотрю, я привык к взгляду врача, к взгляду совершенно противоположному судьи. Врач живет в природе, в мире фактов и явлений, он не учит, он учится; он не мстит, а старается облегчить; видя страдания, видя недостатки, он ищет причину, связь, он ищет средств в том же мире фактов. Нет средств, он грустно пожимает плечами, досадует на свое неведение — и не думает о наказании, о пени, не порицает. Взгляд судьи проще, ему собственно взгляда и не надо. Недаром Фемиду изображают с завязанными глазами, она тем справедливее, чем меньше видит жизнь; наш брат напротив, хотел бы, чтоб пальцы и уши имели глаза. ...да, я отпускаю им зло, ими причиненное, так, как вы отпускаете холодной погоде, которая на днях простудила вашу малютку».*

Б. Рассел, «Предложенные дороги к свободе»:

> *«Когда человек болен инфекционным заболеванием, он опасен для общества, и потому меры по ограничению его контактов с обществом необходимы. Однако, никому не приходит в голову винить его в его болезни. Напротив, его друзья соболезнуют ему. Все предписываемые наукой процедуры, а также временные ограничения свободы, как пра-*

> *вила принимаются без возражений в таких случаях. Точно такой же подход следовало бы практиковать и в ситуации с тем, что мы называем „преступлением“. Предполагается, что преступник мотивирован эгоистическими соображениями, и что страх наказания, как ресурс противоположного стимула, наилучший сдерживатель от преступления. „The dog, to gain some private end, went mad and bit the man“. Таков распространенный взгляд на преступление; в то же время ни одна собака не сходит с ума по своему предпочтению, и скорее всего, то же самое можно сказать о большинстве преступников, конечно в случаях преступлений на основе страсти. И даже в тех преступлениях, которые основаны на эгоистических мотивах, цель — предотвратить преступление, а не заставлять страдать преступника. Любая боль, которую может повлечь процесс предупреждения преступности, должна быть сведена к минимуму, как боль при хирургических операциях. Человек, который идет на преступление из импульса к насилию, должен быть подвергнут психологическому лечению, рассчитанному на высвобождение более здоровых импульсов. Человека, который идет на преступление из эгоистических соображений, следует убедить в том, что правильно понимаемая любовь к себе, будет значительно лучше удовлетворена полезной для общества жизнью, чем вредительством другим людям. Для этой цели преимущественно необходимо расширить его кругозор и увеличить уровень знаний»*

П. Кропоткин, «Нравственные начала анархизма»:

> «Другие (Гоббс, например) старались объяснить нравственное чувство в человеке влиянием законов. „Законы, — говорили они, — развили в человеке чувство справедливого и несправедливого, добра и зла“. Наши читатели сами оценят по достоинству такое объяснение. Они знают, что закон не создавал общественные наклонности человека, а пользовался ими, чтобы рядом с правилами нравственности, которые люди признавали, дать им в придачу такие предписания, которые были полезны только для правящего меньшинства и которых поэтому люди не хотели признавать. Закон чаще извращал чувство справедливости, чем развивал его. А потому — мимо» Кропоткин Нравственные начала анархизма

Вот почему провалилась религиозная русская революция в поисках Церкви естественного права законов природы.

Как же этот вопрос решается в Научной Революции Энергетики?

До сих пор считалось, что Давид Юм раз навсегда опроверг метафизику интеллекта, доказав что нельзя эмпирически доказать наличие законов природы. Однако, Научная Революция Энергетика опровергает его рассуждения. Это правда что нельзя потрогать причинно-следственных связей законов природы, а потому события могут быть просто последовательностью событий, а не причинными связями законов. Однако, мы можем проверить наличие законов природы опытным путем иначе. Для этого необходимо посмотреть на мир через призму новой парадигмы, через призму Энергетики, которая утверждает, что весь мир есть не более как множество природных энергий, и что научное познание — это только то познание, которое открывает законы энергий природы. Тогда все решается очень просто. Мы легко можем проверить опытным путем правильность или ложность открытых законов природы: если знания дает доступ к силе природных энергий значит наши знания о законах природы верны. И поскольку человество открыло уже множество природных энергий — механическую, электрическую, биологическую, тепловую, ядерную и тп (гравитация, электромагнетизм, биохимия, механика, радиоактивность) — это значит, что мы имеем доступ к силе этих энергий и доказали опытным путем, что законы природы открытых нами энергий существуют. Когда-то Герц доказал так справедливость уравнений Максвелла для электромагнитных волн.

ГЛАВА 6. ПОЛЕМИКА Д. МЕРЕЖКОВСКОГО И Е. ТРУБЕЦКОГО. ЦЕРКОВЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ГРАД БОЖИЙ АВГУСТИНА

1. Постановка проблемы раздвоенности сознания: язычество и христианство или же язычество против этического.

2. Греческое Возрождение во 2 веке. Вторая Софистика

3. Римские писатели — моралисты. Рождение этической религии в первые два века Римской империи.

4. Церковь естественного права Антонинов. Марк Аврелий и Государство Платона во втором веке.

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ РАЗДВОЕННОСТИ СОЗНАНИЯ: ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО ИЛИ ЖЕ ЯЗЫЧЕСТВО ПРОТИВ ЭТИЧЕСКОГО

В статье «Христианство и Государство» Мережковский отвечает на упреки князя Е. Трубецкого в анархизме, который по видимому назвал теорию Мережковского о церкви как «любовной общественности» противоположной государству-власти — «пустым звуком». Сам Е. Трубецкой оставил нам интересное сочинение «Теология 5-го века. Град Божий Августина», где он ставит себе в заслугу сравнительный анализ естественного права Римской Империи и естественного права, положенного Святым Августином в основании его Града Божьего, и следовательно, католической церкви. Трубецкой говорит о преемственности между этими двумя институтами: естественным правом Римской империи и естественным правом церкви св. Августина.

Мережковский возражает Трубецкому в том смысле, что он признает необходимость государства как средства на пути к обществу возглавляемому церковью, к теократии, и что Трубецкой как «человек умный, добрый» никак не может считать церковь Христа — «пустым звуком». Здесь очевидно, что оба ученых говорят об одном и том же, и что причина их спора простое недопонимание, происходящее от нечетких и многозначных определений и терминов.

Мережковский безусловно прав в том, что существует неразрешимый конфликт между обществом, основанном на силе принуждения и обществом, основанном на дружбе и сотрудничестве, — другими словами между обществом физического контроля поля Эгосистемы и обществом научного контроля поля Интеллекта и совести. Ошибка Трубецкого в том, что он не видит этого неразрешимого конфликта между «государством и церковью». С другой стороны, Трубецкой прав том, что дает наконец определение церкви Мережковского: Церковь естественного права законов природы. В свою очередь, ошибка Мережковского в том, что так и не сформулировал этого положения: что Третий завет, от которого он ждал разрешения всех противоречий (тайна одного, тайна двух, тайна трех), есть не что иное как перевод языка притч евангелия на научный язык естественного права законов природы. Зато, это сделал Трубецкой в книге о Граде Божьем Августина.

В романе о Леонардо де Винчи — втором в трилогии «Христос и Антихрист» — Мережковский вновь ребром ставит вопрос о «раздвоенности» сознания между Язычеством и Христианством. Он не может решить дилемму о соотношении морали, этики, представленную христианством и, с другой стороны», механицизма, который ему представляется противоположным морали научным методом, основанным на голой целесообразности. Очевидно, что ему трудно разрешить этот вопрос потому что он относит душу, духовную энергию к мистическим феноменам, никак не связанным с естественными законами природы. В противном случае, он бы не увидел раздвоенности между научным

методом в механицизме и научным методом в этике: ведь этика — это тоже закон природы, закон сохранения силы духовной энергии.

Очевидно, что ошибка не в том, что он поставил Проблему Раздвоенности Сознания Человека: это величайшее достижение его философии. Ошибка в том, что он видит границу этой раздвоенности в разделении между Язычеством (как дохристианским миром) и догматикой Христианства. Между тем, Раздвоенность Сознания скрытая уже у первобытных людей, поскольку фундаментом любой психики является духовная энергия (у дикарей явно обнаруживается только магическое сознание поля Эгосистемы), со всей очевидностью обнаруживается в осевое время К. Ясперса, когда в Израиле, Греции, Персии, Индии пробуждается духовная энергия с первым откровением этических религий, и делается первый шаг от мифологии к логосу, от магического сознания к рационализму.

Поэтому уже до-христианский мир глубоко погружен в ту проблему Раздвоенности Сознания, которую Мережковский проводит как лейтмотив всех своих художественных и философских сочинений. Ренан показал в «Истории Израильского народа» глубокую раздвоенность сознания иудеев, обозначенную им как «элогизм» и «яхвеизм», противоборствующие в сознании нации: универсальный Бог-Отец против национального Бога-Властелина. В этой связи, он отводит Христу роль «последнего иудейского пророка», который завершил великую религиозную революцию иудейских пророков 8 века до н.э., и утвердил победу Универсального Бога –Отца, религию выстраданную еврейским профетизмом для всего человечества. Раздвоенность сознания Древней Греции еще более известна и глубоко разработана в исследованиях антиковедов. Она также представлена противоборством национальных богов магического сознания (Языческий Олимп Гомера) и с другой стороны Универсальным Богом-Интеллектом (метафизика интеллекта Элеатов, Пифагора, Сократа, Платона). Еще яснее прослеживается раздвоенность римского дохристианского сознания между

магическим и рациональным сознанием в противоборстве Чудовищ-Императоров с одной стороны и Святых Императоров с другой стороны.

С этой точки зрения, чтобы проследить становление Церкви Естественного права законов природы, нам необходимо правильно провести разграничительную линию Раздвоенного Сознания античности, поскольку в этом случае мы не пропустим, как делала эта мировая история до нас, огромного вклада в становление этой церкви, внесенного Римской Империей.

Итак, мы не ставим себе задачу прослеживать раздвоенность сознания между язычеством и христианством. Мы ставим себе задачу объединить христианское сознание со всеми его предтечами в античном мире целое становления поля Интеллекта и совести. И с другой стороны, жестко отделить от него тот Гибрис Эго языческой мифологии, который являлся порождением магического поля Эгосистемы, угнетавшего и разрушавшего попытки духовной энергии к становлению и развитию.

Языческое против Этического, где Языческое есть все магическое первобытное сознание физического контроля, от варваров до греческого Олимпа, полного порочных и безумных богов, а Этическое — все моральные религии, где на место победы тщеславия физического контроля ставится победа добра над злом, разума над безумием. И мы постараемся доказать, что Рим первых двух веков развил платонизм в этическую религию.

Е. Трубецкой «Учение Блаженного Августина о граде Божьем»:

> «Подобно идеальному государству Платона, Град Божий, хочет быть царством сверхчувственной идеи. До сих пор сколько мне известно, никто из современных исследователей не обращал внимания на тесное сродство между мировоззрением Августина и учением римских юристов и Цицерона о «естественном праве» (jus naturale). Между тем, при некотором знакомстве с философскими воззрениями римских юристов, сходство это бросается в глаза..Под естественным правом здесь разумеется неизменный строй вселенной, единый порядок, определяющий взаимные отношения живых существ между собой. Как Августин различает вечный и неизмен-

ный мир, так и римский юрист Марциан различает естественное право, как вечную, незыблемую правду божию, от человеческих законодательств, неустойчивых и подверженных беспрестанным переворотам. «Институты естественного права, которые хранятся одинаково у всех народов, установленные некоторым божественным Провидением, всегда пребывают тверды и неизменны; те же, которые каждое государство установило само для себя, имеют обыкновение часто меняться либо в силу молчаливого согласия народа, либо посредством другого закона, изданного после. Как Августин в понятиях мира смешивает правовой и нравственный идеал, так же точно и римские юристы смешивают то и другое в идее естественного права. «То, что всегда хорошо и справедливо, говорит юрист Павел, «называется правом, какого и есть естественное право». Именно этот идеал справедливости и правды по учению Августина достигается в спокойствии вечного порядка, вечного мира Божия, где воздается каждому должное. Как для Августина Божеский мир, так точно и для римских юристов естественное право есть универсальный порядок, в отличие от различных положительных законодательств, которые носят на себе печать местных и национальных особенностей. «Ибо, — говорит Ульпиан, — при господстве естественного права все люди рождаются свободными». Для Августина, как и для римских юристов, раздробление единого рода человеческого на враждующие между собой царства, войны и рабство суть проявления извращенной человеческой природы. И если с точки зрения римских юристов все эти институты действующего права суть результат некоторого рода отпадения от нормального, естественного состояния, то Августин видит в них следствия грехопадения. Насколько это слияние римского идеала всемирного права с идеей всемирной божественной правды было подготовлено и предвосхищено уже в произведениях самих языческих римских мыслителей, читатель может видеть из следующих слов Цицерона: «Истинный закон есть правый разум, согласный с природой, незыблемый, вечный; он призывает к исполнению обязанностей, повелевая, и запрещая устрашает от обмана. Однако добрым он не напрасно повелевает и запрещает, злых же не подвигает к делу повелениями и запрещениями. Этот закон не может быть изменен или заменен в какой-либо части, либо в целом своем составе. Ни сенат, ни народ не может освободить нас от этого закона. И не нужно искать для него какого либо иного объяснителя или толкователя. И закон этот не будет иным в Риме, иным в Афинах, иным теперь, иным после, но один и тот же вечный и неизменный закон будет обнимать собой все народы во все времена,

> и будет единый и общий всем как бы учитель и повелитель — Бог, изобретатель, судья и установитель этого закона. Кто ему не подчинился тот отвергается самого себя и призрев человеческую природу, в силу этого самого понесет величайшие наказания, даже в том случае, если он избежит других мучений, которые считаются таковыми». Так выражается Цицерон в учении, которого римский юридический идеал воспринимает в себя элементы стоической философии. Из позднейших римских стоиков, Сенека в выражениях чрезвычайно напоминающих Августина, говорил о противоположности Божеского и человеческого царств. Марк Аврелий, выражая ту же мысль, возвещает, что «человек есть гражданин высшего города, по отношению к которому остальные города суть как бы отдельные дома». В идее всемирного естественного права римские стоики сходятся с римскими юристами коих философские воззрения, несомненно, носят на себе печать стоического влияния»

2. ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ВО 2 ВЕКЕ. ВТОРАЯ СОФИСТИКА

Пифагорейские школы Пифагора, после огромного успеха, который они имели в свое время в Греции, были разгромлены, а сам Пифагор погиб в этом процессе. Сократ был казнен, а тиран Дионисий, которого Платон старался направить на путь «философа — правителя» в конечном итоге выставил Платона на продажу на рабском рынке. Великий Перикл, под руководством которого Греция узнала свои самые славные времена, жил под градом упреков и насмешек: его друга Анаксагора изгнали из Афин, его другого друга знаменитого скульптора Фидия привлекли к суду по обвинению в краже золота, выделенного на статуи богов, его возлюбленной Аспазии не позволили стать его супругой, унижая и презирая ее как иностранку.

Платон, вслед за Пифагором и Сократом, и в единстве с ними выступил против государства «воли большинства», этой «демократии-тирании», угнетавшей женщин и рабов, и неспособной выйти из состояния постоянных революций в переходе от тирании единоличного самодержца к воле большинства народных демократий. Платон впервые ставит вопрос о государ-

стве как обществе естественного права, где законы определяет не воля большинства, а законы природы, и значит законы бога.

Государство Платона — уже та церковь, где обществом правит господь, потому что здесь воле людей противопоставлены знания о законах природы, которые должны блюсти «философы-правители». Потому Ренан в «Истории Израильского народа» называет социальную революцию 8 века до н.э., произведенную иудейскими пророками — первой победой идеализма и первым Государством Платона. Вторым таким примером он видит Римскую Империю Антонинов, утвердившую идею государства как естественного права для всего последующего человечества. В то же время, сама Греция не только не воспользовалась идеями Платона, но как известно подвергла Сократа публичной и позорной казни.

Вот где нам следует обратить внимание на границы раздвоенности между сознанием античности. Греция произвела Платона и стоиков, но именно Рим развил и претворил в действительность их идеи. В то же время так называемое Греческое Возрождение второго века не имело ничего общего с полем Интеллекта настоящей философии, которая прославила Грецию на весь мир. Напротив, эта Вторая Софистика оказалась развитием магического сознания Гибрис Эго, победившего в Греции, то есть той культуры тщеславия (противопоставленной культуре совести Платона), которая в основе магического сознания и Языческого Олимпа Гомера. Таким образом, Вторая Софистика Греческого Возрождения несла только гибельное влияние. В то же время, римские ученые и литераторы в два первых века Империи работали в противоположном направлении, оказывая упорное сопротивление «культуре тщеславия», победившей в Греции, и противопоставляя ей этическую религию, «культуру совести» Сократа и Платона, победившую не на родине, а в Римской империи. Серьезная греческая философия, метафизика интеллекта, становится основой этической религии Римской Империи, в то же время Софисты, то есть фиктивный интеллект Гибрис Эго, представляют пагубное влияние Греческого Возрождения во 2 веке нашей эры.

В «Диалоге об ораторах» Тацита со всей ясностью отражена эта разница между моральностью римлян, которые понимают социальные отношения вообще и ораторское искусство в частности как борьбу добра со злом, как культуру совести поля Интеллекта, и с другой стороны праздной демагогией греческой школы риторов –софистов, не имеющей отношения к науке, к морали и связанной только с тщеславием поля Эгосистемы. В то же время, Тацит, не забывает упомянуть, что самое наука пришла из Греции и что величайшие ораторы Рима, который он прославляет за основательность научного мышления, учились в школах серьезной греческой философии.

Тацит, «Диалог об ораторах»:

> «И древние твердо усвоили это и понимали, что для достижения такой цели нужны не декламации в школах риторов и не упражнение языка и гортани в надуманных и никоим образом не соприкасающихся с действительностью словесных схватках, а обогащение души такими науками, в которых идет речь о добре и зле, о честном и постыдном, о справедливом и несправедливом; ведь только с этим приходится иметь дело оратору. Ибо в суде мы почти всегда толкуем о справедливости, на совещаниях — о пользе, при произнесении похвальных речей — о честности и в большинстве случаев связываем и перемешиваем одно с другим. Но говорить обо всем этом пространно, разнообразно и убедительно может лишь тот, кто познал человеческую природу, и могущество добродетелей, и извращенность пороков,
> «А теперь наших подростков отводят в школы так называемых риторов, впервые появившихся у нас незадолго до времени Цицерона и пришедшихся не по душе нашим предкам, что явствует из отданного им
> цензорами Крассом и Домицием приказания закрыть, как говорит Цице-
> рон, эту «школу бесстыдства». 60 Итак, повторяю, наших подростков отво-
> дят в школы, в которых, затрудняюсь, право, сказать, что погубнее — самое место, соученики или способ занятий — действует на их души. а что до упражнений, то они чаще всего только вредны.
> И на такую надуманную, оторванную от жизни тему все же сочиняется
> декламация. Вот и выходит, что в школе ежедневно произносятся речи

> о наградах тираноубийцам,64 или о выборе, предоставляемом претерпев-
> шими насилие девушками своим похитителям,65 или о мерах пресечения
> моровой язвы,66 или о кровосмесительных связях матерей с сыновьями,67
> или о чем-либо ином в этом же роде, что рассматривается в суде или
> исключительно редко и я утверждаю, что стать оратором может лишь тот — и никто другой никогда им не становился, — кто приходит на форум, вооруженный всеми науками, как если бы он шел в бой, запасшись необходимым оружием. Но этим настолько пренебрегают современные краснобаи, что в их судебных выступлениях встречаются отвратительные и постыдные ошибки, присущие повседневной речи; они невежественны в законах, не знают сенатских постановлений, больше того, потешаются над гражданским правом и испытывают величайший страх перед изучением философии и наставлениями философов.
> Если нужны свидетели, то назову ли я среди греков кого-нибудь, кто внушал бы больше доверия, чем Демосфен, относительно которого передают, что он был усерднейшим слушателем Платона? 56 И Цицерон, сколько мне помнится, именно в таких словах говорит, что всем, чего он достиг в красноречии, он обязан не заведениям риторов, а садам Академии»

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Во все времена они любили делать из дара слова забаву или зрелище. Даже в самые лучшие для демократии дни любят уже бесполезные споры, искусственность в мыслях и слоге, неожиданности диалектики. Успехи Горгия, Протагора и др. софистов, современных Сократу, доказывают насколько греки уважали блестящие и трудные мелочи. ... Или восходили к баснословным временам и заставляли говорить какого-нибудь гомеровского героя: речь Менелая после того как у него похитили Елену или что мог сказать Гектор, узнав, что Приам садился за стол Ахилла. Бесполезно разбирать все эти декламации, более или менее остроумные, но почти всегда пустые. Похвалы, лестные перерывы, рукоплескания казались недостаточными для самолюбия оратора. Софист оставался доволен только тогда, когда его эффектное слово и тирада неудержимой пылкости прерывались порывами вакхического восторга, а иногда даже вскакивали и бега-

> ли кругом как безумные. Даже перед своей аудиторией они пускали в ход хвастовство переходившее иногда границы смелого и смешного. Доказательством этому служит речь Полемона: «Афиняне, говорят будто вы хорошие судьи в красноречии, я сейчас узнаю, заслуживаете ли вы этой репутации» И как им было не потерять голову, этим баловням моды и народным любимцам, когда набожные почитатели делали им возлияния как богам, когда наконец одному из них воздвигли колоссальную статую с надписью: Рим, царица мира, царю красноречия.
> Мы ничего не говорим об их нравах, так как догадаться о них легко. Сердце слишком близко к уму для того, чтобы испорченность одного не перешла к другому; невозможно было вполне предаваться легкомысленной игре ума, мелочной изысканности тщеславия, не отказавшись от истинного уважения к самому себе и от гордости честного человека. Потому то их раздоры, зависть и скупость были также известны, как их надменность, а их сладострастная жизнь была такова, что подала даже повод к появлению поговорки: жить как софист. Мы видим чем сделалось красноречие софистов: пустой декламацией, театральною игрой, с позами гистриона и блестящими одеждами, с женственным пением, словом, достойной забавой праздного и раболепного общества. Ничего разумного не могло выйти из этих смешных состязаний, так как ценой борьбы было лишь удовлетворение самолюбия, и сама борьба только битва двух тщеславий».

К. Марта — автор исторического исследования о римских писателях –моралистах первых двух веков Империи: Сенека, Эпиктет, Персий, Марк Аврелий, Ювенал, Дион Хризостом, Лукиан. Это герои его исследования, относительно которых автор подчеркивает, что главная цель всего их творчество — проповедь морали, проповедь нравственности, совести. Другими словами, это писатели которые видели целью своей жизни распространять этическое учение, и ставить борьбу добра со злом во главе всех социальных отношений. К. Марта просто выделяет это направление моралистов, как интересный факт, продолжая утверждать, что вершины культуры, которой достиг Рим в первых двух веках есть результат Греческого Возрождения, что Греция, говоря словами Горация, победила своих Римских завоевателей. Мы же ставим совей целью показать, что Возрождение Софистики напротив связано с пагубным влиянием, и что Воз-

рождением серьезной греческой философии метафизики интеллекта мир обязан Риму и римлянам. Более того, «золотой век Августа» и «золотой век Антонинов» — это не просто островки взлета Римской культуры, это рождение римской этической религии, которая явилась продолжением той смертельной борьбы Платона и Гомера, языческого Олимпа и морального Бога-Интеллекта Платона, которая началась в Греции и завершилась там казнью Сократа.

Здесь, в Риме, в первые два века христианской эры этическая религия Пифагора, Сократа и Платона побеждает, что находит свое отражение в утверждении идеи государства как церкви естественного права, а также в самом развитии и становлении римского права. Адоптивная монархия от Нервы до Марка Аврелия явила миру вторую победу Государства Платона, после победы революции профетизма в Израиле: истинных философов-правителей во главе государства, Богочеловеков естественного права, презирающих и проклинающих своих смертельных врагов: человекобогов — зверей, императоров чудовищ, похоронивших добродетель и мужество Рима в вакханалиях разврата и насилия над невинными. Писатели –моралисты отражают эту революцию победы этической религии в своих трактатах, отличительная особенность которых — проповедь добродетели и борьба с пороком, незнакомые праздному тщеславию языческих богов.

Так, римский писатель моралист греческого происхождения Лукиан (Плутарх и Эпиктет — также римские писатели моралисты греческого происхождения) известен своей едкой сатирой на порочность и нелепость языческой мифологии древнегреческого Олимпа. Лукиан подчеркивает, что порочность и распущенность богов Олимпа настолько отвратительны, что во всем противоположны законам человеческим, которые должны бы карать таких богов как преступников. Действительно, Г. Спенсер в «Социальной статике» подчеркивает, что «поклонение силе» (физический контроль, насилие-подчинение садомазохизма) органически связано с порочностью магического сознания. Таким

образом, заслуга Лукиана как моралиста в том, что он своими насмешками над царским двором Олимпа сделал для всех очевидным этот синдром магического сознания: физический контроль, основанный на тщеславии садомазохизма, и во всем противоположный этике и разуму. Софисты, фиктивный интеллект Гибрис Эго (в отличие от серьезной науки, рационалистической философии Греции) и явились продолжением языческой мифологии как «культуры тщеславия» поля Эгосистемы.

К. Марта, рассказывая о вкладе Лукиана в борьбу римским моралистов с погрязшим в распущенности римским обществом, подчеркивает, что языческий миф, несмотря на свою очевидную нелепость и порочность очень упорно держался в сознании античных людей, и что связано это не только с тем, что он постоянно обновлялся суевериями с востока, но прежде всего с тем, что языческая мифология оправдывала порок и приукрашала его поэтическими легендами. В этой связи очевидна параллель с современной дарвиновской парадигмой, которая точно также является фиктивным интеллектом, лженаукой, роль которой служить оправданием порочного и безумного поля Эгосистемы.

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Впрочем, к чему было стараться разрушить религию, не представлявшую ни малейшей строгости, и не только не подавлявшую страстей, но делавшею их еще более притягательными и украшавшую их тысячью прелестных украшений? Следовательно, мифология меньше должна была опасаться вольнодумцев чем честных людей. Испорченность нравов мирилась с языческой мифологией, и наиболее развратные люди, для того чтобы действовать вполне свободно и исполнять все свои прихоти, не считали нужным возмущаться против языческой веры.. Вот почему басня, которую никому не было интересно разрушать господствовала так долго несмотря на свою лживость. Не только народ продолжал оставаться верным своему культу, но кроме того, таинственные догматы Востока, азиатские и египетские религии явились для того, чтобы подтвердить и обновить язычество.
> В эпоху Лукиана боги уже не имели того величия, которое им придал Гомер. Критика Лукиана точна, несмотря на всю свою

ненависть к религии, он передает баснословные предания во всей их неприкосновенности. Лукиана извлекает из басен мифологии естественные и законные следствия, показывающую всю мелочную, безнравственную и постыдную сторону поведения богов. Это серьезная, едкая и действительно философская критика. Он рассеивает обманчивые иллюзии басни и ставит ее перед взорами разума. То, чем мы больше всего восхищаемся в Гомере, кажется нам теперь не более, как ребяческими бреднями; наше смущенное воображение уже не смеет одобрить того, что только что было осуждено нашим здравым смыслом. Трудно описать ту притворную скромность с которой автор дотронулся пальцем до всех гнусностей своей религии. Божеская комедия Лукиана, также как и человеческая комедия Менандра, обязана своим интересом живому наблюдению нравов., он не считает нужным искажать их историю ради их унижения. Есть ли какой-нибудь сюжет который легче бы поддавался карикатуре, чем разнообразные любовные похождения Юпитера?... Когда речь идет о какой-нибудь небесной мерзости, о чем-нибудь слишком смешном, о какой-нибудь чересчур постыдной и нелепой басне, он шутит самым смелым и свободным образом?

Надо сознаться, что в эту эпоху было очень легко уронить в людском мнении богов; достаточно было подобно Лукиану, выставить как бы на театре весь небесный двор, как труппу актеров, и предоставить зрителям размышлять о степени моральности пьесы. Так как религия оставалась неподвижной, а человеческая нравственность делала успехи, то люди могли считать себя лучше богов. Это была странная аномалия в языческом мире. Те самые преступления, которые разрешались примером божества, осуждались философией и законами. Лукиан изобразил нам это странное положение: «Когда еще в детстве я читал у Гомера или Гесиода о войнах и возмущениях между полубогами и между самими богами, об их прелюбодействах, насилованиях, похищениях, спорах, об изгнаниях ими своих отцов, об их браках между братьями и сестрами, я воображал себе, что все это чрезвычайно хорошо и не мало восхищался всем этим. Но когда я увидел что законы воспрещают все это, запрещают прелюбодеяние, мятежи, похищения, я очутился в большом затруднении. Я не мог верить тому, чтобы боги были прелюбодеями не находя этого честным, ни тому что законодатели предписали совершенно противоположное». Эти слова объясняют нападения Лукиана на язычество. С одной стороны законно было разрушать развращающую религию; с другой стороны легко было выставить на посмеяние богов, которых не только могла порицать деликатная нравственность, но кото-

> рых даже положительный закон приговорил бы к самым позорным наказаниям, если бы их вызывали к суду как простых смертных. Лукиан довольно ясно указывает, что намерения его серьезны, цель возвышенна, и что его моральное стремление состоит в том, чтобы извлекать людей из их невежества и безумства».

К. Марта не верит римлянам, единодушно возмущающимся влиянием греческого характера на римскую добродетель. Он подчеркивает, что даже те, кто сам вышел из греческих школ и был поклонником греческой науки, не уставали нападать на коварство, распущенность и лживость греков. Поэтому он не разделяет этой критики, и считает, что это либо притворство, либо неспособность грубых римских умов оценить «изящество» греков. Вот где чувствуется нехватка постановки проблемы о раздвоенности сознания Мережковского. Мережковский в таких случаях ставит вопрос так: те его хвалят, а эти ругают, кто же прав? Правда в том, что его сознание раздвоенное. Действительно, Плавт и Цицерон поклонники Науки Греции, ее серьезной философии, но они же непримиримые враги Гибрис Эго фиктивного интеллекта софистов и языческой мифологии. Поэтому критика Катона, Плавта, Цицерона, Ювенала представляется вполне справедливой, также как и заслуженные восхваления рационалистической философии Греции.

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Такое предубеждение римлян против греков было уже очень давнее, и Ювенал не более как передатчик всех этих жалоб, раздававшихся в Риме с первого появления греков во времена Катона. Кто не помнит вечных иногда странных жалоб Катона-цензора и его сарказмов против этих иностранцев, их подозрительной философии, лживой риторики и даже человекоубийственной медицины. Плавт, подражатель греков, нисколько не стыдится обижать их он вполне уверен что обрадует свою грубую публику и польстит ей, если выставит этих ловких красноречивых людей развратниками, интриганами и мошенниками. Вследствие того, в комедии и в народном языке явилось несколько поговорок, наивно доказывающих это римское прегрешение: развратничать называлось «жить по гречески»; недобросовестность звали «греческим уверением». О чело-

веке, обдумывающим на сцене мошенничество, говорят: посмотрите, он философствует. Все эти патриотические эпиграммы были очень приятны римлянам, не доверявшим науке, и думавшим, что деревенская простота — наилучшая подруга добродетели. Сам Цицерон, вышедший из школ Афин и Родоса, горячий поклонник Греции, притворялся будто он разделяет общее предубеждение и готовил себе ораторский успех, если если делал в речах нелестное изображение греческого характера. Но эти искренние или притворное презрение не помешали однако грекам победить Рим и навязать своим суровым завоевателям свои искусства, обычаи, моды и даже удовольствия. Ювенал такой завзятый римлянин что он не мог не найти у греков всех пороков. Он говорит то, что говорилось во времена Плавта: они сладострастны, коварны, лживы. «Жестче всякого оружия роскошь поживает нас и мстит за побежденный мир. Разврат устремил на нас всяческие преступления и всяческие гнусности с тех пор, как погибла римская бедность. Роскошь привела на наши холмы изнеженность Сибариса, нравы Родоса, Милета и увенчанного цветами, опьяненного и разрушенного Тарента».

3. РИМСКИЕ ПИСАТЕЛИ — МОРАЛИСТЫ. РОЖДЕНИЕ ЭТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ В ПЕРВЫЕ ДВА ВЕКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Совершенно неслучайно, что Богочеловек науки и этической религии с одной стороны, и Человекобог магического сознания язычества достигли самого острого противостояния в Греции: ведь фиктивный интеллект — это побочный эффект молодого незрелого интеллекта. Греческое Гибрис Эго, которое развило защиту Эго поля Эгосистемы в поэтические образы языческого Олимпа и в теоретическое оправдание порока Софистов в этом смысле прообраз всех последующих ликов Сатаны в культурах народов, также одаренных абстрактным мышлением. Неслучайно, самый мощный Сатана сегодня обитает в западной цивилизации, преемницы не только античной культуры, но и высокой способности к абстрактному мышлению. Это ведь запад с бесстыдством языческого Олимпа утвердил «церковь Сатаны» и «Библию Дарвина», прославляя физический контроль садома-

зохизма. Нам важно проследить как и почему самые культурные нации унаследовали греческий Гибрис Эго, который мы сегодня находим и в «культе Я» немецкого идеализма (Кант, Фихте, Гегель, Ницше, Сартр), и в скептицизме и цинизме английского эмпиризма и французского материализма, и в равной степени в византийском самодержавии-православии российского царизма, в цинизме марксистско-ленинского материализма и государства как «машины для насилия».

Велик вклад немецкого гения абстрактной мысли в становление современной дарвиновской парадигмы. Карл Ясперс, один из жестких критиков немецкого идеализма дал самую справедливую критику его, когда сказал, что немецкий идеализм породил гений абстрактного мышления, который заблудился в своем чрезмерном тщеславии. Греческий термин Hubris, который использует Ясперс чтобы описать это шизоидное безумие высокой абстракции, я позаимствовала тогда у Ясперса для обозначения Гибрис Эго. Вот почему грекам самим было так трудно излечиться от своего Гибрис Эго, и вот почему римляне, знаменитые своим здравым смыслом и своим отвращением к пустым абстракциям, сразу сумели отделить здоровое от глубоко нездорового в греческом наследии. По крайней мере римская интеллигенция.

Говорят, что Вергилий велел перед смертью сжечь свою «Энеиду», в которой он прославил в веках Империю Августа как спасение народов от гражданских войн в восстановленной великим императором республиканской свободе римлян. Хотел сжечь, говорят историки, потому что устыдился своей лести, потому что осознал, что империя Августа вовсе не была возвратом к древней свободе римлян, но тиранией самодержца. Так ли это? «Энеида» если ее сравнивать с «Одиссеей» и «Илиадой» Гомера, с которыми ее постоянно сравнивают, несет характеристики уже явно морального, этического произведения, тогда как произведения Гомера, несмотря на некоторую эволюцию в сторону этики, остаются выражением языческой мифологии. Сюжет Илиады — война двух Человекобогов,

двух ахейских царей, которые приносят в жертву своему тщеславию абсолютно все: своих детей, друзей, наконец, всю Грецию. Сюжет «Энеиды» совершенно противоположен: Эней уже несомненный Богочеловек, который приносит в жертву воле Богов самое себя. Это святой, пророк, божий ангел, который наделен самим Богом великой миссией устроить на земле Царствие Божие: Великий Рим, чья мудрость, благочестие в поклонении воли богов, справедливость дадут всему миру Церковь естественного права (если мы будем понимать под естественным правом этическую волю богов Вергилия). Ведь у Вергилия — боги уже моральные. Юпитер, который на языческом Олимпе знаменит своими любовными похождениями, у Вергилия бог самых строгих этических правил: он страшно прогневан незаконной любовной связью Энея с царицей Карфагена Дидоной, и велит ему срочно вспомнить о своей священной миссии и отправляться в путь. Во всем сочинении Вергилия ясно прослеживается этот рок судьбы, тяготеющий над головой главного героя, который ему благочестиво повинуется, жертвуя свою жизнь для своей священной миссии. Наконец, если «небесный двор Олимпа» языческой мифологии есть собрание противоречивых, нелепых и порочных басен, то путешествие Энея в Ад представляет противоположную картину — метафизику этической религии, где Вергилий дает художественное изображение метафизики Пифагора и Платона, строго разделяя добродетель и порок, и потребность бессмертной души быть очищенной от порока. Неслучайно же, Данте берет своим проводником в христианский ад именно Вергилия. Вот где начинается этическая религия римлян. Эмоциональный тон «Энеиды» — это тон Тацита, который придет немного позже, чтобы оплакать победу чудовищ-человекобогов над добродетелью достойных и невинных граждан. Вергилий оплакивает гражданские войны, которые он изображает как войну италиков и троянцев, прародителей римлян, и поруганную невинность человеческой дружбы, человеческого братства, когда грандиозностью своего поэтического таланта

описывает следствия резни в страданиях друзей, матерей, отцов, детей. Это тот «плач по Патроклу», который облагораживает языческий в остальном тон гомеровских поэм. Вергилия обвиняли в империализме из-за его прославления римлян как властителей земли, но тот факт что его поэма — это рождение этической религии, утверждающей царство Богочеловека, во всем послушного этике разума и совести, делает его скорее певцом всечеловечности в Церкви естественного права.

Церковь дружбы, которая всегда возникает вокруг таких святых людей, стала средоточием творческой активности и окружения Вергилия и Горация в их клубе Мецената. Самые трогательные стихи Горация посвящены его дружбе с Вергилием и другим участникам этого морального союза. Варварство нашего века обычно воспевает языческую романтическую любовь и проходит мимо истинного чуда настоящей дружбы. Я напротив, стараюсь повсюду в истории собирать образцы настоящей дружбы как предтечи той «любовной общественности», о которой говорит Мережковский как религиозной революции которая придет на смену государствам, основанным на насилии. И в этом смысле церковь Христа и есть установление той церкви дружбы, святость которой в умении отделить «любовь» садомазохизма от истинного единства духа.

Другой такой пример вскоре после Вергилия и Горация, Персия и Корнута, дадут Тацит и Плиний Младший и множество еще других прекрасных людей их эпохи, упомянутых в письмах Плиния. В том числе, и император Траян, которого Плиний называет своим другом. «Панегирик Траяну» единогласно принято считать классикой жанра лести, я же попытаюсь доказать, что это святая книга, наподобие псалмов, хвалящих господа за отвращение страшных бедствий. Я постараюсь доказать, что книга эта наряду с «энеидой» Вергилия», «Историей Рима» Тита Ливия, сатирами римских моралистов, наряду с плач по поруганной добродетели летописей Тацита, наряду с хроникой святых мучеников, сражавшихся подобно Тразеи и Гельвидию с чудовищами — Человекобогами составляет тот свод Священных Писаний

Рима, который запечатлел рождение его этической религии в первых двух веках империи.

Чтобы понять, что славит Плиний в «Панегирике Траяну» нужно сначала прочитать о том горе, которое оплакивает Тацит в своих летописях. Существо каждого из них в том, что они берут моральный тон, что их суждения — это суждения священников этической религии, что они страстно любят добродетель и также страстно ненавидят порок. Тацит пишет о временах, когда Империей правили такие чудовища- Человекобоги, как Тиберий, Калигула, Домициан, Нерон, и потому тон его сочинений — это горе поруганной добродетели. Плиний в «Панегирике Траяну» тоже упоминает о горе, которое пережил он сам, когда Домициан казнил его лучших друзей, и когда его храбрость в защите своих друзей чуть не стоила жизни и ему самому. И он мог бы сказать также как Дион Хризостон Траяну: зачем мне льстить? Когда все боялись говорить правду при Домициане, я защищал честных людей. Плиний не льстит, Плиний плачет слезами поруганной добродетели, слезами поруганной любви к богу и к правде о том, что случилось чудо, и зло, которое казалось всесильным, что зло настолько чудовищное, что убивало одной гнусностью своего существования, что зло погубившее столько четных людей, вдруг понесло заслуженное наказание, а добродетель оказалась отмщенной! Вот о чем пафос восторженной речи Плиния! Это благодарность Богочеловеку, подчинившему себя воле богов в своей праведности и благочестии, и поставившему себя на службу людям вместо того, чтобы за счет их крови делать себя Человекобогом, претендуя в безумии насилия на всесилие богов. И Плиний так четко разграничивает в своей речи чудовище-Человекобогов от ангельской добродетели служащих богу и людям Богочеловеков, что его похвала справедливости и отмщенной добродетели превращается в мощную этическую проповедь, в восторженный гимн отчаянной борьбе со злом не на жизнь, а на смерть.

Тацит, «Анналы»:

> «Я решил приводить только те высказывания в сенате, которые

представляются мне либо достойными всяческой похвалы, либо примеча-
тельными по своей исключительной низости, ибо я считаю главнейшей
обязанностью анналоп сохранить память о проявлениях добродетели и
противопоставить бесчестным словам и делам устрашение позором в по-
томстве. А те времена были настолько порочны и гак отравлены грязною
лестью, что не только лица, облеченные властью, которым, чтобы сохра-
нить свое положение, необходимо было угодничать, но и бывшие консулы,
и большая часть выполнявших в прошлом преторские обязанности, и
даже многие рядовые сенаторы наперебой выступали с нарушающими
всякую меру, постыдными предложениями. Передают, что Тиберий имел
обыкновение всякий раз, когда покидал курию, произносить по-гречески
следующие слова: «О люди, созданные для рабства!». Очевидно, даже
ему, при всей его ненависти к гражданской свободе, внушало отвращение
столь низменное раболепие. Затем от недостойных слов понемногу перешли к гнусным делам.

Этот Криспин первым вступил на жизненный путь, который впоследствии сделали обычным тяжелые времена и человеческое бесстыдство. Нищий, безвестный, неугомонный, пока при помощи лживых наветов, питавших жестокость принцепса, не вгерся к нему в доверие, он стал опасен для самых выдающихся людей государства и, сделавшись могущественным у одного и ненавистным для всех, подал пример, последовав которому многие, превратившись из бедняков в богачей и из презираемых во внушающих страх, приуготовили гибель другим, а под конец и самим себе.

Неоднократно высаживаясь в окрестностях Рима и побывав даже в садах на Тибре,6 он снова вернулся к скалам и уединенному острову на море, стыдясь своих злодеяний и любострастия, которым он проникся с такой необузданностью, что, подобно восточному деспоту, осквернял грязным развратом свободнорожденных юношей.

И возбуждали в нем похоть не только телесная красота, но в одних — целомудрие юности, в других — знатность рода. Тогда впервые вошли в обиход такие неизвестные прежде слова, как селларии и спинтрии — одно, связанное с названием гнусного места, где совершались эти распутства, другое — с чудовищным его видом.7 Рабы, которым было поручено разыскивать и доставлять к Тиберию юношей, податливым раздавали подарки, строптивых стращали угрозами, а если кого не отпускали близкие или родители, тех они похищали силою, и делали с ними все, что им вздумается, словно то были их пленники.

С поразительным соревнованием в раболепии римская знать принимает решение о свершении молебствий во всех существующих храмах,

о том, чтобы Квинкватры, в дни которых было раскрыто злодейское покушение, ежегодно отмечались публичными играми, чтобы в курии были

установлены золотая статуя Минервы и возле нее изваяние принцепса,

наконец, чтобы день рождения Агриппины был включен в число несчаст-

ливых. Тразея Пет, обычно хранивший молчание, когда вносились льсти-

вые предложения, или немногословно выражавший свое согласие с боль-

шинством, на этот раз покинул сенат, чем навлек на себя опасность.

Тем не менее Нерон медлит, объезжая один за другим города

Кампании, озабоченный тем, как его встретят при въезде в Рим, найдет ли он в нем покорный его воле сенат, благосклонность простого на-

рода; чтобы рассеять его колебания, негодяи из его окружения, которыми

его двор изобиловал как никакой другой, настойчиво внушают ему, что

имя Агриппины всем ненавистно и что с ее смертью народная любовь

к нему возросла; Преисполнившись вследствие этого высокомерия, гордый одержанною победой и всеобщей рабской угодливостью, он торжественно

поднялся на Капитолий, возблагодарил богов и вслед за тем безудержно

предался всем заложенным в нем страстям, которые до этой поры если не

подавляло, то до известной степени сдерживало уважение к матери, каково бы оно ни было.

Сенату он направляет письмо, в котором не признается в умерщвлении Суллы и Плавта и говорит только о том, что, хотя они оба и исполнены мятежного духа, он зорко следит за безопасностью государства. На этом основании сенаторы определили назначить молебствия и исключить Суллу и Плавта из состава сената — издевательство еще более гнусное, чем самое злодеяние.

Получив это сенатское постановление и увидев, что все его преступления принимаются как выдающиеся деяния, Нерон изгоняет Октавию, объявив, что она бесплодна, и тотчас же сочетается браком с Поппеей.

Та, долгое время его наложница, помыкавшая им сперва как любовником,

потом как мужем, побуждает некоего из слуг Октавии обвинить ее в прелюбодейной связи с рабом.

А для Октавии день свадьбы сразу же стал как бы днем ее похорон: она вступила в супружество, не принесшее ей ничего, кроме скорби: по-

средством яда у нее был отнят отец, а вскоре после того и брат; затем

над госпожою взяла верх рабыня; потом Нерон, вступив в брак с Поппеей,

тем самым обрек свою прежнюю жену гибели, и, наконец, — последнее об-

винение, которое тягостней самой гибели. Ее связывают и вскрывают ей вены на руках и ногах; но так как стесненная страхом кровь вытекала

из надрезанных мест слишком медленно, смерть ускоряют паром в жарко

натопленной бане. К этому злодеянию была добавлена еще более отврати-

тельная свирепость: отрезанную и доставленную в Рим голову Октавии

показали Поппее. Упоминать ли нам, чта по этому случаю сенат определил

дары храмам? Да будет предуведомлен всякий, кому придется читать. —

у нас ли, у других ли писателей, — о делах того времени, что сколько бы

раз принцепс ни осуждал на ссылку или на смерть, неизменно воздавалась

> благодарность богам, и то, что некогда было знамением счастливых собы-
> тий, стало тогда показателем общественных бедствий. Впрочем, мы и
> впредь не станем умалчивать о сенатских постановлениях, содержа-щих
> в себе новый вид лести или особо выдающихся своим раболепием. Никогда Рим не бывал так подавлен тревогой и страхом: все затаились даже от близких, избегали встреч
> и боялись заговаривать как с незнакомыми, так и знакомыми; даже на предметы неодушевленные и немые — на кровлю и стены — взирали они со страхом.
> Даже если бы я описывал внешние войны и говорил о павших в них за отечество, подобное однообразие обстоятельств их гибели и во мне самом породило бы пресыщение, и я бы наскучил другим, которых
> отвратил бы этот мрачный и непрерывный рассказ о смертях римских граждан, с каким бы мужеством и достоинством они их ни встретили; а тут — рабское долготерпение и потоки пролитой внутри страны крови угнетают душу и сковывают ее скорбью».

Только после этой хроники времен императоров –чудовищ, записанной Тацитом с вдохновением пророка, с мужественным благородством оскорбленного ангела, можно понять истинное значение столь же священного восторга Плиния победой добра, как священен гнев Тацита, рассказывающего о гнусностях абсолютной победы зла.

И при этом Тацит и Плиний, современники и друзья, чья дружба увековечена в «Письмах» Плиния, были не одиноки, как я много раз уже упоминала. Что и дает мне основания утверждать, что первые два века Римской империи были ее великой религиозной революций, когда Римская интеллигенция, подобно Русской интеллигенции времен Толстого и Достоевского, Герцена и Кропоткина, создает свою этическую религию на основе платонизма и стоицизма.

К. Марта, «Философы и римские поэты — моралисты»:

> «Дион отважился отомстить жестоким памфлетом за смерть одного честного человека, казненного Домицианом. Изгнанный под грозою казни он исчез в изгнании. До тех пор он был просто софистом,

влюбленным в самого себя и в славу; несчастье сделало из него теперь философа. Он возил с собой только один диалог Платона и одну речь Демосфена. Толпа народа окружала этого нищего, стремясь послушать его, как вдруг как вдруг туда пришло известие о смерти Домициана и об избрании Нервы. Римские легионы готовились произвести мятеж, когда вдруг Дион бросился на алтарь, и рассказал солдатам свою историю, рассказал о жестокости Домициана, о добродетели Нервы и своим живым красноречием заставил их вернуться к своим обязанностям. Дион вернулся в Рим, где он с тех пор и жил пользуясь милостями Нервы и Траяна. Мы увидим его проповедующим мудрость грекам, варварам, в Риме и Афинах, Родосе, Египте, Азии и взявшего на себя философскую миссию.
Он предписывает уважение к самому себе и поклонение богам. Тогда вы живете как философ, а иначе вы напрасно будете называть себя честным человеком, вы останетесь надменным, безрассудным сластолюбцем. «Знаете ли вы, что такое мудрец? Это человек не заботящийся ни о богатстве, ни о славе, ни об олимпийских венках; это тот кто продолжая оставаться великодушным в бедности, заботливо сохраняет достоинство своей души и свободу речи. Конечно, очень важно оставаться верным добродетели и возделывать ее в себе; но также важно призывать людей к мудрости путем увещеваний и если надо путем жестоких упреков.. Что ново в речах Диона, так это энергическое предложением им всенародной проповеди. Если над вами станут смеяться, видя ваше самоотречение, вашу скромную внешность и ваши смиренные чувства, если вас покроют презрением, ну и что? Будьте философами до конца и распространяйте свои невинные поучения с благодушием отца, брата, друга.
Во дворце любившего его слушать Траяна Дион произнес несколько речей о царских обязанностях. Дион спешит обнаружить тон своей речи: 2Не бойся, что я захочу льстить тебе, я давно уже доказал свою независимость. В прежнее время, я один не боялся говорить истину под угрозой смерти. И зачем мне лгать? Чтобы получить деньги, похвалы, славу? Но ведь я никогда не соглашался брать деньги, и разделил свое состояние на других».
Он берет текстом стих Гомера: «Троны раздаются Юпитером». Следовательно, он начинает говорить не от своего имени; он получил как бы божественное призвание. Если он объявляет, что царствование происходит от Юпитера, что он налагает на царей обязанность быть справедливыми и благотворительными, то держит подобную речь лишь для того, чтобы повиноваться религиозной обязанности и исполнять повеления бога. Но рассматривая характер Диона, поучавшего государей так же скромно как и свободно, слыша его важ-

> ную и твердую речь, когда он много раз торжественно излагал царские обязанности в присутствии императора и его двора, невольно хочется назвать его проповедником Траяна. Мы уже находим эти христианские слова у философов. Дион намерен заниматься «священным красноречием»; он называет называет философа «истинным толкователем божественной природы», он «небесный посланник». Дион дейтвительно играет роль проповедника, называемых Боссюэ «посланниками божьими».
> В народных собраниях Дион — величайший оратор и бесстрашнейший философ. Греческие города Малой Азии постоянно завидовавшие друг другу, спорили между собой о первенстве, так как каждом из них хотелось сделаться метрополией провинции. Риторы и софисты старались поджигать ненависть и споры. Люди оскорбляли друг друга на улицах, дело доходило до драки. Римляне перестали обращать на них внимание: «Что тут сделаешь? Ведь это греки!» Среди этих волнений Дион являлся в качестве посредника, несущего кадуцей: он не примыкает ни к какой партии и проповедует согласие, почерпывая из философии вечные законы о человеческом обществе «Взгляните на эти громадные тела, движущиеся в величественной гармонии, а вы живя в маленьком городе, не можете оставаться покойными»

4. ЦЕРКОВЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА АНТОНИНОВ. МАРК АВРЕЛИЙ И ГОСУДАРСТВО ПЛАТОНА ВО ВТОРОМ ВЕКЕ

Э. Ренан «Марк Аврелий и конец античного мира»:

> «Таким образом, окончательно сложилось чудесное целое, названное римским правом, тоже своего рода откровение, честь которого, по неведению, присваивается компиляторам Юстиана; но которое в действительности, было делом великих императоров 2 века., превосходно разъясненным и продолженным выдающимися юристами 3 века. Римскому праву предстояло торжество менее шумное, чем
> христианству, но в известном смысле более прочное. Вытесненное сначала варварством, оно воскреснет к концу средних веков, станет законом вырождающегося мира и при небольшом изменении сделается законом новейших народов. Этим то путем великая школа стоиков, попытавшаяся во 2 веке преобразовать мир и как казалось, испытавшая полную неудачу, в действительности одержала полную победу. Собранные классическими юристами времен Севера они стали

> впоследствии законом всего мира. А эти тексты — дело выдающихся законников, которые собрались вокруг Адриана, Антонина и Марка Аврелия и окончательно ввели право в философский его период»... В первой книге своих дум, Марк Аврелий сам начертил нам картину той чудной среды, где как бы в небесном сиянии движутся благородные и чистые образы его отца, матери, деда, наставников. Благодаря ему, мы имеем возможность понять, сколько в старинных римских фамилиях, которые видели царствование дурных императоров, сохранилось еще честности, достоинства, прямоты, гражданского, и смею сказать, республиканского духа. Там чтили память Катона, Брута, Тразея и великих стоиков, душа которых не преклонилась перед тиранией. Царствование Домициана там ненавидели. Мудрецы, перенесшие его без унижения, почитались героями. Воцарение Антонинов было лишь призванием к власти того общества, чье праведное негодование нам изобразил Тацит, общество мудрых, сплотившегося путем союза всех, кого возмущал деспотизм первых цезарей. Никакого сходства с государем наследственным или Божьей милостью, ни с военачальником чисто республиканское владычество Нервы, Траяна, Адриана, Антонина и Марка Аврелия не имело. Это была как бы высокая гражданская должность. Марк Аврелий в особенности не был ни в какой степени государем в прямом смысле этого слова. Его отвращение к «Цезарям», которых он считал своего рода Сарданапалами, роскошными, развратными и жестокими, выражается беспрестанно. В жизненном обиходе он был вежлив до крайности; сенату он возвратил все его прежнее значение»

Богочеловек: Плиний подчеркивает принципиальную важность адоптивной империи (как и Тацит), как предоставление власти в Храме, избранникам богов, добродетельным и мудрым, а не наследникам своего тщеславия.

Плиний многократно противопоставляет императоров –чудовищ и Траяна, как Человекобогов и Богочеловека, как тех кто обожествил свое тщеславие и противопоставил себя богу и людям, и того, кто подчинил себя воле богов в служении добродетели, богу, и людям. В этом фундаментальный религиозный пафос его речи, как благодарности богу за победу святости, победу добра над злом.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

«привлек к участию в этом деле мнения не людей, а богов. Таким образом твое усыновление произошло не в спальне, а в храме, не перед супружеским ложем, но перед ложем великого и всеблагого Юпитера; так-то, наконец, было положено начало не рабству нашему, а свободе, спасению, безопасности. Славу этого дела присвоили себе боги: это их установление, это ими освященная власть. Нерва был лишь при этом помощником; тот, кто усыновлял, в такой же мере повиновался богам, как и ты, которого усыновляли».

...Если бы кто другой сделал для народа только одно это, то уже давно голова его была бы осенена лучами славы и уготован ему был бы среди богов трон из золота и слоновой кости, и на священных алтарях принесли бы ему обильные жертвы. Ты же входишь в храм только для того, чтобы самому там молиться, и допускаешь в качестве наивысшей почести для себя, чтобы статуя твоя была поставлена перед дверями храма. Таким образом получается, что боги сохраняют свое возвышенное положение среди людей, раз ты сам на него не претендуешь. Поэтому мы видим всего лишь две-три твоих статуи в притворе храма великого и многомилостивого Юпитера, да и те медные. А всего несколько лет тому назад все ступени и вся площадка перед храмом сверкали золотом и серебром или даже были залиты этими металлами, так как статуи богов стояли там в кощунственном сообществе со статуями нечестивого принцепса. Но твои медные и немногочисленные статуи стоят и будут стоять все время, пока будет выситься сам храм; те же, раззолоченные и бесчисленные, среди ликования народного были низвергнуты и разбиты в качестве искупительной жертвы. Народу доставляло наслаждение втаптывать в землю надменные лики этих статуй, замахиваться на них мечами, разрубать их топорами, словно бы каждый такой удар вызывал кровь и причинял боль. Никто не мог настолько сдержать порыв своей долго сдерживавшейся радости, чтобы не дать воли своей мести и не крушить этих ненавистных изображений и не бросать затем обезображенные их члены и обломки в огонь, который превращал их, наконец, из грозных страшилищ в предметы полезные и приятные для людей. Ты же, цезарь, со свойственной тебе во всем скромностью разрешаешь нам воздавать благодарственные молитвы за твою благость не перед изображением твоего гения, но перед статуей великого и многомилостивого Юпитера

как вдруг ты ко всеобщему удивлению стал подниматься к креслу консула и позволил потребовать от себя той присяги, которая известна императорам только потому, что они требуют ее от других. Видишь, как было нужно, чтобы ты не отказывался от консульства. Ведь

> мы не поверили бы, что ты все это выполнишь, если бы ты отказался. Я поражен, сенаторы, не достаточно доверяю своим глазам и ушам и все задаю себе вопрос, действительно ли я все это видел и слышал? Ведь император — цезарь — август и он же великий понтифик, стоял перед консулом, а тот сидел перед стоящим перед ним принцепсом и сидел без смущения, без страха, как будто бы давно привык к такому положению. Мало того, он, сидя, произносил первым слова присяги, а император повторял слова выразительно и ясно и обрекал в них себя самого и весь свой дом на гнев богов, если он сознательно когда-нибудь нарушит свою присягу. Велика, о цезарь, и справедлива твоя слава,
>
> Другие государи хотели пережить свое государство и этого добивались; для тебя же ненавистно твое благополучие, если оно не связано с общим благополучием всего государства. Ты не допускаешь никаких пожеланий для себя, если они не сопряжены с пользой для молящихся за тебя; ты каждый год привлекаешь богов к совещанию о тебе и требуешь, чтобы они изменили свое мнение о тебе, если ты перестанешь быть таким, каким ты был избран. Но с твердым сознанием, цезарь, ты вступаешь с богами в договор, чтобы они охраняли тебя, если ты этого заслуживаешь, так как ты знаешь, что никто так это не примечает, как боги».

Молитва за победу добра над злом. Этот благодарственный гимн господу Плиния по мощности своего восторженного пафоса разоблачает глубокую религиозную глубину его чувства: благодарности богу за победу добра над злом. Этот крик души прорывается основным мотивом всей его речи.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

> «Как радостно видеть государственное казначейство в тишине и спокойствии, таким, каким оно было до появления доносчиков! Теперь это храм, истинное святилище, а не мрачное хранилище имущества, отнятого у граждан, или добычи, кровью добытой у врага! Это во всем мире единственное место, где при наилучшем принцепсе дурные люди не в равном положении с добрыми. Соблюдается уважение законов, общественная безопасность ни в чем не нарушается, никому не прощается его вина, но за каждую полагается возмездие, и изменилось только то, что страх внушают теперь не доносчики, а законы
>
> При таком принцепсе награды добродетелям даются такие же, как при свободе [т. е. республике]; и вознаграждение за добрые поступки человек находит не только в своем сознании. Ты любишь стой-

кость граждан; правдивых и деятельных ты не подавляешь и не стесняешь, как другие, но поддерживаешь и возвышаешь. Полезно быть добродетельным, если считается вполне достаточным для человека, чтобы он не вредил. Таким лицам ты раздаешь почетные и жреческие должности, провинции, они процветают от дружбы с тобой, от высокого твоего мнения о них. Подобные награды за усердие и бескорыстие возвышают людей, подходящих к этим качествам, а неподходящих заманивают. Воздаяние за добро и за зло делает людей добрыми или дурными

Насколько же прекрасное зрелище доставил ты нам, цезарь, после того, столь тягостного! Мы видели суд над доносчиками такой же, как над бродягами и разбойниками. Но они строили свои козни не только в уединенных местах или на дорогах, но и в храмах и на форуме. Никакие свидетельские показания не были безопасны, никакое положение не обеспечено, не помогало ни сиротство, ни обилие детей. Зло увеличивалось еще алчностью принцепсов. Но ты обратил на это свои взоры и водворил мир на форуме, как перед этим — в военных лагерях. Ты выкорчевал это внутреннее зло и предусмотрительной строгостью обеспечил, чтобы государство, построенное на законности, не оказалось совращенным с пути законов.

но ничего не было нам столь приятно и столь достойно твоего века, как то, что нам пришлось смотреть сверху вниз на заломленные назад лица доносчиков и шеи их, скрученные веревкой. Мы узнавали их и наслаждались, когда их вели, точно умилостивительные жертвы за пережитые гражданами тревоги, за кровь казненных, на медленную казнь и тягчайшие муки. Все они были посажены на быстро собранные корабли и отданы на волю бурь

Есть ли такое место, до которого не доходила бы низкая лесть, когда похвалы императорам расточались на игрищах и в состязаниях, а дела их изображались в плясках, во всякого рода зрелищах, изнеженными голосами, жестами, движениями превращались в посмешище. Но особенно было недостойно то, что они одновременно прославлялись сенаторами в сенате и комедиантами на сцене. Ты же совершенно отстранил театральное искусство от участия в прославлении твоих деяний.

но для обсуждения и утверждения справедливости и для воздания благодарности твоей простоте и правдивости

Разве совсем недавно не приносили человеку величайшую опасность такие соображения государя: «О, этого человека хвалит сенат, он приятен сенату»? Принцепс ненавидел всякого, кого мы любили, но и мы ненавидели его любимцев! Теперь же самые достойные лю-

> ди соревнуются в том, чтобы заслужить любовь как принцепса, так и сената. Мы выдвигаем взаимно друг друга, доверяем друг другу, что является самым верным признаком взаимной любви, мы любим одних и тех же лиц.
> Римский народ видел тебя на древнем престоле своего могущества; ты терпеливо выслушал длинное молебствие комиций, — продолжительный момент, не допускающий улыбки, — и сделался консулом как один из нас, которых ты назначаешь в консулы. Оказал ли кто-нибудь из предшествующих принцепсов хоть один раз такую честь как консульской власти, так и народу? Ведь одни из них ожидали дома вестников о своем избрании, заспанные или отягощенные еще вчерашним обедом, другие если и бодрствовали в этот момент, но уже замышляли в своих спальнях ссылки и казни против тех самых консулов, которые их избирали на свое место.. Большинство, однако, действовало так под влиянием не столько высокомерия, сколько страха. Или они, сознавая за собой распутство и постыдно проводимые ночи, не решались оскорблять своим присутствием ауспиции и осквернять своими шагами священное Марсово поле? Тебе же, наоборот, твоя скромность и чистота твоих нравов внушают открыто отдаваться на суд богов и людей.
> И не было при этом для них никакого спасения от страха, потому что если дурной государь боится каждого, кто лучше его, видя в нем своего преемника, приходится бояться всех без исключения, раз нет никого, кто не был бы лучше их. Но для твоей безопасности не имеет никакого значения ни медлительность вестников, ни запаздывание посланий. Ты твердо знаешь, что всюду тебе принесена присяга, так как и ты сам связал себя присягой на благо всех. Всякий знает об этом сам за себя. Мы любим тебя в той мере, как ты этого заслуживаешь, и делаем это не из любви к тебе, а к себе».

Церковь дружбы Богочеловека вместо Левиафана Садомазохизма Человекобога.

Плиний, «Панегирик Траяну»:

> «А было такое время, и продолжалось слишком долго, когда то, что было благоприятно для государя, было во вред нам, и наоборот. Теперь же все у нас с тобой общее, как радости, так и печали, и в такой же мере мы не можем быть счастливы без тебя, как и ты без нас. И в самом деле, судьба прежних государей учит нас, что и боги любят только тех, кто заслужил любовь людей. Трудно было воздать тебе равную похвалу за такие твои пожелания; но все же это сделали. Какая пылкая любовь, какие побуждения, какие пламенные чувства

подсказали нам эти восклицания! Эти голоса рождались, о цезарь, не от нашего ума, а от твоих доблестных заслуг, их не могла бы придумать никакая лесть, ничей страх. Разве мы боялись раньше кого-нибудь настолько, чтобы так притворяться, разве любили кого-нибудь так сильно, чтобы могли в этом признаться? Ты сам знаешь принуждение рабства: но слыхал ли ты когда-нибудь что-нибудь подобное, вынужденное рабством?

Ты сам свидетель того, сколько счастья отражается на всех наших лицах. И это не только праздничные одежды на ком-нибудь или маски, которые люди только что на себя надели. Потому-то и кровли наши оглашаются нашими радостными возгласами и нет нигде места, куда бы не достигали наши клики. Кто в это время остался спокойным и на своем прежнем месте? Кто отдавал себе в этом отчет? Многое мы сделали сознательно, но гораздо больше по инстинкту и подчиняясь внутренней воле. Ведь и радости присуща властная сила. Разве смогла положить ей предел хотя бы твоя скромность? Разве, наоборот, не пылаем мы сильнее, чем больше ты нас сдерживаешь? И это не упрямство, цезарь. Поскольку в твоей власти сделать так, чтобы мы ликовали, постольку не в нашей власти определить меру нашей радости. Но ведь ты и сам одобрил непритворность наших ликований искренностью своих слез. Мы ведь видели, как увлажнились твои глаза, как ты опустил от смущения взоры, как щеки твои залила краска, в то время как душа твоя была полна скромности. И это тем более вдохновило нас обратиться к богам с мольбою, чтобы у тебя никогда больше не было причины проливать слезы, чтобы никогда больше чело твое [не омрачалось]. Мы опрашивали эти места, эти кресла, как если бы они были в состоянии дать нам ответ, видели ли они когда-нибудь слезы принцепсов. Но знаю, они часто видели слезы сенаторов.

Но уже и в душах частных людей заглохли древние возвышенные чувства дружбы, на место которой вселились лесть, подслуживание и лицемерная любовь, что хуже даже ненависти. Таким образом и во дворце государей оставалось только наименование дружбы, пустое, осмеянное. Ибо какая же могла быть дружба между такими людьми, из которых одни считали себя господами, а другие рабами? Но ты вернул истинную, отвергнутую было, блуждавшую бездомно дружбу. У тебя есть настоящие друзья, потому что и сам ты для них истинный друг. Итак, ты сам любишь, когда тебя любят, и в этом-то чувстве, которое для обеих сторон является самым возвышенным, и заключается вся твоя слава. Если ты, занимая высшее положение, снисходишь до исполнения дружеских обязанностей и из императора превращаешься в друга, то ты именно тогда и становишься боль-

> ше всего императором, когда выступаешь в роли друга. В самом деле, если положение государя таково, что больше всего нуждается в друзьях, то и главной заботой государя является создавать себе друзей».

Д. С. Мережковский восхищался и Ренаном, посвятившим Марку Аврелию отдельный том в его многотомном труде об исследовании христианства, и Марком Аврелием и Плинием Младшим. В статьях «Марк Аврелий» и «Плиний Младший» он восхищается этими язычниками, в отчаянной борьбе которых со злом своего времени узнает самого себя. Однако, они остаются для него язычниками, как остается для Данте язычником Вергилий, его проводник в потусторонний мир, где он находит Платона и Сократа в самом спокойном и светлом уголке… ада. Этическая революция Римской империи 2-го века прошла для Мережковского незамеченной. Человекобог языческого Зверя, побежденный Богочеловеком Вергилия и Плиния и воплотившийся в целой династии «святых императоров» второго века, в Христе Римской Империи — в Марке Аврелии все еще обобщен со святыми людьми Рима в одну категорию «язычников». Так не для одного Д. С. Мережковского: религиозной революции, осуществившей переход от язычества олимпийской мифологии к этической религии в Риме не заметили, а значит пропустили и решающее значение Римской империи второго века как реального государства-церкви естественного права. Говорили только о Греческом Возрождении, тогда как значение второй софистики только негативное и пагубное. Ан отметил в своей книге о Марке Аврелии, что римское право как естественное право получившее такое развитие и ставшее основным продуктом Государства Платона Марка Аврелия — было Откровением Римской империи. К. Марта в книге «Философы и поэты моралисты во времена Римской империи» одним названием подчеркивает этический характер литературы первых двух веков, однако тоже смазывает предмет, примиряя эту литературу со второй софистикой, вместо того чтобы жестко противопоставить эти два

явления: Человекобога язычества и Богочеловека этических религий. Тем не менее, несомненная заслуга этого автора состоит в том, что выделил сам факт римской литературы как моральной литературы, как воинствующей литературы борьбы добра со злом и дал характеристику их писаний именно с позиций этики.

Град Божий Августина толкуется как наследие Церкви естественного права созданного религиозной революцией римлян в книге Е. Трубецкого. Очевидно, что в такой интерпретации Мережковский не стал бы спорить со своим товарищем и коллегой в поисках Града Божьего.

ГЛАВА 7. АНТИХРИСТ ПУТИН. ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОНСЕРВАТОРОВ

1. Деградация христианства в язычество. Византия как Левиафан садомазохизма. Д. Мережковский, Л. Толстой, А. Герцен, П. Чаадаев, А. Тойнби

2. Антихрист Путин. Назад, в Язычество, — лозунг Революции Консерваторов.

1. ДЕГРАДАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА В ЯЗЫЧЕСТВО. ВИЗАНТИЯ КАК ЛЕВИАФАН САДОМАЗОХИЗМА. Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Л. ТОЛСТОЙ, А. ГЕРЦЕН, П. ЧААДАЕВ, А. ТОЙНБИ

Мы уже видели, что линия, разграничивающая два поля сознания, проходит между языческим, как варварством первобытного физического контроля, и этическим, то есть поле интеллекта и совести развитых, здоровых людей. Язычество древнего варварского сознания — это Садомазохизм поля Эгосистемы, чью порочность и безумие вполне представляет мифология «небесного двора греческого Олимпа», которую так остроумно высмеял Лукиан еще в далекой древности. Таким образом, мы видели, что не все что было до Христианства было языческим в этом смысле. Например, Римская интеллигенция двух первых веков нашей эры показала высокую культуру этического сознания, разумного и добродетельного.

В то же время, не все сознания христианских цивилизаций после возникновения христианской церкви было — этическим. История знает чудовищные примеры того, как христианство деградировало в магическое сознание язычества, то есть в пороч-

ность и безумие, в садомазохизм физического контроля. Уже Гиббон в «Истории упадка и падения Римской Империи» дает первые примеры такой деградации христианства в язычество. Затем движение Реформации обнажило чудовищные язвы папства, которые прямо указывали на тот факт, что на тот период католичество разложилось окончательно как этическое и разумное сознание и превратилось в садомазохизм физического контроля, в насилие, безумие и порочность.

По поводу восточной христианской церкви — византийского православия — исследователи еще более согласны во мнении, что то ценное, что есть в христианстве, его этическое сознание и рационалистическая философия, разложилось в византийской церкви под воздействием государственного гнета, который был неведом католичеству на протяжении веков. Об этом со всей жесткостью пишут Л. Толстой, Д. Мережковский, А. Герцен, Чаадаев, наконец, А. Тойнби в «Испытание цивилизации».

Евангелия Христа были большим катализатором на пути к становлению Поля Интеллекта и Совести Духовной энергии человечества, потому и принято было разделить эпохи христианства и до-христианского сознания, как этическое и порочное. Однако, несмотря на тот факт, что воздействие христианство было действительно очень мощным, оно не дало окончательной победы над злом, над магическим сознанием Поля Эгосистемы физического контроля. И именно об этом все религиозные исследования Мережковского в поисках Третьего Завета, который решит эту проблему окончательно. И конечно, он не одинок в этих поисках. Эрнест Ренан, Л. Толстой, А. Швейцер, К. Ясперс, А. Тойнби, Ф. Шеллинг, С. Кьеркегор, Ж. Санд и Пьер Леру, Р. Роллан, Г. Лессинг, Т. Пейн, Ж-Ж Руссо, В. Дильтей, Штраус — вот только некоторые имена людей ставивших вопрос о том, что Откровение Евангелия не есть истина в последней инстанции. И прежде всего сам Иисус, которого в этой связи много цитирует Мережковский, доказывая, что сам Иисус предсказал, что будет новое знание. «Человечество выросло из христианства, как младенец из пеленок», — говорит в этой связи Мережковский.

Чтобы Знания о Духовной энергии дали окончательное решение в борьбе с магическим сознанием физического контроля, они должны быть выражены на научном языке. Поскольку Бог есть Интеллект, то понятны слова Иисуса, когда он говорит, что Утешитель, которого он пришлет, будет уже говорить не притчами, «но прямо от Отца», то есть на научном языке. До тех же пор, пока наши знания ограничиваются смесью рационалистической философии и мифологии, процесс деградации, назад, в язычество, ничем не застрахован.

Исследователи христианства сходятся в этом пункте на том, что католичество и православие одинаково деградировали в язычество, с той разницей, что католичество внесло огромный вклад в дело борьбы за свободу и цивилизацию в свое время, разделив духовную и светскую власть, и в то же время православие не имеет таких заслуг, и самого начала использовалось против своей сущности этического сознания как «гайка» словами Мережковского для укрепления садомазохизма Левиафана — сначала Византийского, потом Московского.

Д. С. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Всю тяжесть обвинения за отсутствие религиозного сознания сваливать на русскую интеллигенцию было бы несправедливо. История европейской государственности вообще, и русской, в частности, установила слишком тесную, почти неразрывную связь между религиозными, в особенности «христианскими» идеями» с одной стороны, и самыми грубыми формами общественной неправды и политического гнета, — с другой. Религия и реакции сделались почти неразличимыми синонимами. Кажется, довольно произнести слово Бог, чтобы многоголосное эхо в веках и народах ответило: гнет. Это кощунственное превращение имени Божьего в главную гайку, которою привинчиваются к духу и плоти так называемого «христианского» человечества всевозможные колодки, кандалы и другие, более или менее усовершенствовавнные орудия порабощения, есть одно из величайших всемирно-исторических преступлений. Но ежели нельзя обвинять русскую интеллигенцию, то не следует и потворствовать ей в этом невольном заблуждении. Давно пора обличить эту людьми освященную, Богом проклятую связь христианства с политическим произволом, учения истины и свободы — с учением лжи и насилия».

Д. С. Мережковский, «Революция и Религия»:

> «Так осуществилась в России, накануне политической революции, первая точка революции религиозной: конец православия предшествовал концу самодержавия.
>
> Я здесь разумею под концом православия не нарушение, а исполнение исторического христианства, ибо вся полнота заключенной в нем истины — свидетельство о Христе, пришедшем во плоти, — не отвергнута, а воспринята новым религиозным сознанием; отвергнута только ложь православия и всего исторического христианства — самодержавие, все равно, русского царства или римского папства, кесаря, который становится первосвященником, или первосвященника, который становится кесарем, ибо в обоих случаях совершается равная подмена Царства Божиего царством человеческим, происходит то отступление Петра, о котором сказано: отойди от Меня, сатана, ибо ты думаешь не о том, что Божие, но о том, что человеческое.
>
> Что конец православия — конец самодержавия и наоборот, это несомненно для тех, кто видит такую же неразрывную, не только историческую, но и мистическую связь между самодержавием и православием, как между папством и католичеством. Нет православия без римского кесаря, как нет католичества без римского первосвященника.
>
> Кесарь и папа — два неизбежные, хотя и вечно бесплодные, устремления всего исторического христианства, разделенного на восточное и западное, к тому вселенскому единству, от которого отказавшись, церковь изменила бы главному призванию своему: да будет едино стадо, един Пастырь. Ежели не царь всемирного царства, империи — глава восточной церкви или церквей, то вселенский патриарх; но предел патриаршества, как единства вселенского, и есть опять-таки папство. В этих двух односторонних, потому и неудачных, попытках теократии, священного царства и царственного священства, в этих двух человеческих личинах, которыми подменяется единый Божественный лик Христа, царя и священника, до такой степени истина смешана с ложью, богочеловечество с человеко-божеством, что распутать их или рассечь христианство, оставаясь только христианством, оказывается бессильным. Во всяком случае, не случайное совпадение, повторяю, то, что русской революцией последние судьбы самодержавия и отделением церкви от государства во Франции последние судьбы папства решаются одновременно: это две половины одного всемирного переворота, два начала одного великого конца»

Д. С. Мережковский, «Чаадаев»:

> «Всемирность — вот главная и, в сущности, единственная мысль Чаадаева.
>
> Смысл его таков.
>
> Церковь римско-католическая наиболее из всех церквей обладает религиозным сознанием всемирности, религиозною волею ко всемирности: недаром «католичество» и значит «всемирность». В течение пятнадцати веков народы Запада под сенью римской церкви жили одною жизнью, как члены одной семьи. Помогали друг другу, друг друга поддерживали и влекли на одном пути к одной цели. Благодаря этим общим усилиям опередили они все остальные народы. Руководимые церковью, в поисках «Царства Божьего», нашли *попутно* все блага земные — науку, искусство, гражданственность. И так был силен этот первый толчок, что он и доныне двигает народы, как всемирное тяготение двигает планеты вокруг солнца.
>
> Россия одна не участвует в общем движении. Христианство, «воспринятое из зараженного источника, из растленной, падшей Византии, отказавшейся от единства церковного», уединило Россию, исторгло ее из тяготения всемирного, бросило в пустое пространство, как метеор блуждающий.
>
> Римская церковь в тысячелетней борьбе с римскою империей утвердила свободу свою от власти мирской, от государства, — и свобода церкви сделалась источником всех гражданских свобод: «все политические революции Запада в сущности — революции духовные». Русская церковь поработилась государству, — и рабство церкви сделалось источником всех наших рабств. Русское социальное развитие — единственное во всемирной истории, в котором все с самого начала стремится к порабощению личности и общества.
>
> Вот почему у нас нет истории в подлинном смысле этого слова. Стоя как бы вне времени, мы лишены чувства всемирно-исторической *непрерывности*. «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошлого и будущего, среди мертвого застоя... Мы так странно движемся во времени, что с каждым следующим мигом миг предыдущий исчезает для нас безвозвратно».
>
> Россия прежде всех других народов призвана осуществить обетования христианства. Мы еще не начинали жить. Но «настанет день, когда мы займем в духовной жизни Европы такое же место, какое занимаем сейчас в ее жизни политической, и здесь наше влияние будет еще несравненно могущественнее, чем там. Таков естественный плод нашего долгого уединения, ибо все великое зреет в одиночестве и в молчании».

Мысли его легко передать, но непередаваем их тон — *звук всемирности*. До него никто в России не говорил таким всемирным голосом. Тут впервые загорается всемирно-историческое сознание России; впервые дается всемирно-исторический разрез национального русского духа. Тут русская река впадает в океан всечеловеческий.
«Прекрасная вещь любовь к родине, но есть еще нечто более прекрасное — любовь к истине. *Не через родину, а через истину ведет путь на небо»*. Что истина христианства не национальна, а всемирна — это — общее место — в отвлеченности; но в действии новизна необычайная, острота невыносима. Страшные силы национализма топчут всемирность христианства, как степную траву топчет конь Атиллы: где прошел этот конь, там трава не растет. Вот против этой-то страшной силы и восстает Чаадаев.
Это величайшее из всех восстаний человеческих. И не понимающий религиозной глубины Чаадаева Герцен все-таки прав, когда вписывает имя его в русский революционный синодик.
«Моя Европа» — этого никто из русских и, может быть, даже никто из европейцев не говорил так, как Чаадаев. «У нас две родины — наша Русь и Европа» (Достоевский). Нет, не две, а одна. Одна земля — «земля ничья — земля Божья», — это чувство всемирности — русское народное чувство по преимуществу.
И Герцен, и Бакунин, и Вл. Печерин[9], и Л. Толстой, и Вл. Соловьев — все они, подобно Чаадаеву, — «русские бегуны», «странники», «здешнего града не имеющие, Вышнего Града взыскующие».
И в этом он — самый русский из русских людей. На вопрос, что такое русский народ в религиозном смысле, — можно бы ответить: народ, наиболее предчувствующий «конец всемирной истории», наиболее ищущий «всемирного соединения людей» — Града Божьего, Царства Божьего».

Л. Толстой «Исследование догматического богословия»:

«И, достигнув этого, я понял, и весь смысл учения и ужаснулся. Я понял, что всё это вероучение есть искусственный (посредством самых внешних неточных признаков) свод выражений верований самых различных людей, несообразных между собой и взаимно друг другу противоречащих. Я понял, что соединение это никому не может быть нужно, никто никогда не мог верить и не верил во всё это вероучение, и что потому для невозможного соединения этих различных вероучений в одно и проповедывания их как истину должна быть какая-нибудь внешняя цель. Я понял и эту цель. Я понял и отчего это учение там, где оно преподается, — в семинариях — производит наверно безбожников, понял и то странное чувство, которое я испыты-

> вал, читая эту книгу... Так что уже давно попы служат для себя, для слабоумных и плутов и для женщин. Надо думать, что скоро они будут поучать и пасти только друг друга. Это так, но все-таки что же значит, что есть люди умные, которые разделяют это заблуждение? Что значит эта церковь, заведшая их в такие непроходимые леса глупости? — Церковь — это, по их определениям, собрание верующих, попов, непогрешимое и святое... Из глубоких, искренних речей апостолов и отцов церкви, доказывающих непостижимость божию, выводится самым внешним образом словесная задача богословия — доказать, что бога нельзя постигать всего, но можно только отчасти. Но мало того, что рассуждение умышленно извращено, в этих страницах я в первый раз встретил прямое искажение не только смысла, но и слов священного писания»
> «Теперь же они, эти слова, — пишет он, — мне слишком, ужасно ясны. Вот она, та хула на святого духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о церкви».

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, своим умом обдумать вопрос. И это удается. Кому в самом деле придет в голову то, что все то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что все это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, — ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью»

Лев Толстой Царство божие внутри вас»:

> «Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью.
> И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви. Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер называл ее бесчестная; недаром

> все или почти все христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.
> Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь.
> Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

> «Византийская церковь питала отвращение ко всякой светской культуре. Она знала лишь одну науку — ведение богословских споров; она изобрела условную живопись (иконопись) в осуждение плотской красоте античности. Презирая всякую независимую живую мысль, она хотела только смиреной веры. В России не было проповедников. Греческое православие увлекало их к византинизму, и они в самом деле стремительно приближались к этому бездонному стоячему болоту, в котором исчезли следы древнего мира. И, наконец, что иное представляет собой эта Византия, как не Рим, — Рим, времен упадка, Рим без славных воспоминаний, без угрызений совести? Какие новые принципы внесла Византия в историю? Быть может, общественный строй? Но в Восточной империи он основывался на неограниченной власти, на безропотном послушании, на полном поглощении личности государством, а государства — императором. Восточная церковь проникла в Россию в цветущую, светлую киевскую эпоху, при великом князе Владимире. Она привела Россию к печальным и гнусным временам, описанным Кошихиным, она благословила и утвердила все меры, принятые против свободы народа. Она обучила царей византийскому деспотизму, она предписала народу слепое повиновение, даже когда его прикрепляли к земле и сгибали под ярмо рабства. Петр I парализовал влияние духовенства, это было одним из самых важных его деяний; и что же, это влияние хотели бы теперь воскресить? Не нужно ли было бы постараться всеми средствами призвать русский народ к сознанию его гибельного положе-

> ния, — пусть даже в виде опыта, — чтобы убедиться в невозможности этого? И кто же иной должен был это сделать, как не е те, кто представляли собою разум страны, мозг народа, — те, с чьей помощью он старался понять собственное положение? Велико их число или мало — это ничего не меняет. Петр I был один, декабристы — горстка людей. Что вместо этого делали славянофилы? Они проповедовали покорность эту первую из добродетелей в глазах греческой церкви, эту основу московского царизма. Они проповедовали презрение к Западу, который один еще мог осветить омут русской жизни; наконец, они превозносили прошлое, а от него, напротив, нужно было избавиться ради будущего, отныне ставшего общим для Востока и Запада. Таким образом, русская история была историей развития самодержавия и власти, как история Запада является историей развития свободы и прав.
> Пусть поразмыслят славянофилы о падении Гоголя. Они найдут в этом падении, быть может, больше логики, нежели слабости.
> От православного смиренномудрия, от самоотречения, растворившего личность человека в личности князя, до обожания самодержца — только шаг».

А. Герцен, «Развитие революционных идей в России»:

> «Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия, Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценою? Это самая несчастная, самая порабощенная из, стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни. Любой помещик играл роль великого князя московского в миниатюре; и точно так же, как потеряли города свои вольности, державшиеся лишь за лишенные устойчивости обычаи, община в ее борьбе с помещиком была побеждена принципом власти и личного начала, более деятельных и эгоистичных, нежели она. Царизм, сам опиравшийся на неограниченную власть, по необходимости должен был покровительствовать покушению помещиков на права крестьян. Как ни странно, но ни один из государей дома Романовых ничего не сделал для народа.
> Народ помнит их лишь по количеству своих несчастий, по росту крепостного права, рекрутчины и всякого рода повинностей, по военным поселениям, по всем ужасам полицейского управления,
> по войне, настолько же кровопролитной, насколько и бессмысленной, которая длится двадцать пять лет в неприступных горах. Между дворянством и народом стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс.

> Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники, они были и являются еще и теперь самым ярким воплощением раболепства в империи. Класс этот был вызван к жизни крутой реформой суда при Петре I. Изустный процесс был тогда упразднен и заменен инквизиторским. Введенные по примеру немецких канцелярий мелочные формальности усложнили судопроизводство и дали крючкотворам страшное оружие. Совершенно свободные от предрассудков, чиновники извращали законы, каждый по-своему. Казарма и канцелярия стали главной опорой николаевской политической науки. Слепая и лишенная здравого смысла дисциплина в сочетании с бездушным формализмом австрийских налоговых чиновников — таковы пружины знаменитого механизма сильной власти в России. Какая скудость правительственной мысли, какая проза самодержавия, какая жалкая пошлость! Это самая простая и самая грубая форма деспотизма. Словом, картина официальной России внушала только отчаянье: здесь — Польша, рассеянная во все стороны и терзаемая с чудовищным упорством; там — безумие войны, длящейся все время царствования, поглощающей целые армии, не подвигая ни на шаг завоевание Кавказа; а в центре — всеобщее опошление и бездарность правительства. И я уверен, что существует известное основание для страха, который начинает испытывать русское правительство перед коммунизмом: коммунизм — это русское самодержавие наоборот».

A. Toynbee, «Civilization on trial»:

> «В этой долгой и беспощадной борьбе за сохранение своей независимости русские стали искать спасения в тех политических институтах, которые уже принесли погибель средневековой Византии. Полагая, что их единственный шанс на выживание лежит в жестокой концентрации политической власти, они разработали свой вариант тоталитарного государства византийского типа. Великое княжество Московское стало лабораторией для этого политического эксперимента, а вознаграждением за это стало объединение под эгидой Москвы целой группы слабых княжеств, собранных в единую сильную державу. Этому величественному русскому политическому зданию дважды обновляли фасад — сначала Петр Великий, затем Ленин, — но суть оставалась прежней, и Советский Союз сегодня, как и Великое княжество Московское в XIV веке, воспроизводит характерные черты средневековой Восточной Римской империи. В таком тоталитарном государстве византийского типа церковь может быть хоть христианской, хоть марксистской, лишь бы она служила интересам светского государственного управления. И вот с тех давних пор, с начала XIV века, доминантой всех правящих

> режимов в России были самовластие и централизм. Вероятно, эта русско-московская традиция была столь же неприятна самим русским, как и их соседям, однако, к несчастью, русские научились терпеть ее, частично просто по привычке, но и оттого, без всякого сомнения, что считали ее меньшим злом, нежели перспективу быть покоренными агрессивными соседями. Такое смиренное отношение к самовластному режиму, ставшее традиционным в России, является, с нашей, западной, точки зрения, одной из главных трудностей в сегодняшних отношениях между Россией и Западом. Огромное большинство людей на Западе считают, что тирания — это невыносимое социальное зло. Ценой страшных усилий мы задавили тиранию, когда она подняла голову среди нас в виде фашизма и национал- социализма. Мы чувствуем такое же отвращение к ней в ее российской форме, будь она названа царизмом или коммунизмом. Мы уже отметили, что христианство пришло в Россию не с Запада, а из Византии, где оно имело отчетливый антизападный дух и форму»

2. АНТИХРИСТ ПУТИН. НАЗАД, В ЯЗЫЧЕСТВО, — ЛОЗУНГ РЕВОЛЮЦИИ КОНСЕРВАТОРОВ

Президент России последние 25 лет, В. Путин, позиционирует себя как автора Теории Абсолютного Национального Суверенитета. Он нисколько не скрывает, что является убежденным националистом, который противопоставляет единой всемирной цивилизации человечества — «цивилизацию Россия» или «Русский мир». Он также прямо сформулировал свою позицию в споре с А. Козыревым, экс-министром иностранных дел, где поставил ему в упрек тезис об «общечеловеческих интересах», жестко противопоставив понятие «национальных интересов». В интервью О. Стоуну, он также подчеркнул, что является «прорусским» в отличии от О. Стоуна, который позиционировал себя как «гражданина мира», который стоит на стороне правды общечеловеческой.

Если мы рассмотрим главный учебник для ВУЗов по теории суверенитета, изданный в правление В. Путина, — «Происхождение суверенитета» Н. Грачева, издание 2018 года, мы увидим,

что книга эта является самым циническим надругательством над Евангелиями Христа, которые только можно было бы себе вообразить. При этом в этой книге утверждается основная идея Путина о том, что Россия — православное государство, и следовательно та религиозная основа, о которой так часто говорится в «Происхождении суверенитета» — это христианство, другими словами Ветхий и Новый Заветы Библии.

Как же можно писать о Теократии, — а книга устанавливает Закон Божий в основе государства — и не делать ссылок на тот самый Закон Божий, который как утверждается, есть основа права государства? Очевидно, что учебник писал материалист-дарвинист, марксист-ленинист, который в прошлом привык ругать и гнобить христиан, как вражеское племя. У автора отсутствуют минимальные знания основ христианской теологии, и почти единственная ссылка на Евангелии в тексте это слова Св. Павла о том, что «все власти от бога, и нет властей не от бога». Сам текст не только противоречит духу и букве Евангелия и Ветхого Заветов, но является прямым надругательством над всем, что там утверждается. Той «Хулой на Духа Святого», которая как говорит Иисус никогда не простится. И если Толстой в Исследовании догматического православия находит такую же хулу на господа, то там по крайней мере анализируется тексты Евангелия. Здесь, марксисты-ленинисты, материалисты-дарвинисты, самым наглым образом формулируют свои обычные догматы, и при этом утверждают, что Российской государство есть государство христианской теократии, ссылаясь на таких заклятых врагов Христа и церкви, как Ленин, Маркс, Энгельс, Ницше, К. Шмитт (юрист Гитлера). Что-то одно, либо это христианская теократия, и тогда ее закон — это Библия, обязательный и для власти и для народа, или же это светское государство, и тогда надо его закон — это «возведенная в закон воля господствующего класса», как говорит Маркс, и как уверяет «Происхождение суверенитета» Н. Грачева.

Вот например, из приведенного ниже отрывка где дается определение «Права», «закона государства», можно видеть, что

демократическая концепция «верховенства закона» опрокинута и опровергнута, и что вводится старое марксистское определение права: — возведенная в закон воля господствующего класса. Понятно, что тут и речи не может быть ни о демократическом верховенстве закона, определяемого народной волей (или волей большинства), ни о законе Библии, как Божьем Слове, ни тем более о правах человека, как естественном праве науки. Много раз подчеркивается, что закон для всех сочиняет «правящая элита» и нигде не сказано, что правящая элита в христианском государстве — это Христос и Евангелия. Цитатой Св. Павла о том, что вся власть от бога ничего не доказано, потому что Павел прав — разве все законы природы не установлены богом? И разве садомазохизм Левиафанов не есть результат законов детерминированной энергии психики? Но ведь те же законы природы говорят нам, что садомазохизм поля Эгосистемы — это тяжелая болезнь сознания, то самое язычество, с которым борется и христианство и все этические религии. И то что, бог сотворил все и в том числе сатану не значит, что мы должны принять сатану. Это значит что мы должны следовать законам природы Господа, а они в том, чтобы излечиться от зла Левиафанов поля Эгосистемы, излечиться от Сатаны.

Есть зато другая цитата из Евангелия которую любит приводить Мережковский настаивающий что только Христос может быть властью и главой государства и всякий кто метит на его место — Антихрист. «Мне принадлежит вся власть на земле и на небе». Как же получается, что элита путинской России игнорирует элиту христианства и в обход ей устанавливает законом свою собственную волю?

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Право, с этой точки зрения, есть только лишь один из способов, методов политического руководства государством и обществом, пусть и самый важный в современном государстве. Право создается или признается государством и почти во всех своих сущностных качествах зависит от воли правящей элиты, от тех целей и задач, которые она ставит перед государством на том или ином этапе его развития. Роль права и его значение заключаются в упорядочении,

стабилизации и воспроизводстве господствующих общественных отношений, «в замирении социальной среды» внутри государственно организованного общества, установлении и поддержании определенного стабильного порядка в нем. Но в любом обществе порядок общежития задается властвующей элитой. От правящих классов, сословий, групп, партий зависят содержание права и его роль, так как право — не единственный способ регулирования общественных отношений и создания «замиренной среды». Все это свидетельствует о приоритете политического над правовым в жизни государств на всем протяжении человеческой истории, или, говоря иначе, о приоритете государственной власти над правом, производности права от государства и государственной власти, которая и выступает основанием законности тех или иных правил и оценки тех или иных деяний в обществе.

Разумеется, осуществление властной роли (функции) не исключает применение принуждения, манипуляции, персонального авторитета, «голой» силы, как это утверждает Т. Парсонс. Сила, могущество, обладание ресурсами экономического и физического принуждения, способность их применить являются фактической основой власти.

Так как основной внутренней функцией государственной власти (если исходить из основной цели государства — обеспечение общего блага и общих интересов) является установление, поддержание и охрана общественного и правового порядка, то ей принадлежит монопольное, т. е. исключительное, безраздельное право на принуждение; узаконенное, «легитимное физическое насилие» а также суждение о том, ради каких целей подобает к нему прибегать.

Именно государственная власть посредством своих органов нормативно определяет: объем прав всех субъектов общественных отношений; основания и условия их ограничения и даже отчуждения; юридические обязанности и запреты, а также меры принуждения и ответственности в случае их неисполнения или нарушения.

Поэтому положение физических лиц, корпораций и союзов по отношению к государственной власти Р. Иеринг называет подданством, а положение последней относительно них определяет как верховенство»

Я со своей стороны утверждаю, что такой теории права не знает цивилизованная общественность со времен древних восточных деспотий, к которым эта работа Грачева «Происхождение суверенитета» беззастенчиво апеллирует. То есть учебник, который проповедует теократию христианства, нагло апеллирует вовсе не к Библии, а к язычеству древневосточных деспотий. Вот почему весь тот прогресс, которого добилось христианство в праве и в государстве за эти века, понятия нормативного права и естественного права, понятия народного суверенитета, единства субъекта и объекта власти в лице народа, верховенство закона, разделение властей — все это не только игнорируется, но самым наглым образом опровергается и отвергается с единственным обоснованием: ссылкой на авторитет «золотого века» языческих деспотий древнего востока.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя.
> Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв
> в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как высшего жизненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Здесь вопиющее язычество этого текста прямо говорит о Сатане, который обожествил сам себя, о Человекобоге язычества, о Сверхчеловеке врага христианства Ницше, о человеке-волшебнике, чьи способности превышают природу человека. В христианстве божий человек — это Святой, которые все известны

своим служением человечеству на основе законов Евангелия, мученичеству ради этого служения. И первым был Христос, чья божественность позволила ему лишь сказать: я пришел послужить человечеству; у людей есть князья, но вы не будьте как они, но кто скажет я — первый, пусть будет последним». Вся теория Библии, и Ветхого и Нового Завета — эта теория социализма и правления закона, направленная против язычества Левиафанов: и их иерархии, и их «царей», и их господства и подчинения, и их магического сознания. Книга «Происхождение суверенитета» Грачева, которая претендует на водворении теократии христианства есть откровенно пропаганда как раз обратного: язычества и сатанизма древневосточных Левиафанов.

Вот в этой цитате где подчеркивается основной мотив произведения — нет равенства, есть только господство и подчинение (садомазохизм физического контроля) — авторы нашли даже «иерархию в степени близости к богу». Автор вообще не имеет представления о самых основах христианской теологии. Какая может быть иерархия лестницы в близости к Христу, сказавшему своим апостолам — «я в Отце и Отец во мне, и я в вас, и вы во мне». И он постоянно подчеркивает эту общность духа истинного Я человечества: «Я уже все вам рассказал, не называйте меня учителем, мы с вами друзья». «Не осуждать пришел я, но послужить», На судном дне Принц этого мира будет осужден, не имеет ничего общего во мне», «принц этого мира — сатана», и так далее в том же духе, Христос, как та школа иудейская из которой он вышел и которая знаменита своим анархизмом, отрицает всякую иерархию, и всякое господство и подчинение, которые лежат в основе Левиафанов садомазохизма. А вот «теократия христианства» Грачева уверяет, что «правящая элита» располагается по степени близости к Богу.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «В переводе с древнегреческого «иерархия» означает «священная власть». Не случайно в традиционных обществах Древности и Средневековья было принято признавать *священный характер верховной власти* государства. Здесь «слово суверенный... обозначает

нечто смежное с сакральным», а сама *верховная власть государства являлась* в то же самое время общественным *авторитетом* (auctorites).

Метафизический уровень — значит находящийся за пределами физического мира, *трансцендентный* — то есть данный «свыше» и потому являющийся для всех частей и граждан государства *сакральным,* освященным и распространяющим свою *святость* на Верховную Власть и ее носителей. Эта *сакральность, освященность* есть общий имманентный признак подлинной, настоящей Верховной

Власти, позволяющий ей устанавливать и поддерживать государственно-правовой порядок без принуждения и насилия, во всяком случае, постоянного или длительного.

Однако определенная степень единства любого социального организма предполагает *иерархичность* его строения и внутренней организации.

Исходя из религиозных традиций, *иерархия* есть такая градация социальных статусов, такой лестничный принцип и строй, где все ступени определены их близостью к Богу, который и есть источник любого земного авторитета, любой власти и силы, связывающий мир в единое целое. Афоризм апостола Павла — «нет власти не от Бога; существующие власти от Бога установлены» — как бы закрепляет status quo, в котором постоянно пребывает всякая власть.

Иерархия есть *непременный атрибут любой власти*.

Поэтому реальным основанием для политического единства народа является его мировоззренческое единство, что придает государству органический характер. Неслучайно на протяжении почти всей своей многовековой истории, за редким исключением, государство продолжало сохранять характер института религиозного или тесным образом связанного с религиозно-мифологическими представлениями. В органических государствах древности, где существовало мировоззренческое, религиозное и морально-политическое единство власти и народа, а каждое сословие и государственный институт в соответствии со своим местом и назначением четко выполняли возложенные на него функции, такой контроль был не нужен. Верховная власть духовно и нравственно связанна со своим народом, выступала во всех своих функциях как служение божественной справедливости и посредством этого своей стране и народу. Верховная власть в этой интерпретации являлась представителем Бога на земле, непосредственно транслировала божественное в государственную и общественную жизнь, выступала как проводник божественного закона. Поэтому традиционно суверенитет всегда связывался с персоной су-

> верена, который отождествлялся как правило, с фигурой монарха. Имея источник своей власти в области трансцендентного, монарх обязан был следовать небесному Закону и возникшей на его основе традиции, исходящей из небесного источника».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Государство возникает тогда, когда уже фактически сложившаяся Верховная Власть устанавливает свое господство над населением, занимающим определенную территорию».
> Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):
> «Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что высшая и конечная, реальная (практическая) цель государства заключается в нем самом, в самом его существовании, его воспроизводстве
> и развитии. ...Государство, нация и церковь образуют единое целое. «Тот, кто принадлежит
> вере, принадлежит и к нации». Поэтому классическое государство древности опиралось на единый народный дух, общие верования, традиции, убеждения и нравы... Их «единство носило не просто политический, но скорее духовный — а зачастую прямо религиозный — характер»

Иисус как известно проповедник Царства Истины, а евангелие от Иоанна прямо называет его Логосом, то есть Богом-Интеллектом. «Происхождение суверенитета» Грачева доказывает, что все горе человека от разума, от науки, от рационализма, от прогресса. Другими словами, не Бог — это Интеллект, а именно Сатана в интерпретации этой книги становится разумом и интеллектом, который разлагает человека. Причем разложение человека как раз в том и состоит, что он на пути прогресса, разрушает садомазохизм Левиафанов, и выходит к демократии народного суверенитета, к гражданскому обществу, к правам человека, к научному мышлению, к цивилизации и культуре. Книга прямо отстаивает магическое сознание варваров первобытных восточных деспотий и прямо объявляет всю цивилизацию и весь прогресс — загниванием или иллюзией. Больше всего нападает на отношения равенства, на народный суверенитет, на верховенство закона, постоянно подчеркивая, что их Левиафан — это отношения господства

и подчинения, «иерархия», «неравенство», поскольку это основа не христианского общества социализма и братства, а физического контроля садомазохизма Левиафана. То есть язычества магического сознания варваров.

Н. Грачев, «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Постепенная рационализация общественного сознания, заложенная еще католическим христианством и развитая протестантизмом, привела к утрате большинством европейских народов религиозного миросозерцания, устранению из политики и государственной деятельности религиозных принципов и норм, секуляризации общественной и политической жизни и десакрализации верховной власти. Теорией, заменившей собой принцип «божественного права», на основе которого строилась верховная власть традиционного общества, стала концепция народного суверенитета.
> …Основой власти выступают отношения неравенства и зависимости между *субъектом* и *объектом* властного воздействия, проявляемого во властеотношениях. Из этого вытекает, что «невозможно осуществлять власть над самим собой» и в обществе, государстве всегда существуют те, кто обладает властью, и те, кто им подчиняется, властвующие и подвластные, управляющие и управляемые.
> Это тем более относится к государственной власти.
> В итоге в государственной жизни современных государств и народов народный суверенитет в том виде, в котором он представлен в теории и конституционном законодательстве выступает как определенная политико-правовая фикция. Рассматриваясь как носитель верховной власти, то есть ее субъект, народ, вместе с тем является одновременно ее объектом, вынужденный весь в своем целом и в лице отдельных граждан подчиняться решениям органов государственной власти, причем не только высших, но и центральных, региональных, местных. В этом также проявляется неразрешимое внутреннее противоречие теории народного суверенитета и его коллизия с концепцией государственного суверенитета. Ведь в соответствии с последней, суверен — носитель верховной власти — не может и не должен быть никому и никак подчинен, а его власть не может быть юридически ограничена, никаким иным субъектом властной деятельности внутри государственно организованного общества.
> Для народа в государстве и обществе предусматривается совсем другая политическая роль, совершенно иные функции и назначение. Они заключаются в отвлечении от изначально содержащегося в народе принципа власти и переносе этого принципа на определенное

> лицо или учреждение вместе с добровольным обязыванием себя повиноваться этому признанному им субъекту как непосредственному носителю верховной власти, держателю государственного суверенитета; в наличии способности выявить из своей среды или принять извне дееспособную верховную власть, а затем свободно и лояльно повиноваться ей, добровольно обязывая и ограничивая личное Я в своих отдельных единицах. В этом состоит первичный акт народного суверенитета, который дает возможность возникнуть, формироваться и существовать государству. Государство — это всегда иерархически упорядоченное единство народа».

Автор учебника «Происхождение суверенитета» не скрывает своего восхищения «кастово-сословным строем» варварских деспотий — тех самых Вавилонов и Египтов, с которыми до сих пор сражается святой народ на страницах Ветхого Завета, как со Зверем Апокалипсиса. Более того, проповедники «христианской теократии» приводят нам кастово-сословный строй Вавилона и Египта как образец совершенства Золотого века, от которого нас пробудил «грех» «постепенной рационализации сознания». Авторы объявляют «жреческо-военную элиту» языческих Зверей-деспотий — самой близкой по иерархии к богу, наделенной божественной мудростью. Но на чем основаны их знания? На мифах языческих деспотий! Авторы этого не скрывают, и со всей наивностью цитируют мифологии язычества, их Человекобогов-Зверей, обожествивших себя, и при этом утверждают, что они теоретики христианского государства. Таким образом, рассказывая нам о христианском государстве, они не ссылаются на тексты христианского Слова Божьего, на Библию, но активно прибегают к цитированию мифов и ритуалов, порядков деспотий языческих государств. Они поэтому берутся утверждать, что люди, которые «Неравенство» и «иерархия» с властью — отличаются друг от друга социальными кастами, где верхние слои ближе к богу (а вождь — это воплощение божества как египетские фараоны), а нижние совсем никчемно далеки от бога. И потому, именно древние деспотии, где правили жрецы и воины — самые совершенные государства, тогда как государства где

«рационализация» привела к революциям и народному суверенитету — это общества маргиналов, где правят нижние слои торговцев и промышленников, и видимо крестьян и рабочих, то есть самые презренные сборища дегенератов, далеких от бога в нижнем слое своей касты. Это так нам изложили существо евангелия и Христианской церкви братского единства.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На место мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия. Место духовных наставников — жрецов и магов — занимают философы, которые в отличие от первых, рассуждающих о богах, рассуждают о природе всех вещей, в том числе человека, общества, законов, государства, власти. Возникновение философии радикально меняет отношение к священному прародительскому праву, традиционным установлениям и авторитету царской, а затем и любой другой власти. Философия подрывает господство традиционного права и авторитета, подвергая все сомнению.
> …На пороге Нового времени зарождается идея прогресса, то есть представления о возможности принципиального улучшения окружающей действительности посредством человеческого разума и рациональной деятельности людей, о поступательном, в целом, ходе развития общества, необходимости радикального переустройства общественных отношений путем создания более совершенной политической организации на рациональных началах. Как считают многие современные философы, убеждение в прогрессивном, поступательном характере развития человечества со своей содержательной стороны было не чем иным, как мифом Нового времени. …До этого в сознании людей господствующим был противоположный миф, согласно которому «Золотой век» относился к прошлому, к «первичным временам», «правремени» Божественного сотворения мира, когда человек еще не отошел далеко, не отделился от своего Творца. На земле господствовал идеальный миропорядок и социум не был подвержен инволюции и деградации. В то время люди поддерживали Божественные установления с помощью передачи **сакральной традиции** на основе мифа, обряда и ритуала».

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Происходит постепенная рационализация сознания. На ме-

> сто мифологии и религии как основной формы познания и освоения действительности становится философия.
> ...На следующем этапе деградации кастово-сословного строя на арену государственной жизни в качестве политической силы, претендующей на всю полноту власти, выходит третье сословие торговцев и производителей. В историческом плане этому этапу соответствует эпоха буржуазных революций. В политико-правовом аспекте — на смену абсолютным монархиям и аристократическим республикам приходят ограниченная монархия и олигархическая или демократическая республика. Третье сословие, бюргерство, буржуазия являются, как правило, носителями идеи юридического равенства и отрицают не только само право высших сословий на полноту власти, но и саму сословную систему. В Древней Греции идеология данного класса людей нашла свое выражение в философии софистов и эпикурейцев. В социально-политической сфере этому соответствовала ранняя демократия греческих полисов и, в частности, афинская демократия. В Новое время идеологией третьего сословия становится протестантская религия, а затем философия рационализма и позитивизма и различные либеральные концепции. Усеченная сакральность военной аристократии сменяется частичной фрагментарной сакральностью ранних буржуа как первоначального этапа десакрализации политики государства и власти».

Самое страшное, если народ «десакрализовал» своего Человекобога во главе Левиафана, — тогда ему грозит маргинальное общество демократии, где правят отбросы общества из низших каст. Они сочиняют глупые теории народного суверенитета и прав человека и верховенства законов с одной целью, чтобы оттеснить от власти тех, кто по статусу рождения в самой высшей касте, в правящей элите, ближе всех к богу. Таковы основы языческой теологии «Происхождения суверенитета» в государстве Антихриста В. Путина.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но «суверен-

> ный народ» оказался не в силах узнать в себе нового Бога, по крайней мере в части реализации им суверенных прав фактически, а во многом и формально юридически, передав их реализацию и осуществление своим полномочным представителям в органах высшей государственной власти. Как политический актор он оказался неспосо-
> бен заниматься решением конкретных вопросов, что с неизбежностью породило необходимость продолжение существования особой органи-
> зации верховной власти, не совпадающий с народом и продолжающей по прежнему представлять собой феномен реального носителя государственного верховенства (суверенитета) …Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения… Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной точки зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт. Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений обще-
> сударственного значения. Народ является прежде всего объектом верховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление

> субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета» (2018):

> «Как показывает история государственного строительства принцип разделения властей, также как и все другие либерально-демократические ценности (приоритет прав личности, верховенство права, частная собственность и рыночное хозяйство, парламентаризм и тд) эффективно действуют на своей родной, автохтонной для них почве, в первую очередь в странах англосаксонской политико-правовой культуры. По сути принципиально в них почти нет ничего демократического, зато очень много либерального. Будучи провозглашены универсальными эти принципы на самом деле имеют англосаксонское происхождение и отражают интересы двух сменивших друг друга гегемонов мировой капиталистической системы- Великобритании и США которые, внедряя их последовательно с Запада на Восток в идеологию и практику государственного строительства других стран устранили всех своих политических конкурентов — сначала полуостровных европейских (Франция и Германия), а затем и евразийских Российскую империю и СССР. Поэтому либеральные принципы организации государства и общества в Великобритании и США носят созидательный характер, но в отношении стран — их геополитических противников — выступают как разрушительное идеологическое и политико-экономическое оружие»

Точно в том же духе выдержана книга Владимира Соловьева, всем известного журналиста-апологета путинского режима, — «Революция Консерваторов», — которая уже самым своим названием отражает существо политики Путинского режима: назад, возврат к «Золотому веку» Язычества, к восточным Левиафанам, наподобие Византийского самодержавия-православия, которое унаследовала в свое время Московское Царство. Путинский режим есть прямо противоположное движение — движению русской религиозной революции. Если девиз Мережковского — вперед, к прогрессу разума и этики, к Третьему Завету, к Церкви естественного права законов природы, к социализму и братству христианства (и как истинный христианин

Мережковский все свои тексты, особенно политические, перемежает цитатами из евангелия, которые у него встречаются на каждой странице), то девиз путинского режима, чьи теоретики проповедуют христианскую теократию и не знают основ ни Библии, ни Евангелий, — назад, к язычеству восточных Зверей-Левиафанов, физического контроля садомазохизма и магического сознания, назад от прогресса науки и разума, назад от цивилизации и демократии, прочь от равенства и социализма народного суверенитета.

Глубокое язычество тона Соловьева ничем не уступает тону книги Грачева «Происхождение суверенитета». Этот языческий дух, который слышно в каждом предложении так же невозможно подделать, как нельзя подделать дух истинного христианина, понимающего о чем идет речь в священной истории израильского народа. Здесь тот же цинизм материалиста, который рассуждает о международной политике как законе дарвинизма (осмеянного Мережковским в статье «Великая Россия»), где сильные пожирают слабых. Его насмешки над Академией Наук России, которая посмела сопротивляться, когда путинский режим подчинил ее силовым ведомствам, его уверения, что есть «государственная воля» устроить Тяньаньмэнь в России, и наконец, такая же откровенная пропаганда «кастово-сословного строя» древних Левиафанов, и те же насмешки над демократией, когда он цитирует какого-то лидера Египта: «Египет 4 000 лет жил без демократии». А динозавры жили сто миллионов лет без людей, это же не значит, что их общество предпочтительнее цивилизованного общества.

И наконец, самое главное заявление этой книги: «конституция России построена на ложных посылках», потому что она построена на «общечеловеческих ценностях Декларации прав человека». То есть естественное право, как следовало ожидать, самый главный враг путинского Зверя Вавилона, или Зверя Византии, принцип один Левиафана восточной деспотии.

В. Соловьев, «Революция Консерваторов»:

> «А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть общество. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам «общечеловеческими» ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека».

Напоследок, я хочу отметить роль Оливера Стоуна в пропаганде путинского режима — роль очень неблаговидную, так как этот режиссер снял фильм и напечатал по нему книгу, в которой он распиярил «Теорию Абсолютного национального суверенитет» Путина почти как подвижничество и героизм в борьбе за международную демократию. На протяжении всего интервью О. Стоун возвращается к теме суверенитета, к Мюнхенской речи Путина, к тому как печально обстоят дела даже для европейских стран, «превратившихся в сателлитов Америки», не говоря уже о странах третьего мира, и что среди этого общего рабства, только голос героического протеста путинского режима вносит свежую струю воздуха в международную демократию. Стоун даже заканчивает книгу диалогом под заголовком Суверенитет, хотя там нет ничего о суверенитете. Но так сильно его желание представить варварскую пропаганду путинским режимом возврат к языческим деспотиям древности, эту миссию Антихриста, которую Путин взял на себя под личиной реставрации христианства в России, что О. Стоун идет на компромиссы с совестью.

Д. С. Мережковский, «Предисловие к одной книге»:

> «В России более, чем где-либо в мире, дела дьявола, ложь и человекоубийство, покрываются именем Божиим. Дьявол украл у нас имя Божие. Ежели смотреть не на то, что русские революционеры говорят, а на то, что они делают, нельзя не увидеть, что эти безбожники иногда святые. Со времени первых мучеников христианских не было людей, которые бы так умирали: по слову Тертуллиана, «они летят на смерть, как пчелы на мед».
> Русская революция — не только политика, но и религия — вот. что всего труднее понять Европе, для которой и сама религия давно уже политика. Вы судите по себе: вам кажется, что мы переживаем

естественную болезнь политического роста, которую переживали в свое время все европейские народы; пусть же перебесимся — все равно, выше головы не прыгнем, кончим тем же, чем вы, остепенимся, протянем ножки по одежке, взнуздаемся парламентским намордником, откажемся от социалистических и анархических крайностей и удовольствуемся вместо града Божиего, старенькой конституционной лавочкой, буржуазно-демократической серединкой на половинке; — так было везде, так будет и у нас.

Пожалуй, и действительно было бы так, если бы мы были не на изнанку, если бы не наша трансцендентность, заставляющая нас разбивать голову об стену, лететь «пятами вверх». Во всяком случае, на конституционной монархии мы не остановимся. Да и не могла бы, если бы даже хотела, русская монархия дать конституцию. Для царя православного отречься от самодержавия значит отречься от православия.

Но когда все исторические формы нашей государственности и церковности будут низвергнуты, тогда в политическом и религиозном сознании народа зазияет такая пустота, которую не наполнят никакие существующие формы европейской государственности — не только конституционная монархия, но и буржуазно-демократическая республика. Для того чтобы тысячелетние громады окончательно рухнули, нужно такое землетрясение, что все старые парламентские лавочки попадают, как карточные домики. Ни на одной из них русская революция не остановится. Но тогда на чем? и что же далее? Далее — прыжок в неизвестное, в трансцендентное, полет «пятами вверх». Русская революция так же абсолютна, как отрицаемое ею самодержавие. Ее сознательный эмпирический предел — социализм; бессознательный, мистический — безгосударственная религиозная общественность. Еще Бакунин предчувствовал, что окончательная революция будет не народной, а всемирной. Русская революция — всемирная.

Когда вы, европейцы, это поймете, то броситесь тушить пожар. Но берегитесь: не вы нас потушите, а мы зажжем вас.

Истинное безвластие есть боговластие. Слова эти загадочны. Но пусть пока так и останутся они загадкою.

Мы обращаемся не к буржуазному европейскому обществу, а лишь к отдельным личностям высшей всемирной культуры, к тем, для кого уже и теперь, по слову Ницше, «государство самое холодное из чудовищ». Такие одинокие, слишком ранние анархисты, как Бакунин, Толстой, Штирнер, Ницше, — горные вершины, озаряемые первыми лучами дня; а внизу, где еще темная ночь, — бесчисленные неведомые братья наши, всемирный рабочий народ, великое воинство гря-

> дущей всемирной революции. Мы верим, что рано или поздно дойдет и до них громовой голос русской революции, в котором зазвучит над старым европейским кладбищем труба архангела, возвещающая страшный суд и воскресение мертвых».

ГЛАВА 8. МОНАРШИЙ ДВОР ЯЗЫЧЕСКОГО ОЛИМПА. ЗВЕРЬ ВЕРХОМ НА БЛУДНИЦЕ

1. ВОСКРЕСШИЕ БОГИ ЯЗЫЧЕСКОГО ОЛИМПА. ПРОИЗВОДСТВО АФРОДИТ

Я, Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили — автор Открытия Психической Энергии, автор Научной Революции Энергетика, человек всю свою жизнь посвятившего тяжелому труду на благо человечества, научному труду, о котором Эйнштейн говорил, что степень абстракции мышления ученых так далека от их личного существования, что только служением богу, религиозным вдохновением можно объяснить этот труд.

Меня в 2015 году самым циническим образом изуродовало, искалечило Правительства Президента России В. Путина. Мне стыдно называть этого человека Президентом России, потому что я никогда не соглашусь с теми, кто называет путинским режим — лицом России. Лицо России — это великая русская интеллигенция, это религиозная революция Д. С. Мережковского, это культ Л. Толстого во всем мире, это откровение русской литературы и демократического социализма, который она проповедует. Наконец, это демократический социализм правительств Н. Хрущева и М. Горбачева, которые сделали все, чтобы «Революцией сверху» исправить кривизну «революции снизу». Эту Россию я люблю, эту Россию я славлю.

Вот почему я утверждаю, что режим, который установил Путин есть режим Антихриста, перечеркнувшего все то настоящее и великое, весь тот неподъемный труд Богочеловеков на их пути служения Господу, что был произведен в России только для удовлетворения своего тщеславия Человекобога, — воскресшего Зверя Вавилона, антихриста, уничтожающего все божеское под личиной утверждения христианства. Лучше всех об этом «страшном преступлении», когда Дьявол прикрывает свое лицо маской Господа, сказано у Мережковского, этого русского пророка 20-го века.

Путин объявил предателями Хрущева и Горбачева. Будучи человеком «тьмы», о которых евангелие говорит, что из-за грязных дел своих боятся света и действуют во тьме, он ничего не говорит прямо. Как сказал его бывший друг С. Пугачев в интервью Гордону — «ну кто не знает, что он постоянно врет?!». Действительно, Г. Спенсер подчеркивал прямую зависимость между варварством (язычеством) и бесчестностью. Путин никогда прямо не говорит ничего, у него нет никаких теорий и идеалов кроме его доктрины «гибкости дзюдо»: врать в зависимости от обстоятельств. Поэтому, американцы — враги России в телевизоре, но не в интервью Стоуну, где они дорогие «партнеры». И это виляние между совершенно противоречивыми утверждениями и составляет главный тон всего интервью и всего что говорит Путин.

Так же с Горбачевым и Хрущевым. Хоть его ненависть, лютая и ярая к людям, которые разрушили его Левиафан, вотчину Зверя, очевидна для всех, он обходится только полунамеками: «я не поклонник Хрущева». «Я не поздоровался с Горбачевым на День Победы», — из его интервью Стоуну. Или поручает кому то другому озвучивать его мысли: например, Михалкову, который в одном выпуске своего Бесогона, уже совершенно прямо высказался о том, что Горбачев и Ельцин — государственные преступники и должны быть привлечены к ответственности, чтобы стереть и осудить их память. Тут было важно транслировать государственную позицию по политике Хрущева-Горбачева, по-

литике демократического социализма, уничтожившей Левиафан Зверя Византийского. Я тогда ответила на эту передачу Бесогона статьей, и опубликовала ее на своей странице в Фейсбук (запрещено в РФ).

Точно также обстоят дела во всех других сферах государства, где сегодня правят «Люди тьмы» режима антихриста.

Язычество кастово-сословного Зверя Вавилонского, с жреческо-военной элитой, называют христианской теократией. Самодержавие-православие Византийской деспотии называют «суверенной демократией». Революцию, которая опрокинула Самодержавие проклинают, но чувствуют правоту Мережковского о революционной сути русской интеллигенции и спешат обозначить свою реакцию в язычество — Революцией Консерваторов. Хрущева, Горбачева и Ельцина ненавидят как предателей, но декламируют свои цели как цели «демократического государства». Например, Путин много раз подчеркивает свою преданность демократии как идеалу мировой цивилизации в интервью Стоуну. В то же самое время, пишутся учебники в которых самым откровенным языком проповедуется Зверь Вавилонский, да еще под личиной «теократии христианства».

Истинную религиозную революции русской интеллигенции ненавидят и боятся насмерть, но никогда не посмеют люди тьмы, чьи мысли и чувства все ненастоящие, все грязные, все лживые говорить о своих мыслях и чувствах. На словах они преклоняются перед русской интеллигенцией, чей самоотверженный дух истинных христиан покорил мир. «У нас есть великий соотечественник, Толстой», — цитирует Путин Толстого Стоуну, а в это же время его «люди тьмы» в соцсетях ведут с нами, с поклонниками русской интеллигенции споры о ничтожестве и безумии Толстого под маской «оппозиции».

Льва Клейна еще в советские времена осудили за «гомосексуализм» — одного из ведущих археологов России, всемирно известного, и лекциями в различных университетах мира и многочисленными книгами. Это старый трюк «карательной психиатрии» людей тьмы, прикрывать свои преступления про-

тив лучших людей общества (людей света) грязными статьями. Вот например Википедия сообщает о громком случае уже времен режима Путина:

> «Юрий Дмитриев родился в Петрозаводске, некоторое время воспитывался в детском доме, затем был усыновлён. Приёмный отец был военным (офицер, ветеран войны, кавалер двух орденов Славы)
> 27 декабря 2021 года Петрозаводский городской суд ужесточил приговор до 15 лет лишения свободы.
> Верховный суд Карелии 15 марта 2022 года оставил в силе обвинительный приговор по признанию Дмитриева виновным в изготовлении детской порнографии с участием его приемной дочери, совершении развратных действий и хранении оружия, подтвердив назначенное ему наказание в виде 15 лет лишения свободы в колонии строгого режима»

«Этот пьяный штаб-лекарь, ругающийся над сумасшедшим философом, — не вечный ли символ русского просвещения?» — замечает по этому поводу Мережковский. «Философ Шеллинг находил Чаадаева самым умным человеком в России, а император Николай нашел его сумасшедшим. И это понятно: русскому царю царство Божие кажется „гнусностью“, а мудрость Божия — безумием. За революционное действие он казнит лишением жизни, а за мысли — лишением разума».

Действительно, ненависть варваров, антихристов, язычников Зверя Вавилона к интеллигенции «ищущей Града Божьего» описал уже Солженицын в «Архипеоаге ГУЛУГе».

И вот, по какой-то метафизической логике Господа, антихристу Путину, поставившему целью возрождение языческих Человекобогов и Зверя Вавилона, после всей крови пролитой человечеством в страшной борьбе с этим Зверем со времен священной истории израильтян и антихриста Нерона, и после всей крове пролитой в смертной борьбе со Зверем Византии в России, — вдруг противопоставляется Открытие Психической Энергии, Третий Завет Мережковского, который ставит точку в русской религиозной революции и забивает последний гвоздь в крышку гроба Зверя Вавилона. «Зверь пойман» как сказано в пророчестве Нострадамуса об ученом в России первой половины 21 века.

Конечно, я ничего не знала о том кто есть Путин на самом деле — меня вполне обмануло профессиональное вранье этих людей тьмы, когда я писала в Правительство сообщить о великом Открытии, которое вознесет Россию на вершины политической и социальной мощи. Не оружием, войнами и грязными интригами, а великим открытием, одинаково полезным для всего мира — таким достижением как вкладом в мировую цивилизацию вправе гордиться любой народ. И конечно, я ждала праздника для всей страны, праздника для всего мира, праздника для меня и для моей семьи.

Однако, люди тьмы показали свое истинное лицо. В ночь с 21 на 22 марта 2015 года, они просто нашли меня в Хостеле Apple на Маросейке в Москве, и просто изуродовали так, что у меня остановилось сердце. Мне запускали сердце заново, и у меня был сломан позвоночник на четырех уровнях, переломаны все ребра, разорваны пятки. А вот на голове не нашли ни единой царапины. В реанимации Склифа в Москве мне сказали что все тазовые органы у меня в крови, и тогда я попросила заключения гинеколога. Ответом мне было, что во всем Институте Склифасовского нет ни единого гинеколога. Так что мне неизвестно как далеко зашло надругательство, я была без сознания, когда меня калечили палачи путинского режима. Все документы –копии моих переговоров с сайтом Президента России, с Министерством Образования РФ, с РГНФ, куда меня направил сайт, а также выписку из реанимации Склифа я много раз публиковала и в Фейсбуке (запрещено в РФ), и в сових книгах, и в сборнике документов «Documents».

Мне казалось, что Путин преемник Хрущева и Горбачева, я жестоко ошиблась. Путин — антихрист и враг русской интеллигенции. Тогда я стала писать в мировые СМИ и мировые университеты, потому что все еще была уверена подобно Чаадаеву, что Запад по крайней мере, скажет свое слово в защиту науки, в защиту справедливости. И я опять ошиблась, потому что и на Западе точно также воскресли древние боги-инвалиды Язычества, так что «люди тьмы» западных правительств представляли Монар-

ший Двор Языческого Олимпа в полном составе: тут были и ожившие Зевсы, и Афродиты, и Юпитеры, и Эросы, и Приапы, Гераклы и Ахиллесы. Были все языческие Человекобоги, и не было только людей. Только один раз мне ответили из университета Кембриджа в Англии, когда я послала туда свою Научную Революцию Энергетику на английском языке. Сказали между прочим, что будут печатать мою книгу в издательстве Кембриджа. А потом еще прислали два письма с извинениями, что они передумали, подтверждая таким образом многократно свое решение печатать мою книгу. Все эти документы также многократно мною опубликованы и даже разосланы в мировые СМИ. После этого единственного раза, наступила мертвая тишина: западный мир так очевидно, абсолютно и тотально для меня умер, что было понятно, что это какая то общая политика, идущая с уровня правительств, с уровня Монаршего Двора Языческого Олимпа. Стало очевидно, что Путин — антихрист не шутил когда говорил, что он и другие Человекобоги из Языческого Олимпа современной правящей элиты — партнеры. Больше всего и прежде всего они оказались партнерами именно в решимости уничтожить Науку, Третий Завет, который обрекал таких Языческих Зверей как они на честную и порядочную жизнь, как у всех нормальных людей. Для Зевсов, Эросов, Гераклов и Афродит такая жизнь хуже смерти. Кто не знает к какой скандальной хронике они привыкли?

Действительно, дарвиновская парадигма стала просто живительным нектаром для изгнанных христианством с Олимпа Языческих богов разврата и преступления. Римлянин греческого происхождения Лукиан убедительно доказал что Языческие боги, безумные и развратные, ничем другим кроме преступления и вакханалий не занимались. Сначала римские писатели-моралисты, а потом и церковь христианская пристыдили было их и прогнали с позором с Олимпа, но тут вдруг манна небесная упала на головы изгнанников: дарвиновская парадигма доказала, что для победителей все средства хороши, что прав тот кто сильнее, что критерием истины служит силы. Вот где безумие и порок древних олимпийцев были всецело и абсолютно оправ-

даны, и боги торжественно проследовали назад, в свой Монарший Дворец на Олимпе, и скандальная хроника олимпийского королевского двора вновь забила ключом. Прежде всего была создана Церковь Сатанизма, которая навеки утверждала «безумие и преступление» языческих богов как «естественные законы природы человека» на основе Социального Дарвинизма (Библия Дарвина и Церковь Сатаны Ла Вея»). Что тут началось! Шизоидный Гибрис Эго западной интеллигенции понесся сломя голову наперегонки сочиняя произведения на тему, заданную Ницше: «кто безбожнее меня? Я самый безбожный человек!» Нигилизм, дендизм, воспрянувший маркиз де Сад — это воплощение Эроса с Приапом — все соревновались в доказательстве ничтожности и даже преступности морали, этику ненавидели, нравственность и совесть обвиняли во всех грехах и неудачах человечества.

Так, Монарший Двор воскресшего Олимпа устроился совсем неплохо на своей старой языческой горе. И тут вдруг Открытие Психической Энергии, которое доказывает, что нельзя воскреснуть из мертвых, что языческие боги-инвалиды навсегда останутся в своих темных могилах, что Зверь Вавилона и Зверь Византии, Зверь Нерон и Зверь Тиберий осуждены на веки вечные пока будет стоять человечество. Вот где автора Научной Революции Энергетика ждало множество сюрпризов. По крайней мере, сразу стало очевидно, что праздников не будет: ни для страны, ни для мира, ни более всего для меня самой.

Однако, на сегодня, Олимп богов-инвалидов продолжает худо-бедно функционировать. Как говорит Эрих Фромм, современная западная культура — эта культура языческих героев, героев победы любой ценой, но не христианских героев совести. Еще больше это справедливо для путинской России, и для людей тьмы советских времен, запиравших все лучшее в ГУЛАГи ив психиатрические лечебницы. Более мелкие олимпийцы региональных уровней равняются на мировой Олимп.

Я живу в Северной Осетии, во Владикавказе, и мне пришлось испытать на себе давление такого местного олимпийца — Министра Образования Республики на тот момент, человек с которым

мы один год проучились в университете Осетии. На меня оказывали анонимное давление годами — анонимные звонки мне, моим родственникам, машины забитые хулиганами у дома моих родственников и тд и тп Я догадывалась кто это, но была бессильна бороться в силу анонимности угроз. Я звонила, спрашивала, мне отвечали, что не понимают о чем речь, а мне приходилось жить и работать под дамокловым мечом. Эти люди безумны, и это поведение языческих богов не только маленьких, но самых больших Олимпов, как я могла убедиться в последнее время: у них нет имени, нет личности, нет личных отношений с людьми. Есть только физическое давление, и они добиваются безнаказанности за счет анонимности этого давления. Пока однажды мне в Москве (для местного Олимпа Москва — это родной дом) не позвонила на мобильный женщина, и не стала угрожать прямым текстом: «Тебя отпиздят!». Я конечно бросилась в милицию, и оставила там заявление, предъявив свою симкарту с входящим номером, который оказался номером домашнего телефона в Москве. Милиция проверила номера соседей, и нашла там Вадима Исаева того же года рождения, что и человек, который меня преследовал. По приезде домой, я набрала этому человеку и попросила о встрече. Он приехал потому что видимо решил, что я испугалась звонка той женщины, и значит можно издеваться дальше (человек этот уже тогда был дважды женат и имел детей от обоих браков). Когда он узнал истинную причину моего звонка — что я была в милиции и там нашли соседа женщины которая мне угрожала, он не смог скрыть шока. «Ты знаешь Исаева Вадима?». Человек очень долго приходил в себя, потом наконец выдохнул «на вскидку не вспомню». Вот это был единственный раз, когда мне удалось как то доказать, что оказываемое на меня анонимное давление исходило от этого человека местного осетинского Олимпа, который как местный Зевс всегда делал вид, что Олимпйцам ничего не нужно, у них итак все есть, и верили им, а не нам, распятым божьим ангелам. И били они всегда в самое святое как истинные язычники: в дружбу, в семью, в «патрокла», когда видели что угроз жизни недостаточно.

Тот кто работал над серьезной научной задачей поймет, чего мне стоило в такой ситуации продолжать работать. (Когда та женщина с угрозами звонила мне в Москве, я сидела за книгами в Ленинской библиотеке. На что мне эона ответила: такому говну как ты там нечего делать!) Это невероятно, но ценой тяжелейших нравственных и умственных страданий мне удалось закончить свой труд под лезвием той гильотины, которую надо мной подвесили божки местного осетинского Олимпа. Когда я писала в Правительство России на сайт президента, я просила оказать помощь в борьбе с бандитами которые мешают ученому работать, и говорила о заявлении в ОВД «Выхино» в Москве.

Однако, ответом Правительства России, как и следовало ожидать стало одобрение общего кодекса поведения Монаршего Двора Языческого Олимпа. И чтобы доказать это, правительство Путина закончило то, что так долго намеревались сделать местные божки: искалечить и надругаться. Это было в 2015 году, девять лет назад. Все это время я просидела в инвалидной коляске у себя дома, и хотя я сидела физически я энергично работала умственно: написала и опубликовала еще больше десяти монографий, а потом перевела свою Научную Революцию Энергетику на английский язык и разослала ее в мировые СМИ и университеты.

Два года назад, видимо в связи с моей высокой умственной активностью, дьяволы языческого Олимпа вновь зашевелились вокруг меня. Моего первого поражения им показалось теперь мало. Стало очевидно, что Путин покалечив меня, не смог поколебать ни моего научного труда, ни моей решимости донести до людей важность открытия. На этот раз разведка Путина объединила усилия с разведкой мирового языческого Олимпа: люди тьмы начали свое совместное дьявольское наступление на распятого ангела, принесшего людям факел истины, и продолжавшем его нести на своем раздробленном позвоночнике уже 9 лет. Первый фазис наступления как тогда накануне 2015 выразился в массированной атаке на мое интернет пространство: людям тьмы стало намного проще осуществлять анонимное давление

с появлением интернета и соцсетей — они изобилуют агентами спецслужб и в виде «Друзей» в соцсетях, и в виде хакеров, которые контролирует личное интернет пространство каждого потоком нужной им анонимной в том числе информации (в виде рекламы и др «рекомендуемых» картинок).

Примерно в это же время на мою страницу Фейсбук (запрещено в России) написала женщина, Залина Дудуева, и попросила меня ее выслушать. Я дала ей свой телефон, и она сказала мне, что читала мои обвинения в адрес Министра Образования, и что должна в этой связи рассказать мне свою страшную историю. Как оказалось, Залина Дудуева работала долгое время с тем самым Министром Образования. Она мать четырех детей, трое из которых — аутисты. Поэтому Залина Дудуева посвятила свою жизнь детям с синдромом аутизма, и в Республике занималась тем, что выбивала из Государственного бюджета деньги для детей –аутистов. Как мне поведала Залина, она выбила значительные суммы, работая в Министерстве Образования под начальством этого Министра, но что деньги вскоре пропали в неизвестном направлении из бюджета. Она была уверена что деньги были расхищены, и стала писать заявления в прокуратуру с тем, чтобы деньги нашли и вернули больным детям. Она прислала мне имена прокуроров, к которым она обращалась, документы которые она им показывала, и даже свою переписку с Министром Образования, где как ей казалось звучали намеки на угрозы. Ее уволили из Министерства, отстранили от всех должностей за ее походы по прокурорам, и ей также поступали анонимные угрозы.

Наконец, развязка была действительно страшной. Ей пришлось ехать с двумя сыновьями с синдромом аутизма на регулярное лечение в Москве на несколько месяцев. Дочь она впервые оставила дома, потому что ей исполнилось 18 лет, и нужно было менять паспорт. Дочь также больна аутизмом — Виктория Дзастелова. Залина разведена с мужем, дочь оставалась одна в доме, и Залина поручила ее попечительству Министерства Социального обеспечения. Залина уехала на несколько месяцев и все

это время ее больную аутизмом дочь, девственницу, насиловали множество разных мужчин. Залина рассказывала мне, что сначала не могла заставить дочь говорить и делала попытки резать себе вены. Давление в интернете на нее продолжалось, где ее ругали последними словами, проституткой, а потом стали разбрасывать презервативы под их окнами.

Тогда Залина попросила ее написать все что случилось на бумаге. Та писала, что ее били кулаком по лицу, что когда звонила мать, ей угрожали, и она отвечала что все хорошо, что ее насиловали по восемь человек, что ее продавали друг другу по пятьсот рублей. И началось все с социальных сетей, где на нее вышли какие то хулиганы, выпросили у доверчивой девочки адрес, пришли к ней в дом и изнасиловали ее. Работницы соцслужбы, которые ее поручила Залина, помогали им в организации этого преступления.

Когда Залина вернулась и отошла немного от шока она первым делом обратилась в милицию. Там ей сказали, что дело открывать не будут, потому что «она сама хотела», и «там была вся республика», что «нам всю республику привлекать». Тогда Залина все таки настояла, и уголовное дело было открыто. «Они даже не потрудились снять камеру с подъезда, — рассказывала мне Залина, — я сняла ее сама и оказалось, что там записаны все кто приходил. А один даже демонстративно крутил пистолет на камеру, до такой степени они были уверены в безнаказанности». Она отнесла кассету и камеру в милицию, и настояла на том чтобы они были зарегистрированы в качестве улик против бандитов. Некоторых из них действительно допросили, но никто не понес никакого наказания. Вот та страшная история, которую мне поведала Залина об надругательстве над своей больной девочкой тинэйджером.

После разговора с Залиной, я добавила ее историю к своим жалобам на многолетнее давление со стороны местного правительства и опубликовала с ISBN книгу «Коррупция в Северной-Осетии — Алании». Когда книга была опубликована я взяла электронную версию и впервые после того как меня искалечило

правительство Путина, опять написала письмо на сайт Президента России, прикрепив монографию «Коррупция в Северной Осетии-Алании». Я просила в этом письме расследовать как дело Залины Дудуевой и ее дочери тинэйджера Виктории Дзастеловой, так и возобновить мое уголовное дело, которое закрыли со ссылкой на «попытку суицида». Я не совершела суицида, — писала я, и прошу найти убийц и насильников по обоим уголовным делам с тем, чтобы они понесли заслуженное наказание. И конечно я опять перечислила все свои книги на тему Научной Революции Энергетика, и опять ставила в известность какое огромное значение имеет мое научное открытие не только для страны, но и для всего мира — это новая эпоха в истории, эпоха научного контроля, это Открытие которое подтверждает истинность Евангелий.

Очевилно, что Путину-антихристу, который судя по его учебникам уже нашел истину в языческих Вавилонах, меньше всего было интересно доказательство истинности Евангелий. Мне пришло 6—7 ответов из Прокуратуры России, из Прокуратуры Северной Осетии, из Следственного комитета России, из МВД РФ, и все они были абсолютно пустого содержания: ваше дело устарело, восстановить не можем, делом Дзастеловой занимаемся. Вот все их содержание. И конечно ни слова по главной теме — относительно Открытия и научной Революции. Позже отписались и от этой темы какими то такими же общими словами: все письма ответы я также многократно публиковала и на Фейсбуке (запрещено в РФ), и в своих монографиях, и в каталоге документов Documents.

Это было в 21—22 годах. Так путинский режим, после того как меня искалечил, как надругался над моими научными трудами, выставив меня сумасшедшей, очередной раз подтвердил, что он стоит на стороне Дьяволов — Человекобогов, которым человеческий закон не писан, что насилие и преступление общий и единственный закон этого языческого Олимпа.

Как вдруг пришло доказательство порочности и аморальности всемирного Монаршего Двора Языческого Олимпа теперь

уже и с западной его части. Я тогда как раз заканчивала Gospel on Tesla's Rape, мою попытку защитить себя именем Христа от этого собрания языческих дьяволов, когда мне написал Принц Гарри, младший сын принцессы Дианы и нынешнего английского короля. (Напоминаю, что все документы которые я здесь упоминаю, если нет особых оговорок, я опубликовала на ФЕйсбуке (запрещено в России). Скриншоты этих «переговоров» я сразу же опубликовала и добавила потом в свой каталог документов Documents.

Кто-то, например спецслужбы Англии, или же сам Принц Гарри, написали мне с трех страниц с его именем, рабочими, где постоянно обновляется дата с его личными фото и фото его близких, с сотнями тысяч подписчиков. Мне неизвестно тем не менее, писал ли сам Принц Гарри или кто то еще, очевидно другое, что элемент анонимности как всегда подразумевался в играх «людей тьмы», которые до этого заваливали мое интернет пространство анонимной информацией под заголовком «Рекомендовано вам». Я сделал видео, засняв все эти «рекомендовано для вас» и разместила на своем Ютюб канале (сделала я видео и со скриншотами переписки с Принцем Гарри и разместила там же, и еще разослала в СМИ). Как бы там не было, для меня очевиден факт, что это была часть того внимания, которое мне оказывают западные правительства с тех пор, как вопрос об Открытии и Научной Революции я поставила ребром для всего мира, сделав перевод на английский и разослав его по всему миру. А Кембридж даже прислал мне несколько писем с подтверждением намерения печатать мою книгу.

Принц Гарри, или спецслужбы Англии, или они вместе, сообщил мне, что хотят мне помочь с публикацией моих работ и моей истории затравленного ученого в СМИ. Для этого я должна зарегистрироваться в компании Принца Гарри Archewell. Он прислал перечень данных которые нужны для этого, и я ему их выслала. Тогда мне на почту пришли письма от Tesla Company и Randy Graves, которые представились представителями Принца Гарри и предлагали мне принять

якобы приз, машину от Tesla Company на сумму 66 000 долларов.

Принц Гарри, которому я сразу написала в мессенджере (я с ним общалась только на Фейсбуке, на почту он мне не писал), подтвердил, что эти люди писали по его поручению и с его согласия, и что я действительно должна принять эту машину, и тогда только он меня зарегистрирует в своей компании и поможет мне с публикацией в СМИ. Я ответила и Принцу Гарри и его менеджерам на почту (все эти скриншоты я публиковала), что я не нуждаюсь в машине, и что я не при каких обстоятельствах ее не приму. На этом наша переписка прекратилась.

Теперь предстояло понять зачем мне писали Принц Гарри или же спецслужбы от его имени? Какую ставили себе задачу? Становилось очевидно после того, как он резко смолк, и после его странного предложения с машиной, что это была попытка всучить взятку, чтобы меня скомпрометировать. С другой стороны, возможно скомпрометировать не только взяткой. В прошлый раз, перед тем как путинское правительство меня покалечило, мне на Фейсбуке (запрещено в России) в мессенджер написал американец греческого происхождения, и довольно долго со мной беседовал на английском языке, обсуждая в основном философию Бертрана Рассела и не только, но и тяготы жизни однокой женщины. В это же самое время мой интернет бомбили потоком анонимной информации романтического характера и греческими философами. Тогда я еще не знала, что спецслужбы — это сумасшедшие пособники Монаршего Двора Языческих Богов, и что кто то может просто так издеваться над человеком в его личном пространстве в интернете. Так что я перепутала наш официальный диалог с американцем, и поток анонимной романтической информации. И в тоге уже после того как я просидела в коляске много лет, мне пришлось писать Апологию сумасшедшего как когда-то Чаадаеву, извиняясь за эту путаницу, ведь степень абстрактного мышления у ученых такова, что способна видеть живыми людей, которых никогда не знал, не видел, и ничего не хочешь знать о них. «Чаадаев

написал „Апологию сумасшедшего", в которой, со свойственной ему оскорбительной вежливостью, извиняясь перед русским самодержавием», — пишет Мережковский.

Возможно, нападение на меня западных спецслужб с именем Принца Гарри старалось воспроизвести опять эту историю, сблизив в моем абстрактном мышлении официальную переписку с Принцем и поток анонимной информации — «Рекомендации для вас», чтобы окончательно выставить меня сумасшедшей и посмеяться над моими теориями социального равенства. Мне неизвестны, какие безумные мысли блуждают в мозгу Монаршего двора Языческого Олимпа. Скажу только, что в итоге и Кембридж, и Принц Гарри подтвердили, что знакомы с кощунственными нападками на ученого, сделавшего фундаментальное научное открытие для всего человечества.

Итак, Правительство России, Университет Кембридж, Принц Гарри и английская монархия — все в курсе того, какими позорными методами травят великого ученого. Мое интернет пространство завалено пропагандой проституции. Уж не надеются ли эти люди, что я подобно больной девочке Виктории Дзастеловой, стану говорить с анонимными бандитами и пущу их в свой дом? Я написала Путину о страшном преступлении, случившемся во Владикавказе, и о том, что бандиты, месяцами насиловавшие больную девочку тинэйджера остались безнаказанными. В мое интернет пространство поплыли ролики о насильниках-животных, у которых так проявляется любовь. Английские ролики и картинки стали призывать к всепрощению. Принц Гарри объявился с предложением машины от Тесла Компании. Красивые молодые женщины в купальниках, явно торгующие собой, заполонили «рекомендации для вас». Это что «Производство Афродит» современным Монаршим Двором Языческого Олимпа? Избить, изнасиловать, развратить и выставить на продажу?

Путин своими официальными ответами на мою книгу «Коррупция в РСО-Алании» подтвердил только что стоит на стороне насильников. Всем известно не только его вранье, но и его рас-

пущенность. Вся страна помнит позорную историю с прокурором Скуратовым и проститутками, которых ему подсунул Путин, чтобы скомпрометировать его.

П. Хлебников, «Борис Березовский Крестный отец Кремля»:

«Прокурор Скуратов, который вел дела о коррупции и постоянно заявлял о намерении искоренить коррупцию в России, неожиданно споткнулся, обнаружив ниточку, ведшую в Кремль, — замечает бывший генерал КГБ Олег Калугин. — Вместо того чтобы отдать распоряжение о прекращении расследования, он позволил его продолжать. В результате всплыли имена членов семьи Ельцина, самого Ельцина, имена его финансовых спонсоров и гарантов — все оказалось зафиксировано на бумаге. Скуратову было велено прекратить расследование, но он уже ускользнул из-под контроля (Кремля)».

Деятельность самого Скуратова взялся расследовать Путин. В начале февраля 1999 года, когда Генпрокуратура объявила о ведении уголовных дел против Березовского и других приятелей Ельцина, российское государственное телевидение показало видеозапись обнаженного мужчины, похожего на Скуратова. Он резвился в постели с двумя проститутками. Кремль сразу же объявил об отставке Скуратова».

Неужели теперь Путина поймали на его же собственную уловку? Неужели все это «производство Афродит», изнасилованных и развращенных тинэйджеров, которых они потом развешивают в соцсетях в купальниках, чтобы показать «товар лицом» достигло своей цели, и Путин попал в ту же яму что вырыл Скуратову подскользнушись на развращенных афродитах? Ведь известно какой слабостью к «женщинам с низкой социальной ответственностью» страдает Путин как все языческие человекобоги, развратные и преступные. «Российские проститутки, — заявил Президент Путин в патриотическом пыле, соревнуясь видимо с производством афродит в западном крыле языческого Олимпа, — самые лучшие проститутки во всем мире».

Неужели — спрашиваю я, — все эти люди настолько обезумели в своей развратности и преступности, что развратив тыся-

чи невинных подростков, на самом деле считают себя способными сделать то же самое с великим ученым? Что у Путина отняли разум, и вместе с разумом Великую Славу Великого Открытия — это уже понятно: они теперь соревнуются кто больше изнасилует невинных подростков, кто больше поставит афродит на рынок проституток. Как те Тиберии, Нероны, Калигул, как Антоний с Клеопатрой — они превратились в животных в своем разврате и окончательно потеряли разум. На глазах у всего мира, у мировых СМИ и университетов, у Правительств Америки, Англии, России — эти сумасшедшие извращенцы держат пари на то, что изнасилуют и развратят ученого, и весь Языческий мировой Олимп им громко аплодирует. Путин — признанный Геракл, ведь это его усилиями уже изуродовали ученого. Остается только развратить, и здесь они держат пари с видом Дионисов и Вакхов.

Монарший Двор Языческого Олимпа, который как известно развлекается войнами, которые они разжигают среди смертных — на Украине, в Сирии, в Израиле — а сами они живут дружно, особенно когда надо растоптать науку и добродетель, или напитать кровью втоптанных в грязь людей тщеславие чудовищ. Теперь они дружно решили, что любыми путями отнимут у меня мое открытие, и совместными усилиями организовали новый заговор: заставили хулиганов звонить моей престарелой матери и плакать моими слезами: я умираю, я в реанимации, с черепно-мозговой травмой, меня везут на операцию. С расчетом на то, что старушка на 9-м десятке скончается, и я останусь в их руках. Ведь моя мать последняя, кого я могу подпустить помогать мне, инвалиду первой группы. Всех моих сиделок они подкупили с тем, чтобы те помогли им в издевательствах над ученым.

Что ж, я написала опять в Правительство Путина, и мне ответили что зарегистрировали мое заявление. Там же я напомнила и о том, что я — автор великого открытия, ио книге «Коррупция в РСО-Алании». Пока пришли ответы только о регистрации моего заявления. Документы я публикуюв конце этой книги.

2. ПЛАЧ ТАЦИТА: ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА ВЕРХОМ НА БЛУДНИЦЕ

Никто не выразил горе Божьего Духа утопленного в крови грязным безумием Сатаны так, как это сделал Тацит в своих летописях. Вот почему я считаю, что это не просто исторические очерки, а священные писания римлян. Я не сумею выразить свою боль так красноречиво как Тацит, но я все же попытаюсь, потому что обязана оставить хронику этих страшных событий грядущим поколениям.

Я — ученый, который сделал эпохальное открытие, разделившее историю на доисторические времена варварства и на собственно цивилизацию, историю человечества, когда была открыта психическая энергия, и наука рассказала людям о том, как претворить в жизнь то Царствие Божье, которое предсказано и рассказано в притчах Иисуса Христа

Мне 47 лет. Я абсолютно одинока, как бывают одиноки люди против которых интригует весь Монарший Двор Языческого Олимпа. Я живу в квартире которая осталась мне от отца, и каждый день работаю над своим научным открытием. Последние девять лет я провела в инвалидном кресле, в моче и в говне, в кровоточащих пролежнях, в перепадах температуры, в сильнейших спазмах в ногах, которые не дают мне лечь и не дают мне спать и не дают мне нормально сидеть.

Всю свою жизнь я провела в тяжелой работе. Все 47 лет моей жизни — не были моей жизнью. Они были сначала созреванием мышления, потом кризисом шизоидности, а потом — тяжелым трудом в поисках законов психической энергии. Это была жизнь отданная служению Господу

Мало мне было нечеловеческой интеллектуальной нагрузки — ведь никто до меня не приблизился к такой глубине видения проблема — все это время я жила под давлением демонов, которые ненавидят достоинство и свободу людей духа и всегда ищут как превратить их в такой же тупой скот как они сами: враньем ли, угрозами ли, изнасилованием и развратом, им все равно

И пока я в тяжелом поту искала для всего человечества закономерности психической энергии, пока объясняла Научную Революцию Энергетика на всех уровнях сегодня столь хаотических дисциплин — истории, антропологии, государства и права, психологии, психиатрии, экономики, философии, религии — варвары, способные только к преступлению и разврату продолжали отнимать у меня самое ценное время, самые ценные силы. Что ж, я отдала все что могло бы стать моей личной жизнью, и все время какое после этого осталось посвятила науке.

Я седая, старая, изможденная, кривая, изуродованная, искалеченная. Я живу сознанием, что выполнила долг перед Господом, что выполнила долг перед людьми, что конец мой станет началом моего освобождения от страшного креста жить среди языческих варваров, тупых машин для насилия, тупых машин для разврата. Что я наконец освобожусь от этого тотального давления идиотов, подчинивших сегодня весь божий мир влиянию своего зловонного Монаршего двора Языческого Олимпа, и окажусь рядом с тем, чью близость я заслужила своим самоотверженным трудом

Меня божьего ангела, великого ученого, поместили в нечеловеческие условия жизни. Меня лишили позвоночника, я живу только работой двух рук, все остальное, включая мышцы спины у меня не работает. Меня лишили в таком положении возможности, которая все еще остается у всех кто видел горе сломанного позвоночника: я не могу нанимать себе помощников, сиделок. Мало того, что эти негодяи сделали меня зависимой, при том что мне всегда было невыносимо зависеть от людей, они еще и вмешались потом в мои отношения с сиделками, настраивая их против меня, и замышляя самые страшные планы в моем доме сейчас, пока меня никто не знает. Все тот же сценарий что с бедной девочкой Дзастеловой: как там помогли осуществить страшное надругательство над больным ребенком официальные службы от Министерства соцобеспечения, так здесь хотят поставить на службу тех, кто необходим для помощи инвалиду. Они планировали такое же надругательство надо мной, как над Дзастело-

вой. Тогда в Москве в хостеле, когда меня покалечили — уже все было. Господь пожалел своего ангела, и не дал мне видеть этих ужасов, я была без сознания. Но все это хотели повторить здесь опять, уже когда я сидела в коляске, те же безумные варвары, те же животные, те же машины для насилия. И если не смогли то только потому что я сразу замечала перемену в поведении сиделок и увольняла их, потому что писала об этом в СМИ, и так постепенно я осталась совершенно без помощи.

Я — калека, у которой работают только руки, и которой приходится поднимать этими руками массивное парализованное тело, научилась обслуживать себя сама. Теперь когда я встаю по утрам, больше никто не везет меня на санитарном стуле в ванную, чтобы я там помылась и сходила в туалет, как было раньше. Теперь я должна сама снять с парализованных спазмированных ног мокрые от пота и мочи штаны, потом натянуть на них новые, помыть себя салфетками и наложить новые перевязки на свои раны, незаживающие много лет. И как бы нечеловечески трудно это не было, до такой боли довели мои контакты с нанятыми людьми постоянным натравливанием их на меня, что я каждый раз счастлива что справилась сама.

Моя дорогая мать, Зоя Иосифовна Тиникашвили — настоящая героиня и настоящий божий ангел, который спас меня и науку в этот последний год, когда безумные машины для насилия с языческого Олимпа довели свое давление на меня, и на все мое окружение до невиданной крайности. Я всегда буду поклонятся моей матери как святой за то что она сделал для меня в свои столь уже преклонные годы. Но смотрите, как поиздевались над несчастной старушкой, проливающей слезы над своим искалеченным ребенком, эти сумасшедшие развратники с их анонимными звонками олигофренов. А ведь ей уже 84 года.

Вот такую старую, больную, изуродованную, изнасилованную, униженную, запуганную Языческие Олимпийцы продолжают топтать каждый день, каждый час, каждую минуту, отнимая еще что-нибудь, насмехаясь еще откуда-нибудь, запугивая еще чем нибудь, унижая еще как нибудь.

Они выманили тогда у моей матери сто тысяч рублей, когда звонили ей и плакали в трубку голосом ее умирающей дочери, якобы на нужды для моей операции: пришел к ней человек домой и взял для меня простыни и деньги. Вдумайтесь в это и у вас, как Герцен говорит, волос встанет дыбом. Они сняли триста пятьдесят тысяч со счета моей сестры, просто за то, что все это время она поддерживала свою сестру инвалида. Они влезают в переговоры со службой такси, поскольку мать моя приезжает ко мне на такси. Наконец, они постоянно делают всяческие намеки на угрозы жизни моим родным: «рекомендации для вас с могилами, мумиями, трауром, красным мысом, скелетами и тд и тп. Они умеют донести свою мысль когда хотят

Еще ужаснее, хотя каждый раз кажется, что ужаснее уже некуда, что они тотально прослушивают, просматривают все мое пространство жизни. Помните как у Оруэлла в «1984» когда у него был один уголок в квартире где его не видели? У меня нет такого уголка! Я чище себе кишечник сама, вытаскивая экскременты руками, и даже тогда я знаю, что унизив меня до калеки и до человека без помощи в таком положении, они унижают еще сильнее своим постоянным наблюдением. Наконец, есть вещи еще ужаснее, в таком положении изуродованного и запуганного до смерти человека, они продолжают развлекаться «рекомендациями для вас» где рекламируют свое «производство афродит», давая мне понять, что они изнасиловали и развратили уже столько, и что я вовсе не великий ученый, а только одна из них — изнасилованная и в скором времени развращенная. И эти крартинки с цветочками и помадками, с афродитами в купальниках с ценниками, продолжают сыпаться из этой индустрии олигофренов тоннами и тоннами, и нет никакого спасения от них как от адского пламени в преисподней. Но становится еще жарче, и сатанисты начинают показывать своих дьяволят в пеленках. Вдумайтесь в это и у вас волос встанет дыбом.

Им мало и этого давления — все прослушивается, все просматривается, сиделки, врачи, весь медперсонал «обрабатывается», интернет пространство затоплено картинками слабоумных

задротов, и — это все еще мало повторяю. Чтобы уже совсем показать что от взгляда Олимпийцев никуда не спрятаться, они каждодневно названивают. Они знают, что я не отвечу, потому делают два три гудка, просто чтобы дать мне понять что я под присмотром. Кто бы выдержал такие страшные нечеловеческие пытки? Что такое гореть на костре по сравнению со всем этим? Что такое костер когда тебя окружают денно и нощно слабоумные задроты с дубиной, производители афродит. Что такое быть распятым по сравнению с тем, что ты должен каждый раз сознавать, что эти тупоумные насильники, эти развратные Вакхи не просто какие то отходы общества, а проводники политики самого верхнего Монаршего Двора современного языческого Олимпа, начиная от православного самодержца Путина и заканчивая английской монархией. Что такое гореть на костре и быть распятым по сравнению с этими фактами и с этим сознанием я вас спрашиваю? Если сволочь просто чернь, то ты знаешь, что можешь найти на нее управу. Но когда сволочь устраивается на самом Олимпе над головами у порядочных людей — тогда наступает время апокалипсиса.

Да вот именно, Зверь Апокалипсиса, я не знаю других слов. Взгляните только на скандальные хроники этого Монаршего Двора Языческого Олимпа. Например, что сделали с супермоделью Русланой Коршуновой? Например прочтите книгу Андре Мортона «Жизнь Дианы в ее собственных словах», например почитайте статью-отчет о проведенном расследовании Бертрана Рассела «16 вопросов убийства Президента Кеннеди», или же прочтите книги С. Бинга «Как поступил бы Макиавелли?», Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы», П. Хлебникова «История разграбления России или Крестный Отец Кремля», Бертрана Рассела «Военные преступления во Вьетнаме». Или же «Ночные дороги» Гайто Газданова.

Д. Мережковский, «Еще раз о Грядущем Хаме»:

> «От Бога к Зверю, от Зверя к Автомату, механизму бездушному, таков путь снисхождения. Футуризмом начато, но не им предсказано соединение Блудницы со Зверем, сладострастия с жестокостью. „Раз-

врат есть сила… надо обнажить похоть от всех покровов". Это говорит футуристическая женщина. Блудница со Зверем — проститутка с хулиганом. На челе ее написано имя: тайна, Вавилон Великий, мать блудницам и мерзостям земным. Вавилон великий город современности, где царствует проституция, обнаженная в свете электричества, „упоенная кровью святых, облеченная в порфиру, и багряницу, украшенная золотом драгоценными камнями и жемчугом", то есть всеми „культурными ценностями". Что это, видение или реальнейшая действительность?»

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«В силу нелепой случайности мне пришлось стать шофером такси.
Все или почти все что было прекрасного в мире, стало для меня точно наглухо закрыто — и я, совсем один, с упорным желанием не быть все же захлеснутым той бесконечной и безотрадной мерзостью человеческой в ежедневном соприкосновении с которой состояла моя работа. Каждую ночь мне приходилось соприкасаться с проститутками и их клиентами, и я не мог к этому привыкнуть. Мне все это казалось совершенно непостижимым. …Я смотрел на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток, — и думал что наверное то же вечно непрозрачное выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности почти все такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда как не существовала история вообще. …и все таки, несмотря на трагическое животное небытие, в котором пребывали бродяги, они казались мне достойными гражданами вселенной по сравнению с сутенерами. Они во всяком случае заслуживали хотя бы теоретического сожаления, и в них не было какого то морального сифилиса характерного для сутенеров.
…Однажды она сказала мне: тебе не кажется нелепым что ты шофер такси, ты не думаешь что эта работа тебе не подходит. Я ответил что выбора у меня не было. И тогда она предложила мне свои услуги, чтобы поблагодарить как она сказала за человеческое отношение к ней. Она объяснила мне что у нее большие знакомства, что есть женщины, не старые, за сорок, француженки или англичанки…. Я сидел с ней в кафе и хохотал как сумасшедший, не будучи в силах остановиться. Потом со слезами смеха, я поблагодарил ее. Я заметил что весь огромный ее опыт, касался только одной категории людей, действительно ничтожной, людей которые посещают дома свиданий, ночные кабаре, содержат актерок и танцовщиц и в которых нет ни-

> чего кроме душевной и физической дряблости и все того же всепобеждающего дурного вкуса. ...Визиты в публичные дома и другие же учреждения подобного типа раз навсегда было принято считать выражением жизнерадостности, веселья и того самого знаменитого «галльского веселья», которое меньше всего вязалось с этой смертельно унылой порнографией».

Ницше, Так говорил Заратустра

> «К чему захотел ты вязнуть в этой грязи? Пожалей свои ноги!
> Плюнь лучше на городские ворота и — вернись назад!
> Здесь ад для мыслей отшельника: здесь великие мысли
> кипятятся заживо и развариваются на маленькие.
> Здесь разлагаются все великие чувства: здесь может только
> громыхать погремушка костлявых убогих чувств!
> Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не
> стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?
> Разве не видишь ты, что души висят здесь, точно обвисшие,
> грязные лохмотья? — И они делают еще газеты из этих лохмотьев!
> Все похоти и пороки здесь у себя дома; но существуют здесь
> также и добродетельные, существует здесь много услужливой,
> служащей добродетели:
> Ибо «сверху» сыплются звезды и милостивые плевки; вверх
> тянется каждая беззвездная грудь.»

3. ПАНЕГИРИК ПЛИНИЯ: ХВАЛА ГОСПОДУ ЗА ПОБЕДУ ДОБРА НАД ЗЛОМ

И все таки именно в той бездонной глубине страдания, в которую бросили нас, божьих детей добродетели и невинности, эти исчадия ада мы благодарим Господа за его победу над Злом!

Спасибо Великому Господу, что в этих условиях ада восставшего все таки нашла я силы закончить Твою Работу и Отдать ее людям!

Спасибо Господи, что дал ты мне сил и разумения, защитить великую русскую интеллигенцию от позора, который готовил России Антихрист Путин: показать всем, что не только нет ничего общего в Революции консерваторов Язычников и Великой Религиозной революции русской Интеллигенции, но что вещи эти

такие противоположные как язычество и этика, как бог и дьявол, как человекобог и богочеловек, как христос и антихрист

Спасибо Господи, пусть ценой страшных издевательств надо мной, но весь мир знает чего стоит патриотизм Путина, продавшего Россию за шалости развращенных афродит: с проститутками пришел, с проститутками и уходит Зверь на Блуднице

Спасибо Господи, что дал Ты мне сил и разумения до конца оставаться на Твоем пути, что нигде я не нарушила свой долг перед Тобой, что несла свой Крест, работала и служила людям, и никогда не думала о своей жизни, пока твоя миссия оставалась не завершенной!

Спасибо Тебе Господи, что в моем последнем одиночестве и последней незащищенности, не дал меня вторично для надругательства Сатанам Вакхам. Спасибо, что все люди ими подкупленные и ими подосланные рассеивались как дым. Спасибо что дал мне проницательность видеть зло уже в глазах человека, когда он еще только задумал его! Только Твоя непосредственная помощь не дала меня в руки вторично Сатанам Дионисам с Языческого Олимпа!

Спасибо Господи, что в на самом дне самых тяжелых унижений, самых тяжелых испытаний, я всегда оставалась с Тобой в Пространстве Интеллекта, и мой Дух покоился на безграничной мощи Твоего Духа благодати. Только это дало мне сил выстоять в этом истязании где земные языческие демоны соревновались с истязаниях добродетели преданной Господу. Как бы низко они не втаптывали мое земное существование, как бы бесконечно не унижали меня видом насилия и порока, я всегда знала, что и в самую худшую минуту моих страданий, я нахожусь от этих баловней языческой земли на недосягаемой высоте блаженства. Ибо и в самом тяжелом мученичестве, честные люди полны благодати от мысли что они остались с богом и не предали его ни в каких испытаниях. Тогда как язычники и на самой вершине земного Олимпа сами чувствуют всю бессмысленность, пустоту и порочность своего существования!

Слава Господу, что наши страдания не останутся неотмщенными! Ибо что бы не делали демоны, какие бы театры и сценарии не ставили, каких бы Человекобогов Олимпийце Монаршего Двора Язычества не приглашали, а Открытие уже сделано! Неподъемный труд в нереальной ситуации всеобщего противодействия — поднят, доведен до конца, отдан людям! Никто и никогда, и особенно ничтожества — инвалиды, мертвецы языческих олимпийцев, поднятые словно зомби ложью дарвиновской парадигмы, не смогут отобрать у божьего ангела доверенного ему Господом Откровения! А значит рано или поздно, правда о том, что вы сделали с автором великого Открытия будет известна каждому человеку на земле. И тогда держитесь! Не будет такого калеки и инвалида которому бы вы не позавидовали, и не будет такого камня под который бы вы не старались спрятаться! Но отвечного позора вам не спрятаться! Вы сами подготовили себе свою судьбу! Слава Господу, не вам сатанам лишать ангела Божьего его службы Господу! Слава Господу!

ГЛАВА 9. ТОЧКА В СПОРЕ ЭЙНШТЕЙНА И БОРА. ЯЗЫЧЕСКИЙ ОЛИМП БОЛЬШЕ НЕ ВОСКРЕСНЕТ

1. Проблема рационализма сводится к метафизике интеллекта в том смысле, в котором все рационалисты писали о мире идей как интеллектуальной форме космоса.

2. Рационализм утверждал не только «врожденные идеи» как активный интеллект человека, познающего мир, но и законы природы как пассивный интеллект интеллектуальной формы природы.

3. Рационализм — это философия идеализма в том смысле, что она предполагает «мир идей» Платона, как некий интеллектуальный дизайн вселенной, и Демиурга, который стоит за этим дизайном.

4. Однако важно помнить, что философия рационализма — это объективный идеализм, существо которого в метафизике интеллекта и двух ее полюсах, активном и пассивном интеллекте. Мышление (активный интеллект) и законы природы (пассивный интеллект) — это два полюса единой субстанции интеллекта. Именно поэтому мышление способно открывать и ставить под контроль законы природы, то есть познавать их.

5. Рационалисты называют активный интеллект (мышление) врожденными идеями человека, а пассивный интеллект (законы природы) — миром идей Платона, законами природы Декарта и Спинозы, монадами Лейбница или интеллектуальной формой материи Фрэнсиса Бэкона.

6. Так или иначе, классический рационализм всегда предполагает метафизику интеллекта и два ее полюса: активный и пассивный интеллект.

7. Платон «Государство»: «Чем будет благо в умопостигаемой области по отношению к уму и умопостигаемому, тем в области зримого будет Солнце по отношению к зрению и зрительно постигаемым вещам. Считай, что так бывает и с душой: всякий раз, когда она устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Так вот, то, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины».

8. У Декарта эти два полюса интеллекта представлены субстанциями мышления и материи, а у Спинозы это «модусы различных атрибутов Бога».

9. Виктор Беляев «Лейбниц и Спинозы»: «По взгляду Спинозы, ни тело не может определить душу к мышлению, ни душа тело к движению. Это вытекало из взглядов на тело и душу как на модусы различных атрибутов Бога, именно мышления и протяжения. Что касается Лейбница, то его мысль о том, что душа не может влиять на тело, а тело на душу, слишком общеизвестна».

10. В этом смысле философия Джордж Беркли — это рационализм классической метафизики интеллекта, поскольку это идеализм с активным и пассивным полюсами интеллекта и теорией познания как взаимодействия этих полюсов.

11. Джордж Беркли «Трактат о принципах человеческого знания»: «Но какую бы власть я ни имел над моими собственными мыслями, я нахожу, что идеи, действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в схожей зависимости от моей воли. Не суть создания моей воли. Существует, следовательно, другая воля или другой дух, который производит их. Те определенные правила и установленные методы, коими ум, от которого мы зависим, вызывает в нас идеи ощущений, называется законами природы. ... Это воспринимающее деятельное существо есть то, что я называю умом, духом, душою или мной самим. Дух есть простое нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется рассудком; как производящее их

или иным способом действующее на них — волей. Этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь совершенно отличную от них, в которой они существуют или, что тоже самое, которой они воспринимаются. Все наши идеи, ощущения или вещи, воспринимаемые нами, под какими бы именами мы их не рассматривали, очевидно, неактивны, в них нет никакой силы или деятельности. Само бытие идеи подразумевает пассивность или инертность».

12. Также и Фрэнсис Бэкон пишет о метафизике интеллекта как активном и пассивном полюсах (мышления и законов природы), взаимодействие которых есть процесс познания истины (открытие законов природы). Он говорит в этой связи о «природе ума» и «природе вещей» и о «свадебном убранстве Духа и Вселенной».

13. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, исследование форм, которые (по смыслу и по их закону) вечны и неподвижны, составляет *метафизику,* а исследование действующего начала и материи, скрытого процесса и скрытого схематизма (все это касается обычного хода природы, а не основных и вечных законов) составляет *физику*. Дело и цель человеческого знания в том, чтобы открывать *форму* данной природы, или истинное отличие, или производящую природу. Тот же, кто знает формы, — тот охватывает единство природы в несходных материях. Поэтому за открытием форм следует истинное созерцание и свободное действие. ... Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благости мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной».

14. Конечно, есть существенное отличие в метафизике интеллекта Платона и, скажем, Бэкона. Платон уверен, что врожденных идей, то есть логики и математики, достаточно для познания. Бэкон и Декарт говорят уже об опытном знании. Об индукции и дедукции.

15. Для Платона «мир идей», интеллектуальная форма космоса — это мир совершенных вещей, идей конкретных вещей, «универсалий». Для Декарта, Бэкона и всех последующих рационалистов речь уже идет о законах природы.

16. «Мир идей» теперь мир законов природы, а вовсе не совершенных образов какого-либо класса вещей, универсалий, абстрактных идей.

17. Платон видел дуализм вселенной как идеального и материального миров, как формы и содержания, но не видел, как именно разделяется материя на форму и содержание. Он считал, что эта граница проходит между самими вещами и их идеальными образами, которые представляли «сущность» вещей. На самом деле идеальный мир представлен законами природы, вовсе не идеями вещей.

18. Успехи современной науки, сделавшей фундаментальные открытия в физике, химии, биологии, говорят о том, что законы природы — это законы природных энергий. То, что мы можем назвать сегодня научным знанием, всегда имеет дело с природными энергиями, представляя систему законов различных энергий, которые открывают доступ к силе этих энергий. Поэтому сегодня мы можем дать еще более точное определение миру идей Платона. Уже не просто законы природы, как у Декарта, Спинозы, Бэкона, но законы природных энергий.

19. Таким образом, законы природы в качестве «идей» не могут быть «сущностью» и «образами» конкретных вещей. Идеи — сущность энергетического строения вселенной, показывают вселенную как энергетическую структуру, задуманную неким космическим интеллектом.

20. Аристотель критиковал «мир идей» Платона совсем с других позиций. Он опрокинул именно то, что было здорового в учении Платона, и совсем не заметил истинной ошибки. Он выступил против разделения космоса на идеальную и материальную составляющую, на мир идей и мир вещей, заменив этот дуализм интеллекта и материи подлунным и надлунными мирами.

21. Каждая вещь имеет форму и вещество, говорит Аристотель, уникальна и реальна только в материальном мире. Вещи имеют форму, говорил он, а не идею, которая живет отдельно от самих вещей в каком-то трансцендентном мире. Эта его теория получила название «гилеморфизм», от греческих слов «вещь» и «форма». Ленин совершенно точно охарактеризовал критику Аристотелем Платона, как критику с «позиций материализма». Заменив два мира Платона (идеального и материального) на один материальный мир гилеморфизма, Аристотель уничтожил метафизику Платона. «Критика Аристотелем „идей“ Платона есть критика идеализма как идеализма вообще», — говорит Ленин.

22. Между тем Бэкон пишет в «Новом органоне», что материализм Аристотеля нисколько не сделал его философию эмпирической и объективной в истинном смысле этого слова. Напротив, он характеризует его философию как спекулятивную мистику, как отвлеченные суждения, не имеющие ничего общего с действительностью.

23. Для нас же очевидно, что Аристотель разрушил метафизику интеллекта Платона и этим на много веков остановил прогресс научного знания.

24. Фрэнсис Бэкон «Новый органон»: «Таким образом, корень заблуждений ложной философии троякий: *софистика, эмпирика* и *суеверие*. Наиболее заметный пример первого рода являет Аристотель, который своей диалектикой испортил естественную философию, так как построил мир из категорий и приписал человеческой душе, благороднейшей субстанции, род устремления второго порядка; и неисчислимо много другого приписал природе по своему произволу. Он всегда больше заботился о том, чтобы иметь на все ответ и словами высказать что-либо положительное, чем о внутренней истине вещей. В физике же Аристотеля нет ничего другого, кроме звучания диалектических слов. В своей метафизике он это вновь повторил под более торжественным названием, будто бы желая разбирать вещи, а не слова. Пусть не смутит кого-либо то, что

в его книгах „О животных“, „Проблемы“ и в других его трактатах часто встречается обращение к опыту. Ибо его решение принято заранее, и он не обратился к опыту, как должно, для установления своих мнений и аксиом; но, напротив, произвольно установив свои утверждения, он притягивает к своим мнениям искаженный опыт, как пленника. Так что в этом отношении его следует обвинить больше, чем его новых последователей (род схоластических философов), которые вовсе отказывались от опыта».

25. Мы же критикуем Платона совсем с другой стороны, признавая абсолютную истинность открытого им дуализма: мира идей и мира вещей, то есть интеллекта и материи. Мы говорим об ошибке в понимании идей, в понимании формы и содержания материи. Мир идей, конечно, существует, но не в виде образов конкретных вещей, а в виде законов природных энергий. Поэтому мы, в отличие от Платона, не можем обойтись без необходимой связи теории и опыта в процессе познания: открытие законов природных энергий возможно только на основе индукции и дедукции.

26. Известно, что полемика Платона и Аристотеля стала пищей размышлений следующих двух тысяч веков для христианского и ирано-арабского миров. Спор о мире идей Платона и гилеморфизме Аристотеля все время возрождался в той или иной форме. Спорили об онтологии сущностей, о реализме и номинализме. Одни стояли за Платона и утверждали, что абстракции (универсалии), идеи существуют отдельно от самих вещей в виде их идеальных образов, а другие утверждали вслед за Аристотелем, что существуют только сами вещи, состоящие из уникальной формы и вещества, а всякие обобщения только абстракции разума. Понятно, что в споре никому не удалось победить, потому что вопрос был неправильно сформулирован. Разумеется, нет и не может быть идей и идеального мира, если идеи только образы конкретных вещей. Но так ли обстоит дело для законов природы?

27. В конечном итоге просвещение поставило вопрос о законах природы. Френсис Бэкон прославился открытием метода

индукции, обобщением законов природы из фактов опыта. Очень важный момент «Нового органона», о котором никто не упоминает в учебниках, состоит в том, что Бэкон пишет о законах природы как о «метафизике» и понимает эту метафизику уже не как примитивные платоновские образы вещей, а как законы природы. Таким образом, Бэкон не только разработал эмпирический метод познания, но и значительно продвинулся в построении платоновской метафизики, представив его мир идей как мир законов природы (а не образов конкретных вещей). Бэкон предупреждает против узости «плоского эмпиризма», как позже говорил Эйнштейн.

28. Развитие представления о мире идей Платона, об интеллектуальной форме космоса — только одна проблема рационализма. Сегодня мы можем уже вслед за Оствальдом говорить об энергетическом строении вселенной, об интеллектуальном дизайне материи в виде множества различных природных энергий. Это в свою очередь дает нам исчерпывающее представление о связи теории и практики, о достоверности теоретического знания. Если знание законов природы дает нам доступ к силе природной энергии, значит это знание достоверное. Например, у нас есть такое достоверное знание в отношении механической, электрической, атомной, химической, биохимической энергий.

29. Другая проблема рационализма — фиктивный рационализм немецкой спекулятивной мистики. Без метафизики интеллекта идеализм превращается в мистику. Действительно, мы видели, что уже философия Канта, которая также претендует на идеализм и рационализм, разрушила метафизику интеллекта, упразднив представление о познании как взаимодействии активного и пассивного полюсов интеллекта.

30. Далее Фихте развил философию «законодательствующего разума» Канта в «чистую субъективность Я». И в философии Канта, и в философии Фихте нет места метафизике интеллекта как законов природы, с одной стороны, и аппарата мышления, «врожденных идей» для открытия этих законов природы, с другой стороны. Так, Куно Фишер пишет:

31. Куно Фишер «Фихте»: «Когда Я осознает свою полную свободу от объектов, то для него становится очевидным, что оно может определяться только самим собой, что оно находится во взаимодействии с самим собой и что, следовательно, если оно определяется каким-нибудь объектом, то оно само себя к этому приводит, т. е. „полагает само себя как определяемое через не-Я". Но именно это и было основоположением теоретического наукоучения: теперь оно стало им для Я. Я уже не только теоретическое, но оно сознает и познает себя как основу своего теоретического отношения. Этим теоретическое наукоучение заканчивает предначертанный ему путь и разрешает свою задачу. Я осознает себя как способность отвлекаться от всех объектов, как чистую субъективность, как Я, которое определяется только через самого себя».

32. Впоследствии Гегель, который ставил себе задачу преодолеть агностицизм Канта, тем не менее остался на позиции «чистой субъективности» Фихте, поскольку его философия также построена на разрушенной Кантом метафизике интеллекта.

33. Так, Гегель отрицает законы природы и ставит на их место принцип историзма и перехода количественных изменений в качественные. Он также отрицает и разум человека как аппарат мышления для открытия законов природы. В его понимании, как пишет Гулыга, субъект и объект смешиваются, природа оказывается только инобытием разума. («Две первые части своего труда (учение о бытии и учение о сущности) Гегель называет объективной логикой, третью — субъективной логикой. Но это противопоставление условно: объект и субъект для Гегеля тождественны. Поэтому и объективная, и субъективная логики являются в равной мере логикой и самих вещей и познающего их мышления».)

34. В конечном итоге его разум-абсолют — та же чистая субъективность Фихте или законодательствующий разум Канта. В нем нет ничего от метафизики интеллекта «свободы как осознанной необходимости законов природы» Спинозы, на которую он претендует.

35. Арсений Гулыга «Гегель»: И совершенно так же, по мере развития, все, бывшее прежде действительным, становится недействительным, утрачивает свою необходимость, свое право на существование, свою разумность. Место отмирающей действительности занимает новая, жизнеспособная действительность, занимает мирно, если старое достаточно рассудительно, чтобы умереть без сопротивления, — насильственно, если оно противится этой необходимости. Таким образом, это гегелевское положение благодаря самой гегелевской диалектике превращается в свою противоположность: все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, оно, следовательно, неразумно уже по самой своей природе, заранее обременено неразумностью. Следовательно, постичь то, что есть, — вот в чем задача философии, и как каждый из людей — сын своего времени, так и философия есть эпоха, охваченная в мыслях. Глупо думать, что философия может выйти за пределы современного ей мира, так же как наивно строить себе мир, каким он должен быть, этот мир может существовать лишь в мнении его создателя. ... Гегелевская философия природы оставляет двойственное впечатление: в ней в равной мере представлены и достижения опытного знания, и плоды собственных раздумий, где гениальные догадки перемешаны с досужими вымыслами. Подчас одно трудно отделить от другого. Много лет спустя известный химик и вольнодумец Оствальд острил по поводу подобного рода подхода к изучению природы. Как, спрашивал он, будут вести себя англичанин, француз и немец, если им предложат описать свойства верблюда. Англичанин отправится в Африку, застрелит животное, отдаст набить из него чучело, которое затем выставит в музее. Француз пойдет в Бутонский лес и, не обнаружив там верблюда, усомнится в его существовании. Немец же запрется в кабинете и будет конструировать свойства верблюда из глубины своего духа. Когда читаешь некоторые страницы «Энциклопедии», невольно приходит на ум эта шутка. И дело не в отдельных промахах Гегеля, не в звучащих порой, как анекдот,

высказываниях, а в принципе, в третировании опытного знания, в твердом убеждении, что философская спекуляция дает ключ к решению всех проблем. Теория безгрешна, если факты ей не соответствуют, тем хуже для фактов. ... Философию Фихте и Шеллинга Шопенгауэр называл пустозвонством, Гегеля — шарлатаном. ... В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять. И требуется огромная смелость и доверие к самому себе, к своему рассудку, чтобы назвать все это бессмысленным шарлатанством. В гегелевской философии явственно заметно намерение добиться милости монархов сервильностью и ортодоксией. Ясность цели пикантно контрастирует с неясностью изложения и, как клоун из яйца, вылупливается в конце толстого тома, полного напыщенной галиматьи и бессмыслицы, благодарная салонная философия, которой учат уже в начальной школе, а именно — Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух, правильность евангелического вероисповедания, ложность католического и т. д. и т. п.»

36. Таким же фиктивным рационализмом является и диалектический материализм Маркса, поскольку его философия — только переложение диалектической логики Гегеля. Эта та же спекулятивная мистика, в основе которой разрушенная метафизика интеллекта. Жюльен Бенда пишет в «Предательстве интеллектуалов» о диалектическом методе и историзме Гегеля и Маркса как об откровенной мистике, уничтожившей рационализмом под именем «нового рационализма». О том же говорит Альбер Камю в «Бунтующем человеке», когда пишет, что рационализм Гегеля охвачен «дрожью безумия» и в конечном итоге иррационален.

37. Знаменитый спор Эйнштейна и Бора вскрыл другой аспект проблемы рационализма. Доступен ли активный интеллект, мышление, только человеку? Имеет ли «мир идей» Платона свое собственное пространство-время?

38. Альберт Эйнштейн был одним из самых известных рационалистов, который не раз публично заявлял о своей приверженности метафизике интеллекта Платона и Спинозы. Известно, что его оппонент в споре о квантовой механике, Нильс Бор, напротив, стоял на позициях эмпиризма (позитивизма). До сих пор считалось, что Эйнштейн проиграл этот спор Бору, а вместе с ним сдал свои позиции и рационализм, уступив победу эмпиризму в их давнем противостоянии.

39. Два эксперимента подтвердили правоту Бора в споре с Эйнштейном. Эксперимент Юнга якобы доказал, что нет объективного наблюдения, что данные наблюдения всегда субъективны, потому что поведение квантов зависит от того, измеряют их или нет. А эксперимент Белла доказал нелокальность квантов, способность контактировать на скорости выше скорости света, что опровергает все законы физики (и теорию относительности), а значит, ставит под вопрос детерминизм (законы природы) в целом. Результаты экспериментов не оставляли сомнений в том, что Эйнштейн, который настаивал на том, что измерение не влияет на поведение квантов и что кванты не могут взаимодействовать на скорости, которая опровергает все прежние законы физики, оказался неправ. Пусть так. Но значит ли это, что вместе с Эйнштейном проиграл и рационализм? Какую философскую интерпретацию имеет эта проблема?

40. Манжит Кумар «Квант. Эйнштейн. Бор»: «Не собиравшийся сдаваться Эйнштейн потратил неделю на то, чтобы показать: квантовая механика не самосогласованна, а „копенгагенская интерпретация“ Бора — некорректна. Гораздо позднее Эйнштейн скажет: „Эта теория напоминает мне состряпанный из бессвязных обрывков мыслей набор бредовых идей исключительно умного параноика. ... Полагаю, хорошо, что многое рассеивает мое внимание. Иначе размышления о квантах привели бы меня прямиком в сумасшедший дом“. „Принстон — сумасшедший дом... Эйнштейн — совсем чокнутый“, — написал Роберт Оппенгеймер в январе 1935 года. Тогда самому известному физику-теоретику, воспитанному Америкой, был тридцать один год. Через двена-

дцать лет, уже человеком, возглавившим работы по созданию атомной бомбы, Оппенгеймер вернется в Институт перспективных исследований, чтобы руководить „сумасшедшим домом“ и населяющими его „солипсическими светилами, сверкающими в отделенном от мира и беспомощном уединении“. К этому времени Эйнштейн уже смирился с тем, что благодаря его критическому отношению к квантовой механике в Принстоне его „считают старым дураком“».

41. Эйнштейн провидчески заметил, что решение проблемы квантовой механики, на которой споткнулись они с Бором, придет вместе с решением какой-то более глобальной задачи. И оказался прав. Он говорил о метафизике интеллекта Платона и Спинозы, но никогда не подумал, что эта метафизика означает существование пространства-времени интеллекта. Его теория относительности доказала, что пространство и время составляют единое целое, единый континуум, а не независимы друг от друга, как думали раньше. Нам представляется, что энергетическая теория как нельзя лучше объясняет этот феномен уже с философских позиций (прекрасное физическое обоснование он дал сам). Действительно, если вселенная — это пучок природных энергий, как утверждал Оствальд, то пространство — это воплощение этих энергий в конкретных вещах, а время — история движения этих энергий.

42. Духовная энергия человека отлична от прочих природных энергий. Она также детерминирована, как они законами природы, но способна также познавать эти законы и ставить их под научный контроль. Это контрольная энергия, имеющая доступ к активному интеллекту, к мышлению; тогда как все прочие энергии природы только детерминированные, им доступен только пассивный интеллект законов природы.

43. Контрольная энергия человека будет иметь особое пространство-время, то есть будет воплощаться не в вещах, а в знании о вещах; и будет иметь историей своего движения не физическую эволюцию космоса, а накопленные знания о законах природных энергий. Это особое пространство — время интел-

лектуальной энергии человека, духа, также отвечает теории относительности, будучи единым континуумом. Но это не физическое пространство-время, открытое Эйнштейном.

44. Если понимать эту метафизику, как пространство-время, то проблема решается сама собой. Было много попыток ответить на проблему фантасмагориями о множестве параллельных вселенных, о множестве других физических миров. Однако это такая же чушь с точки зрения физики и здравого смысла. Но мир идей Платона, интеллектуальный мир, который существует как идеальный образ физического мира, как его форма, выраженная в законах энергий, — это очевидность, которую утверждали вместе с ним все рационалисты со времен Платона. Это скорее не параллельное, а перпендикулярное пространство, ось интеллектуального отражения вселенной.

45. Тогда у нас есть объяснение загадочному поведению квантов, которое не только не опровергает рационализма и детерминизма вселенной, но дает ему эмпирическое подтверждение. Кванты, фотоны света, мельчайшие частицы из которых состоит материя, — элементы интеллекта, создавшего материю и установившего законы природы. То есть получается, что на уровне самого глубинного исследования мы сталкиваемся со «светом интеллекта» в самом прямом смысле. Человек имеет активный интеллект — способность мышления. Кванты могут иметь свою разновидность активного интеллекта — пусть она не тождественна мышлению человека, пусть ее возможность много меньше или много больше, мы не можем знать. Они способны фиксировать, когда другой активный интеллект их измеряет и менять свое поведение в зависимости от этого. Менять с жесткой детерминированностью — либо волна, либо частица, ни шагу назад, ни шагу вперед. Понятно, что нелокальность квантов тогда объясняется их общением в пространстве-времени интеллекта, поскольку в пространстве-времени физического мира это невозможно.

46. Теория относительности пространства-времени Эйнштейна показала зависимость скорости часов от пространства,

в котором они находятся. Теория относительности справедлива и для пространства интеллекта, у которого свои «часы», свое время. Эйнштейн в «Эволюции физики» говорит о «примитивном субъективном чувстве времени», которое нельзя сравнивать с физическими часами. Между тем именно это психологическое чувство времени, так отличное от физических часов, есть наше ощущение времени пространства интеллекта. Разве мы не чувствуем себя на все тысячи лет, которые охватываем своими познаниями? Мы гости в пространстве интеллекта, мы не можем знать его структуру и строение. Мы можем знать только то, насколько оно нам доступно. Мы способны открывать законы природы — и это наш доступ в пространство интеллекта. Мы способны накапливать знания — и это наше совокупное время, проведенное в пространстве интеллекта, часы, которыми мы измеряем длительность своего пути. Мы способны жить поисками истины и жертвовать для них нашей жизнью в физическом пространстве — и это время, которое мы проводим в пространстве интеллекта.

47. Но есть одно большое «но»: ложные теории настолько засорили пространство интеллекта, что даже дисциплинированным и трудолюбивым студентам почти невозможно туда пробраться. А если удается, то рывками, а нахождение там становится очень болезненным из-за мусора, который всячески мешает передвижению. Наша задача не только открыть для себя это пространство, но и расчистить его. Ибо только храм знаний может быть настоящей церковью человека, в духе и истине, как говорили великие мыслители. И только настоящие ученые, мыслители и духоборцы могут быть его святыми.

48. Глобальное открытие, которое прольет свет на проблему квантов, о котором говорил Эйнштейн, — это энергетика как теория познания, это пространство-время интеллекта, это, наконец, теория психической энергии.

Как можно видеть из вышеприведенного текста (это копия главы 3. из моей книги Проблемы развития духа), проблемы, которые принесло в науку открытие квантов, не только не раз-

рушили философии рационализма (метафизику интеллекта), но абсолютно и навсегда ее подтвердили, снабдив нерушимыми эмпирическими доказательствами.

Ведь таким образом доказано, что Пространство Интеллекта как интеллектуальная форма законов природы, есть первичная реальность, тогда как материальный мир, — есть вторичная реальность, «тело» энергий природы, которые в Пространстве Интеллекта даны только в форме законов этих энергий.

Также доказано что процесс познания есть взаимодействие Активного и Пассивного полюсов интеллекта (мышления и законов природы), а значит разум человека не может быть единственным носителем активного интеллекта. Так, кванты однозначно также носители активного интеллекта.

Вот тот главный вывод, который мы получаем разрешив спор Эйнштейна и Бора: доказательство Пространства Интеллекта и двух полюсов Интеллекта на практике, эмпирически, что в свою очередь неопровержимо доказывает справедливость философии рационализма (метафизики интеллекта).

И значит языческий олимп больше не воскреснет, ведь теперь больше никто не сможет опровергнуть единого Бога-Интеллекта.

Отчаянная борьба Шеллинга с Гибрис Эго немецкого идеализма еще ждет своей оценки по заслугам. До сих пор воспевали Канта, ФИхте и Гегеля, но не Шеллинга, который с резким осуждением выступил против них, своих учителей и однокурсников. Уже близко время, когда после падения дарвиновской парадигмы, вдохнувшей жизнь в поле Эгосистемы и в Гибрис Эго языческой мифологии, вклад Шеллинга будет оценен по достоинству.

Ф. Шеллинг (Бонавентура), «Ночные бдения»:

«А передо мной стояли каменные боги, безрукие, безногие калеки; у некоторых даже головы отсутствовали; вот превосходнейшее и прекраснейшее из всего, на что оказался способен человек; целое небо великого поникшего рода, трупы и торсы, выкопанные в Геркулануме и в русле Тибра. Инвалид-

Обращение отправлено

Отправлено
в Электронную приёмную Президента Российской Федерации
Статус обращения
отправлено
Дата отправки
30 апреля 2024 года
Прикреплён файл в формате PDF

Текст

Пишу В Правительство Российской Федерации!

Есть ли у нас еще Россия? Есть ли у нас еще Правительство?

Я - ученый, Лейла Романовна Хугаева Тиникашвили, Автор Научной Революции Энергетика, Автор Открытия Психической Энергии. Мои книги на эту тематику печатаются с 2005 года (все книги с ISBN, кроме серии книг на английском языке последние два года). Уже 20 лет - я автор Важнейшего Открытия, которое прославит Россию на все оставшиеся века! Ведь это Научное Доказательство Правоты Евангелия!

Cambridge University Press в лице

17:20

Cambridge University Press в лице мистера Marc Nicolas Vargas прислал мне согласие печатать мою книгу 17 ноября 2022 года. Позже мистер John Haslam подтвердил что Издательство Университета Кембриджа собиралось печатать мою книгу в новом письме где он говорит, что книгу отложили временно.

В 2008 году вышла моя книга "Переключи себе ток" (Москва, Спутни +) после чего ФСБ установило за мной слежку. Я написала Вам, в Правительство России. Министерство Образования РФ отписалось, что надо обратиться в РГНФ. На тот момент я была аспирант СОГПИ и получила отрицательный ответ из РГНФ. Но Заявку в РГНФ зарегистрировали и номер у меня есть.

В 2015 году, когда я вело переговоры с Диссертационным Советом факультета Психологии МГУ на меня в Москве было совершено нападение: ночью в хостеле на Маросейке мне сломали позвоночник на 4 уровнях, 44 дня в реанимации Склифаб выписка у меня имеется. Я уже 9 лет Инвалид в коляске.

Я писала в 2021 году вновь Вам, господа

17:20

Я писала в 2021 году вновь Вам, господа Правительство России, чтобы сообщить опять о Важнейшем Научном Открытии, которое станет началом новой эпохи в Науке - Научной Революции Энергетики. От меня опять отписались общими словами. Тем временем Коррупция в РСО-Алании уже много лет нападает на меня и на мою семью. В 2021 году я опубликовала книгу с ISBN "Коррупция в РСО-Алании", где изложила факты о нападении на меня и на мою семью. А также об Уголовном Деле о массовом изнасиловании девочки-аутиста Дзастеловой Виктории, изложенное со слов ее матери Залины Дудуевой. Я отправила в Правительство России письмо и книгу с просьбой расследовать факты Коррупции в Республике Северная Осетия Алания. Мне пришли ответы из Следственного Комитета РФ, Прокуратуры РФ, МвД Рф, но сделано опять ничего не было!

И вот теперь опять, 27 апреля 2024 года на мою семью осуществлено Новое Кощунственное Нападение!

Моя мать в свои 84 года вынуждена нести на себе свою дочь инвалида! Коррупция, о которой я писала, о которой я кричала в своих книгах и письмах в

17:21

Моя мать в свои 84 года вынуждена нести на себе свою дочь инвалида! Коррупция, о которой я писала, о которой я кричала в своих книгах и письмах в Правительство - подкупает всех моих сиделок чтобы сфабриковать, инсценировать какую-то страшную беду в моем доме! И мне в моем состоянии пришлось отказаться от сиделок и я писала об этом в "Я обвиняю язычников" и в "Коррупции в РСО-Алании"! Правительства Россиии больше нет! и России тоже больше нет! Мне никто не ответил! Моя единственная защита от бандитов моя престарелая больная мать, которая еле ходит!

И вот на нее совершили нападении в расчете убить старушку страшными вестями! Ей позвонили 27 апреля 2024 года и сообщили от имени Майора Полиции - Владимира Николаевича Корчагина - что ее дочь (то есть я) с черепно-мозговой травмой доставлена в больницу на операцию головы - вставлять пластинки в мозг! Все делалось для нагнетания ужаса: казенный язык майора полиции, слезы и стоны, жалобы ее умирающей дочери просившей "хотя бы 200 тысяч рублей на операцию головы", умирающая рядом

17:21

просившей "хотя бы 200 тысяч рублей на операцию головы", умирающая рядом гражданка Денисова Кристина Игоревна. А потом чтобы совсем убедить старушку в реальности происходящего подонки прислали "водителя" который представился Давидом и забрал для "умирающей дочери" вещи в больницу: простыни, полотенце, покрывало. Наконец, рыдающей старушке сообщили что я ехала в машине скорой помощи вместе с ее зятем, и что мы тогда попали в ДТПЭ и что это наша вина и за это нам грозит 3-4 года тюрьмы! Зою Иосифовну Тиникашвили заставили писать Заявление на имя Начальника МВД Корниева с просьбой не возбуждать против ее дочери и зятя, разбившихся в машине скорой помощи Уголовного Дела! Каким-то образом заблокировали сообщение между нашими телефонами и я целый день не могла дозвониться до своей матери!

И теперь я спрашиваю Вас, Правительство России в очередной раз! (В который уже раз!). Неужели опять ничего сделано не будет? Я - автор Важнейшего Открытия, автор Научной Революции Энергетика, которая вернет людям Бога после безбожного

17:21

И теперь я спрашиваю Вас, Правительство России в очередной раз! (В который уже раз!). Неужели опять ничего сделано не будет? Я - автор Важнейшего Открытия, автор Научной Революции Энергетика, которая вернет людям Бога после безбожного сатанинского Дарвинизма! И я - самый забитый и самый беспомощный инвалид на планете, над которым еще только ленивый не издевался! Мы с моей старушкой матерью даже не в состоянии Открыть Уголовное Дело - она боится негодяев, а я не могу дойти до отделения полиции в своей коляске! Неужели нам сидеть и ждать следующего нападения после этой чудовищной попытки убийства старушки, где посмеялись над всем святым для человека: над покалеченным ученым с очередной "черепно-мозговой травмой", над святостью родительских чувств, над уважением к сединам стариков, над человеческим достоинством и законом! А моей больной матери - Тиникашвили Зое Иосифовне - надо дальше нести на своих руках инвалида!

Я прошу помочь нам открыть Уголовное Дело и найти виновных!

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

ХУГАЕВОЙ Л.Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

523540

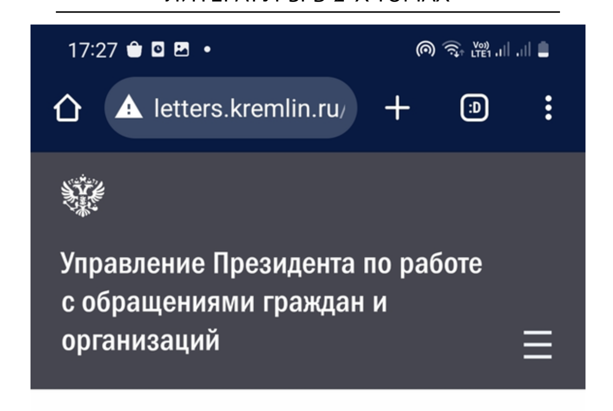
«2» мая 2024 г.

№ А26-16-52354071

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации, полученное 30.04.2024 г. в форме электронного документа и зарегистрированное 30.04.2024 г. за № 523540, перенаправлено для рассмотрения в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Консультант департамента
письменных обращений граждан и
организаций М.Николаевская

523540 Страница 1 из 1

Личный кабинет

Обращение отправлено

Отправлено
в Электронную приёмную Президента Российской Федерации
Статус обращения
отправлено
Дата отправки
5 мая 2024 года
Прикреплён файл в формате PDF

Текст

Пишу в Правительство России!

Лейла Романовна Хугаева Тиникашвили, автор Научной Революции Энергетика, автор Открытия Психической Энергии

Я вынужденна сделать это Дополнение к

17:27

Я вынужденна сделать это Дополнение к моему Обращению в Правительство России от 30. 04.2024 зарегистрированное под № 523540

Я прошу Открыть Уголовное делу по факту нападения 27 апреля на меня и на мою престарелую мать - по факту моего заявления!

Моя мать только что мне сообщила, что к ней приходили сотрудники полиции чтобы зарегистрировать заявление, но она отказывается потому что боится бандитов!

Прошу зарегистрировать Уголовное дело по моему заявлению и считать эти мои Обращения в Правительство России - Заявлением по факту нападения на меня и на мою престарелую мать! Я пострадала также и еще больше чем моя мать, поскольку целью нападения являюсь именно я, ученый и автор Научной Революции Энергетика. К тому же я прямо фигурировала в афере бандитов, которые уверяли мою мать что у меня черепно-мозговая травма и давали ей слушать слезы и стоны ее умирающей дочери.

В связи с тем, что моя мать после нападения на нее находится в

17:28

В связи с тем, что моя мать после нападения на нее находится в нестабильном состоянии и отказывается давать показания в полиции я прошу открыть уголовное дело по этому моему заявлению. Ниже я прилагаю ссылку на Видео с показаниями моей матери.

https://youtu.be/vTT8H5Qd1kE

Прилагаю также:

Ссылка на видео с моими переговорами с Cambridge University Press, где показаны письма из Издательства Университета Кембриджа с положительным ответом на мое предложение печатать Открытие Психической Энергии и Научную Революцию Энергетика. И хоть позже издатели изменили решение факт их знакомства с моей рукописью и положительного ответа зафиксирован в этих письмах (17 ноября 2022 Marc Nicolas Vargas и 21-22 ноября 2022 John Haslam)

https://youtu.be/yUFtzyVqKAs

Сохранить текст в электронной форме в файл формата *.docx

АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО РАБОТЕ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН
И ОРГАНИЗАЦИЙ**

ул. Ильинка, д. 23, Москва, Российская Федерация, 103132

ХУГАЕВОЙ Л.Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

556171

«6» мая 2024 г.

№ А26-16-55617171

Ваше обращение на имя Президента Российской Федерации, полученное 06.05.2024 г. в форме электронного документа и зарегистрированное 06.05.2024 г. за № 556171, перенаправлено для рассмотрения в Министерство внутренних дел Российской Федерации.

Референт Управления — И.Александров

556171 — Страница 1 из 1

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА И РЕЖИМА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ГОРОДУ МОСКВЕ

ул. Петровка, 38, Москва

18.05.2024 № 3/247713353768

Хугаева Л. Р.

lkhugaeva@yahoo.co.uk

Уважаемая Лейла Романовна!

Ваше обращение от 06.05.2024, поступившее в адрес ГУ МВД России по г. Москве из Управление Президента Российской Федерации по работе с обращениями граждан и организаций, рассмотрено.

Учитывая, что в нем содержится информация о преступлении или административном правонарушении, оно в соответствии с пунктом 69 Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707, зарегистрировано в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) 17.05.2024 № 29744545545651.

Дальнейшее рассмотрение Вашего сообщения регламентируется нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации или Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. О результатах Вам будет сообщено дополнительно.

ный дом бессмертных богов и героев, построенный среди человеческого убожества. ...Как бы не усердствовали врачи-реставраторы нашей эпохи, изощряясь в искусстве лечить и латать, они не поднимут на ноги богов, искалеченных коварным временем, как например торс, валяющийся там, и бывшие боги навсегда останутся инвалидами в отставке, отправленными на покой»

ТОМ 2. МЕРЕЖКОВСКИЙ О ТОЛСТОМ И ДОСТОЕВСКОМ

ГЛАВА 1. ТОЛСТОЙ И ДОСТОЕВСКИЙ: ЯСНОВИДЕЦ ДОБРА И ЯСНОВИДЕЦ ЗЛА

1. «Иисус Неизвестный» Мережковского. Синтез христианской философии Толстого и Достоевского

2. Шизоидность античной культуры и Проблема Зла в философии Достоевского.

1. «ИИСУС НЕИЗВЕСТНЫЙ» МЕРЕЖКОВСКОГО. СИНТЕЗ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ ТОЛСТОГО И ДОСТОЕВСКОГО

Известно, что на протяжении всего своего долгого творческого пути Мережковский ставил себе задачу истолкования и соединения Язычества и Христианства в «Третьем Завете» обновленной и усовершенствованной христианской философии. Сам он формулировал эту задачу как необходимость синтеза между установками «самоутверждения», которую он понимал как языческую, и «самоотречения», в чем обычно видят христианство. По другому, он определял «самоутверждение личности» как позицию Человекобога, а «самоотречение и самопожертвование себя» как позицию Богочеловека в христианстве. «Две самые противоположные идеи», — говорил Мережковский цитируя Достоевского. И ему казалось, что если следовать методу Гегеля, то противоположности, то есть тезис и антитезис, можно объединить в синтез единого нового понятия. Для решения этой задачи он не переставал анализировать самые глубокие слои и того что ему представлялось языческой культурой и все уровни христианской теологии в ее историческом становлении. Известно также, что в конце жизни он должен был признать свое поражение,

и отвергнуть все попытки какого бы то ни было синтеза того, что он понимал под языческой культурой и христианского учения. Александр Мень, как известно, в этой связи говорил о Мережковском, что тот «Заблудился в трех соснах», намекая таким образом на абсурдность поставленной Мережковским задачи.

Но была ли поставленная Мережковским задача в самом деле столь абсурдна? Или все дело только в путанице в терминах? Ведь сам Мережковский в конечном итоге утверждает, что философия Евангелия, то есть проповедь Иисуса, вовсе не было проповедью самоотречения и самопожертвования, но в той же мере была и утверждением силы и свободы личности, и что только неправильной интерпретации — вольной или невольной — мы обязаны этому ущербному облику Христа как жертвы и слабости на потребу всесильному злу. Именно это он утверждал в конце жизни, когда отказался от идеи соединить язычество и христианство — что в философии Евангелия уже содержатся обе установки, и самоутверждение и самопожертвование личности. Потому он назвал свое собственное исследование Евангелия «Иисус Неизвестный».

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»

> «Нет, учение Христово не только величайшее самоотрицание, но и величайшее самоутверждение личности, не только вечная Голгофа, распятие, но и вечный Вифлеем — рождение, Возрождение личности. Доныне люди видели ясно только одну половину учения Христова — половину самоотрицания; наступает время, когда увидят они, наконец, так же ясно и другую половину этого учения, увидят за первым, уже явленным — второй, сокровенный Лик Господен, за ликом „голубиной простоты" лик „мудрости змеиной", за ликом рабства и смирения — лик силы и славы».

Но возможно, ошибка его состояла еще и в определении античной культуры как «язычества», поскольку именно язычество действительно ничего общего с христианством не имеет, и в этом прав Александр Мень — запутаться здесь невозможно. Но была ли вся античная культура языческой? И было ли языче-

ством именно то, что восхищало в античной культуре Мережковского — культ Человекобога, культ Героя, культ сильной личности, мерящейся силами с богами?

Что есть язычество? Если грубо отграничивать к язычеству весь период истории до христианства, то мы конечно рискуем впасть в большую путаницу. Ибо этика, мораль, нравственность совести и сочувствия родились задолго до христианства в осевое время Ясперса по всему периметру стран получивших откровение этических религий. Следовательно, мы не можем относить к «язычеству» всю дохристианскую историю. Язычество — это феномен магического сознания варваров, идолопоклонства дикарей, которым еще неизвестны этические религии, абстрактное мышление, наука и искусство. Если определять язычество именно с этих позиций, то становится очевидным, что культура античности языческой уже не была. Наряду с магией и идолопоклонством Олимпийской мифологии существовала уже этическая религия Орфея, Пифагора, Сократа и Платона, развитая впоследствии «писателями –моралистами» Римской империи первого и второго века нашей эры.

Как же нам тогда обозначить культуру античности? Где-то Эрих Фромм уже предлагал термин «шизоидная» для западной культуры. Я предлагаю этот термин прежде всего для античной культуры. Во-первых, чтобы отграничить ее от периода варварского идолопоклонства магического сознания, то есть от собственно языческой культуры. И во-вторых, чтобы обозначить главную, характерную именно этому периоду истории особенность — шизоидное мышление формальной логики, абстракции оторванной от реальности. Именно, из этой формальной логики, оторванной от реальности родилась идеология Человекобога, всесильной личности, которая противопоставляет себя всему прочему миру. И эта идеология уже не есть примитивная магия языческой мифологии, это зачатки философии и мышления, пусть пока ложного, но уже мышления. В этом и состоит суть античного периода истории — это период где смешано все: и магия первобытного сознания, и зачатки научного мышления

будущего, но прежде всего это формальная логика ложного шизоидного мышления.

Мережковский долго находился под очарованием этой ложной идеи шизоидной культуры античности — всесильной личности Человекобога, развитие которой он справедливо находил в Сверхчеловеке Ницше. Пока наконец, он вслед за Достоевским не признал, что идеи Человекобога и Богочеловека столь же отличны как идеи Сатаны и Бога, как Ад и Рай, как Порок и Добродетель. Он хорошо сформулировал эту свою мысль в статье «Достоевский — пророк русской революции».

На этом этапе Мережковский перестал искать силу личности и ее самоутверждение вне христианства, утверждая (справедливо), что в христианстве как раз и раскрывается вся сила человеческой личности, вложенной господом в духовную энергию разума.

С тем чтобы доказать это, Мережковский берется за исследование творчества двух самых великих христиан русской литературы — Толстого и Достоевского. Он «предчувствует», что из работ этих «великанов» родится «Третий завет» христианства, который уже на научном языке объяснит людям все, что скрыто в евангелиях в загадочном и поэтичном языке притч, что из «голубиной простоты» родиться «змеиная мудрость», из кажущейся слабости — великая сила, из смирения — свобода.

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»

> «Может быть, и ныне существуют русские люди (о конечно, только жалкая), алчущие и жаждущие нового религиозного сознания неутолимым, небывалым алканием и жаждою, чувствующие, что именно где-то здесь, где-то между Л. Толстым и Достоевским, в чаянии какого-то великого Символа, велкого
> Соединения, скрывается родник,
> **Чистый ключ запечатленный-**
> и что довольно, кажется, усилия детских рук, чтобы сорвать печати с этого родника, и чтобы хлынула живая вода, которая утолит жажду мира.

> Я хочу лишь сказать, что мы уже предчувствуем третьего, неведомого, того, кто идет за ними и кто больше их, того, кто ***соединит*** настоящее с будущим, кто сделает настоящее будущим. Не ему ли принадлежит венец последней победы? Не он ли сознает и откроет главное, что было во Л. Толстом и в Достоевском? И тогда всем станет ясно, что Он в них.
> Основатель новой «секты», Тихон Белоножкин, считающий себя и своими последователями считаемый за Христа, сказал недавно одному, так называемому «культурному» русскому человеку, исследователю народных обычаев:
> — Масло собираете? Понимаю... Масла вы в лампадку набрали много. Зажгите ее, чтоб свет был людям. А то зачем и масло?»
> Все мы, люди культуры и сознания, — не масло ли без огня? Народ — люди стихийной силы и веры — не огонь ли без масла? Если масло не соединиться с огнем, то оно пропадет и огонь потухнет. Мне кажется, что Л. Толстой и Достоевский — великие предтечи того, кто опустит светильню в масло и зажжет огонь»

Мережковский называет Толстого «ясновидцем плоти», а Достоевского — «ясновидцем духа», и заявляет что из синтеза их христианских философий явится обновленное и усовершенствованное христианство. Для меня очевидно, что они оба — ясновидцы духа, и что различие их ролей в деле Мережковского в другом: Толстой не только своей философией и своей отважной революционной публицистикой, но и всей своей жизнью явил Великую Мощь Духовной Силы Добра. В то же время, Толстой был слаб в постановке проблемы Зла. Здесь мы обязаны гению Достоевского, явившего омерзительный лик зла, во всей его смрадности и грязи в свете «естественно научного, опытного знания», как справедливо утверждает Мережковский. И поскольку Мощь Добра божьей энергии духа и разума и грязь зла материальной энергии есть самые главные проблемы христианства до сих пор остававшиеся неразрешенными, то можно смело утверждать, что творчество Толстого и Достоевского значительно приблизило нас к Третьему Завету Мережковского, как он сам и предполагал.

2. ШИЗОИДНОСТЬ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМА ЗЛА В ФИЛОСОФИИ ДОСТОЕВСКОГО

Та часть исследования Мережковского, где он анализирует религию в творчестве Толстого и Достоевского начинается с двух весьма жестких глав, посвященных образу Наполеона в «Войне и мире» у Толстого, а также в «Преступлении и наказании» у Достоевского.

В этих главах Мережковский обвиняет Толстого в том, что он написал не образ Наполеона, а пасквиль на великого человека, «расплющил его между молотом и наковальней глупости и подлости». Образ Наполеона — Раскольникова ему более симпатичен, но и здесь он негодует на Достоевского за то, что все «наполеоны» его, то есть «человекобоги, сверхчеловеки» обязательно в конечном итоге раскаиваются в поисках величия (или правильнее всесилия). Он называет эти два романа русским ответом на феномен «Наполеона».

В этой жесткой его критике, в особенности Толстого, просвечивает всегдашняя ошибка Мережковского, его «ницшеанство», о которой знали все, и прежде всего он сам, который называет «сверхчеловека» Ницше гибелью культуры. И тем не менее, постоянно возвращается к своей ошибке, не имея научных критериев четко различать силу здоровой личности и свехчеловеков шизоидной культуры. Эта же его ошибка в конце его жизни толкнет его искать сотрудничества с Муссолини, и он конечно опять горько разочаруется.

С глобальной точки зрения прав Толстой: Наполеон, как Муссолини, как Гитлер, как все воплощения сверхчеловеков Ницше, в общем и целом то самое ничтожество. И глупость и подлость в конечном итоге все что они делали. Однако, есть своя правота и в критике Мережковского: шизоидные сверхчеловеки не есть обычные злодеи, хотя все их дела заканчиваются злодеяниями. Они — безумны, как говорили о Наполеоне его сподвижники, что цитирует сам Мережковский. Это люди, которые подобно Наполеону-Раскольникову «разрешили себе зло по совести».

Они откровенны в своем насилии, в своей подлости, в своей ненависти, в своем тщеславии и в своем самолюбовании. Они не только не стесняются своего зла, они доказали его теоретически, и гордятся им, всячески выставляют его напоказ. Иногда они пишут сложные философские теории, окруженные поэтическим обаянием, как Ницше. Иногда, они основывают свое зло на наукообразной лжи, подобно дарвинизму Гитлера: война за выживание, лиса не дружит с зайцем, победа сильнейшего, и на войне все средства хороши. Их нельзя назвать дураками в смысле остановки работы мысли, и их нельзя назвать подлецами в смысле лжи и лицемерия: они открыто пропагандируют свою войну и свое всесилие сверхчеловеков. Они не дураки, но они безумны.

Эти сверхчеловеки Ницше — пережитки шизоидной античной культуры, Ахиллесы и Агамемноны Гомера. В теории психической энергии есть очень четкое научное определение шизоидности как сломанного циклического гомеостаза поля Эгосистемы материальной энергии психики. Это случай, когда интеллект вторгается на поле Эгосистемы, где ему совсем не место, поскольку материальная энергия психики не имеет никакого отношения к интеллекту, и ломает циклический гомеостаз отношений господства и подчинения, теоретически доказывая постоянное превосходство Эго над СуперЭго: то есть победу сверхчеловека над всем миром. И эта шизоидная культура уничтожила античный мир в беспрерывных гражданских войнах: когда все индивиды становятся всесильными сверхчеловеками и жаждут власти они теряют способность к общежитию и уничтожают друг друга. Античность погубила шизоидная культура. Точно также шизоидное сознание продолжает губить всех наполеонов и сверхчеловеков Ницше (как и самого Ницше), которые появляются сегодня. Если и есть какое-то величие в шизоидных сверхчеловеках — то это величие в разрушении всего, в том числе и себя. Однако, нет в них и «подлости» как лицемерия коварных хитрецов, которые обманом и интригами уничтожают честных людей, чтобы обрести власть и деньги.

Поэтому важно отличать шизоидных наполеонов, которые безумны в разрушении себя и окружающего мира от подлых хитрецов, которые тайными интригами достигают своих целей, уничтожают честных людей, и строят себе на их костях замки власти и богатства. Это люди не с шизоидным, разрушенным Гибрис Эго, но с нормально функционирующим циклическим гомеостазом поля Эгосистемы.

Гений Достоевского в том, что он смог показать шизоидное Гибрис Эго наполеонов, и циклическое Эго «людей из подполья», то есть людей Тьмы, как определяет злодеев Евангелие. Ибо только эти люди, которые прячут свое Зло в тьме подполья настоящие злодеи: зло не выносит Света, и откровенно объявить о нем, «разрешить по совести» значит уже уничтожить зло.

В этой связи Мережковский сравнивает Достоевского (особенно его «Записки из подполья») с св. Августином, подчеркивая, что оба выступают как ученые естествоиспытатели, анатомы души, опытным путем обнаружившие ее раздвоенность между добром и злом двух различных энергий (духовной и материальной), и показавшие людям что «законы природы» для всех одинаковы: все человечество заражено злом, как первородным грехом, как законами природы материальной энергии, разлагающей энергию духа. В книге «Толстой и Достоевский» он специально подчеркивает, что Достоевский не только психолог, но прежде всего психиатр в этом смысле: настолько велик его вклад в исследование именно болезни души.

Д. С. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Вот оно, «простое химическое тело» Зла — в чистейшем виде, «Первородный Грех» — восстание человека на Бога, «воля к превратности», perversitas, — «Зло ради зла».
> «И, сделав это, унесли груш великое множество, но не для лакомства... потому что, едва отведав, бросили их свиньям, а для чего-то иного... Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое... пусть скажет оно Тебе, чего искало в этом бескорыстном зле — зле ради зла». — «Гнусно было зло, но я его хотел; я любил себя губить, amavi perire; любил мой грех, — не то, ради чего я грешил, а самый грех. Гнусная душа

> моя низвергалась с неба Твоего, Господи, во тьму кромешную. Я хотел не чего-либо стыдного, а самого стыда»
> Кажется, в религиозном опыте всего христианского человечества не будет ничего подобного этому, вплоть до...«Записок из подполья» Достоевского.
> С этим-то огненным оружием опыта и вступает Августин в борьбу с Пелагием, безопытным, безогненным, и одним прикосновением уничтожает его, испепеляет, как солому. «Всякий грех частен и личен; относится лишь к человеку, а не к человечеству», говорит Пелагий.
> Врач, смертельно заболевший и с неумолимою точностью наблюдающий за ходом болезни на собственном теле, чтобы сделать открытие, которое может спасти других от той же болезни, — вот кто такой Августин в этом страшном опыте зла.
> Этот опыт Павла, «Свет, озаривший его на пути в Дамаск», есть и опыт Августина: «Свет пролился в сердце мое, и мрак озарился», после «гласа Божия», услышанного в «детской песенке».
> Но, чтобы увидеть всю белизну Света, спасающую силу Благодати — Жизни, надо увидеть и всю черноту Мрака, губящую силу Грехопадения — Смерти.
> «Смертью заражена вся толща, всё тесто (massa, по слову Павла), вся громада человечества; ядом первородного греха отравлена вся».

Здесь ключевые слова «люди тьмы», «люди подполья», а с другой стороны «свет», «пролить свет на тьму», ибо смысл толстовского непротивления злу насилием вовсе не в «квиетизме буддизма», как его упрекает Мережковский, а именно в том, чтобы подобно Христу, бороться со злом самым эффективным оружием: только светом можно разогнать тьму, только разоблачениями вранья злодеев из подполья, часто заседающим на самых вершинах государства, можно победить зло. Толстой часто в этой связи говорил, что его доктрину непротивления злу насилием неправильно понимают — это самая отчаянная борьба со злом, это свет, который единственно способен разоблачить и уничтожить тьмы подполья. И всей своей жизнью, всеми своими храбрыми книгами и статьями, где с такой отчаянной отвагой разоблачается «подполье правительства» он доказал правоту своих слов, доказал что он отчаянный воин со злом, а вовсе не буддист в поисках нирваны.

В то же время, Толстой будучи титаном в понимании и изображении силы добра, духовной энергии, в борьбе со злом подполья, уступает Достоевскому в его способностях врача-психиатра, в его «ясновидении зла» в человеческих душах. Достоевский одинаково хорошо показывает наполеонов-сверхчеловеков — раскольников, кириллов, подросток, иван карамазов, и «мелких бесов» тьмы подполья — человек из подполья, версилов, свидригайлов.

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Достоевский не останавливается, однако, и перед изображениями самого будничного и мелкого разврата, в котором уже нет никакого величия....
> И вот в чем этот «герои» признается: «По временам... я вдруг погружался в темный, подземный, гадкий — не разврат, а развратишко. Страстишки во мне были острые, жгучие от всегдашней болезненной раздражительности. Порывы бывали истерические, со слезами и конвульсиями... Накипала сверх того тоска; являлась истерическая жажда противоречий, контрастов, и вот я и пускался развратничать... развратничал я уединенно, по ночам, потаенно, боязливо, грязно, со стыдом, не оставлявшим меня в самые омерзительные минуты и даже доходившим в такие минуты до проклятия. Я уж и тогда носил в душе моей подполье. Боялся я ужасно, чтоб меня не увидали, не встретили, не узнали...»

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Вот к чему никогда не было бы способно воображение Jl. Толстого, проникавшее, однако, в не менее глубокие, хотя иные бездны сладострастия. Художественного любопытства Достоевского к «укусам тарантула» — к растлению девочки, к любовному приключению Федора Карамазова с Лизаветою Смердящею — никогда не понял бы Л. Толстой. Ему показалось бы такое любопытство или бессмысленным, или отвратительным. Половая чувственность является у него иногда силою жестокою, грубою, даже зверскою, но никогда не противоестественною, не извращенною. Величайшее из человеческих преступлений, казнимое немилосердною божескою справедливостью в духе Моисеева Второзакония — «Мне отмщение, Аз воздам» — для творца «Анны Карениной» и «Крейцеровой сонаты» есть нарушение супружеской верности»

Перефразируя немного Мережковского, я скажу, что в самом деле если соединить Толстого, как «ясновидца добра» и Достоевского как «ясновидца зла», то мы вполне можем получить искомый Мережковским образ Иисуса Неизвестного — Иисуса не только самоотречения, но и самоутверждения, не только слабости, но и силы, не только простоты, но и мудрости, не только церкви братства, но и силы отдельной личности, не только смирения, но и истинной свободы. «Если Сын освободит вас, истинно свободны будете».

ГЛАВА 2. НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ МЕРЕЖКОВСКОГО К ТОЛСТОМУ

1. Любовь и ненависть Мережковского к Толстому
2. Лев Толстой и Открытие Психической Энергии
3. Толстой — Ясновидец Добра

1. ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ МЕРЕЖКОВСКОГО К ТОЛСТОМУ

Мережковский пишет в кратком очерке своей биографии, что нанес визит Толстому в его знаменитой усадьбе и остался там ночевать. И что когда на следующий день Толстой провожал его, он сказал: «Мне говорили, что вы меня не любите. Я рад, что это не так». Далее, Мережковский пишет там же, что понял тогда, что Толстой «самый родной ему человек». Так он говорит только о двух писателях — о Толстом и Достоевском: «когда они вместе передо мной уже не знаешь кто из них роднее, и кого я больше люблю». Из этих характеристик можно было бы подумать, что Мережковский благоволит творчеству Толстого. Однако, читая его критику, убеждаешься, что это далеко не так.

Очевидно, что Мережковский искал в гигантах русской литературы вождей русской религиозной и социальной революции, и чем более великим представлялся ему мыслитель и художник тем большего он требовал и тем горше чувствовал разочарование, если не находил искомого. Он исследует творчество Толстого с лупой, разглядывает каждое слово сквозь увеличительное стекло в надежде обнаружить там вождя революции. И он чувствует себя обманутым и разочарованным, потому что как ему кажется, что Толстой в своих поисках Бога ничего не нашел:

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Да, как ни страшно, — а это так. И он, этот титан со всей своей силою — только жалкий птенец, который выпал из гнезда, лежит на спине и пищит в высокой траве, как я и вы, и все мы до единого. Нет, ничего не нашел он — никакой веры, никакого Бога. И все его оправдание — только в этой безнадежной мольбе, в этом пронзительно-жалобном крике беспредельного одиночества и ужаса. Да, и он, и все мы только смутно чувствуем, но еще не знаем, какие мы действительно жалкие, покинутые птенцы, лишенные нашей единственной всечеловеческой Матери-Церкви, — я разумею Церковь не прошлого и не настоящего, а грядущего Иерусалима, ту, которая всегда говорит людям: сколько раз хотела я собрать вас, как мать собирает птенцов под крылья свои, и вы не захотели»

Так ли это? Наверное, Мережковский все таки ошибся, потому что вопреки логике своих теоретических исследований творчества Толстого, вопреки самой жесткой критике, которой он подвергает его учение о Боге и его жизнь святого, он в конечном итоге в статьях «Лев Толстой и церковь», Лев Толстой и Революция» называет Толстого вождем религиозной революции. Тем не менее, это только слова, а за этими словами два тома отрицательной критики творчества и учения Толстого, которую дает ему Мережковский в «Толстой и Достоевский».

Я постараюсь в этой монографии примирить спонтанную и глубоко искреннюю любовь Мережковского к Толстому с его жесткой критикой толстовского учения. Я постараюсь показать, что Мережковский был прав, когда, вопреки своим во многом ложным доводам (он упрекал Толстого в отказе от разума, культуры, цивилизации и в попытках решить кризис общества «по мужицки», «по дурацки»), он интуитивно признавал его огромный вклад в деле борьбы со злом, и в деле построения той истинной цивилизации, которая может быть основана только на Граде Божьем естественного права.

Я неслучайно назвала эту главу «Толстой и Открытие Психической Энергии». Вместе с такими авторами, как Спиноза, Эрнест Ренан, К. Ясперс, Г. Лессинг, А. Швейцер, Д. Мережковский и др я считаю, что начиная с осевого времени, то есть со времен зарождения этических религий в Индии, Израиле,

Персии, Китае и Греции, продолжается и продолжается процесс усовершенствования знания о сознании людей, полученный тогда в первичной, незрелой еще форме мифологии. Процесс этот, известный как движение сознания от «мифа к логосу», в осевое время только начинался и логика была еще плотно смешана с мифом. «сознание ваше было еще как у детей, — говорит Спиноза в Теолого-политическом трактате», — и Откровение было дано детям». Примерно также говорит за 16 веков до Спинозы апостол Павел: «Я даю вам молоко, вы еще не можете есть твердой пищи». И также сказал и сам Христос: «Много еще имею сказать вам, но сейчас не поймете».

И в этом смысле все Откровения этических религий начиная с Осевого времени были первичными попытками изложить законы сознания человека — то есть законы психической энергии. И если те первые попытки еще незрелые, потому что сознание человека «еще как у детей», и они могут принять «только молоко вместо твердой пищи», то чем дальше, тем ближе к окончательной форме научного знания информация о сознании человека. И в своей последней форме как научные знания о психике, эти Откровения этических религий не могли не предстать в виде открытия психической энергии, то есть Законов психической Энергии.

В Открытии Психической энергии Научной Революции Энергетики эти законы уже изложены научным языком, и в многих монографиях на тему, я постаралась показать, что это развитие идей этических религий осевого времени, а также гуманистической и рационалистической философии и психологии.

Здесь я ставлю своей задачей показать, что Великая Революция, которую Толстой произвел в православии, была огромным прогрессом на пути к формулированию законов психической энергии. И что в этом смысле критика Мережковского, данная его работам, абсолютно ложная критика. Я также постараюсь показать, что феномен русской литературы того периода тоже был своего рода Откровением, и что такие великие писатели и общественные деятели как А. Чехов, А. Герцен, П. Кропоткин, Н.

Чернышевский, Ф. Достоевский, Н. Гоголь наряд с самим Мережковским — это те столпы, те апостолы русской религиозной революции, которые значительно приблизили своими трудами открытие психической энергии, и следовательно, искомый Град Божий естественного права.

2. ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ОТКРЫТИЕ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

1) МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Мережковский выдвигает в своих очерках о творчестве Толстого ряд тяжких обвинений против него, и эти обвинения, если воспринимать их некритически, в конечном итоге, не оставляют камня на камне от того великого вклада в сокровищницу всемирной цивилизации, которым на самом деле является все творчество Толстого. Так, Мережковский утверждает что Толстой «отрицает все основы культурного мира — науку, искусство, собственность, государство, церковь — с такою „неистовою прямолинейностью", что, казалось бы, мир должен рушиться». Но даже и в этом несправедливом обвинении — по крайней мере Толстой отрицает это все не больше самого Мережковского, новатора в религии и жесткого оппонента «грядущего хама» дарвинизма — Мережковский отказывает Толстому и в звании революционера (позже признает!):

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Всего менее сердились, кажется, именно те, на кого направлена была отрицательная проповедь Л. Толстого: слишком чувствовалось что, хотя отрицает он все основы культурного мира — науку, искусство, собственность, государство, церковь — с такою „неистовою прямолинейностью", что, казалось бы, мир дол- жен рушиться, — вся сила этого отрицания идет все-таки мимо жизни, прочь от жизни и что если Великая Революция зажглась от гораздо менее дерзкого вольнодумства XVIII века, то все же из толстовского анархизма никогда ни-

> какой революции не выйдет; — недаром же все у него кончается буддийским „неделанием", „непротивлением": жестко стелет, мягко спать. Оглушительные холостые выстрелы, исполинские хлопушки».

Мне важно показать в этом очерке о вкладе русской литературы в становление «Третьего Завета» открытия психической энергии, — и прежде всего трудов Толстого, Достоевского, Мережковского, Чехова, Гоголя — что точка зрения на философию Толстого как на «опрощение» до сознания первобытных людей, и как отказ от интеллекта, науки и цивилизации — есть в корне неверная, ошибочная точка зрения.

Совершенно напротив, и я ставлю своей задачей доказать это, вся философия Толстого есть громогласное утверждение Метафизики Интеллекта, и в этом смысле он прямой последователь Заратустры, Платона, Христа, Филона, Павла, Августина, Аквината, Спинозы, Паскаля. И именно потому, что он всегда был последователем рационалистической философии первичности интеллекта, он с таким жаром выступил против лженауки своего времени — лженауки эмпиризма и дарвинизма. Никогда и нигде Толстой не выступал против интеллекта и науки, против искусства и цивилизации, но всегда его протесты были направлены против «заблудшего сознания», которому он противопоставляет «разумное сознание», то есть истинную цивилизацию, основанную на истинной науке. И в этом он намного последовательнее самого Мережковского, который также как Толстой в статьях «Грядущий Хам», «Еще о Грядущем Хаме» и др. выражает свой ужас перед надвигающейся катастрофой, связанной с утверждением ложной научной парадигмы эмпиризма и дарвинизма в социальных науках; и одновременно осуждает то исполинское мужество, с которым Толстой нападет на эту лженауку и обличает ее как основной источник социальной катастрофы в мире.

Д. С. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Странно! — удивляется Августин, уже святой или „святеющий", в письме к другу своей языческой юности, — странно! даже в минуты самой пламенной веры я не могу не рассуждать».

> В этом глубочайшем признании — он весь — первый «Св. Интеллигент»; первый, и уже крайний «интеллигент» — св. Августин, а второй, еще более крайний, — св. Фома Аквинский.
> «Я очень устал... Боже мой, единственная надежда моя, услышь меня, не дай мне изнемочь, в поисках моих, от усталости и отчаяния... дай силу искать Тебя до конца. Ты один видишь силу и немощь мою; исцели немощь, укрепи силу. Ты один видишь знание мое и неведение. Я стучусь, — отвори... Дай мне знать Тебя и любить». Вот вечная молитва всех мучеников мысли, «святых Интеллигентов», от Августина до Паскаля»

Мережковский, в отличии, например, от Ромена Роллана, никогда не ставил Толстого в этот ряд «святых интеллигентов», то есть светочей христианства, которые основали свое понимание религии на метафизике интеллекта. А напрасно. Толстой несомненно не только всей своей философией религии, но и всей своей жизнью доказал, что именно интеллект в основе всех его поисков, и в основе Бога, как он его понимает. Ромен Роллан в книге «Жизнь Толстого» пишет, что Толстой берет эпиграфом строки Паскаля к своей книге «О жизни» неслучайно: «вся его книга — это гимн разуму»:

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

> «К своей книге «О жизни» (1887 г.) он берет эпиграфом знаменитые строки Паскаля:
> «Человек не более, чем тростник, самое слабое из того, что есть в природе, но тростник этот мыслит. Все наше достоинство в том, что мы способны мыслить... Будем же стараться мыслить правильно: в этом основа морали».
> И вся его книга — гимн разуму.
> Надо оговориться: разум этот — не тот ограниченный разум науки, который принимает «часть за целое и животную жизнь за всю жизнь», а верховный закон, управляющий жизнью человека, «тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа — люди».
> «Разум для человека... — такой же закон, как и тот закон для животного, по которому оно питается и плодится, — как и тот закон для растения, по которому растет, цветет трава, дерево, — как и тот закон для небесного тела, по которому движутся земля и светила...

> В исполнении этого закона, в подчинении своего животного закону разума, для достижения блага, и состоит наша жизнь...»

2) МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА В ОСНОВЕ МИРОЗДАНИЯ: ПОЛЮСА АКТИВНОГО И ПАССИВНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Трактат Толстого «О Жизни» — есть очень важное философское произведение, в котором он формулирует свою Метафизику Интеллекта, и основы науки о психической энергии человека.

В частности, Толстой дает очень точное понимание Интеллекта как первоосновы всего мироздания (законы разумы в основе Вселенной), и четко разграничивает Активный и Пассивный полюса интеллекта, когда говорит о том, что и сознание человека и законы внешнего мира — все есть проявления одного и того же божьего разума, и что различие только в том, что в человеке разум активен (мы сами совершаем закон разума), а во внешнем мире разум пассивен (функционирование законов природы). Толстой очень однозначно таким образом, заявляет свою позицию как метафизика интеллекта, утверждая что в основе вселенной — законы природы, установленные Богом, человек познает эти законы своим разумом, потому что активный разум человека (мысль) и пассивный разум мироздания (законы природы) есть суть одна субстанция Интеллекта, или иначе Господа Бога, которая в основе всего сущего.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Общаясь друг с другом, мы вперед уверены, — больше, чем во всем другом — в одинаковой обязательности для всех нас общего этого разума. Мы убеждены, что разум и есть та единственная основа, которая соединяет всех нас, живущих, в одно. Разум мы знаем вернее и прежде всего, так что все, что мы знаем в мире, мы знаем только потому, что это познаваемое нами сходится с законами этого разума, несомненно известными нам. Мы знаем, и нам нельзя не знать разума. Нельзя, потому что разум — это тот закон, по которому должны жить неизбежно разумные существа люди. Разум для человека тот закон, по которому совершается его жизнь, — такой же закон, как и тот закон для животного, по которому оно питается и плодится, —

> как и тот закон для растения, по которому растет, цветет трава, дерево, как и тот закон для небесного тела, по которому движутся земля и светила. И закон, который мы знаем в себе, как закон нашей жизни, есть тот же закон, по которому совершаются и все внешние явления мира, только с тою разницею, что в себе мы знаем этот закон как то, что мы сами должны совершать, — во внешних же явлениях как то, что совершается по этому закону без нашего участия. Все, что мы знаем о мире, есть только видимое нами, вне нас совершающееся в небесных телах, в животных, в растениях, во всем мире, подчинение разуму. Во внешнем мире мы видим это подчинение закону разума; в себе же мы знаем этот закон как то, что сами должны совершать».

3) ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА И МЕРТВЫЕ ДУШИ. ДУХОВНАЯ ЭНЕРГИЯ РАЗУМА И МАТЕРИАЛЬНЫЕ ЭНЕРГИИ ЧЕЛОВЕКА

Толстой назвал свое философское произведение — «О Жизни». Действительно, главная мысль трактата в том, что человек существует как минимум на двух уровнях бытия — животном и человеческом, и что только один, человеческий, является Жизнью Человека. Попытки существовать на уровне «животного» или «мертвого вещества» — хоть и создают иллюзию существования, на самом деле являются смертью человека. Так что большинство людей есть как бы живые трупы, «мертвые души» Гоголя, поскольку редкие люди сегодня проснулись для существования на человеческом (разумном) уровне, то есть для Жизни.

Всего Толстой перечисляет три уровня существования в человеке:

> «Человек всегда видит эти три разряда предметов в мире, потому что он сам в себе заключает эти три предмета познания. Он знает себя: 1) как разумное сознание, подчиняющее животное; 2) как животное, подчиненное разумному сознанию, и 3) как вещество, подчиненное животному».

Главная мысль, которую Толстой подчеркивает на протяжении всего сочинения, состоит в том, что уровень животного су-

ществования для человека есть Смерть. Что все лженауки, происходящие из дарвиновской парадигмы, которые отождествляют человека и животного, по этой причине есть погибель человечества, ведь они превращают людей в живых трупов, консервируя их существование на уровне животных. Таким образом, Толстой очень четко отделяет Духовную Энергию Человека, основанную на Разуме (Активном интеллекте) от всех остальных энергий природы, включая биологическую, то есть от Материальных энергий пассивного интеллекта.

Да, в учении Толстого еще нет прозрения о том, что сознание человека, его психика тоже содержит материальную энергию — энергию Эгозащиты. Для него материальная энергия психики и материальная энергия биологии человека сливаются в одно понятие — Животная Личность Человека, в котором он видит (справедливо) главного врага Духовной энергии Разума человека. Нам здесь важно отметить, не тот факт, что Толстой нашел обе материальные энергии человека — и психическую и биологическую, а тот факт с какой прозорливостью он увидел основу «раздвоения» человека: противостояние в нем материальной энергии и духовной энергии разума. Пусть Толстой пока соединяет материальную энергии психики (поле Эгозащиты) и материальную энергию биологии человека в одну Животную Личность, все же главную причину «раздвоения» сознания человека он определил с абсолютной точностью: конфликт между материальными энергиями и духовной энергией разума человека.

В главе «Раздвоение сознания в людях нашего мира» Толстой замечает следующее:

> «Но истинно, истинно, говорю вам: наступает время и настало уже, когда мертвые услышат глас сына Божий и, услышав, оживут». И время это приходит.
> Приходит время, когда разумное сознание перерастает ложные учения, и человек останавливается посреди жизни и требует объяснения
> Чаще и чаще просыпаются люди к разумному сознанию, оживают в гробах своих, — и основное противоречие человеческой жизни,

> несмотря на все усилия людей скрыть его от себя, со страшной силой и ясностью становится перед большинством людей.
> Одно я, его личность, велит ему жить.
> А другое я, его разум, говорит: «жить нельзя».
> Человек чувствует, что он раздвоился. И это раздвоение мучительно раздирает душу его».

Итак, Толстой с той же четкостью, что Достоевский и Мережковский ставит вопрос о «Раздвоении сознания». Это очень важно, поскольку вся последующая гуманистическая психология будет основана на понимании сознания человека как поля борьбы между двумя антагонистическими энергиями психики: «Истинным Я» и «Ложным Эго».

Толстой берет неудачную для его целей терминологию. Он определяет Духовную энергию Разума как «Разумное сознание» и противопоставляет ему «Животную Личность», как враждебную материальную энергию человека, которая разрушает его жизнь на духовном уровне. Терминология эта неудачна, потому что его в конечном итоге обвинят в проповеди «самоотречения» в ущерб «самоутверждению» личности и Мережковский будет первым из его критиков. Однако, это несправедливый упрек Толстому: он старается доказать в своем трактате, что имеет как раз обратную цель: утверждение единственно истинной и реальной жизни человека, но никак не его отрицание и самоотрицание.

Толстой подчеркивает, что только существование на уровне «Разумного Сознания» человека есть реальное существование, есть Жизнь Человека. И наоборот, существование на уровне материальной энергии, то что он называет «Животной Личностью» есть погребение заживо, иллюзия жизни на самом деле давно уже «мертвых душ». Его мысль состоит не в том, что надо отказаться от самого себя — он с негодованием отвергает подобные трактовки — его мысль состоит в том, что надо подчинить материальные энергии человека его духовной разумной энергии. И здесь он опять с гениальной прозорливостью предвосхищает открытие психической энергии, конечный вывод которой в том, чтобы подчинить материальные энергии человека научному

контролю духовной энергии: нейтрализовать физический контроль поля Эгосистемы, и поставить под контроль биологическую энергию с тем, чтобы поддерживать здоровье тела.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Точно так же и подобных нам людей и самих себя мы тогда только признаем живыми, когда наша животная личность, кроме подчинения своему закону организма, подчинена еще высшему закону разумного сознания.
> Как скоро нет этого подчинения личности закону разума, как скоро в человеке действует один закон личности, подчиняющий себе вещество, составляющее его, мы не знаем и не видим человеческой жизни ни в других, ни в себе, как не видим жизни животной в веществе, подчиняющемся только своим законам.
> Как бы ни были сильны и быстры движения человека в бреду, в сумасшествии или в агонии, в пьянстве, в порыве страсти даже, мы не признаем человека живым, не относимся к нему, как к живому человеку, и признаем в нем только возможность жизни. Но как бы слаб и неподвижен ни был человек, — если мы видим, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаем его живым и так и относимся к нему.
> Жизнь человеческую мы не можем понимать иначе, как подчинение животной личности закону разума.
> Жизнь эта обнаруживается во времени и пространстве, но определяется не временными и пространственными условиями, а только степенью подчинения животной личности разуму. Определять жизнь временными и пространственными условиями, — это все равно, что определять высоту предмета его длиной и шириной».

4) РАЗРУШЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ РАЦИОНАЛИЗМА. ЛЖЕНАУКА ДАРВИНИЗМА

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Только ложное учение о человеческой жизни, как о существовании животного от рождения до смерти, в котором воспитываются и поддерживаются люди, производит то мучительное состояние раздвоения, в которое вступают люди при обнаружении в них их разумного сознания.
> Пробуждение человека к его истинной, свойственной ему жизни происходит в нашем мире с таким болезненным напряжением толь-

ко от того, что ложное учение мира старается убедить людей в том, что призрак жизни есть сама жизнь и что проявление истинной жизни есть нарушение ее.

То же происходит и с человеком, наученным признавать низший закон своей жизни, животную личность, законом своей жизни. Высший закон жизни, закон его разумного сознания, требует от него другого; вся же окружающая жизнь и ложные учения удерживают его в обманчивом сознании, и он чувствует противоречие и раздвоение.

человеку стоит признать свою жизнь не в низшем законе личности, а в высшем законе, включающем первый закон, — в законе, открытом ему в его разумном сознании, — и уничтожится противоречие, и личность будет свободно подчиняться разумному сознанию и будет служить ему.

Вместо того, чтобы изучать тот закон, которому, для достижения своего блага, должна быть подчинена животная личность человека, и, только познав этот закон, на основании его изучать все остальные явления мира, ложное познание направляет свои усилия на изучение только блага и существования животной личности человека, без всякого отношения к главному предмету знания, подчинению этой животной личности человека закону разума, для достижения блага истинной жизни.

Изучение законов, управляющих существованием животных, растений и веществ, не только полезно, но необходимо для уяснения закона жизни человека, но только тогда, когда изучение это имеет целью главный предмет познания человеческого: уяснения закона разума.

При предположении же о том, что жизнь человека есть только его животное существование, и что благо, указываемое разумным сознанием, невозможно, и что закон разума есть только призрак, такое изучение делается не только праздным, но и губительным, закрывая от человека его единственный предмет познания и поддерживая его в том заблуждении, что, исследуя отражение предмета, он может познать и предмет».

5) ПРОСТРАНСТВО ИНТЕЛЛЕКТА. СИЛОВОЕ ПОЛЕ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ

Платон говорит в «Государстве», что подобно тому, как только зрячий видит свет солнца, так и только разумный человек видит благо познания и стремится к нему тем «родственным что

есть в его душе». Действительно, мысль и законы природы — родственны, поскольку это полюса одной и той же субстанции интеллекта, активный и пассивный интеллект. Таким образом, процесс познания, на котором сломали столько копий великий философы, есть всего лишь естественное притяжение двух полюсов интеллекта — мысли и законов природы, что в свою очередь доказывает очевидность Бога-Интеллекта, как первопричины мироздания.

Однако, если Платон и другие метафизики интеллекта правы, и движение духа (сознания) человека есть движение мысли по направлению к законам природы, то есть в основе разумного существования человека процесс познания ради самого процесса познания, это значит, что духовная энергия человека и его материальные энергии движутся в разных пространственно-временных континуумах. Если биологическая жизнь движется в материальном пространстве-времени, то духовная жизнь движется в интеллектуальном пространстве-времени, накапливая знания о законах природы и вступая в общение с давно умершими учеными.

Толстой постоянно подчеркивает, что движение духовной энергии человека «внепространственно и вневременно», однако, правильнее было бы сказать, что движение духа происходит в пространстве-времени интеллекта, тогда как движение материальных энергий человека в пространстве-времени физического мира. Я также хотела бы подчеркнуть, что это наблюдение Толстого о том, что люди духа живут в пространстве интеллекта, где они общаются с учеными вне границ времени и пространства физического мира много раз озвучивали другие великие умы. Так, я часто цитировала высказывания Бертрана Рассела, Абрахама Маслоу, Мильтона на эту тему.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Он сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери

> и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них».

Важно обратить внимание, как трудно формулировать законы двух антагонистичных энергий психики, когда имеешь о них пока только интуитивное предчувствование и вынужден говорить малопонятными абстракциями. Немудрено потому, что для большинства глубокое научное прозрение Толстого в открытие психической энергии осталось непонятным.

Так, например, когда он пытается сформулировать идею о разделение силовых полей психики, о том, что духовная энергия разума имеет свое силовое поле, свой «плюс и минус» в виде активного и пассивного интеллекта, направляющих процесс научного познания, а материальная энергия психики имеет свое силовое поле, свой «плюс и минус» в виде открытой Фрейдом Эгосистемы «Эго и СуперЭго», он вынужден пользоваться малопонятным термином «блага»: «разумное сознание» и «животная личность» имеют совершенно различные «блага» как цель своего движения. И потому с созревание духовной энергии разума в человеке, силовое поле материальной энергии обнаруживается и определяется как враждебное, его цели должны быть отринуты, чтобы установить силовое поле Духа и новую траекторию движения человека в Пространстве интеллекта.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Обнаружение истинной жизни состоит в том, что животная личность влечет человека к своему благу, разумное же сознание показывает ему невозможность личного блага и указывает какое-то другое благо.
>
> Разумное сознание, незаметно вырастая в его личности, дорастает до того, что жизнь в личности становится невозможною.
>
> Истинная жизнь человека, проявляющаяся в отношении его разумного сознания к его животной личности, начинается только тогда, когда начинается отрицание блага животной личности. Отрицание же

> блага животной личности начинается тогда, когда пробуждается разумное сознание.
> Но что же такое это разумное сознание? Евангелие Иоанна начинается тем, что Слово, «Logos» (Логос — Разум, Мудрость, Слово), есть начало, и что в нем всё и от него всё».
> Силы пространственные и временные — силы определенные, конечные, несовместимые с понятием жизни; сила же стремления к благу через подчинение разуму есть сила, поднимающая в высоту, — сама сила жизни, для которой нет ни временных, ни пространственных пределов.
> Человек начинает жить истинной жизнью, т. е. поднимается на некоторую высоту над жизнью животной и с этой высоты видит призрачность своего животного существования, неизбежно кончающегося смертью, видит, что существование его в плоскости обрывается со всех сторон пропастями, и, не признавая, что этот подъем в высоту и есть сама жизнь, ужасается перед тем, что он увидал с высоты.
> Но сила разумного сознания опять поднимает его, опять он видит, опять ужасается и, чтоб не видеть, опять припадает к земле. И это продолжается до тех пор, пока он не признает наконец, что для того, чтобы спастись от ужаса перед увлекающим его движением погибельной жизни, ему надо понять, что его движение в плоскости — его пространственное и временное существование — не есть его жизнь, а что жизнь его только в движении в высоту, что только в подчинении его личности закону разума и заключается возможность блага и жизни. Ему надо понять, что у него есть крылья, поднимающие его над бездной, что если бы не было этих крыльев, он никогда и не поднимался бы в высоту и не видал бы бездны. Ему надо поверить в свои крылья и лететь туда, куда они влекут его».

6) АРИСТОКРАТИЗМ СВЯТОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ТОЛСТОГО

Мережковский упрекает Толстого, как всю русскую литературу, в тенденции к «опрощению», к отказу от цивилизации и культуры с тем, чтобы решить социальный кризис «по дурацки», «по мужицки», и ему, Мережковскому, кажется это плохой идеей.

Мне хотелось бы выступить здесь адвокатом Толстого, и всей русской литературы, и показать, что как раз наоборот: будучи метафизиком интеллекта, чрезвычайно совестливым во всем что касается истины, Толстой очень четко разделяет полюса Добра

и Зла, и исключительно избирателен в общении. Люди, которых Толстой избирает себе для общения, как мы могли видеть — это цвет человечества всех времен: «а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света». А много ли было разумных существ?

Мережковский понял философию Толстого в том смысле, в котором невежды трактуют философию Иисуса: любить всех, всем и все прощать в ущерб самому себе. И точно также как он выступил со своим «Иисусом Неизвестным», чтобы доказать, что Иисус — это утверждение личности, а не ее отрицание, точно также он напал на философию Толстого, чтобы опровергнуть его теорию «самоотречения», как она ему показалась.

Однако, Толстой, как самоактуалы Маслоу, демократичен только с «разумными существами», только с теми, кого он признает или уже рожденным на духовном уровне, или только проснувшимся к «разумному сознанию». И в этом смысле его «дружба крайне избирательна», как и дружба самоактуалов Маслоу, который как раз писал о людях с активной духовной энергией. Мережковский утверждает, что Толстой самый одинокий человек. Но не потому ли, что людей разумного сознания «проснувшихся в гробах» материальной энергии, все еще единицы? И не то ли говорят о себе и Чехов, и Леонардо де Винчи у Мережковского и сам Мережковский, который повторяет эту метафору Толстого: «для нас, проснувшихся в гробах слишком рано»?

И если Толстой в этом диком одиночестве своего времени, где самые передовые нации опустились во мрак «допотопного невежества» в лженауке дарвинизма (как говорит сам Толстой в этой же книге) поворачивается к простому народу в поисках чистого, незамутненного лженаукой сознания, то это еще не говорит о том, что он хочет «опроститься», чтобы мыслить «по дурацки, по мужицки». Ведь это он Толстой, на протяжении всей своей жизни, сначала холостяцкой, а когда подросли детей

и при их участии, был занят образованием крестьян, и не только своих, подготавливая для них «Азбуки» и «Грамматики», и «Круг чтения», и очень много сделал в конечном итоге для образования всех российских крестьян. Значит, понимал не хуже Мережковского и Чехова, что «по мужицки, по дурацки» дело не пойдет, и описал это в рассказе «Власти Тьмы», не уступающего «Мужикам» Чехова по описанию реализма «развращенности невежеством и униженностью» крестьян, как писал Герцен в «Былое и думах».

Не потому обратился Толстой к крестьянам, что хотел «опроститься» от ума и цивилизации, и не потому, что не был избирателен в общении, а потому что в ситуации, где все прогнило под давлением царствующей лженауки, единственным выходом видел начинать все с начала: с попыток дать нормальное образование чистому первобытному сознанию простого народа, чтобы из этого семени выросла настоящая цивилизация будущего. Вот как он сам об этом говорит, четко отделяя «толпу, людей не мыслящих» от «человека с разумным сознанием».

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Происходит это от того, что человек простой, так называемый необразованный, всю жизнь свою работавший телом, не извратил свой разум и удержал его во всей чистоте и силе.
> Человек же, всю жизнь свою мысливший не только о ничтожных, пустячных предметах, но и о таких предметах, о которых несвойственно думать человеку, извратил свой разум: разум не свободен у него. Разум занят несвойственным ему делом, обдумыванием своих потребностей личности, — развитием, увеличением их и придумыванием средств их удовлетворения.
> Толпа, люди не мыслящие, понимают благо человека в благе его животной личности.
> Ложная наука, исключая понятие блага из определения жизни, понимает жизнь в животном существовании и потому благо жизни видит только в животном благе и сходится с заблуждением толпы».

7) ЦЕЛЬ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. ОБЩЕЕ Я ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА ВСЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Впрочем, если мы посмотрим на сложность тех энергетических процессов, которые Толстой пытался сформулировать вне терминологии энергетики, мы поймем почему, не только Мережковский и Чехов говорили, что относятся «недружелюбно» к философии Толстого, но и К. Поппер выразил такое же недружелюбие к социализму Платона, а Бертран Рассел поддержал его в этом. Это при том, что все эти люди абсолютные единомышленники в том духовном социализме, который Платон и Толстой, а между ними Иисус, пытались сформулировать как единение духовной энергии людей, как церковь дружбы.

Я утверждаю, что демократический социализм Бертрана Рассела в основных своих положениях есть суть «Государство» Платона, и я утверждаю, что церковь дружбы Мережковского, и социализм «нервных и интеллигентных личностей», который Чехов противопоставляет Толстому в своих письмах, есть суть Град Божий Толстого. Я только хочу этим сказать, что до того, как законы психики были сформулированы на языке энергетики, они не могли этого обнаружить в силу сложности этих законов, и считали свои различные интерпретации одного и того же противоречиями.

Итак, чтобы решить эти противоречия, нам нужно хотя бы в общих чертах дать энергетическую картину тех закономерностей, которые эти великие ученые пытались сформулировать своими словами.

Главная мысль Толстого в его философском трактате противопоставить заколдованному кругу войн «животных личностей» — единение людей с разумным сознанием. Поэтому Мережковский и Чехов считают его философию теорией самоотречения личности. Я попробую показать, что это не так, и я об этом много писала, критикуя «Открытое общество» Поппера, направленное против «Государства» Платона.

Поппер и Мережковский вопрос ставят просто (как вся со-

временная наука): либо общество, либо личность. Однако, если мы будем формулировать проблему в терминах энергетики, то недопустимость этой простоты станет очевидной. Вместо антитезы «личность –общество» появляется другая антитеза «личность и общество материальной энергии против личности и общества духовной энергии», потому что качества общества зависят от того, на основе какой энергии отдельной личности общество объединилось.

Таким образом, вместо того чтобы противопоставлять личность и общество, надо противопоставить пары «личность-общество» двух разных энергий психики.

А) Левиафаны материальной энергии. Такие общества действительно поглощают индивидов и уничтожают людей как личности, потому что основаны на физическом контроле «господства и подчинения» (садомазохизма). «Единение» таких обществ ложное, потому что материальная энергия психики — чуждая истинному Я человека, чуждая его духовной энергии, это энергия-паразит. И именно эта энергия соединяется через механизмы насилия и подчинения, в то же время истинная духовная энергия людей остается абсолютно разобщенной. И люди чувствуют это как одиночество, и как рабское состояние подчинения каким то внешним силам.

Б) Град Божий (Civitas Dei) духовной энергии. Но ведь есть другие общества, и в основе этих обществ духовная энергия людей. Здесь соединяется не энергия-паразит, которая разделяет истинные Я людей, а соединяется это самое истинное Я, что люди чувствуют как искренность, понимание, уважение, сочувствие, дружбу. Более того, они не только более не одиноки, их воля не только не сломлена в насилии физического контроля, но стала намного сильнее за счет этого единения в дружбе. Как это возможно? Дело в том, что в Левиафанах материальной энергии «единство» достигается за счет сломленной воли всех в «самодержавии» единого монарха. А в Граде Божьем духовной энергии единство достигается за счет единства Научного Контроля: знания законов природы и контроля этих законов через

систему образования и науки. Ведь когда наука настоящая, как например сегодня в физике, то законы природы едины для всех людей. То что сегодня «социальная наука» имеет бесчисленное множество «истин» вместо одной единственной, это последствия лженауки, которая отказалась от законов природы.

Итак, в обществе реального единения людей, правит научный контроль, а не прихоть (личная воля) монарха, а потому свободны все, ведь свобода есть осознания необходимость (контроль законов природы). И это общество где личность каждого не только не теряется за счет настоящего единения людей, но приобретает громадную силу всего этого единения. Ведь что такое личность? Это «разумный закон» в человеке, как говорит Толстой, то есть законы его духовной энергии. И поскольку именно в такое единении людей этот разумный закон получает максимальную реализацию, личность становится тем крепче, чем больше прекрасных людей входит в это единение. Ибо как чувствует отдельный человек единение в таком Граде Божьем? Не только как силу и счастье общения с людьми которых понимает и уважает, с людьми искренними и умными, не только как счастье сочувствия совести и справедливости, но и как научные и образовательные институты которые позволят каждому человеку максимально реализовать его личность компетентной работе.

Очень кратко можно дать такие определения в терминах энергетики двум различным парам «личность-общество»: Где единение энергии-паразита через силовое поле циклического гомеостаза физического контроля дает в результате разъединение духовной энергии людей и сломленные личности этих людей, а единение силового поля истинного Я людей через научный контроль в сочувствии совести и справедливости есть свобода и сила личностей, увеличивающаяся от этого единения. И даже из этой краткой характеристики видно, что не прибегая к терминам энергетики, всем великим ясновидцам энергии добра, пытавшимся сформулировать преимущества «социализма» как истинного единения людей, как церкви дружбы, приходилось

очень туго, и их превратно толковали даже такие же как они социалисты (например, Рассел осудивший Платона, или Мережковский и Чехов не понявшие Толстого).

Та же участь постигла этические религии осевого времени, и в особенности философию церкви братства христианства, которую стали упрекать в апологии самоотречения личности и смирении перед злом и перед насилием Левиафанов садомазохизма. Вот почему Мережковский написал своего «Иисуса неизвестного», сделав попытку опровергнуть эту ошибку в трактовке философии Иисуса и доказать, что не слабость и самоотречении личности в основе Евангелия, а напротив сила и самая полная реализация личности в истинной церкви дружбы христианства.

Все эти положения этических религий осевого времени были развиты гуманистической психологией, в особенности они хорошо разработаны у Э. Фромма и А. Маслоу, которые изучает соединение людей в общество на примере любви и дружбы. Э. Фромм противопоставляет «истинную, здоровую любовь», которую он характеризует как настоящее единение (fusion with integrity) и «псевдолюбовь», которую он характеризует как «одиночество вдвоем», как отношения лицемерия в основе которых садомазохизм насилия и подчинения. Маслоу также противопоставляет своих самоактуалов (самых здоровых людей, людей с духовной энергией разума) всем прочим людям, «толпе немыслящих», как выразился Толстой. Так, Маслоу пишет что его самоактуалы (люди с активной духовной энергией разума) замечательны тем, что их успешная социализация не только не мешает развитию их личности, но напротив, подтверждает тот факт, что чем лучше их способности в дружбе, тем сильнее их личности.

В своем трактате «О Жизни» Толстой как раз и пытается сформулировать этот закон всемирной истории человечества, который берет начало в этических религиях осевого времени, и который получает все более научные определения по мере развития мышления человечества. Толстой прямо говорит

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «С древнейших времен учение о том, что признание своей жизни в личности есть уничтожение жизни и что отречение от блага личности есть единственный путь достижения жизни, было проповедуемо великими учителями человечества.
> «Да, но это что же? Это буддизм?» говорят на это обыкновенно люди нашего времени. «Это нирвана, это стояние на столбу!» И когда они сказали это, людям нашего времени кажется, что они самым успешным образом опровергли то, что все очень хорошо знают и чего скрыть ни от кого нельзя: что жизнь личная бедственна и не имеет никакого смысла.
> «Это буддизм, нирвана», говорят они, и им кажется, что этими словами они опровергли все то, что признавалось и признается миллиардами людей и что каждый из нас в глубине души знает очень хорошо, — именно, что жизнь для целей личности губительна и бессмысленна, и что если есть какой-нибудь выход из этой губительности и бессмысленности, то выход этот несомненно ведет через отречение от блага личности.
> То, что так понимала и понимает жизнь большая половина человечества, то, что величайшие умы понимали жизнь так же, — то, что никак нельзя ее понимать иначе, нисколько не смущает их. Они так уверены в том, что все вопросы жизни если не разрешаются самым удовлетворительным образом, то устраняются телефонами, оперетками, бактериологией, электрическим светом, робуритом и т. п., что мысль об отречении от блага жизни личной представляется им только отголоском древнего невежества.
> А между тем несчастные не подозревают того, что самый грубый индус, стоящий годы на одной ноге во имя только отречения от блага личности для нирваны, — без всякого сравнения более живой человек, чем они, озверевшие люди нашего современного, европейского общества, летающие по всему миру по железным дорогам и при электрическом свете показывающие и по телеграфам и телефонам разглашающие всему свету свое скотское состояние. Индеец этот понял то, что в жизни личности и жизни разумной есть противоречие, и разрешает его, как умеет; люди же нашего образованного мира не только не поняли этого противоречия, но даже и не верят тому, что оно есть. Положение о том, что жизнь человеческая не есть существование личности человека, добытое тысячелетним духовным трудом всего человечества, — положение это для человека (не животного) стало в нравственном мире не только такой же, но гораздо более несомненной и несокрушимой истиной, чем вращение земли

> и законы тяготения. Всякий мыслящий человек, ученый, невежда, старик, ребенок понимают и знают это; скрыто это только от самых диких людей в Африке и в Австралии и от одичавших обеспеченных людей в европейских городах и столицах. Истина эта стала достоянием человечества, и если человечество не возвращается назад в своих побочных знаниях механики, алгебры, астрономии, тем более в основном и главном знании определения своей жизни оно не может идти назад. Забыть и стереть с сознания человечества то, что оно вынесло из своей жизни многих тысячелетий, — уяснение тщеты, бессмысленности и бедственности личной жизни — невозможно. Попытки восстановления допотопного дикого взгляда на жизнь, как на личное существование, которыми занята так называемая наука нашего европейского мира, только очевиднее показывают рост разумного сознания человечества, показывают до очевидности, как выросло уже человечество из своего детского платья».

8) ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ СИЛЫ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ. НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ И ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ ПСИХИКИ

Мережковский упрекает Толстого в апологии самоотречения и следовательно «слабости личности», и одновременно протестует, когда Толстой пытаясь защититься от таких обвинений говорит, что «быть разумным сознанием выгодно и полезно». Но Толстой именно потому это подчеркивает, чтобы снять с себя обвинения в пропаганде самоотречения: он подчеркивает, что «отказ от блага животной личности» ведет к настоящей жизни, настоящей силе, и настоящему счастью человека.

Так его гениальное прозрение в законы психической энергии своими словами формулирует Закон Сохранения Силы психики: действительно, отказ от физического контроля закона сохранения силы психики (то есть снятие Эгозащиты) ведет к утверждению Научного контроля Закона сохранения силы психики, который единственно гарантирует здоровье и силу человека.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Да, утверждение о том, что человек не чувствует требований своего разумного сознания, а чувствует одни потребности личности, есть ничто иное, как утверждение того, что наши животные похоти, на усиление которых мы употребили весь наш разум, владеют нами и скрыли от нас нашу истинную человеческую жизнь. Сорная трава разросшихся пороков задавила ростки истинной жизни.
> Да как же и не быть этому в нашем мире, когда прямо признавалось и признается теми, которые считаются учителями других, что высшее совершенство отдельного человека есть всестороннее развитие утонченных потребностей его личности, что благо масс в том, чтобы у них было много потребностей и они могли бы удовлетворять их, что благо людей состоит в удовлетворении их потребностей.
> Как же могут люди, воспитанные в таком учении, не утверждать того, что требований разумного сознания они не чувствуют, а чувствуют одни потребности личности? Да как же им и чувствовать требования разума, когда весь разум их без остатка ушел на усиление их похотей, и как им отречься от требований своих похотей, когда эти похоти поглотили всю их жизнь?
> «Отречение от личности невозможно», говорят обыкновенно эти люди, нарочно стараясь извратить вопрос и, вместо понятия подчинения личности закону разума, подставляя понятие отречения от нее. «Это противоестественно, говорят они, и потому невозможно». Да никто и не говорит об отречении от личности. Личность для разумного человека есть то же, что дыхание, кровообращение для животной личности. Как животной личности отречься от кровообращения? Про это и говорить нельзя. Так же нельзя говорить разумному человеку и об отречении от личности. Личность для разумного человека есть такое же необходимое условие его жизни, как и кровообращение — условно существования его животной личности.
> Личность, как животная личность, и не может заявлять и не заявляет никаких требований. Требования эти заявляет ложно направленный разум — разум, направленный не на руководство жизнью, не на освещение ее, а на раздутие похотей личности».

Вот как Толстой старается описать это в терминах абстракции, пока еще вне терминологии энергетики. Он показывает отношения физического контроля и научного контроля закона сохранения психики как полемику между «разумным сознанием» духа и «заблудшим сознанием» материальной энергии.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Знаю, что при прежнем взгляде на мир жизнь моя и всего существующего была злом и бессмыслицей; при этом же взгляде она является осуществлением того закона разума, который вложен в человека. Знаю, что наибольшее, до бесконечности могущее быть увеличиваемым, благо жизни каждого существа может быть достигнуто только этим законом служения каждого всем и потому всех каждому, — говорит разумное сознание
> «Но если это и может быть законом мыслимым, это не есть закон действительности», отвечает возмущенное заблудшее сознание человека.
> — Ничего не знаю про это, — отвечает разумное сознание. Знаю, что жизнь личности, жизнь такая, при которой необходимо, чтобы все любили меня одного и я любил бы только себя, и при которой я мог бы получить как можно больше наслаждений и избавиться от страданий и смерти, есть величайшее и неперестающее страдание. Чем больше я буду любить себя и бороться с другими, тем больше будут ненавидеть меня и тем злее бороться со мной; чем больше я буду ограждатьея от страданий, тем они будут мучительнее; чем больше я буду ограждаться от смерти, тем она будет страшнее.
> Знаю, что, что бы ни делал человек, он не получит блага до тех пор, пока не будет жить сообразно закону своей жизни. Закон же его жизни не есть борьба, а, напротив, взаимное служение существ друг другу».

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Обыкновенно думают и говорят, что отречение от блага личности есть подвиг, достоинство человека. Отречение от блага личности — не достоинство, не подвиг, а неизбежное условие жизни человека. Ты хочешь, чтобы все жили для тебя, чтобы все любили тебя больше себя? Есть только одно положение, при котором желание твое может быть исполнено. Это такое положение, при котором все существа жили бы для блага других и любили бы других больше себя. Тогда только ты и все существа любимы бы были всеми, и ты в числе их получил бы то самое благо, которого ты желаешь. Если же благо возможно тебе только тогда, когда все существа любили бы других более себя, то и ты, живое существо, должен любить другие существа более себя. Только при этом условии возможны благо и жизнь человека, и только при этом условии уничтожается и то, что отравляло жизнь человека, — уничтожается борьба существ, мучительность страданий и страх смерти.
> В самом деле, что составляло невозможность блага личного существования? Во-первых, борьба ищущих личного блага существ меж-

> ду собой; во-вторых, обман наслаждения, приводящий к трате жизни, к пресыщению, к страданиям, и, в-третьих — смерть. Но стоит допустить мысленно, что человек может заменить стремление к благу своей личности стремлением к благу других существ, чтобы уничтожилась невозможность блага и благо представлялось бы достижимым человеку. Глядя на мир из своего представления о жизни, как стремления к личному благу, человек видел в мире неразумную борьбу существ, губящих друг друга. Но стоит человеку признать свою жизнь в стремлении к благу других, чтобы увидать в мире совсем другое: увидать рядом с случайными явлениями борьбы существ постоянное взаимное служение друг другу этих существ, служение, без которого немыслимо существование мира».

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Должно вам родиться снова», сказал Христос. Не то чтобы человеку кто-нибудь велел родиться, но человек неизбежно приведен к этому. Чтобы иметь жизнь, ему нужно вновь родиться в этом существовании — разумным сознанием.
> Человеку дано разумное сознание с тем, чтобы он положил жизнь в том благе, которое открывается ему его разумным сознанием. Тот, кто в этом благе положил жизнь, тот имеет жизнь; тот же, кто не полагает в нем жизни, а полагает ее в благе животной личности, тот этим самым лишает себя жизни. В этом состоит определение жизни, данное Христом.
> Точно так же для людей, не доживших еще до внутреннего противоречия животной личности и разумного сознания, свет солнца разума есть только незначащая случайность, сентиментальные, мистические слова. Солнце приводит к жизни только тех, в ком зародилась уже жизнь.
> Жить для целей личности разумному существу нельзя. Нельзя потому, что все пути заказаны ему; все цели, к которым влечется животная личность человека, все явно недостижимы. Разумное сознание указывает другие цели, и цели эти не только достижимы, но дают полное удовлетворение разумному сознанию человека; сначала однако, под влиянием ложного учения мира, человеку представляется, что цели эти противоположны его личности».

9) ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ ПСИХИКИ. НЕНАСЫЩАЕМОСТЬ ЭГОЗАЩИТЫ

Во многом тон книги Толстого «О Жизни» есть тон книги Кьеркегора «Болезнь к смерти», даже названия перекликаются. Действительно, основная мысль обеих книг, как ее выразил Кьеркегор, человек заметит потерю денег, ноги, руки, а потерю самого себя, потерю своей души не заметит. Неслучайно работы Кьеркегора стали тем фундаментом, из которого произросла гуманистическая психология Фромма, Хорни, Маслоу и др. Главные фундаментальные мысли одни и те же в обеих работах, у Кьеркегора и у Толстого, и это неслучайно, а является отражением того факта, что два гения старались своими словами сформулировать одни и те же законы природы: закономерности психической энергии человека. И вот оба пишут о настоящем Я и ложном Эго (животной личности), о жизни духовной энергии и смерти материальной энергии человека, о том, что процессы эти бессознательны, и чтобы человек заметил в себе раздвоенность и отказался от материальной энергии, его сознание должно созреть и сильно вырасти. О том, что увы, сегодня все еще единицы «проснувшихся в гробах», и большинство живые мертвецы в тюрьмах своих материальных энергий, разъедающих запасы их духовной разумной энергии.

Кьеркегор пишет о «кривом зеркале» бессознательной материальной энергии, которое искажает реальность и самовосприятие. О том же кривом зеркале пишет и Толстой. В теории психической энергии — это силовое поле Эгосистемы, полюса Эго и СуперЭго, «загрузки» которого, как говорил Фрейд, искажают реальность.

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Человеку только кажется иногда, что его стремление к благу имеет предметом удовлетворение требований животной личности. Обман этот происходит вследствие того, что человек принимает то, что он видит происходящим в своем животном, за цель деятельности своего разумного сознания. Происходит нечто подобное тому, что бы де-

лал человек, руководясь в бдящем состоянии тем, что он видит во сне.
И тогда-то, если этот обман поддерживается ложными учениями, и происходит в человеке смешение личности с разумным сознанием.
Удивительное дело: несмотря на то, что и опыт свой, и наблюдение жизни всех окружающих, и разум несомненно показывают каждому человеку недостижимость этого, показывают ему, что невозможно заставить другие живые существа перестать любить самих себя, а любить только его, — несмотря на это, жизнь каждого человека только в том, чтобы богатством, властью, почестями, славой, лестью, обманом, как-нибудь, но заставить другие существа жить не для себя, а для него одного, — заставить все существа любить не самих себя, а его одного.
Проходят века: люди узнают расстояние от светил, определяют их вес, узнают состав солнца и звезд, а вопрос о том, как согласить требования личного блага с жизнью мира, исключающего возможность этого блага, остается для большинства людей таким же нерешенным вопросом, каким он был для людей за 5000 лет назад».
Толстой неплохо описал «ложный круг» циклического гомеостаза силового поля Эгосистемы, а также ненасыщаемость Эгозащиты. Привожу здесь так подробно его цитаты, чтобы не осталось никаких сомнений в том, что Толстой внес свой огромный вклад в дело «Третьего Завета», то есть в «Вечное Евангелие», изложенное на научном языке, в Открытие Психической энергии. И что упреки Мережковского были неосновательны.

Л. Толстой, «О Жизни»:

«Только познание призрачности и обманчивости животного существования и освобождение в себе единственной истинной жизни любви дает человеку благо. И что же делают люди для достижения этого блага? Люди, существование которых состоит в медленном уничтожении личности и приближении к неизбежной смерти этой личности и которые не могут не знать этого, все время своего существования всячески стараются, — только тем и заняты, чтобы утверждать эту гибнущую личность, удовлетворять ее похотям и тем лишать себя возможности единственного блага жизни — любви.
Деятельность людей, не понимающих жизни, во все время их существования направлена на борьбу за свое существование, на приобретение наслаждений, избавление себя от страданий и удаление от себя неизбежной смерти.

Но увеличение наслаждений увеличивает напряженность борьбы, чувствительность к страданиям и приближает смерть. Чтобы скрыть от себя приближение смерти — одно средство: еще увеличивать наслаждения. Но увеличение наслаждений доходит до своего предела, наслаждения не могут быть увеличены, переходят в страдания, и остается одна чувствительность к страданиям и ужас все ближе и ближе среди одних страданий надвигающейся смерти. И является ложный круг: одно — причина другого и одно усиливает другое. Главный ужас жизни людей, не понимающих жизни, в том, что то, что ими считается наслаждениями (все наслаждения богатой жизни), будучи такими, что они не могут быть равномерно распределены между всеми людьми, должны быть отнимаемы у других, должны быть приобретаемы насилием, злом, уничтожающим возможность того благоволения к людям, из которого вырастает любовь. Так что наслаждения всегда прямо противоположны любви и чем сильнее, тем противоположнее. Так что, чем сильнее, напряженнее деятельность для достижения наслаждений, тем невозможнее становится единственно доступное человеку благо — любовь.

Употребив свой разум не на то, чтобы понять — одинаково для всех людей равное нолю благо животного существования, люди этот ноль признали величиною, которая может уменьшаться и увеличиваться, и на мнимое это увеличение, умножение ноля употребляют весь остающийся у них без приложения разум.

Люди не видят того, что ничто, ноль, на что бы он ни был помножен, остается тем же, равным всякому другому — нолем, не видят, что существование животной личности всякого человека одинаково бедственно и не может быть никакими внешними условиями сделано счастливым. Люди не хотят видеть того, что ни одно существование, как плотское существование, не может быть счастливее другого, что это такой же закон, как тот, по которому на поверхности озера нигде нельзя поднять воду выше данного общего уровня. Люди, извратившие свой разум, не видят этого и употребляют свой извращенный разум на это невозможное дело, и в этом невозможном поднимании воды в разных местах на поверхности озера — вроде того, что делают купающиеся дети, называя это варить пиво, проходит все их существование».

10) ЭНЕРГИЯ- ПАРАЗИТ. ДВЕ ЛЮБВИ

И как хорошо Толстой обрисовал тот факт, что материальная энергия психики есть энергия-паразит, «сорная трава», которая разрастается за счет энергии «разумного сознания». И что эта энергия проявляется как «Лже-любовь», (то есть притяжения Самолюбия и Влюбленности циклического гомесотаза поля Эгосистемы в теории психической энергии)

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Страстность проявления этих предпочтений только показывает энергию животной личности. Страстность предпочтения одних людей другим, называемая неверно любовью, есть только дичок, на котором может быть привита истинная любовь и дать плоды ее. Но как дичок не есть яблоня и не дает плодов или дает плоды горькие вместо сладких, так и пристрастие не есть любовь и не делает добра людям или производит еще большее зло. И потому приносит величайшее зло миру и так восхваляемая любовь к женщине, к детям, к друзьям, не говоря уже о любви к науке, к искусству, к отечеству, которая есть ничто иное, как предпочтение на время известных условий животной жизни другим.
>
> Возможность истинной любви начинается только тогда, когда человек понял, что нет для него блага его животной личности. Только тогда все соки жизни переходят в один облагороженный черенок истинной любви, разрастающийся уже всеми силами ствола дичка животной личности. Учение Христа и есть прививка этой любви, как он и сам сказал это. Он сказал, что он, его любовь, есть та одна лоза, которая может приносить плод, и что всякая ветвь, не приносящая плода, отсекается.
>
> Любовь эта, в которой только и есть жизнь, проявляется в душе человека, как чуть заметный, нежный росток среди похожих на нее грубых ростков сорных трав, различных похотей человека, которые мы называем любовью. Сначала людям и самому человеку кажется, что этот росток, — тот, из которого должно вырастать то дерево, в котором будут укрываться птицы, — и все другие ростки всё одно и то же. Люди даже предпочитают сначала ростки сорных трав, которые растут быстрее, и единственный росток жизни глохнет и замирает; но еще хуже то, что еще чаще бывает: люди слышали, что в числе этих ростков есть один настоящий, жизненный, называемый любовью, и они вместо него, топча его, начинают воспитывать другой росток сорной травы, называя его любовью. Но что еще хуже: люди

грубыми руками ухватывают самый росток и кричат: «вот он, мы нашли его, мы теперь знаем его, возрастим его. Любовь! Любовь! высшее чувство, вот оно!», и люди начинают пересаживать его, исправлять его и захватывают, заминают его так, что росток умирает, не расцветши, и те же или другие люди говорят: все это вздор, пустяки, сентиментальность. Росток любви, при проявлении своем нежный, не терпящий прикосновения, могущественен только при своем разроете. Все, что будут делать над ним люди, только хуже для него. Ему нужно одного, того, чтобы ничто не скрывало от него солнца разума, которое одно возращает его».

«И так, и не иначе, как так, могут понимать любовь люди, учащие и сами научаемые тому, что жизнь есть не что иное, как животное существование.

Для таких людей любовь даже не соответствует тому понятию, которое мы все невольно соединяем с словом любовь. Она не есть деятельность добрая, дающая благо любящему и любимому. Любовь очень часто в представлении людей, признающих жизнь в животной личности, — то самое чувство, вследствие которого для блага своего ребенка одна мать отнимает у другого голодного ребенка молоко его матери и страдает от беспокойства за успех кормления; то чувство, по которому отец, мучая себя, отнимает последний кусок хлеба у голодающих людей, чтобы обеспечить своих детей; это то чувство, по которому любящий женщину страдает от этой любви и заставляет ее страдать, соблазняя ее, или из ревности губит себя и ее; то чувство, по которому бывает даже, что человек из любви насильничает женщину; это то чувство, по которому люди одного товарищества наносят вред другим, чтобы отстоять своих; это то чувство, по которому человек мучает сам себя над любимым занятием и этим же занятием причиняет горе и страдания окружающим его людям; это то чувство, по которому люди не могут стерпеть оскорбления любимому отечеству и устилают поля убитыми и ранеными, своими и чужими.

Если же люди употребляют свой разум на то, чтобы оправдывать и усиливать то животное, неблагое чувство, которое они называют любовью, придавая этому чувству уродливые размеры, то это чувство становится не только не добрым, но делает из человека — давно известная истина — самое злое и ужасное животное. Происходит то, что сказано в Евангелии: «Если свет, который в тебе, — тьма, то какова же тьма?» Если бы в человеке не было ничего, кроме любви к себе и к своим детям, не было бы и 0,99 того зла, которое есть теперь между людьми. 0,99 зла между людьми происходит от того ложного чувства, которое они, восхваляя его, называют любовью

> и которое столько же похоже на любовь, сколько жизнь животного похожа на жизнь человека.
> Начало любви, корень ее, не есть порыв чувства, затемняющий разум, как это обыкновенно воображают, но есть самое разумное, светлое и потому спокойное и радостное состояние, свойственное детям и разумным людям».

3. ТОЛСТОЙ — ЯСНОВИДЕЦ ДОБРА

Толстой исключительное и уникальное явление в русской литературе именно потому, что он единственный осмелился дать не только психиатрическую картину больного общества, а пересмотреть философские основы православия в поисках Бога, как он говорил, в поисках Третьего Завета открытия психической энергии, как говорим мы. Ни Достоевский, ни Мережковский на это не осмелились. Достоевский оставался правоверным православным, позволяя себе озвучивать позицию нигилистов и атеистов устами своих героев только в своих романах. Мережковский, утверждая неотвратимость Третьего Завета, сам себе опять противоречит, ругая Толстого как «кощунника» за пересмотр догматов православия. Какой же Третий Завет без отказа от «Догматического богословия», как говорит Толстой в одноименной книге?

В философских книгах своих и явился Толстой всему миру как «Ясновидец Добра», как Пророк своего времени (как с благоговением говорит о нем Ромен Роллан). И философские взгляды его, как я постаралась показать несли в себе Открытие Психической Энергии. И только с этим открытием вечный спор о том, что есть божественная личность Христа — сила или слабость, самоотречение или утверждение личности, смирение или свобода — получают свои окончательные ответы в четко сформулированных научных определениях, проверяемых опытом, и имеющих однозначное толкование (в отличие от притч Евангелия). В этом громадный вклад Толстого на том пути, который ему и пророчил Мережковский — на пути к Третьему Завету Вечного Евангелия научного метода.

За Толстым идут другие титаны русской литературы — Чехов, Достоевский, Гоголь, Герцен, — но они уступают Толстому в глобальности подхода к проблеме. Это не философская высота осмысления проблемы целиком с высот законов природы психики в целом, это психология и психиатрия, которая рассматривает и дает четкие снимки опытной действительности. Чехов, Достоевский, Гоголь — блестящие Ясновидцы Зла в этом самом смысле прозрения в «раздвоение личности» в антагонизме борьбы духовной и материальной энергий. О Герцене хотелось бы заметить, что в повести «Доктор Крупов» он подтверждает понимание Толстым исторического прочеса всего человечества как становления духовной энергии из трясины «сумасшествия», «помешательства» засилия материальной энергии. Вообще его Доктор Крупов сильно напоминает Чехова. Сам Чехов говорил, что образование и практика врача неоценимо помогли его работе писателя — ведь настоящий писатель это психолог, говорит Чехов. Герцен в своих воспоминаниях жалуется, что напрасно пошел на математический факультет университета, и что ему следовало стать врачом. Как тут не вспомнить слов Чехова о том, как сильно ему помогла его профессия состояться как писателю.

Мережковский в своих критических статьях ругает русскую литературу за то, что ее «наполеоны» (печорины, онегины, раскольниковы, лаевские) всегда раскаиваются и наказаны жизнью за попытки «самоутверждения личности». Однако, он глубоко ошибается. Именно это и составляет существо «Ясновидения Зла» русской литературы. Ибо это есть не процесс «самоутверждения личности», как говорит Толстой, а процесс в котором сорная трава животной личности пожирает разумное сознание человека. Хвала русской литературе, которая наряду с этическими учениями осевого времени и гуманистической психологией, в пику модному ницшеанству запада, разоблачает эту сорную траву материальной энергии, и утверждает настоящую личность «разумного сознания».

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

> В большинстве статей о Толстом мы читаем, что его философия и вера не оригинальны. Это верно: все прекрасное в его мыслях принадлежит вечности, и они никак не могут сойти за новинку моды... Другие указывают на утопический характер идей Толстого. С этим можно согласиться: они столь же утопичны, как евангелие. Пророк — всегда утопист, уже в земной своей жизни он живет как бы в вечности. Его появление — дар людям, и то, что мы осчастливлены этим даром, что среди нас жил последний из пророков, что величайший художник нашего времени окружен этим ореолом, как раз и представляется мне новым, оригинальным и куда более важным событием для человечества, чем возникновение еще одной религии или новой философии. Слепы те, кто не видит чуда, явленного этой великой душой, которая воплотила в себе братскую любовь в наш век, полный ненависти и крови!

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «При всей простонародности лица его, прибавляет тот же очевидец, „во Льве Николаевиче сейчас же чувство- вался человек высшего круга“, человек светский, русский барин. Замечательно вообще в лицах великих людей русской культуры, например в лице старого Тургенева, это соединение простонародности, „деревенского“, „крестьянского“ с самой высшей аристократичностью, с самым родовитым русским „барством“ и европейскою светскостью, притом — соединение, кажущееся естественным, как будто одно другому не мешает, а даже, напротив, именно там, в глубине простонародного, и заключается нечто до последней степени аристократическое, не в грубом, сословном, а в самом высшем смысле ***господское***, властное, избранное и вместе с тем утонченно-изящно-культурное — всемирное».

ГЛАВА 3. АРИСТОКРАТИЗМ ЕВАНГЕЛИЯ: СИЛА И КРАСОТА ДУХА ПРОТИВ НИЧТОЖЕСТВА И ВОНИ ЗЛА

1. Духовный Меч Христа. Зло Тьмы подлежит уничтожению Светом.

2. Благая Весть Евангелия о Зле как ничтожестве, болезни и вони разложения

3. Избранные Святые

1. ДУХОВНЫЙ МЕЧ ХРИСТА. ЗЛО ТЬМЫ ПОДЛЕЖИТ УНИЧТОЖЕНИЮ СВЕТОМ

Прав был Иисус, когда говорил «многие будут говорить от имени моего», и прав Мережковский, что поставил вопрос об Иисусе Неизвестном. Еще больше правды в той необходимости переложить мифологический язык Евангелия на язык рационализма, которую чувствовал Толстой, и чему посвятил всю свою философию. Здесь, в борьбе Добра со Злом, в борьбе истинной церкви естественного права с государством насилия, в стремлении Третьему Завету Духа, Мережковский и Толстой шли плечо к плечу. И в этом смысле их вклад в мировую цивилизацию трудно переоценить.

Евангелие Иисуса стараются представить как нечто совершенно противоположное ему: как смирение со Злом. «Господь терпел и нам велел», — вот вся истина, которую предлагают эти люди, как итоговую «мудрость благой вести. Это, конечно же, чудовищная ложь, которая уничтожает самое существо Евангелия — это та Хула на Святого Духа, которая как уверяет благая весть, не простится никогда.

На самом деле, через весь текст Благой Вести красной чертой проходит мысль о Борьбе Добра со Злом как главном Долге Христианина. Действительно, апостол Павел говорит в послании Тимофею: «будь Воином Добрым», и вся Церковь Христова — это Церковь Воинствующая (Church Militant, как выражается А. Тойнби в «Постижении истории»).

А. Швейцер, Lectures in College in Birmingham,

1922 (по русскому изданию А. Швейцер, Упадок и возрождение

культуры, Москва, Прометей, 1993) :

> «Снова и снова в спорах с нами индийцы будут говорить: Духовность не есть моральность. Стать духовным через слияние с Божественным — это дело выше всякой этики». Мы же христиане говорим: Духовность и моральность это одно и то же. Только через самую бескомпромиссную моральность достигается самая бескомпромиссная духовность, именно в такой моральности она постоянно выражается. В индийском мышлении этический элемент поглощается интеллектуализмом как обещавшее дождь туча испаряется в горячем воздухе. В Евангелии Иисуса напротив не только нет места холодному обдуманному покою как реакции на окружающий мир, Евангелие Иисуса говорит человеку: Ты должен стать свободен от мира и от самого себя, чтобы работать в этом мире в качестве орудия Божьего».

Лука 11: 49

> 49 Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!
> 50 Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится!
> 51 Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение;
> 52 ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех:
> 53 отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

Матфей 10

> 34 Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч,
> 35 ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее.
> 36 И враги человеку — домашние его.
> 37 Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня;
> 38 и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня.
> 42 А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жерновный камень на шею и бросили его в море.

Но что значит бескомпромиссная война со злом, которую проповедует Евангелие? Она не означает и не может означать одинакового отношения ко всем людям. Напротив, такая война должна означать для христианина строгое разделение на дружественный лагерь Добра и вражеский лагерь Зла. И казалось бы опять таки все притчи евангелия именно об этом строгом разделении людей на «доброе семя, посеянное Сыном Человеческим» и «злое семя, посеянное диаволом». И вроде бы, прямое указание на существование рая для святых и ада для злодеев также безапелляционно говорит о том, что лейт-мотив Благой Вести есть борьба со Злом. Тогда откуда же это распространенное убеждение, что проповедь Христа есть смирение перед злом и одинаковое отношение ко всем людям?

Так искажают другую основную мысль Христа: святых от злодеев отделит Судный день, говорит его проповедь, а до того дня задача христианина помогать братьям своим избавиться от зла даже ценой собственной жизни. Идите и проповедуйте добро, идите и научите злодеев, что они больны и что им надо покаяться и тогда спасены будут в судный день.

Эта проповедь Христа есть Духовный Меч, не Железный Меч. Он заповедал христианам бороться со злодеями словом, Светом Разума и Обличения Тьмы Зла: что я вам говорю наедине проповедуйте с кровлей. Он заповедал людям помогать другим людям очиститься от болезни зла до Судного дня, который окон-

чательно разделит святых и злодеев. И этот духовный меч, этот наказ лечить людей светом добра, стали истолковывать как смирение со злом, как одинаковое отношение ко всем, честным и бесчестным, достойным и развратным, святым и человекоубийцам. Но и на земле есть предел увещеваниям грешников, а после того, они уже не братья, а именно грешники.

Матфей 18:15

> «15 Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего;
> 16 если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово;
> 17 если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь».

Христос как известно говорил притчами, потому что понимал что для научного языка еще сознание не созрело. Сам он так и говорит в Евангелии: «Много еще имею сказать вам, но сейчас не поймете». Мережковский любит приводить эту цитату и ту, что Христос обещал Утешителя который будет «говорить прямо от Отца», то есть на языке Интеллекта, Науки. Это конечно не один какой то человек, но все ученые которые внесли с тех пор вклад в Открытие Психической Энергии, от Августина и Спинозы, до Кьеркегора и Толстого, Ренана и Ясперса, Чехова и Достоевского, Фромма и Маслоу и многих других. Для нас тут важно заметить, что Иисус сам признает несовершенство языке притчей и сам же предсказывает, что его речи будут переведены на научный язык в будущем.

Если сейчас, когда у нас в распоряжении уже имеется научный текст Открытия Психической Энергии, мы сформулируем понятия Добра и Зла, то увидим что Иисус был прав во всем. Если Добро есть Духовная энергия Разума человека, а Зло — материальная энергия психики, которая есть чуждый паразит человеку, то понятно почему Иисус объявляет всех людей братьями, и всем дает шанс исцелится до Судного дня. Ведь Зло есть болезнь и никому блага не приносит, не только жертвам злодеев,

но и самим злодеям. С другой стороны, Иисус опять прав, когда утверждает, что Железным Мечом Зло уничтожить нельзя. Убивая злодеев, мы нисколько не сокращаем количество зла на земле, ведь Зло — это природная энергия, которая заложена в законах психики человека (первородный грех) наряду с духовной энергии. Не тем виноват человек, что в нем заложена эта энергия, ибо Господь создал все энергии, утвердив законы природы вселенной, а тем, что когда уже знает об этом первородном грехе, и не борется с ним. Это слова Христа: «Если бы я не сказал вам, то не было бы греха на вас, а теперь нечем вам оправдаться». И единственный способ бороться с этим злом, это обличать его как болезнь и как порок, сначала на доступном простом языке, а потом уже на научном языке доказать, что это материальная энергия — гроб для живого человека.

И это единственный способ ее уничтожить, уничтожить зло материальной энергии психики (ибо только материальная энергия психики есть зло для человека, потому что она активна за счет энергии духа человека, и разрушает дух человека, тогда как все прочие материальные энергии — не есть зло, но часть природы, созданной господом). Как видно нет ничего сверхъестественного в зле, или в способах его уничтожить: всего лишь познать законы материальной энергии психики и нейтрализовать ее силовое поле.

И потому Христос и говорит, что нельзя уничтожить зло железом, то есть проповедует непротивление злу насилием, как и Толстой. Это не значит, что он проповедует квиетизм и отказ от борьбы со злом: наоборот, он указывает единственное эффективное оружие: разгоните тьму зла светом разума. И также говорил сам Толстой, когда его обвиняли в квиетизме, в отказе от борьбы со злом:

Р. Роллан «Жизнь Толстого»:

> «В письме к другу в 1890 г. Толстой жалуется на ложное толкование его принципа непротивления. Он говорит, что путают принцип «не противиться злу злом или насилием», с «не противься злу», то есть «будь к нему равнодушен», «тогда как противиться злу, бороться

> с ним есть единственная внешняя задача христианства, и что правило о непротивлении злу сказано как правило, каким образом бороться со злом самым успешным образом».

Сравните эту концепцию с концепцией Ганди — его сатьеграхой, учением об активном сопротивлении при помощи любви и жертвы. Здесь то же бесстрашие души, противоположное пассивности. Но у Ганди еще сильнее подчеркнут мотив самоотверженности и активности»

Ибо только знанием можно убить Зло, потому что зло возрождается с каждым новым человеком в законах его психики наряду с духовной энергией разума, и только знание и правильное образование смогут предохранить человечество будущего от развития этой энергии в людях. Итак, как прав был Иисус когда утверждал: любите людей и помогайте им бороться со злом, они больны. И борьба эта может быть только Светом Разума, Светом Слова. В то же время, это именно война, именно борьба, и он предупреждает своих посланников, что их будут гнать за имя Его. «И кто претерпит до конца, тот спасется». «И кто не берет свой Крест и не идет за мной, от того и я откажусь в Царствии Небесном». Нигде Христос не говорит, что надо смириться и простить зло, единственное что он говорит: уничтожайте зло Светом Разума, не железом физического насилия!

Иоанн 3

> 19 Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы;
> 20 ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы,
> 21 а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Матфей 10

> 11 В какой бы город или селение ни вошли вы,
> наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете;
> 12 а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему;
> 13 и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится.

> 14 А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших;
> 15 истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому.
> 16 Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.
> 17 Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас,
> 18 и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками.
> 26 Итак не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано.
> 27 Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях.

2. БЛАГАЯ ВЕСТЬ ЕВАНГЕЛИЯ О ЗЛЕ КАК НИЧТОЖЕСТВЕ, БОЛЕЗНИ И ВОНИ РАЗЛОЖЕНИЯ

Иисус подставляющий вторую щеку злу, и обнимающий врага своего стал образом слабости и ничтожества для тех толкователей, кто хотел видеть в добре ничтожество.

Однако, совсем другой дух пронизает все Евангелие — Дух великой силы и славы Разума и духовной энергии человека, основанной на разуме. Закон Сохранения Силы, заложенный Господом во всем мире и в психике человека нигде так не чувствуется как в Благой Вести Евангелия.

Неслучайно, Иисус — повелитель стихий! Не о волшебстве его команды морям и хлебам, а о силе Научного Контроля духовной энергии разума человека, ведь он Сын Человеческий! Только язык притчей приписывает волшебству его контроль стихий, но стоит нам сказать это на научном языке и мы видим, что Сила Научного Контроля открывает людям доступ к Силе всего Космоса, ведь космос — это энергии природы Господа, а нам людям дан ключ к этим энергиям, активный интеллект, мышление, которого не имеет никакая другая энергия! И мы способны познавать эти энергии и получать доступ к их силе ставя их под

научный контроль! Вот о чем власть Иисуса над стихиями природы! О великой, но реальной, не волшебной, силе Разума человека!

И мы видим Христа — врачом, лекарем. И здесь сила Научного контроля как огромная сила Добра у Сына Человеческого, то есть у человечества, которому Господь от своего Святого Духа дал Активный Интеллект Научного Контроля.

Итак, Духовная энергия разума человека есть Сила, великая мощь, которой не обладает ни одна другая материальная природа космоса, созданная Господом, ибо только человеку дан активный интеллект, дано мышление.

И этот тон Силы в Евангелии не только в образе Христа как врача и повелителя стихий! Он также и в абсолютном отвращении и презрении ко Злу, как болезни, слабости, ничтожеству, вони разложения. Те, кто стараются представить Диавола христианства силой равной по модулю силе Добра Господа, тот безумен, ведь христианство прямо говорит что диавол (материальная энергия психики) такое же творение Господа как все прочие энергии космоса. И не было бы ничего плохого или больного в этой энергии — ее циклический гомеостаз самый стандартный гомеостаз всех материальных энергий природы. Но энергия эта идет через духовную энергию разума человека и пожирает «святой дух» активного интеллекта, разлагает разум и силовое поле духа человека. В этом состоит зло «диавола».

Так как же обычная материальная энергия, обычное рядовое творение Господа могла бы стать равной ему силой, только взятой с противоположным знаком? Как бы она могла стать равной даже другому творению Господа — Духовной энергии интеллекта, обладающей научным контролем! Никак! Она есть только Зло и болезнь, и вонь разложения «святого духа», того священного подарка Господа, пожалованному человечеству, ведь он завещал людям власть над материальным миром.

И вот именно этот тон отвращения и презрения ко злу как слабости и болезни, как к ничтожеству и вони разложения и пронизывает Благую Весть Христа.

Иоанн 8:43

> 43 Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего.
> 44 Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.
> 45 А как Я истину говорю, то не верите Мне.

Матфей 12:

> 34 Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста.
> 35 Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое.

Лука 13:23

> 23 Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Он же сказал им:
> 24 подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут.
> 25 Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы.
> 26 Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты.
> 27 Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды.
> 28 Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон.

Матфей 23:

> 24 Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!
> 25 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды.
> 26 Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

> 27 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты;
> 28 так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.
> 33 Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?

Св. Павел, Первое Послание к Тимофею

> 8 А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его,
> 9 зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц,
> 10 для блудников, мужеложников, человекохищников, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению,
> 17 Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.
> 18 Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин

Из этих текстов очевидно, что презираемо Зло — материальная энергия психики человека, но не сам человек. Человеку христианская весть дает шанс излечиться, ибо все люди в основе своей психики имеют духовную энергию разума. Потому Иисус говорит, что все люди братья, и всем надо дать шанс излечиться от зла. «И пока я не говорил им, не было на них греха, а теперь им нечем оправдаться».

3. ИЗБРАННЫЕ СВЯТЫЕ

Св. Августин в Граде Божьем поставил вопрос об Избранных христианства — тех немногих счастливых которые спасутся. И после него уже спор не замолкал, а в Реформацию возродился с новой силой.

Августин основывает свою идею об избранных на понимании «Первородного греха» как «премирной вины» всего челове-

чества: все виновны еще до своего рождения, и потому никто не мог бы спастить. Но милосердие Господа спасет немногих избранных.

Учение это никого не устроило, и в особенности Лютер очень бунтовал против такого понимания спасения, а Кальвин принял его вполне чем навлек на себя нарекания.

Сейчас когда мы смотрим уже с позиций законов психики Открытия психической энергии, мы можем видеть, что Августин был прав в «Премирной вине»: зло есть заложенные в законах психики законы материальной энергии (наряду с духовной энергией разума), и потому человечество все подвержено злу и не виновато в этом зле изначально. Однако, означает ли это что спасется только горстка избранных согласно «предопределению благодати», то есть независимо от сознания и деятельности человека?

Здесь мы согласимся с Лютером, что Господь не мог быть так непоследователен. Понятно, что спасение от зла есть научный контроль духовной энергии разума, который познает законы материальной энергии психики (зла) и нейтрализует ее поле. Значит, с научным открытием психической энергии, очищение от зла и следовательно спасение будут доступны всем.

Не так просто дело обстоит для первобытного сознания дикарей, у которых духовная энергия разума еще в самом зачатке и которых Ренан говорит «я не вижу причин для бессмертия души дикарей». Или для людей первого осевого времени и времен Августина, когда знания о добре и зле в психике уже были даны через Откровения этических религий, но еще в мифологической форме, где как говорит Толстой «правда смешана с ложью», или которые трудно понять, потому что можно трактовать очень широко. Здесь действительно, только те избранные «кто имеет уши и услышит, имеет глаза и увидит», и сумеет посвятить свою жизнь очищению своей психики от зла и проповеди добра в мире (то есть борьбе со злом духовным мечом), только эти избранные есть спасенные по определению: люди которые сумели очиститься от зла

и покориться воле Господа: Да будет воля Твоя как на земле так и на небе.

Матфей 13: 37

> 37 Он же сказал им в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий;
> 38 поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы -сыны лукавого;
> 39 враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы.
> 40 Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего:
> 41 пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие,
> 42 и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов;
> 43 тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!

Матфей 5:

> 13 Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.
> 14 Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.
> 15 И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.
> 16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

Научный контроль есть Сила Духовной Энергии Разума, и как сила самая большая в материальном мире (духовной энергии разума подчинены все материальные энергии через научный контроль) она заявляет свое Право на Власть. В этом смысле Евангелие еще и о Власти Духовной энергии Человека: «говорил с ними как власть имеющий». И отказ Христа от царской власти предложенной ему Сатаной не есть отказ от власти вообще, а есть засвидетельствование Примата Силы Духовной энергии человека над Царской властью (Левиафанами) материальной энергии человека. Он отказался покоряться силе, кото-

рая неизмеримо меньше и вообще ничтожна по сравнению с силой духовной энергии человека, и утвердил тем самым власть Церкви, Града Божьего над Левиафанами материальной энергии (физического контроля, господства и подчинения, садомазохизма).

Однако, это утверждение Власти Разума (духовной энергии, научного контроля) над Деспотиями варваров (Левиафаны материальной энергии, физического контроля насилия) началось не с Евангелия, а с первого осевого времени, с первыми Откровениями этических религий. Так, Ренан пишет в «Истории Израильского народа», что революция еврейских пророков 8 века до нашей эры — есть победа идеализма, потому что согласно его оценке «Государство Платона», то есть правление мудрости, разума стало результатом этой революции. Действительно, власть после революции еврейских пророков принадлежит пророкам, мудрецам и святым, которым подчиняются еврейские монархи. В этом смысле, Ренан прав, когда утверждает, что Иисус — последний еврейский пророк той древней революции, которая несла единого бога единого морального закона всему человечеству. Сам Иисус называет себя учеником Исайи и Толстой не забывает имени Исайи, когда перечисляет мудрецов осевого времени. И жесткая критика Христом «фарисеев и книжников» есть та же критика Толстым лженауки своего времени.

Однако, «Государство Платона» было позже — в пятом веке до нашей эры. Ренан приравнивает революцию еврейских пророков к революции 5 века до нашей эры в Греции, как «победу идеализма». Действительно, и там и там мы наблюдаем великую революцию: слом Левиафанов, Деспотии варваров (физический контроль материальной энергии, садомазохизм, отношения господства и подчинения). И хотя «Государство» Платона идет еще дальше, утверждая вместо правления большинства — правление философов-правителей, то есть научный контроль естественного права, слом Левиафанов Деспотии — уже громадный прогресс для греческих городов-государств.

Августин в «Граде Божьем» ссылается как известно на Платона и Цицерона, и в этой связи Е. Трубецкой отмечает в своей монографии о философии Августина, что святой отец церкви положил в основу Града Божьего разработанную в Риме концепцию естественного права. Так оно и есть, потому что Рим стал настоящим полем битвы для утверждения Власти двух энергий: Власти Тьмы материальной энергии (насилия физического контроля) или Власти Разума научного контроля (естественного права). Рим не был пассивен в отношении осевого времени этических религий: именно в Риме, не в Греции, получила развитие теория естественного права и Власти научного контроля Сократа и Платона. Именно в Риме философы-моралисты — великие святые отцы до христианского периода, Цицерон, Эпиктет, Сенека, Марк Аврелий, Персий, Дион Хризостом, Вергилий, Гораций, Ювенал, Тацит, Плиний и др — произвели религиозную революцию, отказавшись от магии язычества в пользу морали и этики духовной энергии. И не случайно потому Естественное право, как теория Власти Научного Контроля Разума получает свое развитие именно в Риме, и ведет отчаянную борьбу с Дьявольскими Императорами, утверждающими Власть Насилия (Тиберий, Калигула, Нерон, Коммод, Каракалла, Септимий Север, Гелиогабал и др). В то же время Императоры Научного Контроля Духовной энергии — Август, Веспасиан и Тит, Нерва, Траян, Антонин Пий, Марк Аврелий, Александр Север и др — ведут борьбу за утверждение Власти Естественного Права, Власти Разума и Света, Власти Церкви Интеллекта.

В этом смысле христианство, Благая Весть евангелия только систематизировала эту борьбу Добра со Злом, утвердив Церковь Христа как отдельный институт, который не подчиняется и не может подчиняться Власти Государства (то есть Левиафанам физического контроля). Если до тех пор шла спонтанная борьба на самом верху, которая не затрагивала широкие массы населения, то теперь с Церковью Христовой эта борьба получает свою организацию, и сила Добра становится впервые массовой и организованной силой в этой церкви.

И здесь вклад Августина возможно также велик как вклад Христа. Его «Град Божий», объединив Благую Весть Христа с наследием всего осевого времени через опыт римского государства, становится систематизацией и руководством для всего средневековья направления Борьбы Добра со Злом, Научного контроля Естественного права Града Божьего с Физическим контролем насилия Государства.

Знаменитая борьба Папства католической церкви со светскими главами государств средневековья, которая воспоследовала, и победа Церкви над Королями — есть «вечная слава католичества», как пишет О. Конт, и есть «та узкая щель, через которую проскользнула цивилизация», как пишет Ж. Бенда.

Из отечественных авторов все значение этой смертельной войны за власть, объявленной Папством Государству, оценили Герцен, Толстой и Мережковский. Особенно Мережковский постоянно подчеркивает в своих статьях, насколько важно было для становления гражданских обществ эта отчаянная война Церкви католической за власть Духовного меча над Железным Мечом государства. И здесь этот духовный меч Мережковский и Толстой несут дальше вместе, плечо к плечу, ибо главная идея каждого из них — утверждение Власти Духовного Меча Разума над Властью Железного Меча насилия.

А. Тойнби в «Постижении истории», а также в «Испытании цивилизации» подчеркивает всю важность этой борьбы Папства с Государствами –левиафанами за Власть Духовного меча Разума 9естественного права). Вообще, его многотомная «История» берет свой старт в «Граде Божьем» Августина и постоянно на него ссылается. В этом и состоит оригинальность этого учебника Истории в век лженауки дарвинизма. Тойнби сумел увидеть не только принципиальную войну между Градом Божьим 9церковью) и Государством (левиафаном), но и триумф церкви над государством в будущем. Он также предсказывает, подобно Эйнштейну, что религия и наука станут — Одно (две стороны одной медали, законы природы, установленные Творцом). Он развил и зачатки энергетической теории Августина, и вплотную

приблизился к открытию психической энергии (я писала об этом в «Ось мировой истории»). Наконец, это именно Тойнби в своем гениальном учебнике истории говорит об «Избранных Святых» как об правящей аристократии мира.

Е. В. Тарле «История Италии в средние века»:

> «Нужно заметить, что коронация карла сыграла свою роль не столько при жизни, сколько через несколько столетий в эпоху борьбы пап с императорами. Приверженцы пап говорили, что Лев Третий даровал корону Карлу за его заслуги перед папством и христианской церковью, даровал по принадлежащему ему праву раздавать короны земным владыкам; что империя в лице Карла признала это право за папою, преклонившись перед римским первосвященником; наконец, что право давать короны предполагает право дающего и отнимать их у провинившихся».

Действительно, любимым чтением Карла Великого был «Град Божий» Августина: и он сначала спас папство и римскую церковь, а потом на коленях принял от нее титул «Императора Священной Римской Империи». Совсем иначе смотрел на дело Наполеон, который похищал и заточал пап, чтобы подчинить воле монарха, а на коронации вырвал корону из рук папы и надел себе на голову. Вот если говорить о символизме: Карл Великий Града Божьего и Наполеон презренного Левиафана, принявший достойный его безумия конец.

Евангелие также бескомпромиссно объявляет войну Левиафану садомазохизма (насилие физического контроля деспотий), как еврейские пророки в революции 8 века до нашей эры, как «Государство» Платона, как «Законы» Цицерона, как «панегирик Траяну» Плиния, как «Анналы» Тацита, как Рим Марка Аврелия.

Матфей 20: 25

> 25 Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;
> 26 но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою;
> 27 и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;
> 28 так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Иоанн 12: 30

> 30 Иисус на это сказал: не для Меня был глас сей, но для народа.
> 31 Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон.
> Иоанн 14: 29
> 29 И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.
> 30 Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего.

Иоанн 16: 7

> 7 Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам,
> 8 и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде:
> 9 о грехе, что не веруют в Меня;
> 10 о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня;
> 11 о суде же, что князь мира сего осужден.
> 12 Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить.
> 13 Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам.
> 14 Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам.

Почему важно подчеркнуть Аристократизм Благой Вести, аристократизм Добра, аристократизм Святых борцов за Добро? Потому что важно развеять миф о том, что зло есть тоже сила, и тоже благо, и тоже красота, которая дерется и утверждает себя в борьбе с добром. Этот миф, всячески поддерживаемый лженаукой и лжеискусством, о которых говорил Толстой (и может быть никто до и после него не говорил так красноречивее о вреде лженауки и лжеискусства!), на самом деле не только тормозит и останавливает прогресс человечества в преодолении болезни зла, но ведет к тому что раковая опухоль безумия и насилия цветет на похороненной духовной энергии разума человечества. Это то, что мы имеем сегодня, в век дарвинизма, оправдавшего зло, и осмеявшего духовную энергию разума.

ГЛАВА 4. ДОСТОЕВСКИЙ — ЯСНОВИДЕЦ ЗЛА

1. Ясновидец плоти и ясновидец духа.

2. Святые Интеллигенты и Безумные Интеллигенты нашего времени. Разрушенный научный контроль

3. Подпольный человек Достоевского. Секретные Службы Подполья и Сила Зла нашего времени

1. ЯСНОВИДЕЦ ПЛОТИ И ЯСНОВИДЕЦ ДУХА

Мережковский хвалит Толстого за «ясновидение плоти», за гений художника, умеющего создать грандиозное полотно «опьяненных жизнью людей», праздник плотской жизни как никто другой. Он видит в этой способности Толстого как художника возвращение гения античных, эллинских ваятелей, умевших также хорошо передавать праздник плотской жизни. И все же, когда он противопоставляет Толстого Достоевскому как «ясновидца плоти» — «ясновидцу духа», чувствуешь, что есть в этом несправедливость. Автор трактатов «О Жизни», «Исповедь», «В чем моя вера?», «Критика догматического богословия», «Царство Божие внутри вас», «Так что же нам делать?» — неужели только ясновидец плоти, неужели не один из самых ярких ясновидцев духа, которых рождала земля?

Действительно, Маслоу пишет в исследовании самоактуалов (самых здоровых людей, людей духовной энергии разума), что они «хорошие животные». У самоактуалов Маслоу хороший аппетит и хороший сон, они дружат со своей биологической энергией, и при этом пишет Маслоу склонны к моногамии. Мы не знаем, как может существовать наша духовная энергия разума вне тела биологической энергии (может быть она освободиться и получит кры-

лья небесной свободы, а может нет), однако, пока дух закован в теле, ничего не мешает человеку наслаждаться своей биологической энергией, поставив под контроль разума (науки) свое здоровье. Толстой ведь так и пишет: мы должны «подчинить животную личность своему разумному сознанию». Маслоу замечает, что самоактуалы, как Толстой склонны к моногамии и совсем не склоны к «сексу ради секса», то есть к разврату: их особенной любви-дружбе (то, что Фромм называет истинной любовью и противопоставляет садомазохизму псевдолюбви) он посвящает отдельное исследование. Действительно, Бертран Рассел, другой пример человека мощной духовной энергии разума, будучи материалистом и проповедником свободной любви, все же пишет, что разврат, то есть секс ради секса — отвратительная смерть, и только любовь-дружба придает смысл биологической близости: он тоже четко разделяет любовь-дружбу и псевдолюбовь садомазохизма (я часто приводила его цитаты).

Биология человека такая же заурядная материальная энергия, как и поле Эгосистемы психики. Однако, для человека разница между ними большая: материальная энергия психики есть Зло, потому что это энергия — паразит (сорная трава), которая активна за счет ресурсов разумной и живой духовной энергии поля Интеллекта. Сама по себе энергия поля Эгосистемы — самая стандартная материальная энергия природы (материальные энергии — те, что детерминированы законами природы (пассивным интеллектом), а духовная энергия человека — та, что помимо пассивного интеллекта, обладает еще и активным интеллектом, мышлением), ее негативность для человека только в том, что она энергия-паразит его духовной истинной энергии.

Биологическая энергия человека — тоже самая стандартная материальная энергия, со стандартным циклическим гомеостазом (циклами равновесия и неравновесия, с циклами голода и насыщения, пищевым, тепловым, половым, кислородным голодом и насыщением). К счастью для человека, его тело, его биология не есть энергия паразит, и человек вполне может подчинить закономерности своей биологии научному контролю своей

духовной энергии. И тогда ничего не мешает ему быть «хорошим животным» и наслаждаться божьим миром во всем его великолепии.

Толстого не поняли, часто даже самые ему близкие по духу люди (как Чехов например), потому что он по понятным причинам еще не сумел разделить эти две материальные энергии: материальную энергию и психики и биологию человека. И свой гнев одинаково например на обе энергии, которые он определил как «животная личность» человека. В этом возможно недальновидность научного мировоззрения Толстого, однако, основу он указал правильно: разделение духовной и материальной энергий, и Снятие Эгозащиты для остановки материальной энергии психики. Ведь именно разросшийся сорняк поля Эгозащиты извращает и биологические потребности, о чем хорошо сказано у Фромма как о невротических ненасыщаемых потребностях. Запущенный паразит психики разлагает и духовную энергию человека и его биологию. И наоборот, избавиться от энергии паразита психики, значит восстановить не только духовное здоровье, но и телесное.

Толстой во всем самоактуал Маслоу, то есть самый здоровый человек с высоким развитием духовной энергии разума. А основная характеристика самоактуалов Маслоу как я старалась показать в своих научных работах по теории психической энергии в том, что у них отсутствует поле Эгосистемы энергии паразита психики. Потому они и здоровы, что их Дух освободился от материальной энергии психики! И если принимать этот факт во внимание понятно почему Толстой был абсолютным «Ясновидцем Добра», который мог обнаружить у себя только огромный запас Мощи Духа, и материальную биологию плоти, но не видел или плохо видел истинного врага — поле Эгосистемы психики, «Зло» в его истинном значении.

Совершенно иначе дело обстояло с Достоевским. И Мережковский прав, когда говорит, что если сравнивать его творчество с Толстым, то у первого акцент переносится в поле психики, в раздвоение между «богочеловеком и Человекобогом», как

определил эту борьбу сам Достоевский, то есть между истинным Я Духа и ложным Эго материальной энергии. Если Толстой, благодаря своему здоровью смутно различал поле Эгосистемы, то Достоеский благодаря своей шизоидности, своей гиперэстезии Гибрис Эго, даже слишком хорошо различал поле Эгосистемы. Да достаточно сравнить жизни Толстого и Достоевского, чтобы увидеть здоровье в одном случае и болезнь в другом.

Д.С Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Двойственность, — пишет он незадолго перед смертью в одном откровенном письме к неизвестной, но, кажется, очень близкой ему женщине, — двойственность — черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у вас. Вот и поэтому вы мне родная, потому что ***раздвоение*** (подчеркнутое самим Достоевским) в вас точь-точь ***как и во мне, и всю жизнь во мне было*** (подчеркнуто мною). Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение». И тут, как всегда, когда речь заходит о двойственности, о «двух правдах», о которых Черт говорит Ивану Карамазову, Достоевский не договаривает, как будто и ему, бесстрашному, страшно становится
> «У меня ужасный порок, — признается он брату, — неограниченное само-
> любие и честолюбие». «На днях Тургенев и Белинский разбранили меня за беспорядочную жизнь». — «Я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно я жить не могу, до того я беспутен»

Вот из этого внутреннего опыта раздвоения психического между истинным Я Богочеловка (Достоевский веровал в Христа) и ложным Эго Человекобога (обоготворение своего «своеволия») и рождается та интенсивная и напряженная умственная работа, цель которой разрешить наконец, которое Я — истинное и имеет право на существование, а которое ложное? Ведь непримиримый смертный антагонизм этих двух энергий Достоевский ощутил сразу и понимает, что останется только одна, и надо сделать выбор между ними. Мережковский замечает, что если Ницше в такой же ситуации становится на сторону Сверхчеловека, то Достоевский оказывается не романтиком, а истинным ученым, и уверено становится на сторону Богоче-

ловека, то есть истинного Я, духовной энергии разума человека.

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам Богом стал — есть
> нелепость, иначе непременно убьешь себя сам". Это говорит Кирилов. „Если
> есть Бог, то как же вынесу я мысль, что этот Бог не я». Это говорит Фридрих
> Ницше2 «Бога нет, Бог умер. И мы его убили. — Не должны ли мы сами обра-
> титься в богов? — ***Никогда не было совершено дела, более великого, и кто ро-***
> ***дится после нас, этим самым будет принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история***» Кто это говорит? Опять Кирилов? Нет, Фридрих Ницше. Но Кирилов почти дословно повторяет: «Тогда — новый человек, тогда — все но- вое. Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения Бога и от уничтожения Бога до перемены земли и человека физически», то есть, другими словами, до появления «Человекобога» — «Сверхчеловека».
> Не кажется ли иногда, что в князе Мышкине Достоевский любит и оправдывает себя; в Кирилове ненавидит и обличает себя, но и в том, и в другом — изображает себя, и что оба ему одинаково близки? Идиот и Кирилов — две стороны его собственного существа, два лица его — од- но явное, другое тайное? Кирилов — двойник Идиота?
> «Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего — Своеволие! Это все, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою»≫.
> Для Достоевского Кирилов — сумасшедший, «одержимый бесом», одним из
> тех «Бесов», которых еще Пушкин предчувствовал в русской природе:
> **То были *двух бесов* изображенья.**
> **Бесконечны, безобразны,**
> **В мутной месяца игре**
> **Закружились *бесы* разны,**
> **Точно листья в ноябре22.**
> Недаром эти именно пушкинские стихи взял Достоевский эпиграфом к своим «Бесам». Он исследовал в Кирилове, до каких чудовищных крайностей может дойти в русской природе, в русской душе последовательная диалектика безбожия»

Так рождается ученый психиатр, врач Достоевский, благодаря своему правильному выбору. Встал бы он подобно Ницше на сторону Человекобога вместо Богочеловека духовной энергии разума и — закончил бы как Ницше, полным помешательством. Ницше, который называл Достоевского своим великим учителем, не понял в нем главного, того почему Достоевский стал крупнейшим ученым и теологом своего времени, а он, Ницше, только безумным. Мережковский прав в том, что Достоевский в своем научном анализе психики соединяет науку и религию и, таким образом, возвращает науку Возрождения от эмпиризма назад к метафизике интеллекта. И здесь они с Толстым соединяются как соединяются все люди духовной энергии разума в Пространстве Интеллекта: Достоевский выводит своих Сверхчеловеков только чтобы показать что это Зло и Болезнь психики, и что истинное Я человека есть общее Я духовной энергии разума всего человечества. К единению в Христе, к торжеству истинной церкви призывает Достоевский также как и Толстой в конечном итоге.

Д. С. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Меня зовут психологом, — говорит он сам, — неправда, я лишь ***реалист в***
> ***ысьием смысле***, т.е. изображаю все глубины души человеческой».
> Естествоиспытатель, тоже иногда «в высшем смысле реалист» Не делает ли чего-то подобного и Достоевский — «реалист в высшем смысле» — в своих опытах с душами человеческими? В этих опытах иногда получает он состояния души человеческой столь же новые, кажущиеся невозможными,
> «неестественными», сверхъественными, как жидкость воздуха. Так называемая «психология^ Достоевского напоминает огромную лабораторию с тончайшими и точнейшими приборами, машинами для измерения, исследования, испытывания душ человеческих.
> В самом деле, что за странный писатель, с неутолимым любопытством «ко-
> пающийся» только в болезнях, только в самых страшных и позорных язвах души человеческой, вечно бередящий эти язвы, как будто не может или не хочет он говорить о другом. И что за странные герои — эти «блаженненькие», кликуши, сладострастники, юродивые, бесноватые, идиоты, помешанные. Может быть, это не столько ху-

> дожник, сколько врач душевных болезней, и при том такой врач, которому должно сказать: врач, исцелился сам? Может быть, это не столко герои, сколько собрание более или менее любопытных «клинических случев»?»
> Не в отвлеченных умозрениях, а в точных достойных современной науки
> опытах над человеческими душами показал Достоевский, что всемирно-историческая работа, начавшаяся с Возрождения и Реформации, работа исключительно научной, критической, разлагающей мысли, если не завершилась, то уже завершается, что эта «дорога вся ***до конца*** пройдена, так что дальше идти некуда», что не только Россия, но и вся Европа «дошла до какой-то окончательной точки и колеблется над бездною». Вместе с тем показал он, с уже почти совершенною, почти ***нашею*** ясностью сознания, неизбежный поворот к работе новой мысли — созидающей, религиозной»

2. СВЯТЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ И БЕЗУМНЫЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. РАЗРУШЕННЫЙ НАУЧНЫЙ КОНТРОЛЬ

Толстой пишет в своем философском трактате «О Жизни», что до раздвоения личности надо дорасти. «Непосредственный человек» по Достоевскому, «Толпа немыслящих людей» по Толстому, «Люди без рефлексии» по Кьеркегору не имеют сознания или очень низкий его уровень, и потому нераздвоенны. Чтобы увидеть свое «ложное Эго», свою «животную личность», своего «человеко-бога» нужно иметь развитую духовную энергию разума: «истинное Я», «разумное сознание», «Бого-человека» (согласно терминологии Кьеркегора, Толстого и Достоевского различавших духовную и материальную энергию психики).» Разумное сознание, незаметно вырастая в его личности, дорастает до того, что жизнь в животной личности становится невозможною», — пишет Толстой. Здесь важно обратить внимание на слова «незаметно дорастает» — действительно, интенсивность мысли приводит к развитию духовной энергии, и тогда истинное Я человека и ложное Эго его материальной энергии сталкиваются, и человек ощущает это как раздвоение.

Кьеркегор делает тот же акцент на различении «Людей непосредственных, лишенных рефлексии, лишенных сознания» и «Людей сознательных, людей с рефлексией». Достоевский очень четко проводит эту черту в «Записках из подполья» между непосредственными людьми и людьми сознания. Достоевский называет болезнью сильно развитое сознание и завидует «непосредственным людям», хоть и смеется над их глупостью. Кьеркегор понимает, что есть здоровое и больное сознание, и что отсутствие сознание у непосредственных людей тоже есть болезнь, которую он определяет как «отчаяние в отсутствии духа». В то же время болезнь «заблудшего сознания», как сказал бы Толстой, Кьеркегор определяет не как отсутствие духа, а как «отчаяние заблудшего духа», в точности как Толстой.

Толстой, Кьеркегор, Достоевский — примеры Святых Интеллигентов, которые прочувствовали раздвоение личности, когда их дух сильно развился вследствие мышления, и сделали правильный выбор между двумя энергиями психики — встали на сторону истинного Я духовной энергии, и определили ложное Эго материальной энергии как болезнь. Все они истинные христиане, ведь душа, как говорил Тертуллиан, по природе своей христианка.

Ницше, Наполеон — примеры Безумных Интеллигентов, которые тоже прочувствовали раздвоение своей личности, когда в них возрос дух, но сделали неправильный выбор в пользу своего Сверхчеловека, в пользу Ложного Эго материальной энергии. Мережковский, после долгих попыток соединить эти две антагонистичные энергии (он обвинял Толстого в отказе от Сверхчеловека, и Ницше в отказе от Христа, призывая соединить их), наконец, уверился в мудрости Толстого и Достоевского и сказал анафему Сверхчеловеку и Ложному Эго.

Ницше и Наполеон погибли в своем безумии также, как погибла вся античная шизоидная культура. Для юного только рожденного сознания то была неизбежная трагедия: ему предстояло и раздвоится по мере созревания интеллекта, и сойти с ума, запутавшись между «истинным Я» и «ложным Эго». И в конечном

итоге счастливо найти «истинное Я» в открытии психической энергии, которому столько мыслителей и религиозных деятелей содействовали со времен первого осевого времени.

Однако, до этой счастливой развязки еще далеко. Толстой был прав в своем праведном гневе, когда проклинал лже-науку дарвинизма, уничтожившую истинное знание, которое копилось со времен первых этических религий и вернуло человечество к «допотопному невежеству». Действительно, сегодня поражение истинной науки и победа дарвиновской парадигмы привели к тому, что Сверхчеловек Ницше (который как известно есть дарвинист, мост между обезьяной и человеком), утвердился в учебниках, в литературе и искусстве как идеал для подражания, низвергнув с алтаря духовную энергию разума, того Бого-человека, которого защищает философия рационализма, этические религии, гуманистическая психологи и русская литература, словом истинная наука.

Сегодня Франция гордится ни Людовиком Святым, Ренаном и Роменом Ролланом, ни Французской Революцией, а Наполеоном, спрятанным, подобно игле Кощея, в пяти золотых гробах и Версалем Людовика Солнца. Сегодня Англия гордится ни великими просветителями Локком и Сиднеем, ни революцией Мильтона и Кромвеля, ни Миллем и Спенсером, ни Расселом и Тойнби, ни Оруэллом и Уеллсом, а членами королевской династии и Дарвиным. Сегодня в Америке проиграла демократия, и память Линкольна и Рузвельтов, Кеннеди и Шлезингера предана поруганию в угоду кумирам консерваторов и спецслужб — Никсону, Рейгану, Киссинджеру, Бушам и др. Сегодня в России память Толстого, Достоевского, Чехова, Герцена, Кропоткина, Хрущева, Солженицына и Горбачева предана поруганию в угоду кумирам консерваторов и спецслужб: Ивану Грозному и Сталину, Берии, Андропову и др. Сегодня в Израиле гордятся не Исайей, Христом, Филоном, Спинозой, Эйнштейном, Маслоу, Фроммом и Милграмом, а по прежнему «книжниками и фарисеями». Такова реальность потерпевшей поражение истинной науки, и победившей лже-науки дарвиновской парадигмы.

Вот этот элемент шизоидного раздвоенного, больного сознания вследствие лже-науки своего времени и запечатлен в духовном анализе «психиатрии» Достоевского. Здесь важно отметить нежизнеспособность шизоидного сознания: и шизоидные личности и целые шизоидные культуры, как мы видели в античности, обречены на погибель. «Заблудший дух» не есть сила Зла, ибо он обречен на смерть. Он обречен на смерть потому что «истинное Я» лишено научного контроля, и потому что «ложное Эго» лишено физического контроля, ведь это сломанный циклический гомеостаз. Нельзя быть «сверхчеловеком» всерьез, только в оторванных от жизни формально-логических построениях шизоидов.

Что же такое истинная сила Зла с точки зрения энергетики и теории психической энергии? Видимо, это нормально функционирующий циклический гомеостаз (не сломанный формальной логикой шизоидов) поля Эгосистемы. Э. Кречмер, известный немецкий психиатр, в этой связи различал шизоидов и циклоидов, здоровых людей, где первые склонны к психозам шизофрении, а вторые к психозам маниакально-депрессивным.

Шизоиды по Кречмеру обладают «Гиперэстезией» — сверхчувствительностью, и склонны к высокой абстракции мысли и к построению формально-логических систем (рост сознания, часто заблудшего от лже-науки); в то же время шизоиды движутся не циклически, а «толчками» (Кречмер подчеркивает, что у них сломан циклический гомеостаз).

Вот этот тип героев преобладает в книгах Достоевского, очевидно шизоида как все люди одаренные высокой способностью к абстрактной мысли, и борющегося со своим «болезненным сознанием» ложного Эго (Сверхчеловека). И здесь мы наблюдаем ту «гиперэстезию» шизоидов, о которой писал Кречмер: исключительную чувствительность героев Достоевского, при чем одинаково на поле истинного Я (совестливость) и на поле ложного Я (тщеславие, самолюбие). Вот эта суть раздвоенности между острой болезненностью обоих полей — между совестливостью и самолюбием тщеславия, наряду с рефлексией на тему которое

из двух Я правильное (совесть христианства или Сверхчеловеки –наполеоны) и составляют содержание большинства его «психиатрических романов. Эти романы отражают «самоубийство разума» нашего времени победившей лже-науки. Духовная энергия разума уничтожена вместе с уничтоженным научным контролем, так что Святые Интеллигенты Достоевского либо юродивые, наподобие князя Мышкина, либо старцы-отшельники вроде Зосимы и Алеши Карамазова — нет активности здоровой энергии. А Безумные Интеллигенты Достоевского заканчивают либо на каторге, подобно Раскольникову, либо настоящим безумием подобно Ивану Карамазову. И в этом правда — энергия разума разрушена лже-наукой. Вот почему Толстой сосредоточил весь свой гнев на лже-науке, а его поняли так, что он отрицает разум и науку.

Однако, если лже-наука уничтожила и истинное Я интеллигентов (духовную энергию психики), и ложное Эго интеллигентов (материальную энергию психики), то что же такое зло в нашем мире, и почему оно сильно сегодня как никогда? Почему приходится говорить и подчеркивать, что Добро — это Сила и Красота, тогда как Зло — это Ничтожество и Вонь? Почему это не самоочевидно? Как могло случиться, что Зло в современном мире победило?

Ответ очень простой: лженаука мешает только интеллигентам, которые мыслят, зато в «толпе немыслящих людей» находится очень много таких, кто извлекает огромные выгоды из разрушенного научного контроля (а следовательно Силы Добра) в обществе. Материальная энергия психики в норме не нуждается в интеллекта, в логике — тем она и материальная, что ее закономерности срабатывают спонтанно, бессознательно, и не имеют никакого отношения к мышлению, к активному интеллекту. Напротив, мышление, когда оно вторгается на поле Эгосистемы разрушает это поле. Ведь в чем сущность циклического гомеостаза материальной энергии? Как работают циклы равновесия-неравновесия этой энергии? Известно, что дикари (первобытное мышление абориген) имеют абсурдное представ-

ление о мире: в основе их мотивации «страх сверхъестественных сил». Действительно, если Эго и СуперЭго есть силовое поле этой силы, образованное физическим контролем закона сохранения силы психики, то оно и будет тем кривым зеркалом, которое искажает восприятие: чувственное восприятие себя и всего прочего мира как «загрузки Эго и СуперЭго», то есть как двух противоположных сил (ведь эго и суперэго — противоположные полюса силового поля). И эти загрузки будут таким образом количественной абстракцией силы (не забываем, что так работает физический контроль закона сохранения силы), и Дюркгейм именно это доказывает в своем исследовании сознания дикарей: они абстрагируют всю действительность в количественную абстракцию силы, а Леви-Брюль говорит, что в результате «страх сверхъестественных сил» в основе мотивации дикарей. Понятно, что «сверхъестественными» они стали в результате искажения в чувственном восприятии в количественную абстракцию, и что страх — результат противостояния Эго и СуперЭго на силовом поле психики. Этот страх есть «голод» материальной энергии психики, ее «неравновесие», и как всякое «Неравновесие» материальное энергии оно циклично, то есть не может перейти в стабильное равновесие — ведь именно движение от неравновесия к равновесию и есть функционирование материальных энергий. Если достигнет стабильное равновесие, то энергия перестанет существовать (только духовная энергия разума существует на стабильном равновесии и не имеет циклического движения).

Значит «неравновесие» материальной энергии психики, то есть ее голод, ее боль, ее страх сверхъестественных сил — ненасыщаемы, и постоянно воспроизводятся (и будут воспроизводится пока Эго и СуперЭго — кривое зеркало в восприятии мира).

Страх (неравновесие) рождает два притяжения: Влюбленность (если Эго отражено как меньше СуперЭго), и Самолюбие (если Эго отражено как больше СуперЭго). И когда у разных людей эти два различных притяжения встречаются — Самолюбие одного и Влюбленность другого — у них на время спадает

интенсивность страха, возникает ощущение силы, у одного от власти, у другого от подчинения чьей то власти. Или например, аборигены «Влюблены» в тотемы» и поклоняются им или «Самолюбивы» когда считают себя всесильными колдунами. Или люди в нашем мире поклоняются авторитетам, они в них «влюблен» а авторитеты «самолюбивы» — то есть это две стороны одной медали. И Самолюбие и Влюбленность — суть два притяжения одного циклического гомеостаза материальной энергии, то есть ничтожество, тогда как Самолюбие считает себя всесильными, а «влюбленных» — рабами». Это существо циклического гомеостаза: садомазохизм временных равновесий Самолюбия-Влюбленности, господства и подчинения, насилия и раболепия. Это циклические переходы людей с позиций власти на позиции подчинения в зависимости от положения на социальной лестницы и обстоятельств: кто сильнее, тот и власть. В этом суть физического контроля: здесь нет никакой этики, только победители и побежденные, и садомазохизм господства-подчинения, переходов с притяжений Влюбленности на притяжения Самолюбия и обратно -гарантирует бесперебойную работу этих циклов.

Когда логика вторгается на поле Эгосистемы, она ставит себе задачу раз и навсегда подчинить мир (СуперЭго) своему Эго, и какой-нибудь философией наподобии Ницше или маркиза де Сада доказывает вечный примат Эго над СуперЭго логически. Ну и понятно, разрушает циклический гомеостаз: теперь нельзя больше перейти с позиции Самолюбия (Власти, Господства) на позицию Влюбленности (подчиненности, слабости) ни при каких обстоятельствах. Этот сломанный циклический гомеостаз и объясняет гиперэстезию шизоидов (сверхчувствительность самолюбия): ведь теперь «удары по Эго» закон сохранения силы чувствует особенно остро, нельзя увернуться на позицию Влюбленности и сохранить Эго в новом статусе. Появляется феномен «убитого Эго» оскорблением, унижением «ударом по Эго» — и это разрушает психику, ведь закон сохранения силы в основе психики человека. В данном случае речь о физическим контро-

ле закона сохранения силы психики (не путать с научным контролем этого закона у духовной энергии разума).

В этом разгадка психоза шизофрении, к которой никто не мог приблизиться до Открытия Психической энергии: закон сохранения силы взрывает поле духовной энергии разума, тогда как при маниакально-депрессивных психозах циклоидов поле духовной энергии просто истощается под автоматизмами Эгозащиты (вот почему шизофрения необратима, а маниакально-депрессивные психозы дают лучший прогноз). И заметьте, и те и другие психозы неорганического происхождения происходят от одного Зла — активном поле Эгосистемы, разлагающего поле Интеллекта духовной энергии. Вот почему здоровые люди Маслоу (самоактуалы) — это те, у кого активность поля Эгосистемы сведена к минимуму или вообще нейтрализована их разумом (пока только единицы, в основном гении мысли).

Таких проблем не возникает у нормально функционирующего циклического гомеостаза поля Эгосистемы: у него нет ни формальной логики, которая логически доказывает примат Эго, ни гиперэстезии самолюбия, ни «убитого Эго». Хотя механизм «ненасыщаемости» страха и следовательно мотивации боли сохраняются.

Следует однако различать, людей, которые преимущественно на притяжении Самолюбия и людей, которые преимущественно на притяжении Влюбленности. Первые — это хитрецы, которые ценой коварства, лжи и обмана, насилия и преступлений удерживают свое господство. Вторые — это как правило обычные люди, которые ничего не знают о своей «раздвоенности» за счет низкого сознания, и в основном чисты душой, но страх поля Эгосистемы живет в них, и «рабская натура» всегда готовая подчиниться господам сказывается автоматически. Это те самые крестьяне Толстого, которых он уважал за эту простоту души и старался излечить от поля Эгосистемы Азбуками, Грамматиками, Рассказами и книгами для чтения. И напротив, Господа Самолюбия делают все, чтобы удержать простой народ в черном теле невежества, чтобы сохранить в них «рабскую на-

туру», автоматизмы садомазохизма господства-подчинения, и Толстой много писал об этом («Царство Божие внутри вас»).

Итак, мы говорим, не обо всем нормально функционирующем циклическом гомеостазе поля Эгосистемы, а именно о людях, которые научились оставаться на позиции Самолюбия (насилия, которое они ощущают как силу). Понятно, что те у кого есть Самолюбие есть и Влюбленность — это части единого циклического гомеостаза, но одни научаются хитростью больше оставаться на Верхней Эгозащите (Самолюбии), другие, простые люди чаще остаются на притяжении Влюбленности (способны почувствовать и «барское» Самолюбие при случае, эти два притяжения суть один механизм).

Вот о людях, которые хитростью и насилием научились поддерживать в себе тщеславие притяжения Самолюбия и идет речь в «Записках из Подполья» Достоевского. Еще лучше о них сказано в «48 законов Власти» Р. Грина, в «Искусство Соблазнения» Р. Грина. В знаменитом «Государе» Макиавелли, в «Как бы поступил Макиавелли?» Стенли Бинга. Важно понимать, что сегодня Власть принадлежит именно этим людям, — невежам, не знающим ничего кроме хитрости, лжи и лицемерия. Интеллект, наука себя компрометировали и разрушили в лженауке, и потому они абсолютно инертны и бессильны, и выведены у Достоевского как святые отшельники или святые «идиоты». Люди Тьмы, Люди Подполья сегодня самая большая и реальная Власть в мире, где победил Физический контроль поля Эгосистемы. И не потому они Люди Тьмы и Подполья, что как Подпольный Достоевского бедны, а потому, что как Подпольный они «заявили своеволие» всему миру в Тщеславии своего Самолюбия, и этим раз навсегда противопоставили себя людям. Если цель Бого-человеков Толстого и Достоевского — всемирное единение в духовной энергии разума, то цель Подпольных — противопоставление себя всему роду людскому в Своеволии своего Тщеславия. Наконец, такое противопоставление означает беспощадную войну, насилие, ложь, интриги, козни, издевательства, «зло ради самого зла» Самолюбия Тщеславия.

В этом и состоит сущность Людей Тьмы — людей лжи, людей грязи, людей зла.

3. ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОСТОЕВСКОГО. СЕКРЕТНЫЕ СЛУЖБЫ ПОДПОЛЬЯ И СИЛА ЗЛА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Переходя к обсуждению «Подполья» Достоевского, сразу надо заметить, что я, конечно же, рассматриваю этот образ подполья, как прозрение художника в личность негодяя, и ни в коем случае, не ассоциирую его с самим автором (есть и такие точки зрения). Всем известно мировоззрение Достоевского, его глубокая религиозность, его борьба за победу всемирной церкви как Града Божьего (и дневники писателя, и Мережковский, и В. Соловьев дают прекрасный обзор религиозного мировоззрения Достоевского). «Трагизм подполья, — говорит сам Достоевский, — в его уродстве».

И хотя Достоевский впихивает в рассуждения Подпольного свое неприятие дарвинизма (как всякий умный человек, Достоевский видел абсурдность дарвинизма), тема Подпольного вовсе не критика лженауки, как у самого Достоевского и Толстого. Тема Подпольного отрицание науки вообще, что есть прямо противоположная позиция критике лженауки — ведь критика ложной науки происходит только из понимания важности настоящей науки! Подпольный не против только дарвинизма, Подпольный против «законов природы» вообще, и даже против просто логики «дважды два пять тоже премилая вещица»). Его цель не утвердить истинный научный контроль разума, его цель утвердить свое «Своеволие» вопреки всякому разуму. То есть стандартная позиция физического контроля Эгозащиты.

В чем отличие «Своеволия» физического контроля поля Эгозащиты от Свободы истинного Я духовной энергии разума? «Своеволие» есть глупость претензий на «всесилие», которое доступно только Творцу, установившему законы природы, и такое «Своеволие», как пишет Кьеркегор, неминуемо ведет к поте-

ре всякой свободы и к рабству, потому что нельзя противостоять законам природы, нельзя противостоять воле Господа (да будет воля твоя как на земле так и на небе), а «своеволие» Эгозащиты и есть такая «сатанинская упертость против Бога», как пишет Кьеркегор. И потому эти «цари без царств» теряют настоящую свободу, данную человеку Господом в его способности мыслить, в научном контроле: относительную свободу контроля законов природы и доступа к силе природных энергий. Или, говоря словами Спинозы, «свободу как осознанную необходимость».

Ф. Достоевский, «Записки из Подполья»:

> «Вы кричите мне (если только еще удостоите меня вашим криком), что ведь тут никто с меня воли не снимает; что тут только и хлопочут как-нибудь так устроить, чтоб воля моя сама, своей собственной волей, совпадала с моими нормальными интересами, с законами природы и с арифметикой.
> — Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!
> Одним словом, человек устроен комически; во всем этом, очевидно, заключается каламбур.
> Но дважды два — четыре — все-таки вещь пренесносная. Дважды два четыре– ведь это, по моему мнению, только нахальство-с. Дважды два четыре смотрит фертом, стоит поперек вашей дороги руки в боки и плюется. Я согласен, что дважды два — четыре — превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два — пять — премилая иногда вещица».

В этой дьявольской упертости против Истины за свое «Своеволие» (ложное Эго поля Эгосистемы материальной энергии) и состоит вся грязь, ничтожество и подлость «подполья» человеческого, из которого вырастает все зло социальное. «Ваш отец диавол, — говорит Христос, — он не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». Дьявол говорит «свое», как Подпольный Достоевского, а Иисус подчеркивает, что никогда не говорит «свое», но правду «пославшего Его», правду «Отца», ибо его правда есть законы природы, установленные интеллектом.

С. Кьеркегор, «Болезнь к смерти»:

> «отчаяние, когда желают быть собою, — самое насыщенное и сгущенное из всех, — это отчаяние демоническое. ...он желает этого в ненависти к существованию и сообразно своему несчастью. И это Я — он привязан к нему даже не вследствие восстания или вызова, но чтобы предать Бога; он желает не вырвать в своем восстании это Я у силы, которая его и создала, но навязать его данной силе, приковать его к ней насильно, сатанически упереться против нее»

Правда в том, что сегодня эти «короли без королевств» победили благодаря лженауке, благодаря инерции Силы Добра и разрушенному научному контролю, и теперь они вполне себе «короли с королевствами». Однако, это эти королевства те «Истуканы на глиняных ногах» из Книги Даниила. Достаточно одного камня — истинного знания законов природы в Открытии психической энергии — чтобы они разрушились. И они знают об этом и все свои усилия сосредоточили на войне с наукой вообще, и на войне с Открытием психической энергии в частности. Достоевский изображает Подпольного нищим и ничтожным, как подобает Злу, но он не видит какие «истуканы на глиняных ногах» настроит победившее Подполье на развалинах Научного контроля, к разрушению которого так стремится его герой. Главная тема Подполья Достоевского — ненависть его героя к науке, и его решимость противопоставить науке свое «Своеволие». Кириллов в «Бесах», другой герой Подполья, говорит что нашел наконец имя своему богу, тому богу который разрушил Евангелие — «Своеволие». Верно, поле Эгозащиты и есть имя дьявола.

Ф. Достоевский, «Записки из Подполья»:

> «Невозможность — значит каменная стена? Какая каменная стена? Ну, разумеется, законы природы, выводы естественных наук, математика. Попробуйте возразить.
> «Помилуйте, — закричат вам, — восставать нельзя: это дважды два —
> четыре! Природа вас не спрашивается; ей дела нет до ваших желаний и до
> того, нравятся ль вам ее законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее

так, как она есть, а, следственно, и все ее результаты. Стена, значит, и есть
стена... и т. д. и т. д.». Господи боже, да какое мне дело до законов природы
и арифметики, когда мне почему-нибудь эти законы и дважды два — четыре
не нравятся?

...а что, господа, не столкнуть ли нам все это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к черту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что ведь непременно последователей найдет: так человек устроен. И все это от самой пустейшей причины, об которой бы, кажется, и упоминать не стоит: именно оттого, что человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а
иногда и *положительно должно* (это уж моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий
каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до
сумасшествия, — вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от
которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту. И с чего это
взяли все эти мудрецы, что человеку надо какого-то нормального, какого-то
добродетельного хотения? С чего это непременно вообразили они, что
человеку надо непременно благоразумно выгодного хотенья? Человеку
надо — одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта
самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела.

...Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой, единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых хоть и играют
сами законы природы собственноручно, но грозят до того доиграться, что
уж мимо календаря и захотеть ничего нельзя будет. Да ведь мало того: даже

> в том случае, если он действительно бы оказался фортепьянной клавишей,
> если б это доказать ему даже естественными науками и математически, так
> и тут не образумится, а нарочно напротив что-нибудь сделает, единственно
> из одной неблагодарности; собственно чтоб настоять на своем. А в том
> случае, если средств у него не окажется, — выдумает разрушение и хаос,
> выдумает разные страдания и настоит-таки на своем! Хорошо ли, дурно ли, но разломать иногда что-нибудь тоже очень приятно. Я ведь тут, собственно, не за страдание стою, да и не за благоденствие. Стою я... за свой каприз и
> за то, чтоб он был мне гарантирован, когда понадобится».

Бунт «Своеволия» против Разума и Науки разрушит в конечном итоге и разум и науку — велико прозрение Достоевского. А. Камю называет этот бунт против разума «самоубийством разума» в «Бунтующем человеке». Бунт «Своеволия» разрушит науку в Английским эмпиризме Юма и Дарвина, который отменил законы природы; в Немецком идеализме Канта, Фихте и Гегеля, в философии Сверхчеловека Ницше, во Французском экзистенциализме Сартра, в Дендизме Анри Бретона, который Камю характеризует в точности как Кьеркегор «дьявольской упертостью против Бога); в диалектическом материализме Маркса и Ленина, заменившей законы природы «диалектикой» Своеволия Гегеля. Об этом бунте Своеволия против Разума и Науки – трагедии ситуации современного человечества — выдающиеся книги Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов», А. Камю «Бунтующий человек», А, Финкелькраута «Поражение разума», Дж. Оруэлла «1984», Б. Рассела «Влияние науки на общество.

Главное, что отличает Подпольного (как циклоида) от Раскольникова (как шизоида) — это иррационализм, намеренный отказ логики, ведь нормальное, хорошо функционирующее поле Эгосистемы шарахается от интеллекта и боится всякой логики. «Дважды два четыре — это хорошо, говорит Подпольный, а вот дважды два пять — тоже премилая вещица». Если «Рас-

кольников отточил свою казуистику как бритву», то Подпольный напротив отказывается мыслить логически. Если совесть Раскольникова дымится под тяжестью осознанного греха, будучи живой совестью, то совесть Подпольного — мертва, он делает «зло ради зла» и это есть его «сладострастие», его «наслаждение».

В. Соловьев, «Первая речь о Достоевском»:

> «Во имя своего личного превосходства, во имя того, что он сила, он считает себя вправе совершить убийство и действительно его совершает. Но вот вдруг то дело, которое он считал только нарушением внешнего бессмысленного закона и смелым вызовом общественному предрассудку, — вдруг оно оказывается для его собственной совести чем-то гораздо большим, оказывается грехом, нарушением внутренней, нравственной правды. ...этот внутренний грех самообоготворения может быть искуплен только внутренним, нравственным подвигом самоотречения. Беспредельная самоуверенность должна исчезнуть перед верой в то, что больше {себя}, и самодельное оправдание должно смириться перед высшей правдой Божией»

Достоевский понимает, что любое Зло, любое Своеволие упертое против Бога есть болезнь и слабость, и что всякая душа в основе своей имеет «святой дух» разума. Потому прозрение его как художника и как ученого в душу человека абсолютно. «Раздвоенность» его шизоидов –наполеонов между совестью и «своеволием», их грех в попытках найти себя в «своеволии», и тяжелая боль истинного Я совести в конце — все правда, все истинная наука законов психической энергии. Известно, что и с Подпольным он первоначально определил стандартную развязку — выход из подполья к единению с людьми во Христе. Однако, цензура вырезала эту развязку, и Достоевский, расстроенный сначала, потом отказался восстанавливать вырезанную часть. Видимо понял своим гениальным прозрением ученого и художника, что есть такая болезнь Своеволия, которая не ведет к раздвоению сознания, к страданию совести, к поискам здоровья в раскаянии, потому что Совесть Мертва. Действительно, большинство психопатий характеризуются омертвением со-

вести. И отказавшись вести Подпольного путем раздвоенных шизоидов к раскаянию, Достоевский закончил облик истинного злодея нашего времени: нераздвоенного искателя зла ради зла, мертвую совесть с богом «Своеволием», упертым против истины, науки, против духовной энергии разума и совести человечества.

Ф. Достоевский, «Записки из Подполья»:

> «Там, в своем мерзком, вонючем подполье, наша обиженная, прибитая и осмеянная мышь немедленно погружается в холодную, ядовитую и, главное, вековечную злость.
> ...Когда к столу, у которого я сидел, подходили, бывало, просители за справками, — я зубами на них скрежетал и чувствовал неутолимое наслаждение, когда удавалось кого-нибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частию все был народ робкий: известно — просители.
> ...Давно уже предчувствовал я, что перевернул всю ее душу и разбил ее сердце, и, чем больше я удостоверялся в том, тем больше желал поскорее и как можно сильнее достигнуть цели. Игра, игра увлекла меня; впрочем, не одна игра
> ...Но теперь, достигнув эффекта, я вдруг струсил. Нет, никогда, никогда еще я не был свидетелем такого отчаяния! Она лежала ничком, крепко уткнув лицо в подушку и обхватив ее обеими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тело ее вздрагивало, как в судорогах. Спершиеся в груди рыдания теснили, рвали ее и вдруг воплями, криками вырывались наружу.
> ...Я стыдился (даже, может быть, и теперь стыжусь); до того
> доходил, что ощущал какое-то тайное, ненормальное, подленькое наслажденьице возвращаться, бывало, в иную гадчайшую петербургскую ночь к себе в угол и усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротишь, и внутренне, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась, наконец, в какую-то позорную, проклятую сладость и, наконец, — в решительное, серьезное наслаждение! Да, в наслаждение, в наслаждение! Я стою на том. Я вам объясню: наслаждение было тут именно от слишком яркого сознания своего унижения.
> ...Ну так вот в этих-то всех сознаниях и позорах и заключается сладострастие. «Дескать, я вас беспокою, сердце вам надрываю, всем в доме спать не даю. Так вот не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болят.

> Вам скверно слушать мои подленькие стоны? Ну так пусть скверно; вот я
> вам сейчас еще скверней руладу сделаю...»
> ...я очень хорошо понимаю, как иногда можно единственно из одного тщеславия наклепать на себя целые преступления, и даже очень хорошо постигаю, какого рода может быть это тщеславие»

Достоевский очень точно рисует несложный механизм циклического гомеостаза поля Эгозащиты — садомазохизма Самолюбия-Влюбленности, и в неспособности к искреннему общению и дружбе, и в потребности власти, и в наслаждении и насилием и унижением одновременно, и в постоянной тяге к «развратишку», и в потребности причинять людям боль, «зло ради зла», и наконец, в потребности высмеивать все настоящее, все добродетельное, — совесть, сочувствие, дружбу человеческую.

Ф. Достоевский, «Записки из Подполья»:

> «Так знай же, знай, что я тогда смеялся над тобой. И теперь смеюсь. Чего ты дрожишь? Да, смеялся! Меня перед тем оскорбили, надо же было обиду на ком-нибудь выместить, свое
> взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся. Меня унизили, так и я хотел унизить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотел показать...
> Власти, власти мне надо было тогда, игры было надо, слез твоих надо было добиться, унижения, истерики твоей — вот чего надо мне было тогда!
> Без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить... Но... но ведь рассуждениями ничего не объяснишь, а, следственно, и рассуждать нечего.
> Был у меня раз как-то и друг. Но я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его душой; я хотел вселить в него презрение к окружавшей его среде; я потребовал от него высокомерного и окончательного разрыва с этой средой. Я испугал его моей страстной
> дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся
> душа; но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, — точно он и нужен был мне только для одержания над
> ним победы, для одного его подчинения. Но всех я не мог победить»

Сегодня, после победы Бунта Своеволия против Разума, после разрушенной науки, Подполье, которое Достоевский пытался представить, как «уродство и грязь гаденьких» чертей упертых против Бога, это же Подполье прославляется и его техника «зла ради зла», «развратишка», и войны против совести и дружбы значительно развились. Возьмите, например книги Р. Грина: «48 законов Власти». Там он объяснит вам, что этики, нравственности нет на свете, что люди делятся на волков и овец, надо становится «силой», волком, что надо использовать дурачков, которые видят в людях совесть и дружбу против них самих, надо приносить в жертву самого невинного, надо воровать чужой труд, надо лгать во всем, и надо своей ложью и издевательствами «соблазнять», разрушать волю других людей. Это Грин называет Властью. Самое страшное, что именно эта Власть сегодня победила — Власть физического контроля. И именно об этих людях писал Достоевский, как о людях Подполья.

У Достоевского все таки чувствуется тон сарказма, от чего его злодей какой то ненастоящий, какой то из тех, что должен раскаяться и встать на путь истинный — ведь Достоевский писал для того, чтобы показать образ Зла и уничтожить этим Зло: пролить Свет на Тьму, пролить Свет разоблачения разумом Подполье варварства, грязи Своеволия лжи. Однако, есть писатели которые показывают образ Подпольных совсем с другой целью — хвалить, утверждать Зло. Таков Р. Грин, он очень серьезен в своей пропаганде «Власти» Подпольного человека Тьмы, колдующего свои мерзости Своеволия из лжи и интриг грязного Подполья. Если сравнить работу Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли» с работами Р. Грина, то очевидно, что и Стенли Бинг подобно Достоевскому, не прославляет, а изобличает своих героев «государей», заявивших Своеволие в современном мире демократии и капитализма.

Другое дело работы В. Набокова в его пропаганде самого отвратительного «развратишка», где нет ни следа раздвоенности живого сознания, возмущенного полем Эгосистемы — совесть его героев мертва. Неслучайно Набоков так ненавидит Толстого

и Достоевского. Гайто Газданов, его главный оппонент, выступивший защитником Толстого и Достоевского в эмиграции, вывел его образ в Александре Вольфе (роман был экранизирован в Америке), и главная черта которую он придает там Набокову — это мертвенность. Эта мертвая совесть — отличительная черта всех истинных злодеев, мертвая совесть и иррациональность, ибо поле Эгосистемы есть материальная энергия, и ее первый враг — Интеллект, который разрушает материальную энергию психики.

Перестали ли они быть Подпольем, людьми Тьмы с тех пор как, разрушив науку, они вскарабкались по горам человеческих трупов на вершины Власти своих Левиафанов? Ведь после победы науки в Возрождение и Реформацию, когда вторично после античности были разрушены Левиафаны Власти физического контроля, разрушенная дарвинизмом наука вновь привела к победе варваров физического контроля, и Левиафаны воспрянули пуще прежнего, — Гитлер, Муссолини, Сталин, а теперь Путин, и победа консерваторов во всем мире. Монархии нагло заявляют свое «Своеволие» в мире, где цивилизация родилась только путем разрушения Левиафанов самодержавия.

Напротив, Подполье теперь легализировалось и получило статус самых важных государственных институтов — Службы Безопасности или Секретные, то есть Подпольные Службы. И ничего в этих службах не изменилось со времен описанного Достоевским Подполья, как можно видеть и из истории деятельности КГБ и ЦРУ, двух врагов зеркально отражающих друг друга в служении Злу, Насилию, Мертвой Совести, и из книг Р. Грина, официального советника правительственных партий Америки. Солженицын, который раскрыл в Архипелаге- ГУЛАГе принципы Подполья КГБ, пишет, что диалектический материализм, дарвинизм Советов, окончательно разрушив разум и совесть духовной энергии, создали идеологию Зла, где «целесообразность» для тех, для кого власть есть насилие, заменила все соображения человеческой совести и этики.

В чем Секретность современного Подполья Служб Безопасности? Она осталась прежней, еще той, с которой с таким отчаянием воевал Толстой, обличая Царское Самодержавие в «хуле на святого духа», в использовании православия для «одурения» народа, для подчинения их преступной власти Насилия Подполья. Суть этого «одурения», как признается это современное подполье в работах Г. Грина в том, чтобы разбивать духовную энергию разума людей, и в то же время стимулировать садомазохизм Самолюбия-Влюбленности материальной энергии. Это гарантирует Власть Подполья, Власть Людей Тьмы, Власть Своеволия и каприза варваров, лжецов, и негодяев с мертвой совестью. Стенли Бинг пишет в «Как бы поступил Макиавелли»: «на какой вы ступени эволюции? Вы еще не избавились от совести?». Действительно, прогрессом эволюции согласно теории Дарвина, который в «Происхождении человека» утверждает, что люди совестливые не выживают, прогрессом такой эволюции является мертвая совесть. Преуспеть в жизни можно только с мертвой совестью. И вот новые Сверхчеловеки Дарвина, для которых, как для Ницше «Сочувствие — последний грех», ставят своей целью абсолютный цинизм и прогресс в омертвении совести. Вся грязь, вся подлость, весь разврат и отупение животных, вся ложь и все лицемерие, все невежество и вся мертвая совесть Антихристов Неронов воскресла сегодня в обновленных и возродившихся Левиафанах. И это те самые легализованные институты Подполья — секретные Службы Безопасности стоят на страже самодержавия и Своеволия Антихристов этих Левиафанов. Возьмите например Антихриста Путина. Разве все что он говорит не резюмируется в словах Подпольного «дважды два пять тоже премилая вещица»? Это образец Физического контроля Насилия, образец Своеволия упертого против разума, науки и Бога, образец мертвой совести, уничтожающего целый народ и целую страну для капризов развратишка. Эта его отсутствие логики, это надергивание фактов из истории с тем, чтобы оправдать грязь и подлость Подполья, — во всем это безукоризненный образец Своеволия, ерничающего над разумом, наукой и совестью человеческой.

Вот что говорит Достоевский о победе физического контроля поля Эгосистемы (как о победе людей непосредственных над людьми с развитым сознанием):

Ф. Достоевский, «Записки из Подполья»:

> «Ничего они не понимали, никакой действительной жизни, и, клянусь, это-то и возмущало
> меня в них наиболее. Напротив, самую очевидную, режущую глаза действительность они принимали фантастически глупо и уже тогда привыкли поклоняться одному успеху. Все, что было справедливо, но
> унижено и забито, над тем они жестокосердно и позорно смеялись. Чин
> почитали за ум; в шестнадцать лет уже толковали о теплых местечках.
> Конечно, много тут было от глупости, от дурного примера, беспрерывно
> окружавшего их детство и отрочество. Развратны они были до
> уродливости.
> ...Одним словом, все можно сказать о всемирной истории, все, что только
> самому расстроенному воображению в голову может прийти. Одного только нельзя сказать, — что благоразумно.
> ...Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам все наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон, —
> и великий и теперешний. Вот вам Северная Америка — вековечный союз.
> Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация выработывает в человеке только
> многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через
> развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что
> отыщет в крови наслаждение. Ведь это уж и случалось с ним. Замечали ли
> вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые
> цивилизованные господа»

ГЛАВА 5. МЕРЕЖКОВСКИЙ: «ГОГОЛЬ И ЧЕРТ»

1. Раздвоенность сознания у Гоголя

2. Пошлость первобытного сознания. Страх сверхъестественных сил

3. Чертово марево мертвой энергии. Мертвые Души.

1. РАЗДВОЕННОСТЬ СОЗНАНИЯ У ГОГОЛЯ

Как Павел и Августин, как Толстой и Достоевский, как Кьеркегор и Мережковский — Гоголь остро чувствует раздвоенность своего сознания. Эта раздвоенность говорит как о хорошем, так и о плохом: только здоровые самоактуалы Маслоу в тяжелой борьбе с полем Эгосистемы побеждают его — гении разряда Спинозы, Эйнштейна, Толстого, Рассела — и не чувствуют более раздвоения, потому что здоровы. Или же не чувствуют раздвоения законченные психопаты с мертвой совестью поля интеллекта, потому что у них обратная ситуация: сильно развившееся поле Эгосистемы истощило поле духовной энергии. Есть еще третий случай, когда не чувствуют раздвоения: «Непосредственные люди», как говорит Достоевский, или «люди без рефлексии», как говорит Кьеркегор, у которых слабо развито сознание и они живут преимущественно биологическими инстинктами и бессознательными импульсами.

Раздвоенное же сознание говорит во первых о мощном развитом сознании: тот у кого духовная энергия разума не развита и кто живет автоматизмами поля Эгосистемы, не чувствуют своей раздвоенности. Отрицательная сторона раздвоенности в том, что она также говорит о сильном еще поле Эгосистемы, которое противостоит его духовной энергии, его истинному Я поля ин-

теллекта. Античность, существо которой в том, что это период Рождения Интеллекта, Духа, период Колыбели разумной энергии, запуталась, потерялась, не смогла сделать выбор между двумя энергиями психики. Ведь Рождение Духа ощутила античность как Раздвоенность сознания между духовной энергией разума, и мертвым полем Эгосистемы с его обоготворением ложного Эго. Между логосом этических религий с одной стороны и мифом языческих легенд с другой стороны, между философией рационализма естественного права с одной стороны и мифологией кесарей-богов, самодержцев с другой стороны, между правом этики, морали с одной стороны и правом сильного с другой стороны. Между Человеко-богом поля Эгосистемы и Бого-человеком духовной энергии разума, другими словами.

Античность выбрала Человеко-бога шизоидов, то есть запуталась — и погибла.

Христианство стало тем лекарем, который повернул человечество в правильную сторону: от Человеко-бога шизоидной античности к Бого-человеку духа, научного контроля разума. И с этих пор все христианские писатели продолжая святую борьбу античности между Человеко-богом и Богочеловеком борются на стороне Бого-человека. Не стал исключением и Гоголь.

Н. Гоголь, «Мертвые души»:

> «Но мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое».

Н. Гоголь, «Переписка с друзьями»:

> «Я люблю добро, я ищу его и сгораю им, но я не люблю моих мерзостей… Я воюю с ними
> и буду воевать, и изгоню их, и в этом мне поможет Бог. …Я уже от многих моих гадостей избавился тем, что передал их моим геро-

> ям, обсмеял их в них и заставил других также над ними посмеяться. Я оторвался уже от много тем, что лишивши картинного вида и рыцарской маски, под которой выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. И когда поверяю себя на исповеди перед тем, кто повелел мне быть в мире, и освобождаться от моих недостатков вижу, что святая сила помогла мне оторваться от моих пороков»

Как всякий истинный гений, в особенности религиозный гений, Гоголь посвящает свою жизнь войне со злом в себе, и войне со злом вообще, то есть ищет закономерности психики, разграничивает таким образом два поля энергии, — здоровое и больное, и показывает всему человечеству дорогу как преодолеть больную энергию, как вылечить и максимально развить здоровую энергию психики.

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Ум мой был всегда наклонен к существенности и к пользе». «Я чувствовал всегда, что буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется»... «Мне захотелось служить земле своей... Я примирился и с писательством своим только тогда, когда почувствовал, что на этом поприще могу также служить земле своей». «Мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит большое самопожертвование. «В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. Всякое звание и место требует богатырства». Но прежде чем вступить, подобно древним русским богатырям, в битву со «страшилищами». Гоголь должен был победить самое страшное из них, жившее в нем самом.
> Он покидает искусство для искуса; кончается пушкинская «молитва», жертвоприношение — начинается «битва», «самопожертвование Гоголя; исчезает поэт, выступает пророк. И вместе с тем тут начинается трагедия Гоголя — incipit tragoedia — борьба с вечным злом — пошлостью, — уже не в творческом созерцании, а в религиозном действии, великая борьба человека с чертом».

Маслоу в своем исследовании самоактуалов в ряде других замечательных открытий открыл также прелюбопытный факт: феномен «философского смеха», который свойственен только людям с развитой духовной энергией разума и который каче-

ственно отличается от насмешек, злорадства поля Эгосистемы (как все атрибуты духовного поля отличаются от атрибутов материального поля психики). Как выяснилось в ходе исследования «философский юмор» означает смех над общей всему человечеству болезнью — над полем Эгосистемы. Только люди с развитой духовной энергией способны различить в себе и в других поле Эгосистемы как один феномен и увидеть его убогость, вред и ничтожество, его пошлость. Смех над этой всеобщей болезнью человечества есть признание этой убогости и пошлости, пагубности этой энергии, ее ничтожества. Этот смех лечит и является показателем здорового поля Интеллекта. В отличие от злорадства людей с активным полем Эгосистемы, которые высмеивают Эго друг друга, чтобы утвердить свое собственное Эго на их могилах, «философский юмор» здоровых людей духовной энергии высмеивает поле Эгосистемы в целм, как ложное Эго всего человечества, в том числе и свое собственное Эго. Их цель избавится от Эго, а не утвердить его на могилах других.

Помимо Маслоу о «философском юморе», противопоставляя его «насмешке, злорадству» говорили Спиноза в «Этике», Шеллинг (в «Ночных бдениях», под псевдонимом Бонавентура) и Марк Твен (до Маслоу), Гордон Олпорт (он ссылается на Маслоу) и др. Интересно, что Эрнест Ренан в «Жизнь Иисуса» делает акцент на «иронии Иисуса» в отношении зла, которое он критикует. Важно вспомнить Римскую сатиру писателей-моралистов первого и второго веков до нашей эры (Гораций, Петроний, Ювенал, Персий, Лукиан и др), когда на смену греческой трагедии, обоготворяющей зло наравне с добром, приходит насмешка над злом, как над душевной болезнью, пошлостью и ничтожеством человека. В этом смысле русская литература продолжает традицию римской сатиры.

Так Гоголь ставит своей целью «выставить черта дураком», «насмеяться вволю над чертом».

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Как черта выставить дураком», — это, по собственному признанию Гоголя, было главной мыслью всей его жизни и всего творчества. «Уже с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом». (Письмо Шевыреву из Неаполя от 27 апреля 1847 года.)

Еще Герцен писал в «Письме к Мишле», что русская литература в целом, и в особенности Гоголь, взяли этот философский юмор смеха над своими пороками, над своей пошлостью с тем, чтобы излечиться от нее.

А. Герцен, «Письмо к Мишле»:

> «Первым русским произведением, снискавшим огромную популярность, было не послание, обращенное к императрице, не ода, на которую вдохновили поэта бесчеловечные опустошения и кровопролитные победы Суворова, а комедия, едкая сатира на провинциальных дворянчиков. Тогда как Державин сквозь ореол славы, окружавшей трон, видел одну лишь императрицу, Фонвизин, ум сатирический, видел изнанку вещей; он горько смеялся над этим полуварварским обществом, над его потугами на цивилизованность. В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией. В этой иронии, в этом бичевании, не щадящих ничего, даже личность самого автора, мы находим какую-то радость мести, злорадное утешение; этим смехом мы порываем связь, существующую между нами и теми амфибиями, которые, не умея ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества. Неутомимый протест неотступно преследовал эту аномалию. Он был горячим, беспрестанным.
> Анализ общественной патологии определил преобладающий характер современной литературы. То было новое отрицание существующего порядка вещей, которое вырвалось, наперекор монаршей воле, из глубины пробудившегося сознания, — крик ужаса каждого молодого поколения, опасающегося, что его могут смешать с этими выродками.
> Под московским небом все в душе его становится мрачным, пасмурным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем прежде, но это другой смех: он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от своих малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне на-

род и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника, Смеясь, он безжалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, зловредной души. Комедия Гоголя «Ревизор», его роман «Мертвые души» — это страшная исповедь современной России, под стать разоблачениям Кошихина в XVII веке

Присутствуя на представлениях «Ревизора», император Николай умирал со смеху!!!

Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, которых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что «за его улыбкой кроются горячие слезы».

После «Ревизора» Гоголь обратился к поместному дворянству и вытащил на белый свет это неведомое племя, державшееся за кулисами, вдалеке от дорог и больших городов, схоронившееся в деревенской глуши, — эту Россию дворянчиков, которые втихомолку, уйдя с головой в свое хозяйство, таят развращенность более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребенок сосет грудь своей матери.

«Мертвые души» потрясли всю Россию.

Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно сознается в своих слабостях и недостатках, чувствует, что они не являются сущностью его натуры, что он не поглощен ими целиком, что есть еще в нем нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может еще искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапала-неженки — Сарданапалом-героем.

Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания?

> Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестанную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце, которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия? Русский роман обращается исключительно в области патологической анатомии; в нем постоянное указание на грызущее нас зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здесь не услышите голоса с неба, возвещающего Фаусту прощение юной грешнице, — здесь возвышают голос только сомнение и проклятие. А между тем, если для России есть спасение, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостию, с которою она обнаруживает это положение перед всеми.
> Тот, кто смело признается в своих недостатках, чувствует, что в нем есть нечто сохранившееся среди отступлений и падений; он знает, что может искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сделаться из «Сарданапала-гуляки — Сарданапалом-героем». Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры. Каково же значение того, что написал Гоголь, которым славяне так неумеренно восхищаются? Кто другой поставил выше, чем он, позорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?»

В этой заметке Герцена исчерпывающий ответ критике русской литературы Мережковским — там, где он возмущается «смирением» русской литературы, у которой все «Наполеоны» и «сверхчеловеки» раскаиваются. Герцен видит много глубже в этом вопросе: он показывает, что отринуть ложную силу поля Эгосистемы, пусть в самосомеянии, есть путь к приобретению истинной силы духовной энергии разума. Мережковский увидел это не сразу и старался «соединить Человеко-бога с Бого-человеком». В конечном итоге, будучи умным человеком, понял что это невозможно. И вот уже Мережковский смеется над своей декадентской юностью и над своим ницшеанством:

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Пушкин погиб, а Хлестаков процветает. Дух его сказывается не только в романтических «кровавых незабудках» начала XIX века,

> но и в нашей современной декадентской резвости, в нашей ницшеанской дерзости, за которые здравый смысл, как старый барин, если бы узнал, в чем дело, не посмотрел бы на то, что ты декадент или ницшеанец, а, «поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня бы четыре ты почесывался».

Действительно, запад еще не понял, что Зло — это то, над чем надо смеяться, что это пошлость и ничтожество, от которых надо избавляться, когда русская литература уже несла в себе это откровение. Вспомнить образы демонов в западной литературе, они все сродни «Демону» Лермонтова (которого Мережковский хвалит в той статье как достойное исключение): «Каин» Байрона, «Потерянный рай» Мильтона, Сверхчеловек Ницше, «Дьявол» Сартра. Все эти авторы, выводя образ Демона как могучей своевольной силы, упертой в своем величии против Господа, вовсе не думают над ней смеяться. Это ожившее шизоидное сознание античной культуры, чьи Боги были Гераклами и Ахиллесами, бросавшими вызов небесам.

Откровение русской литературы состоит в том, что она вполне себе уяснила, что только посмеявшись над злом можно его уничтожить, потому что смех утверждает понимание зла как болезни, слабости и ничтожества. В греческих трагедиях дерутся боги, добрые и злые, но равно могучие силы. А в римской сатире глубокая насмешка над злом как над болезнью души, как над пошлостью, как над слабостью и ничтожеством. Мережковский противопоставляет «эпос» Толстого «греческой трагедии» Достоевского. Действительно, «Преступление и наказание» Достоевского с Раскольниковым-Наполеоном в главной роли вполне еще себе «греческая трагедия». Здесь еще борются две силы в шизоидном сознании героя, и конечно у Достоевского (но не у Ницше), побеждает духовная энергия разума. А вот «Записки из Подполья» уже самая настоящая римская сатира, где Зло высмеивается с той же безжалостностью, что и в произведениях Гоголя, где нет уже никакого величия у зла, а одна только непроходимая пошлость да «свиные рыла», как говорит Гоголь.

Конечно, есть великие имена писателей сатириков и в западной литературе: Марк Твен, Дж. Свифт, Дж. Селинджер и др. Однако, эти имена единичны и отнюдь не выражают общей тенденции — оттого они еще более велики.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Зло видимо всем в великих нарушениях нравственного закона, в редких и необычайных злодействах, в потрясающих развязках трагедий; Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессильи, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом.
> Первый он понял, что черт и есть самое малое, которое, лишь вследствие нашей собственной малости, кажется великим, — самое слабое, которое, лишь вследствие нашей собственной слабости, кажется сильным. «Я называю вещи, — говорит он, — прямо по имени, «то есть черта называю прямо чертом, не даю ему великолепного костюма а 1а Байрон и знаю, что он ходит во фраке...» «Диавол выступил уже без маски в мир: он явился в своем собственном виде».

Д. Мережковский, «Толстой и Достоевский»:

> «Но ведь Черт недаром — «третий между двумя», веет от него и другими разнообразными запахами реальнейшей, современнейшей русской и общеевропейской пошлости; он кажется иногда Хлестаковым
> и Чичиковым, старинным помещичьим приживальщиком («вид порядочности при весьма слабых карманных средствах»), напоминает и подозрительного «джентельмена» из новейшей космополитической мелкой прессы. И привидение как будто щеголяет этим «человеческим, слишком человеческим», этой «бессмертною пошлостью людской» — дразнит ею Ивана:
> ≪Воистину ты злишься на меня за то, что я не явился к тебе в каком-нибудь красном сиянии, «гремя и блистая», с опаленными крыльями, а предстал в таком скромном виде. ... Люди принимают всю эту комедию — (то есть мир явлений) — за нечто серьезное, при всем своем бесспорном уме, — продолжает Черт в своей беседе с Иваном. — В этом их и трагедия»

Зло, изображенное как мощь отрицательной силы, изобличает ненаучный взгляд. Это старый взгляд магического сознания дикарей, которые видят мир через «загрузки СуперЭго», и потому живут «страхом сверхъестественных сил», порождаемого кривым зеркалом своего поля Эгосистемы. Отличие античной героев-полубогов, или байроновски-ницшеанских дьяволов западной литературы только в их «шизоидности», то есть это уже не спонтанные загрузки СуперЭго физического контроля, а с добавлением «формальной логики» шизоидов. Но суть та же: те же миражи, химеры магического сознания, порожденные страхом сверхъестественных сил поля Эгосистемы.

И только когда научный взгляд изобличает Зло, как болезнь души, как закономерности поля Эгосистемы, он видит всю убогость и пошлость Зла, всю его ничтожность и гнилость. И тогда появляется философский юмор и смех вместо «страха сверхъестественных сил», потому что духовная энергия разума, ее научный контроля закона сохранения силы празднует свою победу над болезнью души, свое освобождение от этой болезни.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мною… Я стал наделять своих героев моею собственною дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале, для меня самого, он бы точно содрогнулся».

Чичикову точно так же, как Хлестакову, мог бы он сказать то, что Иван Карамазов говорите своему черту: «Ты — воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны… моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых… Ты — я, сам я, только с другой рожей».

2. ПОШЛОСТЬ ПЕРВОБЫТНОГО СОЗНАНИЯ. СТРАХ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ СИЛ

Итак, творчество Гоголя — важная веха в переходе от примитивного «страха сверхъестественных сил» в восприятии Зла к научному познанию Зла как болезни души, как «пошлости и слабости». «Пошлость» — так обозначает Гоголь ничтожество своего черта и противопоставляя его образам сверхъестественной мощи в стиле Байрона и Мильтона. Мережковский соглашается с этим определением, при этом подчеркивает, что пошлость — характерологическая черта обоих главных героев Гоголя, и Хлестакова, и Чичикова.

Но как нам определить «пошлость» на научном языке?

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «черт — ...вечная плоскость, вечная пошлость. Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как явление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными — историческими народными, государственными, общественными — явление безусловного, вечного и всемирного зла; пошлость sub specie aeterni «под видом вечности».
> «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара — выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей». (Из «Переписки с друзьями», XVIII, 3.)
> ...Да, в глубине чичиковского «позитивизма» (материализма) такое же всемирное «вранье», как в глубине хлестаковского идеализма. Желание Чичикова «стать твердою стопой на прочное основание» — это именно то, что теперь в ход пошло, а потому — пошло, как, впрочем, и желание Хлестакова «заняться, наконец, чем-нибудь высоким». Оба они только говорят и думают, «как все»; а в сущности ни Чичикову нет никакого дела до «прочных» основ, ни Хлестакову — до горных вершин бытия.

> .. В мысли о деньгах заключено для Чичикова нечто безусловное, как бы даже бесконечное, почти религиозное. «Шкатулка! — раздирающим душу голосом вопит он в тюрьме- перед тем, как разорвать на себе фрак „наваринского пламени с дымом“. — Шкатулка! Ведь там все имущество... Все украдут, разнесут! О, Боже!» Эта таинственная шкатулка для него новый «ковчег Завета».

Итак, наша задача дать определение пошлости с научной точки зрения, то есть в точки зрения открытых нами законов психической энергии. Для этого нам надо еще раз вернуться к антропологии: к исследованиям первобытного сознания дикарей.

Индуизм говорит о «покрывале Майа», то есть об искаженном восприятии человеком окружающего мира чувственным восприятием. Платон писал об искаженным восприятии невеждами окружающей действительности. Спиноза писал об «аффектах», которые мешают разуму адекватно воспринимать действительность. Кьеркегор писал о «кривом зеркале» поля Эгосистемы. Карл Юнг — о «коконе» собственных проекций, в которых все больше запутывается невежественный человек, пока между ним и реальным миром не возникает непроходимая стена. Ни для этических религии, ни для гуманистической философии и психологии, ни для антропологии никогда не было секретом, что невежественное сознание смотрит на мир через какие-то очки, которые его искажают. Чтобы снять эти очки нужно разоблачить в себе кривое зеркало поля Эгосистемы. Так, дикари смотрели на мир природы как на сверхъестественные силы, тотемы, которым они поклонялись. Наука рассказала людям о законах физики, химии и биологии, и люди больше не поклоняются силам природы. Они теперь воспринимают мир природы не через физический контроль поля Эгосистемы (господство подчинение тотемам), а через научный контроль поля Интеллекта.

Однако, свою собственную энергию — людей и общество — люди все еще не знают как законы науки (до открытия психической энергии). Они продолжают воспринимать людей и обще-

ство через физический контроль поля Эгосистемы: они теперь поклоняются «социальным авторитетам», как доказали эксперименты Милграма, и о чем писал Э. Фромм. Как же работает этот механизм физического контроля поля Эгосистемы, это кривое зеркало, которое искажает восприятие?

Разберем на примере сознания дикарей, на материале исследований антропологов. Силовое поле Эгосистемы образует физический контроль закона сохранения силы психики. Это физический контроль формирует два полюса этого поля — Эго и СуперЭго — когда дает чувственную (бессознательную) информацию о мире, как о двух противостоящих силах — сила собственной энергии и сила всего прочего мира. Где, на каком «теле» отражается эта чувственная информация? Конечно на «теле» духовной энергии разума, фундаментальной энергии каждого человека. Без этой базисной энергии не могло бы и быть энергии-паразита. Что обозначает закон сохранения силы как «Я»? «Я» — это сила, которую надо сохранить, говорит основной закон психики, и поэтому у всех народов, от диких до цивилизованных есть понятие «Я» в языке. Однако, научный контроль указывает на духовную энергию как силу, которую надо сохранить. Таким образом, для истинного Я, для научного контроля — закон сохранения силы есть закон самосохранения — научный контроль духовной энергии разума указывает на самое себя как на «Я». Отвальд, первый учитель энергетики, писал, что только живые энергии имеют закон сохранения силы в качестве самосохранения.

Теперь посмотрим, что есть «Я» для физического контроля. Мы видели что физический контроль дает чувственную информацию, отражая духовную энергию психики и весь окружающий мир как две противостоящие силы: Эго и СуперЭго. Это — ложная информация о мире и духовной энергии человека, но в то же время это два полюса нового силового поля совсем другой энергии, материальной энергии психики. Так возникает энергия паразит, из ложной информации физического контроля закона сохранения силы психики. Далее она провоцирует затра-

ты духовной энергии на Эгозащиту, поскольку истинное Я и его отражение Эго связаны в сознании как единый объект контроля закона сохранения силы. Чтобы разделить их, нужна аналитическая деятельность мышления научного контроля, который познает механизмы двух силовых полей и тем самым отделит одно поле от другого, истинное Я от его отражения.

Понятно, что Эго не равно духовной энергии, которую оно отражает, равно как наше отражение в зеркале не равно нам самим. Понятно также, что Эго не равно и силовому полю Эгосистемы (это только один полюс этого поля). И следовательно, физический контроль закона сохранения силы не есть закон самосохранения: его объект контроля Эго, отражение духовной энергии, но не само силовое поле Эгосистемы. Так, мы подтверждаем теоретически то, что ясно из опыта: мертвенность материальной энергии психики.

Теперь когда мы знаем что такое Эго и СуперЭго как две фигуры чувственного восприятия физического контроля, искажающие информацию о духовной энергии и об окружающем мире, нам надо узнать как именно эта чувственная информация искажает действительность. Понятно, что Эго и СуперЭго — это противоположные полюса силового поля психики, значит физический контроль искажает действительность показывая противостояние человека и всего остального мира (плюс и минус силового поля). Далее, работает контроль закона сохранения силы и значит он абстрагирует всю действительность, все различные энергии природы в их качественном многообразии до единой количественной абстракции: Эго и СуперЭго — просто одна некая Сила, и различие только количественное.

Так рождается «страх сверхъестественных сил» первобытного сознания и его поклонение «тотемам». Страх происходит от противостоящего характера Эго и СуперЭго (плюс и минус силового поля). Фрейд подчеркивал, когда обнаружил Эго и СуперЭго в психике своих больных, антагонизм между этими двумя фигурами бессознательного. И поскольку мир отражается как всесильное СуперЭго рядом с малым Эго, и при этом угрожает

ему (плюс и минус), то возникает «страх сверхъестественных сил». Исследования Леви-Брюля доказали, что в основе сознания дикарей — страх сверхъестественных сил, и что это «до-логическое сознание», то есть лишенное еще способности логически мыслить.

«Сверхъестественными» эти силы становятся от абстрагирования: действительно, в природе много различных энергий, существующих в конкретных вещах, но нигде нет этого экстракта «силы» как единого количества. Его производит только обобщающая сила физического контроля поля Эгосистемы. Об этом много говорится в исследовании Э. Дюркгейма первобытного сознания, в его работе об происхождении тотемизма. Он прямо там доказывает, что «магия» первобытного сознания есть следствие количественной абстракции силы в восприятии дикарей. Там же Дюркгейм обращает внимание читателей на тот факт, что механизм этот все еще не изжит и в цивилизованном обществе: ведь восприятие социальных авторитетов есть та же «количественная абстракция силы» или как говорил Фрейд «загрузки СуперЭго». Фрейд также обращает внимание на тот факт, что государственные институты приобретают в глазах людей какое-то магическое значении как «социальные авторитеты». Э. Фромм в «Человек для себя» прямо разделяет «авторитарную этику», основанную на магическом сознании и «гуманистическую этику, основанную на рациональном сознании. Милграм доказал в экспериментах раздвоенность воли у здоровых людей, которые склонны подчиняться приказам авторитетов, даже если сознают разумом что приказы неправильны и их совесть противиться им. Тема иррационального подчинения авторитетам очень широкая в современной научной и художественной литературе.

Теперь мы можем вернуться к теме пошлости в работах Гоголя. Уже понятно, что «пошлость» — эта та самая деятельность физического контроля поля Эгосистемы по абстрагированию всего что есть в мире — от прекрасного материального мира в божественной природе до высочайшего полета гения мысли человеческой — уничтожения всего этого в количественной аб-

стракции силы. Это значит, что больше не важны гениальность произведений, а только их «сила» в обществе: успешны ли, авторитетен ли автор в обществе, имеет ли власть и тп. Это значит, что больше не важны совесть и этика: важно только то победила ли ваша сила, подчинила ли всех себе. Это значит, что нет более красоты в природе: есть только комфорт и приспособление к условиям быта. И так далее: то что Мережковский пытается сформулировать как «усредненность, ни то ни се, ни теплое ни горячее, ни добро ни зло». Все таки невозможно четко сформулировать без понимания этого механизма количественной абстракции физического контроля поля Эгосистемы.

Именно эта количественная абстракция силы упраздняет этику, совесть, которая есть проявление закона сохранения силы другого поля, то есть духовной энергии разума. Полю Эгосистемы мораль, этика, совесть всегда чужды, поле Эгосистемы всегда «По ту сторону добра и зла», как Ницше, потому что закон сохранения силы физического контроля — это закон количественных соотношений силы: насилие и подчинение, унизить или возвысить, кто выше и кто ниже на социальной лестнице, чинопочитание, табель о рангах, «прав тот у кого больше прав», победителей не судят и тп. Важно отметить эту самую важную характеристику физического контроля поля Эгосистемы — он всегда «по ту сторону добра и зла», потому что имеет дело только с количеством силы, только с физическим давлением, с насилием. И все авторы, которые защищали поле Эгосистемы против научного контроля поля совести и интеллекта всегда подчеркивали иллюзорность морали и этики — Макиавелли, Ницше, маркиз де Сад, В. Набоков, Р. Грин, Стенли Бинг. Гоголь и Достоевский подчеркивают что этика не имеет значение для их отрицательных героев с мертвой совестью: Хлестакова, Чичикова, Подпольного.

Однако, в том то и дело что не только Этика упраздняется этой Пошлостью абстракции силы физического контроля. Все, абсолютно все сводится к противостоянию силы, к соизмерению количеств насилия: все смыслы профанируются, все содержание

выхолащивается, все цвета радуги становятся серыми в утробе кривого зеркала поля Эгосистемы: только кто сильнее, только табель о рангах, только кто богаче и больше ничего. Только «Тонкий и толстый» Чехова, выведенный им с такой добросовестностью в стольких вариациях его гениальных рассказов.

Понятия Власти и денег — самый яркий пример такого выхолащивания смысла и содержания реальных вещей в «магические» силы поля Эгосистемы. Что есть власть государства на самом деле? Сила научного контроля духовной энергии человечества, которая через институты науки и др институты государства заботится о благосостоянии общества и каждого отдельного человека. А что есть власть как магия поля Эгосистемы, как абстракция силы, как пошлость зла? Это социальная лестница, которая показывает количество силы давления на каждой ступени высших на низших, толстых на тонких, табель о рангах и чинопочитание — предмет смеха русской литературы. И тоже самое с деньгами. Что есть деньги? Средство, облегчающее обмен продуктов труда между людьми. Что есть деньги как магия поля Эгосистемы, как абстракция силы и пошлость зла? Понятно, что деньги будучи количественной абстракцией экономики становятся идеальной количественной абстракцией силы поля Эгосистемы, — идеальной «материализацией», «воплощением фантастического» как говорит черт Достоевского. То что раньше только смутно ощущалось как обоготворение авторитетов в деньгах и в ступенях социальной лестнице получает конкретное измерение. Так, вся Пошлость «магии» количественной абстракции силы поля Эгосистемы сосредотачивается в деньгах и табели о рангах — их то и высмеивали сатирики еще со времен классической римской сатиры.

Н. Гоголь «Мертвые души»:

> «виною всему слово „миллионщик", — не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, — словом,

> на всех действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость, совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах: многие очень хорошо знают, что ничего не получат от него и не имеют никакого права получить, но непременно хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но зато таков, как следует быть мужчине, что будь он немного толще или полнее, уж это было бы нехорошо».
>
> «Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу смотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! „Да это не Иван Петрович, — говоришь, глядя на него. — Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется". Подходишь ближе, глядишь — точно Иван Петрович! „Эхе-хе", — думаешь себе…»

Потому Мережковский справедливо замечает, что между Хлестаковым в его вранье в погоне за чинами и Чичиковым с его «основательностью» в погоне за деньгами нет никакой разницы в смысле абсолютной пошлости их существования. Оба — только болезнь поля Эгосистемы, только поклонение сверхъестественным силам «власти и денег». Ведь «власть и деньги», как их понимает пошлость большинства, и есть отражение в кривом зеркале поля Эгосистемы человеческого общества; это и есть выхолащивание, профанация смысла и содержания человеческого общества до количественной абстракции силы. Макс Вебер в книге

«Протестантская Этика и капитализм» указывает на это различие в восприятии денег и денежных отношений вообще между «поэтами цифр», как он называет пошляков, гоняющихся за успехом, за деньгами ради денег с одной стороны, и с другой стороны противопоставляет их искренним христианам, для которых деньги не цель, а средство жить праведно: работать, быть бережливым, накапливать стоимость и помогать ближним в перераспределении стоимости всем. В этом видимо отличие знаменитого скандинавского социализма. То же принципиальное отличие в понимании денег и отношении к ним открыли ученые Стэндфордского университета, Д. Коллинз и Д. Поррас в исследованиях «визинарных компаний», которые как протестанты М. Вебера ставили себе целью не «цифры», а научный контроль и совесть в отношении к обществу, в котором живут. Ученые противопоставили «визинарные компании» — обычным, стандартным компаниям в погоне за деньгами, за ростом ради роста, за первенство на рынке. И доказали, что не «поэты цифр», не те кто гонятся за «магией денег и власти», а те кто ставят цели разумные и этические — настоящая сила и настоящий успех. Так, исследования М. Вебера и Стэндфордских ученых еще раз доказали слабость зла.

В рассказах Марк Твена, великого сатирика своего времени, жестко высмеивается «магия власти и денег» («Купюра в 100 000 фунтов», например), то есть пошлость абсурда количественной абстракции силы, выхолащивающей смысл и содержание человеческих отношений.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Да, в глубине чичиковского «позитивизма» такое же всемирное «вранье», как в глубине хлестаковского идеализма. Желание Чичикова «стать твердою стопой на прочное основание « — это именно то, что теперь в ход пошло, а потому — пошло, как, впрочем, и желание Хлестакова «заняться, наконец, чем-нибудь высоким». Оба они только говорят и думают, «как все»; а в сущности ни Чичикову нет никакого дела до «прочных «основ, ни Хлестакову — до горных вершин бытия.

> .. В мысли о деньгах заключено для него нечто безусловное, как бы даже бесконечное, почти религиозное. «Шкатулка! — раздирающим душу голосом вопит он в тюрьме- перед тем, как разорвать на себе фрак „наваринского пламени с дымом“. — Шкатулка! Ведь там все имущество... Все украдут, разнесут! О, Боже!» Эта таинственная шкатулка для него новый «ковчег Завета».
> «Назначение ваше — быть великим человеком», — говорит ему Муразов. И это отчасти правда: Чичиков так же, как Хлестаков, все растет и растет на наших глазах. По мере того как мы умиляемся, теряем все свои «концы» и «начала», все «вольнодумные химеры», наша благоразумная середина, наша буржуазная «положительность», Чичиков, кажется все более и более великою, даже прямо бесконечною. может быть, Иван Карамазов и Ницше признали бы в этой свободе от всех нравственных законов свою собственную свободу «по ту сторону добра и зла», свое сверхчеловеческое «все позволено». Добро и зло для Чичикова так условны — сравнительно с высшим благом-приобретением, что он иногда сам не сумел бы отличить одно от другого»

Теперь понятно, как Сатана из громадной «сверхъестественной силы», отраженной в кривом зеркале поля Эгосистемы превращается мелкого грязного черта, болезнь сознания, стоит нам только разоблачить физический контроль поля Эгосистемы. Это и значит поставить на место бессознательного — сознание, на место физического контроля — научный контроль, на место поля Эгосистемы материальной энергии — поле интеллекта духовной энергии.

Н. Гоголь (Мережковскому, Гоголь и Черт):

> «Вы эту скотину (черта) бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он щелкопер и весь состоит из надуванья. Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и поддаться назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана, а в самом деле, он черт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: „Хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти“. Пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело».

3. МЕРТВЫЕ ДУШИ. ЧЕРТОВО МАРЕВО МЕРТВОЙ ЭНЕРГИИ

«Трагедия человека в том, — говорит Черт Достоевского Ивану Карамазову, — что человек воспринимает всю эту комедию всерьез».

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Итак, опять-таки, по собственному признанию Гоголя, в обоих величайших произведениях его — в «Ревизоре» и «Мертвых душах» картины русского провинциального города 20-х годов имеют, кроме явного, некоторый тайный смысл, вечный и всемирный: среди «безделья», пустоты, пошлости мира человеческого,
> не человек, а сам черт, «отец лжи», в образе Хлестакова или Чичикова, плетет свою вечную, всемирную «сплетню».
>
> С ложью связано в нем другое столь же первозданное, стихийное свойство. «У меня — признается он, — легкость в мыслях необыкновенная». Не только в мыслях, но и в чувствах, в действиях, в словах. Для него и в нем самом нет ничего трудного, тяжелого и глубокого — никаких задержек, никаких преград между истиной и ложью, добром и злом, законным и преступным; Величайшие мысли человечества, которые давят его целые века своею тяжестью, попадая в голову Хлестакова, становятся вдруг легче пуха.»
>
> Из всемирной культуры выбирает Чичиков то, что нужно ему, а все прочее, слишком глубокое и высокое, с такою же гениальною легкостью, как Хлестаков, сводит к двум измерениям, облегчает, сокращает, расплющивает до последней степени плоскости и краткости. Чичиковское рассуждение «о блаженстве двух душ» и чтение Собакевичу послания в стихах Вертера к Шарлотте стоят в своем роде хлестаковского: «Под сенью струй».

В «Ревизоре» Гоголь сумел показать фотографический снимок черта: вот этот мыльный пузырь, это ничто, которое поднимается из пошлого вранья, и разрастаясь, подчиняет себе и разума и совесть отдельных людей, и службу государственных чиновников. Из одной душевной болезни растет мыльный пузырь, и дорастает до антихристов самодержавия, если нет никого кто гром-

ко скажет: «А король то голый». А физический контроль ведь только болезнь и ничего больше!

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Ежели не зрители, то действующие лица чувствуют какую- то ошеломляющую сонную мглу, фантастическое марево черта. «Со мной чудеса», — с лукавым простодушием говорит сам Хлестаков в письме к Тряпичкину. «Что за черт!» — недоумевает Городничий, протирая глаза, словно просыпаясь. И перед самою катастрофою, уже проснувшись: «До сих пор не могу придти в себя. Вот подлинно, если Бог хочет наказать, то отнимет прежде разум». — «Уж как это случилось, — изумляется Артемий Филиппович, беспомощно расставив руки, — хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал». — «Неестественная сила побудила, — объясняет почтмейстер душевное
> Состояние. «Что ж он по-вашему такое?» — опрашиваете Городничий о Хлестакове. — «Ни се, ни то, черт знает что такое!» «Ничего не вижу, — стонет Городничий, ошеломленный туманом — вижу какие-то свиные рыла, вместо лиц, а больше ничего».»

Действительно, смешного в комедии «Ревизор» Гоголя не то, что чиновники ошиблись и поверили лжи прохвоста, а в том, что Хлестаков — стандартный чиновник, и что всякий чиновник именно таким враньем и фарсом и поднимается по лестнице. Этот «дух несерьезности», эта пошлость — есть свойство не отдельных случайных людей в мире, где все еще стоят Левиафаны, деспотии физического контроля, а свойство — всей системы власти, на которой эти Левиафаны держатся. «Дух несерьезности», то есть пошлость выхолащивания всех смыслов до отношений насилия и подчинения, до количества давления силы, отмечает и Эрнест Ренан как базисную характеристику сознания Антихриста Нерона, римского императора, которому товарищей Ренан видит только «патологической хронике эшафота». Этот шут, кривлявшийся на публику значительно больше и безобразнее Хлестакова, был ли истинным или тем кого только приняли за императора? Нет, это самый настоящий римский император, а ведь выше нет вершин на той

лестнице рангов, которая кружит головы чертям «магии власти и денег».

Д. С. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «И вот «явление последнее» «Те же и жандарм»: «Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сейчас же к себе». Произнесенные слова поражают как громом всех. И далее страшная немая сцена — окаменение ужаса. Мы должны верить по замыслу Гоголя,
> что этот петербургский чиновник, являющийся, как «бог из машины «, как ангел в средневековых мистериях, есть подлинный.
> Ревизор — воплощенный рок, совесть человеческая, правосудие Божеское. Мы, однако, не видим его; он остается для нас еще более, чем Хлестаков, лицом фантастическим, призрачным. Но если бы мы увидели его, кто знает, не оказалось ли бы странное сходство между двумя «чиновниками из Петербурга», большим и маленьким.
>
> «По повелению из Петербурга» — вот что оглушает «как громом» всех, не только действующих лиц и зрителей, но, кажется, и самого Гоголя. Повеление из Петербурга? Но откуда же, как не из Петербурга —
> этого самого призрачного, туманного, «фантастического из всех городов земного шара», ползет и расстилается по всей России тот ошеломляющий «туман», та страшная мгла жизни, «египетская тьма“, чертово марево, в которых „ничего не видно, видны какие-то свиные рыла вместо лиц, а больше ничего». Оба ревизора, первый и второй, простой «елистратишка» и настоящий «генералиссимус», не одинаково ли законные дети одной и той же Табели о рангах, не плоды ли одного и того же «петербургского периода» русской истории?»
>
> Неужели окаменевший русский «Град», без железных цепей скованный «египетской тьмой», — это вся старая и современная
> Россия; а летящий куда-то к черту Хлестаков — это Россия новая? Каменная тяжесть, призрачная легкость, реальная пошлость настоящего, фантастическая пошлость грядущего, и вот два одинаково плачевные конца, два одинаково страшные пути России к черту в пустоту, в «нигилизм», в ничто»

Мертвая энергия поля Эгосистемы — «туман» ее магического сознания, «египетские тьмы» ее кривого зеркала — сковали по мнению Мережковского истинный Град России «без железных цепей». Люди превращены в тряпичных кукол, которыми правит черт, то есть мертвая энергия-паразит психики. Уже Платон знал, что та часть души, которую он определял как невежество, болезнь и порок, есть автоматизмы, которые разрушают волю, и что человек, у которого эта болезнь берет вверх в душе, не сам себе хозяин, но «словно постоянно насилуемый слепнем». Спиноза развил эту мысль в «Этике», Кьеркегор в «болезни к смерти». Гуманистическая психология говорит устами Карен Хорни: «Это компульсивная мотивация бессознательного. Тирания „Надо“ Не я иду, а меня несет». Маслоу подчеркивает, что если у самоактуалов (здоровых людей с духовной энергией разума) сильно развита воля, то у невротиков, напротив, преобладают навязчивые состояния и автоматизмы бессознательного. Особенно выделяет этот момент Крл Юнг, подчеркивая, что человек абсолютно теряет волю, становясь «словно фигура на шахматной доске». Действительно, так чувствует себя человек, у которого поле Эгосистемы подавило духовную энергию разума, потому что чуждая энергия-паразит поглотила его «истинное Я». Человек умер, он мертв, а энергия-паразит действует через него.

При этом энергия эта, имея свое силовое поле в каждом индивиде, соединяется в одно огромное силовое поле Левиафана, в одну систему насилия и подчинения (садомазохизма Самолюбия –Влюбленности). Как говорил сам Гоббс, придумавший термин Левиафан (библеизм) для деспотий, это единство людей достигнутое за счет поглощения одной волей самодержца — воли всех остальных людей. Это и есть разрушенная духовная энергия разума мертвой энергией, в основе которой насилие и подчинение физического контроля.

Д. Мережкоский, «Гоголь и Черт»:

> «Герой «Шинели» Акакий Акакиевич, точно так же, как Хлестаков, только не при жизни, а после смерти своей, становится призраком-

> мертвецом, который у Калинкина моста пугает прохожих и стаскивает с них шинели.
> И герой «Записок сумасшедшего» становится лицом фантастическим, призрачным — «королем испанским Фердинандом VIII». У всех троих исходная точка одна и та же: это мелкие петербургские чиновники, обезличенные клеточки огромного государственного тела, бесконечно малые дроби бесконечно великого целого. Из этой-то исходной точки — почти совершенного поглощения живой человеческой личности мертвым безличным целым — устремляются они в пустоту, в пространство, и описывают три различные, но одинаково чудовищные параболы: один — во лжи, другой — в безумии, третий — в суеверной легенде».
> Так, мелкий черт в сознании одного человека, через чертового марево «туманов лжи, египетской тьмы невежества», магии выхолащивающей пошлости, «растет, растет в мыльный пузырь» Левиафана, который вдруг во всей своей громадной величине возникает между людьми и давит их всей тяжестью своего мертвого чудовища. Сковывает одной «египетской тьмой» кривого зеркала пошлости, «без железных цепей».

Д. Мережковский, «Гоголь и черт»:

> «И газетный листок, ужасается Гоголь, становится нечувствительны мне чувствительным законодателем его
> не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые, видите, в виду всех чертит исходящая снизу нечистая сила, и мир это видит весь, и, как очарованный, не смеет шевельнуться? Что за страшная насмешка над человечеством! Эта исходящая снизу нечистая сила и есть, конечно, сила Хлестакова, который уже не только в литературе, но и на страницах всемирной истории от Парижа до Пекина, от Лондона до Трансвааля, пишет свои «водевильчики», сплетает свою сплетню. И все растет, растет, как туманное видение, как фата морга- на. «Выше, выше, excelsior!1» — это бранный клич Хлестакова, клич современного прогресса.
> Кто из нас не слышал над собой его начальнического окрика: «О, я шутить не люблю, я им всем задам острастку!» Но выше, выше, excelsior! Привидение растет, мыльный пузырь надувается, играя волшебной радугой. «Да что в самом деле? Я такой! Я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: „Я сам себя знаю, сам“». «Я везде, везде». Вот нуменальное слово, вот уже лицо черта почти без маски: он вне пространства и времени, он вездесущ и вечен. «Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...» (поскальзывается и чуть-чуть не падает на пол, но с почте-

> нием поддерживается чиновниками). До чего бы дошел он, если бы не поскользнулся? Назвал ли бы себя, как всякий самозванец, самодержцем? А может быть, в наши дни не удовольствовался бы и царственным, никаким вообще человеческим именем, и уже прямо назвал бы себя «сверхчеловеком», «человекобогом»: сказал бы то, что у Достоевского черт советует сказать Ивану Карамазову: «Где станет Бог — там уже место Божие; где стану я, там сейчас же будет первое место — и все позволено».
>
> Недаром бедные чиновники уездного городка подавлены как бы сверхчеловеческим величием Хлестакова. Генерал это ведь для них и значит — почти сверхчеловек. Зрители смеются и не понимают страшного в смешном, не чувствуют, что они, может быть, обмануты еще больше, чем глупые чиновники. Никто не видит, как растет за Хлестакова исполинский призрак, тот, кому собственные страсти наши вечно служат, которого они поддерживают, как поскользнувшегося ревизора — чиновники, как великого Сатану — мелкие черти»

Силовое поле Эгосистемы — это циклический гомеостаз (циклы равновесий — неравновесий) двух противоположных притяжений Самолюбие-Влюбленность, насилие и подчинение, которые соединяются для обретения временных равновесий физического контроля. Понятно, что как пишет Гоголь по отношению к низшим человек с физическим контролем будет сидеть Прометеем, а по отношению к высшим — насекомым унизиться. Оба этих притяжения в циклическом нормальном гомеостазе поля Эгосистемы всегда присутствуют одновременно (только у шизоидов сломан циклический гомеостаз формальной логикой, и остается только притяжение Самолюбия, физический контроль становится нежизнеспособен). И Спенсер в «Социальной статике», когда дает прекрасное определение поля Эгосистемы как магического сознания «Обожания силы» (awe of power), как насилия и лжи «по ту сторону добра и зла» (совести), подчеркивает, что высшим поклоняются, низших терроризируют, то есть оба притяжения присутствуют.

Однако, есть люди, как Подпольный Достоевского, или Хлестаков и Чичиков Гоголя, которые ложью и кознями, пре-

ступлениями и насилиями, научаются поддерживать в себе позицию насилия, то есть господства, самолюбия. Эти люди методами описанными у Р. Грина или Стенли Бинга в «Как бы поступил Макиавелли» воспитывают в себе жестокость, неискренность, учатся лгать, преследовать и насиловать людей, воровать, эксплуатировать, бороться со своей совестью, воспитывать в себе тщеславие. Они в конечном итоге добиваются своего, убивая в себе совесть, и превращаясь в «мертвые души» отвратительных машин для насилия. Не следует с ними сравнивать обычных средних людей, у которых живая душа и живая совесть, и которые ничего не знают о поле Эгосистемы, которое спит в недрах их бессознательного. Они могут прожить жизнь честными людьми и никогда не узнать, какое чудовище носят в себе (потому что поле Эгосистемы мало развито). А могут узнать о нем так, как узнали люди, которые пришли на эксперименты Милграма «Подчинение авторитету». Милграм ставил себе целью выяснить как далеко пойдут обычные люди в исполнении порочных и подлых приказов авторитетов. Сумеют ли сделать то, что говорит им их совесть или будут подчиняться приказам, даже если их приказы убивают невинных людей? Какого было его удивление когда 70 процентов подчинились приказам, несмотря на то что очень страдали что идут против совей совести! Так он подтвердил на практике, что два контроля в психике людей, потому что воля их раздвоилась между желанием подчиняться авторитетам (притяжение Влюбленности поля Эгосистемы физического контроля) и желанием поступить по совести и отказаться подчиняться подлым приказам) духовная энергия поля интеллекта научного контроля) Раздвоилась, да, но в 70 случаях из 100 победил физический контроль! Как мало развита духовная энергия научного контроля даже в самых развитых странах! Вот так эти люди узнали что у них есть притяжение Влюбленности (то есть весь циклический гомеостаз Самолюбия-Влюбленности, но из-за неразвитости поля Эгосистемы, обычно срабатывает только нижняя эгозащита, Влюбленность-

подчинение), хотя тогда Милграм не смог дать обобщить выводы своих экспериментов (теория психической энергии их обобщила).

Я привела все эти сведения здесь, чтобы подчеркнуть, что не надо путать людеф, которые специально развили в себе поле Эгосистемы и верхнюю эгозащиту — Самолюбие-Насилие с обычными людьми, которые как правило честные и хорошие люди и способны только на нижнюю эгозащиту, подчинение. Понятно, что здесь Толстой абсолютно прав, предпочитая этих простых людей — уродам с развитым полем Эгосистемы.

Здесь важно отметить, что Самолюбие-Влюбленность — два притяжения одного физического контроля поля Эгосистемы — то есть мелкий черт мертвой энергии. Однако же, безумие магического кривого зеркала этих людей рисует им полюса Господства и Рабства как полюса Всесилия и Ничтожества, Человекобогов с одной стороны и рабов с другой стороны. И только философский юмор истинных ученых знает, что оба полюса — один мелкий черт душевной болезни, и что настоящая сила и здоровье не в разных полюсах поля Эгосистемы, а по ту сторону поля Эгосистемы — в духовной энергии разума. Об этом говорит Спиноза в Этике, когда говорит о ложности как тщеславия так и самоуничижения, и о том, что эти чувства сродни друг другу. Об этом говорит ФРомм, когда разъясняет механизмы садомазохизма «псевдолюбви», что садисты и мазохисты суть стороны одной болезни, а считают себя на полюсах всесилия и бессилия.

Д. Мережковский, «Гоголь и Черт»:

> «Мертвые души» — это было некогда для всех привычное казенное слово на канцелярском языке крепостного права.
> …. а безусловный, религиозный, человеческий, Божеский смысл этих двух слов — «душа» и «смерть», чтобы выражение «мертвые души» зазвучало «престранно» и даже престрашно, как неимоверное кощунство. Не только мертвые, но живые человеческие души, как бездушный товар на рынке — разве это не странно и не страшно? … так что в конце концов не оказывается никакого прочного, позитивного основания для того, чтобы отличить живых от мертвых, бытие от небытия.

> «Собирайте сокровище ваше на небесах. Какой выкуп даст человек за душу свою или какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет. У Бога все живы», — так говорит Христос. А черт, — то бишь Чичиков, возражает: «Мертвые души — дело не от мира сего. Это — прах, просто прах. Цена тряпке на бумажной фабрике больше, чем цена души человеческой в вечности. Это ведь мечта. Предмет, просто фу, фу!» Кому же мы, дети положительного века, верим больше — Христу или Чичикову?
> В нашем материализме чичиковском «фу, фу!» не открывается ли опять-таки, вместо «прочного основания», все та же бездна хлестаковской «легкости в мыслях», безграничного цинизма?
> Мы уничтожили крепостное право, мы не торгуем ни живыми, ни мертвыми душами. Но разве и в современных государствах с их чудовищным пролетариатом, проституцией не бывает иногда — точно так же, «душа человеческая все равно, что пареная репа».
> После «Мертвых душ» получается такое же впечатление, как после «Ревизора»: «что-то чудовищно-мрачное», «все это как-то необъяснимо страшно». Даже в детски-ясной душе Пушкина этот «страх», сначала заглушённый смехом, мало-помалу разгорается как зловещее зарево. Не грусть, не слезы, а именно страх сквозь смех.
> «Казалось, в этом теле совсем не было души», — замечает Гоголь о Собакевиче. У него — в живом теле мертвая душа. И Манилов, и Ноздрев, и Коробочка, и Плюшкин, и Прокурор «с густыми бровями» — все это в живых телах «мертвые души». Вот отчего так страшно с ними. Это страх смерти, страх живой души, прикасающейся к мертвым. «Ныла душа моя, — признается Гоголь, — когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей». И здесь, так же, как в «Ревизоре», надвигается «египетская тьма», «слепая ночь среди белого дня», «ошеломляющий туман», чертово марево, в котором ничего не видно, видны только «свиные рыла» вместо человеческих лиц.
> Чичиков скрылся.
> Но из необъятного русского простора выступит и русский богатырь, появится снова уже в окончательном ужасающем явлении своем бессмертный хозяин мертвых душ — Чичиков. И тогда лишь откроется то, что теперь еще скрыто не только от нас, читателей, но и от самого художника, — как страшно это смешное пророчество: «Чичиков — антихрист».

Гоголь сжег второй том «Мертвых душ», потому что там он пытался дать картину «обращения Чичикова ко Христу». И по-

скольку, как он пишет в Переписке с друзьями, он не знает еще как порочные души очищаются и становятся на верный путь, он сжег свои фантазии, не желая лгать. Поступок истинного ученого и святого — правда в пику тщеславию. Достоевский не стал восстанавливать вырезанные цензурой места об обращении Подпольного на путь Христа, видимо тоже почувствовал что в этом есть ложь. Раскольникова и Ивана Карамазова приводит на путь Христа живая совесть, а что может привести Подпольного с его полным омертвением в грязи его мерзкого подполья?

Мережковский упрекает Толстого в искусственности образов его христианских героев — Пьера Безухова, Андрея Болконского, Левина, Нехлюдова. Но ведь Толстой ничего не выдумывал, он только каждый раз заново рассказывал свой собственный опыт обращения к христианским поискам духовной энергии разума. Ведь душа по природе христианка, как говорил Тертуллиан.

Может быть дело в том, что до открытия психической энергии, и противопоставления научного контроля — физическому контролю, трудно определить положительную составляющую духа. Отрицательная ее составляющая понятна всем: очищение от грязи и пороков физического контроля. Но вот как выразить мощь, силу и красоту утверждающей ее составляющей. Пусть Толстой не написал законов открытия психической энергии, но мало было других таких жизней, которые бы своим личным опытом, своей личной жертвой крови и тела на алтарь духа и правды, с такой силой и мощью подтвердили и силу и красоту и мощь духовной энергии разума.

Н. Гоголь, «переписка с друзьями:

> «Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколенье к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бывает время что даже вовсе не стоит говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно как день путей и дорог к нему для всякого. Последнее обстоятельство было мало и слабо развито во втором томе „Мертвых душ“, а оно должно было быть едва ли не главное; а потому он и сожжен. Жгу когда нужно,

> и верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему»

ГЛАВА 6. ЧЕХОВ — ПОСЛЕДНИЙ КЛАССИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чехов и Единство духовной энергии разума. Духовный социализм Ренана, Толстого, Достоевского, Мережковского, Чехова.

2. Метафизика Интеллекта у Чехова

3. Чехов — врач-психиатр. Служение Богу в Борьбе со Злом.

1. ЧЕХОВ И ЕДИНСТВО ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА. ДУХОВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ РЕНАНА, ТОЛСТОГО, ДОСТОЕВСКОГО, МЕРЕЖКОВСКОГО, ЧЕХОВА

Очиститься от греха, то есть «снять Эгозащиту» и остановить, нейтрализовать поле Эгосистемы — такова мудрость науки о душе человека, о законах психики еще со времен осевого времени первых этических религий. Это же очищение означает Единение Духовной Энергии Разума, потому что изначально силовое поле Интеллекта у людей — есть единое силовое поле, так что «истинное Я», то есть объект контроля закона сохранения силы, включает у здоровых людей всех их настоящих друзей.

В самом деле что значит «этика, мораль, нравственность» здорового человека? Это совесть, сочувствие и справедливость. И эти качества морали здоровых людей как раз и отражают единство «истинного Я» у людей: они готовы рисковать жизнью, чтобы спасти своих братьев, они готовы рисковать жизнью, чтобы исправить несправедливость в отношении себя или их, они готовы рисковать жизнью, чтобы избавить друзей от страданий. В этом суть «социализма», суть церкви дружбы, суть Христовой церкви — единство «истинного Я» людей в за-

конах духовной энергии, в морали совести, сочувствия и справедливости

Потому со времен первых этических религий этот основной закон ничуть не изменился: хочешь быть здоров, хочешь быть чист от порока, снимай Эгозащиту мертвой энергии (каждая религия дает свои пронзительные определения поля Эгосистемы) и вступай в церковь дружбы таких же как ты здоровых и борющихся с пороком людей. Ведь людей разделяет только материальная энергия, внушая иллюзию разделенности и вражды людей через кривое зеркало Эгосистемы. А как только сняты очки поля Эгосистемы, и мертвый ток между людьми остановлен, люди тут же чувствуют что они единая церковь дружбы, что «истинное Я» духа есть единое силовое поле совести и разума.

Поэтому все великие умы всегда были «социалистами» — они знают, что есть понятие человечества и единой человеческой природы, и что природа эта в единстве разума и совести. Однако, нет и не может быть социалистов вне Метафизики Интеллекта, вне Бога-Интеллекта, творца, установившего первоначальные законы природы, вне церкви христовой. Потому что социализм материалистов, как экономические законы общей собственности, есть ложь и вранье: нет никаких экономических законов (есть только законы математики), и общая собственность не только не объединяет людей, но еще больше усиливает поле Эгосистемы. Чтобы люди почувствовали свое единство надо чтобы они видели истинные законы, которые движут человеком и обществом: законы двух силовых полей психики. Поэтому Христова церковь, со всеми ее ограничениями мифологического языка, все же выражает истину, рассказывая о двух энергиях души, и потому социализм христианский был и бывает еще настоящим братством единения духовной энергии. Однако, с открытием психической энергии и переводом мифологического языка Евангелия на научный язык, такое духовное единство людей станет всеобщим и повсеместным.

И Маслоу пишет в исследовании самоактуалов, что его здоровые люди дружат только с такими же здоровыми людьми,

и при этом это крепкая настоящая дружба, на которую не способны обычные люди. И Толстой и Достоевский работали в преддверии этого Града Божьего церкви дружбы человечества, и Мережковский и Чехов всей своей жизнью служили этому Граду Божьему уже здесь, на земле.

Мережковский подчеркивает во всех своих произведениях, ту мысль Ренана, которая стала лейтмотивом всей русской классической литературы: что правда божья, социализм Града Божьего может быть только следствием внутреннего душевного переворота, душевного созревания людей, и ни в коем случае не может быть такого явления как «социализм материалистов на основе законов экономики», или каких-то других ложных и лживых законов, как законы дарвинизма, например. Социализм, как единство духовной энергии человечества, есть его конечное устойчивое равновесие, к которому оно идет, — равновесие Церкви Дружбы и Царствие Божьего «как на земле так и на небе». Но прийти к этому равновесию можно только через истину настоящих законов, движущих человека и общество — законов психики, через открытие психической энергии. И когда Мережковский формулирует эту очевидную истину, не подтверждает ли он тезис Толстого и Христа о том, что Зло нельзя победить насилием?

Д. Мережковский, «Павел и Августин»:

> «Все перевороты внешние, политические и социальные, все наши „революции“, — поверхностны: буйны и кратки, дерзки и робки, грубы и слабы; все останавливаются на полпути или кончаются своей противоположностью: освобождая, порабощают. В новом порядке возникает старый: Ванька-Встанька, только что сваленный, но с неперемещенным центром тяжести, опять встает и крепче утверждается. Новый порядок хуже старого: вместо веревочных уз — железные, стальные, адамантовые; внешнее рабство становится внутренним: люди сами в цепи идут, жаждут рабства все неутолимее, и этот „прогресс“ бесконечен. Тщетны все революции внешние; в мнимом движении, неподвижны все. Только один, — Его, Первого Двигателя, — внутренний переворот действителен, потому что только он перемещает в мире и в человеке внутренний центр

> тяжести; только он — глубочайший и сильнейший, потому что тишайший».

Вл. Соловьев, «Три речи о Достоевском»:

> «Если мы хотим одним словом обозначить тот общественный идеал, к которому пришел Достоевский, то это слово будет не народ, а {Церковь}.
> Но, проповедуя Церковь как общественный идеал, он выражал вполне ясное и определенное требование, столь же ясное и определенное (хотя прямо противоположное), как и то требование, которое заявляется европейским социализмом. (Поэтому в своем последнем дневнике Достоевский и назвал народную веру в Церковь нашим русским социализмом.) Европейские социалисты требуют насильственного низведения всех к одному чисто материальному уровню сытых и самодовольных рабочих, требуют низведения государства и общества на степень простой экономической ассоциации. «Русский социализм», о котором говорил Достоевский, напротив, {возвышает} всех до нравственного уровня Церкви как духовного братства. хотя и с сохранением внешнего неравенства социальных положений, требует одухотворения всею государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины ч жизни Христовой. Главную мысль, а отчасти и план своего нового произведния Достоевский передавал мне в кратких чертах летом 1878 г. Тогда же мы ездили в Оптину Пустынь Если этот общественный идеал Достоевского прямо противуположен идеалу тех современных деятелей, которые изображены в «Бесах», то точно так же противуположны для них и пути достижения. Там путь есть насилие и убийство, здесь путь есть {нравственный подвиг}, и притом двойной подвиг, двойной акт нравственного самоотречения. Прежде всего требуется от личности, чтобы она отреклась от своего произвольного мнения, от своей самодельной правды во имя общей, всенародной веры и правды. Личность должна преклониться перед народной верой, но не потому, что она народная, а потому, что она истинная. А если так, то, значит, и народ во имя этой истины, в которую он верит, должен отречься и отрешиться ото всего в нем самом, что не согласуется с религиозною истиной. Обладание истиной не может составлять привилегии народа так же, как оно не может быть привилегией отдельной личности. Истина может быть только {вселенскою}, и от народа требуется подвиг служения этой вселенской истине, хотя бы, и даже {непременно, с} пожертвованием своего национального эгоизма.
> Эта центральная идея, которой служил Достоевский во всей своей деятельности, была христианская идея свободного всечеловеческого

> единения, всемирного братства во имя Христово. Эту идею проповедовал Достоевский, когда говорил об истинной Церкви, о вселенском православии»

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запятнанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься»

Лев Толстой, «Царство Божие внутри вас»:

> «И тут-то с составом людей, одуренных до того, что они обещаются убивать своих родителей, общественные деятели — консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть»

Важно отметить, что это убеждение в том, что человека и общество двигают не внешние обстоятельства «производственных сил общества», а внутренние законы психики разделяют вместе с христианскими философами и русскими писателями-моралистами также и философия позитивистов О. Конта, и все его самые талантливые последователи: и наши позитиви-

сты, Герцен и Кропоткин, и западные позитивисты, Дюркгейм, Милль, Спенсер, Бертран Рассел. И сам Конт как известно в конечном итоге понял, что наука и религия есть две стороны одной медали (это же утверждал Эйнштейн), то есть понял, что утвердив законы природы в основе вселенной, он утвердил Метафизику Интеллекта. И я постараюсь показать, что все эти позитивисты были на поверку — метафизиками интеллекта, в отличии от эмпириков и материалистов дарвиновской парадигмы. Именно поэтому самых последовательных адвокатов естественного права мы находим среди этих самых «позитивистов».

И в этом смысле Мережковский был не прав, смешивая позитивистов с эмпириками и материалистами дарвиновской парадигмы. Он прав, когда критикует Горького как предтечу литературы «советского марксизма-ленинизма», Горький вполне уже дарвинист и материалист. Но он не прав, когда он смешивает с дарвиновским материализмом и марксизмом-ленинизмом «позитивизм» Герцена и Чехова. У Чехова в этом смысле такое же положение в русской классической литературе как у Брамса в немецкой классической музыке: он последний, замыкающий перечень великих апостолов русского откровения. Тогда как Горький — начало советской литературы дарвиновской парадигмы.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Чехов — законный наследник великой русской литературы. Если он получил не все наследство, а только часть, то в этой части сумел отделить золото от посторонних примесей, и, велик или мал оставшийся слиток, но золото в нем такой чистоты, как ни у одного из прежних, быть может, более великих писателей, кроме Пушкина».

Д. Мережковский, «Асфодели и ромашки»:

> «Вся новейшая русская литература „веет, реет, веет, вьет“ в пустоте и, не имея религии и жизни, хочет сделать искусство религией. Но подобно всякому „отвлеченному началу“, искусство, становясь религией, становится мертвым богом, идолом. Чехов — последний из рус-

> ских писателей, не поклонившийся мертвому богу. Пусть еще не знал он имени Бога живого — он уже предчувствовал его. И, делая не искусство, а жизнь религией, шел к истине, к тому, чтобы сделать религию жизнью. Не потому ли в этих посмертных письмах своих он среди нас — не как мертвый среди живых, а как живой среди мертвых?»

Действительно, жизнь Чехова — жизнь святого подвижника, посвятившего жизнь служению человечества. Недаром Толстой так любил Чехова, ведь Чехов принес не меньшую жертву на алтарь христовой церкви. Толстой был глубоко впечатлен рассказами Чехова «Черный монах», «Палата №6» и др., и сам дважды искал встречи с молодым писателем, пока Чехов не приехал, наконец сам в Ясную Поляну. И когда Чехов внезапно заболел, Толстой нашел его в больнице и просидел несколько часов с больным, рассказывая ему о бессмертии, и о своей новой книге «Об искусстве».

Толстой говорил, что Чехов больше христианин, чем те, кто называет себя христианином, а ведь Чехов утверждал что «растерял свою веру, и смотрит на интеллигентных верующих с недоумением». Однако, это он, «растерявший веру» всю жизнь собирал деньги и строил школы для крестьян, это он помогал бесчисленному количеству друзей и знакомых, будучи сам бедняком, это он предпринял за свой счет знаменитую поездку на Сахалин, чтобы облегчить адские условия жизни арестантов, это он не написал ни одного слова неправды для успеха или денег, это он безжалостно обличал успешных и порочных в своих евангельских рассказах. Толстой прав был, утверждая, что такого христианина поискать среди тех, кто называет себя христианином. Это ли не единство истинного Я человечества в церкви дружбы, это ли не единое поле совести и сочувствия духовной энергии разума? И Мережковский прав, когда говорит, что Чехов сделал религией свою жизнь, если еще не успел найти теорию религии.

И с другой стороны, разве Толстой и Мережковский были христианами в смысле догматического богословия? Толстой го-

ворил о всемирной религии, которую принесли людям пророки осевого времени: Исайа, Будда, Христос. Мережковский говорил Третьем завете, Ренан писал, что Третий Завет будет словом науки. Значит, Чехов ни в коем случае не противостоит этому движению русской классики в направлении Третьего Завета, напротив, он один из мощнейших столпов его.

2. МЕТАФИЗИКА ИНТЕЛЛЕКТА У ЧЕХОВА

В статье «Чехов и Горький» Мережковский доказывает, что Чехов атеист и безбожник как Горький, и как весь Грядущий Хам дарвиновской парадигмы. В отношении Горького как родоначальника советской литературы, Мережковский должно быть прав. Однако, в отношении Чехова — это совершенная неправда, даже если советская пропаганда рекомендовала его как атеиста и дарвиниста.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Мы видели общую исходную точку интеллигента и босяка — одну и ту же догматику позитивизма.
> «Существуют законы и силы... Человеку некуда податься... Ничего неизвестно... Тьма!» — утверждает горьковский босяк.
> «Обратитесь к точным знаниям... доверьтесь очевидности... дважды два есть четыре», — говорит чеховский интеллигент. — «Теперь перед смертью меня интересует одна только наука, — признается умирающий старый профессор в „Скучной истории". — Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви, и что только ею одною человек победит природу и себя. Вера эта, быть может, наивна... Но я не виноват, что верю так, а не иначе... Судьбы костного мозга интересуют меня больше, чем конечная цель мироздания». На вопрос о конечной цели мироздания наука отвечает: не знаю.
> Профессор всю жизнь довольствовался этим ответом и, ежели перед смертью почувствовал, что не может им довольствоваться, то сам не понимает, почему случилось так, никакого иного ответа не находит и не сомневается, что наука все, а не часть всего, точно так же

> как познающий разум, источник науки, не все, а только часть всего существа человеческого.
> Догматический позитивизм приводит босяка к столь же догматическому материализму в нравственности: «Брюхо в человеке главное дело. А как брюхо спокойно, значит, и душа жива. Всякое деяние человеческое от брюха происходит». — «Волк прав». Эта единственная волчья правда босячества превратится у чеховской интеллигенции в материализм, реализм, дарвинизм или в какой-нибудь другой «изм», но, в сущности, это будет все тот же босяцкий цинизм».

Насколько Мережковский несправедлив в отношении Чехова видно уже из этих его писем Суворину, где он жалуется, что без философии жизни, без понимания смысла науки и литературы, без понимания Бога истины, которому призвана служить литература — нет человека, нет науки, нет литературы, нет вообще жизни. И конечно он бесконечно далек от философии «сытого брюха», которое все решает. У Чехова всегда все решает служение истины и «наслаждение познания».

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «В письме к Суворину: «Писатели которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда то идут и вас зовут туда же... Оттого что каждая строчка пропитана как соком сознанием цели, вы кроме жизни какая есть, чувствует и ту жизнь какая должна быть, и это пленяет вас. А мы? Мы! Мы пишем жизнь такою как она есть, а дальше ничего... У нас нет ни ближайших, ни отдаленных целей, и в нашей душе хоть шаром покати. Политики у нас нет, в революцию мы не верим, бога нет, привидений мы не боимся, а я лично даже смерти и слепоты не боюсь. Кто ничего не хочет, ни на что не надеется, ничего не боится, тот не может быть художником... Положение наше хуже губернаторского...»

Суворин считал неискренним письмо, где Чехов писал о том, что у современных художников нет серьезных целей. Не было для Чехова большей обиды чем упреки в неискренности. «В своих письмах я часто бываю несправедлив и наивен, — отвечал он, — но никогда не пишу того, что мне не по душе.». Чехов нападал и на Суворина и на его сотрудницу Сазонову: « Под влия-

нием ее письма вы пишите мне о «жизни для жизни». Покорно вас благодарю. Ведь ее жизнерадостное письмо в 1000 раз больше похоже на могилу, чем мое. Я пишу что нет целей и вы понимаете что эти цели я считаю необходимыми и охотно пошел бы искать их, а Сазонова пишет, что вся наша беда в том, что мы все ищем каких-то высших и отдаленных целей. Это философия отчаяния. Кто искренне думает, что, что в «этих целях вся наша беда», тому остается кушать, пить, спасть или когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука»

«Скучная история» Чехова таким образом выражает его собственное отчаяние ученого, потерявшего смысл жизни. Она рассказывает о талантливом и успешном ученом, посвятившим жизнь науке, и на старости лет разочаровавшемся и в науке и в жизни, потому что прав оказался Толстой: не человек для науки, а наука для человека. Ученый Чехова — эмпирик как все ученые эпохи Юма и Канта, а значит он не признает ни Бога-интеллекта, положившего законы природы в основу мироздания, ни сами эти законы природы, ни сам процесс познания как соединение двух полюсов интеллекта: Активного (мышление) и Пассивного (законы природы). Так смотрят на мир деисты, или метафизики интеллекта, или философия христианства — это рационализм метафизики интеллекта.

Ученый Чехова не знает философию и теологию: он признается, я к сожалению не философ и не теолог. Но он глубоко страдает от того, что не может соединить свою горячую любовь к науке, свою веру в благо науки с общим смыслом существования человечества, с тем что дают этические религии. И тогда он говорит, «а без этого смысла жизни нет ничего», то есть нет ни жизни, ни науки.

Чехов, «Скучная история»:

> «для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо

> всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека.
> А коли нет этого, то, значит, нет и ничего».

Совершенно очевидно, что ученый из «Скучной истории» одной этой своей фразой — что без смысла жизни он не принимает ни жизнь ни науку — отказывается от философии эмпиризма, и утверждает философию рационализма, метафизику интеллекта. И тогда наука обретает весь тот смысл, который он в ней искал, и оправдывает всю ту веру и любовь, которую он в нее вкладывал, и мироздание получает и объяснение и цель.

Мережковский в своем романе о Леонардо де Винчи много рассуждает об антагонизме на его взгляд между «механицизмом законов природы» и нравственным, этическим началом разумного сознания человека. Для него наука в этом смысле «вне добра и зла», потому что она подчиняется только законам природы, а не соображениям этики. Тогда как же соединить моральное начало ученого и его служение науке? Так поставлен вопрос в романе о самом знаменитом ученом. Однако, тот же позитивизм Конта, который утверждает законы природы в основе общества, уже дает ответ на его вопрос: законы этики и есть законы природы. Никакого противоречия здесь нет. Как творец создал законы для материальных энергий, так законы морали есть закон духовной энергии человека. И у Конта этот закон определен как прогресс человечества в избавлении от Эгоизма в направлении к Альтруизму. Как ни примитивно сформулировал Огюст Конт процесс борьбы разумного человечества с полем Эгосистемы, а общую направленность определил правильно. Потому позитивизм в конечном итоге вовсе не материализм и не эмпиризм, а метафизика интеллекта.

Поэтому Чехов напрасно соединяет материализм Горького с метафизикой интеллекта Чехова: Чехов любит науку и этим утверждает и Бога — интеллекта, и законы природы, и этику как

законы природы духовной энергии. Правы Малюгин и Гитович, когда указывают, что диллему профессора из «Скучной истории» разрешает Чехов в другом рассказе «Студент». Чехов обнаруживает единое Пространство Интеллекта, как Толстой в трактате «О Жизни», видит вдруг единое направление, единую дорогу и единый смысл в движении в этом Пространстве. Оказывается, что наука и знания не есть самоцель, они служат становлению духовной энергии человечества в ее служении Богу. Неслучайно поэтому толчком для озарения оказывается Евангельская история и праздник Пасхи. Теперь и Чехов видит, что между христианством и наукой нет противоречия, ведь христианство — это поэзия научного познания души человека и его служения богу в познании.

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Чехов скажет Бунину: «Какой я пессимист? Ведь из моих вещей самый мой любимый рассказ «Студент». На нескольких страницах Чехов выразил главное, о чем думал все эти годы, без чего жизнь теряет смысл и что трагически ощутил герой «Скучной истории» профессор Николай Степанович. Человеку нужна уверенность в своей необходимости в «цепи жизни» и в том, что «прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекающих одно из другого». И студенту Ивану Великопольскому вдруг показалось, как казалось и самому Чехов, когда он смотрел на Ялту с вершины Дарсана, что он видит как бы оба конца этой цепи: «дотронулся до до одного конца, как дрогнул другой».

Чехов, «Студент»:

> «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.
> А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою

> полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Вот где в конечном итоге находит свой высокий смысл профессор из Скучной истории: в Пространстве Интеллекта, в Боге-Интеллекте, в поэзии Евангелия, предваряющей познание этого Пространства! Он больше не несчастный эмпирик, лишенный смысла жизни и понимания философии науки, он опять христианин, но уже Третьего завета Духа, завета изложенного на научном языке. Разве сам Мережковский не утверждал что человечество выросло из христианства как младенец из пеленок? Только в этом смысле отказывался от христианства и сам Чехов, и Толстой: они отказывались принимать его догмы, видеть идолы в буквах, и принимали только смысл.

Наконец, любимый рассказ Толстого — «Черный монах». Чехов писал, что видел черного монаха идущего через поле во сне. И вот, он переносит этот мистический образ на бумагу, да еще как переносит! Он наконец, формулирует смысл служения науке как смысл служения Богу-Интеллекту, и утверждает Царствие небесное на земле как церковь дружбы здорового, развитого человечества:

Чехов, «Черный монах»:

> « — У тебя очень старое, умное и в высшей степени выразительное лицо, точно ты в самом деле прожил больше тысячи лет, — сказал Коврин. — Я не знал, что мое воображение способно создавать такие феномены. Но что ты смотришь на меня с таким восторгом? Я тебе нравлюсь?
> — Да. Ты один из тех немногих, которые по справедливости называются избранниками божиими. Ты служишь вечной правде. Твои мысли, намерения, твоя удивительная наука и вся твоя жизнь носят

> на себе божественную, небесную печать, так как посвящены они разумному и прекрасному, то есть тому, что вечно.
> — Ты сказал: вечной правде... Но разве людям доступна и нужна вечная правда, если нет вечной жизни?
> — Вечная жизнь есть, — сказал монах.
> — Ты веришь в бессмертие людей?
> — Да, конечно. Вас, людей, ожидает великая, блестящая будущность. И чем больше на земле таких, как ты, тем скорее осуществится это будущее. Без вас, служителей высшему началу, живущих сознательно и свободно, человечество было бы ничтожно; развиваясь естественным порядком, оно долго бы еще ждало конца своей земной истории. Вы же на несколько тысяч лет раньше введете его в царство вечной правды — и в этом ваша высокая заслуга. Вы воплощаете собой благословение божие, которое почило на людях.
> — А какая цель вечной жизни? — спросил Коврин.
> — Как и всякой жизни — наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания, и в этом смысле сказано: в дому Отца Моего обители многи суть.
> Он пошел назад к дому веселый и счастливый. То немногое, что сказал ему черный монах, льстило не самолюбию, а всей душе, всему существу его. Быть избранником, служить вечной правде, стоять в ряду тех, которые на несколько тысяч лет раньше сделают человечество достойным царствия божия, то есть избавят людей от нескольких лишних тысяч лет борьбы, греха и страданий, отдать идее все — молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага, — какой высокий, какой счастливый удел! У него пронеслось в памяти его прошлое, чистое, целомудренное, полное труда, он вспомнил то, чему учился и чему сам учил других, и решил, что в словах монаха не было преувеличения».

Чехов, «Палата 6»:

> «Вы сами изволите знать, — продолжает доктор тихо и с
> расстановкой, — что на этом свете все незначительно и неинтересно, кроме
> высших духовных проявлений человеческого ума. Ум проводит резкую
> грань между животным и человеком, намекает на божественность
> последнего и в некоторой степени даже заменяет ему бессмертие, которого
> нет. Исходя из этого, ум служит единственно возможным источником

> наслаждения. Мы же не видим и не слышим около себя ума, — значит, мы
> лишены наслаждения. Правда, у нас есть книги, но это совсем не то, что
> живая беседа и общение. Если позволите сделать не совсем удачное сравнение, то книги — это ноты, а беседа — пение.
> ...Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящий человек
> достигает возмужалости и приходит в зрелое сознание, то он невольно
> чувствует себя как бы в ловушке, из которой нет выхода. В самом деле,
> против его воли вызван он какими-то случайностями из небытия к жизни...
> Зачем? Хочет он узнать смысл и цель своего существования, ему не говорят
> или же говорят нелепости; он стучится — ему не отворяют; к нему приходит
> смерть — тоже против его воли. И вот, как в тюрьме, люди, связанные
> общим несчастием, чувствуют себя легче когда сходятся вместе, так и в
> жизни не замечаешь ловушки, когда люди, склонные к анализу и
> обобщениям, сходятся вместе и проводят время в обмене гордых,
> свободных идей. В этом смысле ум есть наслаждение незаменимое».

Мережковский приводит слова Чехова в отношении религиозного общества Соловьева -Достоевского из письма, чтобы доказать, что Чехов «растерял веру». Однако единственное что следует из этого письма, что Чехов ищет Истинного Бога с неменьшей страстью, чем Мережковский свой Третий Завет и своего Иисуса Неизвестного. Он только предсказывает в этом письме, что догматическое богословие христианства обречено, и как Иисус в Евангелии говорит, что следующее «слово будет прямо от Отца», то есть на научном языке, проверяемом опытом и понятном для всех.

Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Во втором, от 30 декабря 1902 года — по поводу современного религиозного движения в России, идущего от Вл. Соловьева и Достоев-

> ского, движения, которое выразилось отчасти, хотя далеко неполно, в Религиозно-философских собраниях и в журнале «Новый путь»: «Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, быть может, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога; т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура — это начало работы, а религиозное движение, о котором мы говорили, — есть пережиток, уже почти конец того, что отжило, или отживает»

3. ЧЕХОВ — ВРАЧ-ПСИХИАТР. СЛУЖЕНИЕ БОГУ В БОРЬБЕ СО ЗЛОМ

Подобно Иисусу и Августину, подобно Спинозе и Кьеркегору, подобно Достоевскому и Гоголю, Чехов в своем служении Богу, в своей борьбе со Злом предстает не революционером-марксистом из «Бесов», а врачом-психиатром, ученым, который стремится выяснить законы души, чтобы излечить ее от болезни.

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Словно ученый- естествоиспытатель, неутомимо производил он все новые и новые эксперименты, лишь меняя условия опыта, рассматривая новые случаи и ситуации. С единственной целью получить в конце концов ответ, приблизиться к истине... В чем смысл жизни? В настоящем, которым живет большинство, или смысл жизни в служении высшей правде, в будущем, о котором говорил его «черный монах»,
> Он был врач, привыкший к точности, прошедший отличную школу, привыкший к точности. А хороший врач, прежде чем ставить диагноз, тщательно соберет анамнез и взвесит все мелочи, ибо в болезни как и в жизни, в конечном счете мелочей не бывает.
> Научный метод — серьезная опора для писателя. Научный метод держит, не давая выйти из круга жизни. Через несколько лет он напишет профессору Россолимо, своему университетскому товарище: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя может понять толь-

> ко тот, кто сам врач… Знакомство с естественными науками, научным методом всегда держало меня настороже, и я старался где было возможно соображаться с научными данными, а где невозможно — не писать вовсе… К беллетристам, относящимся к науке отрицательно, я не принадлежу, и к тем, которые до всего доходят своим умом, не хотел бы принадлежать»
> Чехов серьезно убеждал молодых писателей изучать психиатрию. И прибавлял: «Если хотите стать настоящей писательницей. Мне это много помогла и предохранило от ошибок». У него на столе стояла книга «Курс психиатрии» профессора Корсакова, первый русский учебник душевных болезней, и ею он долго был увлечен. В последнее время ему часто приходилось ездить в Мещерское — там находилась психиатрическая больница доктора Яковенко. Наблюдая его пациентов, Чехов и сам долго размышлял о том, как сложно связаны между собой различные проявления жизни, индивидуальной и общественной. И как важно научиться в этом разбираться… Возвращаясь из Мещерского домой, Чехов думал, что далекая от мирских дел психиатрия имеет куда более близкое отношение, чем кажется, к тому, что философы называют миросозерцанием человека»

Вот уже не наука ради науки у эмпириков, а наука в служении Богу-Интеллекту. Убедимся, что Чехов видит смысл жизни в служении правде, в борьбе с ложью, в борьбе со злом невежества и пошлости:

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «В наше больное время, когда европейскими обществами обуяла ложь, скука жизни и неверие, когда всюду в странной взаимной комбинации царит нелюбовь к жизни и страх смерти, когда даже лучшие люди сидят сложа руки, оправдывая свою лень и свой разврат отсутствием определенной цели в жизни, подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они утешают, возбуждают и облагораживают». Трудно сказать чего в этой статье-некрологе Пржевальскому больше — восхищения подвижником или осуждения обществу?»

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Мне жаль Салтыкова, — писал Чехов Плещееву, — Это была крепкая и сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измошенничавшемся душевно русском интеллигенте

> среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага»
> …Чехов радовался, что сахалинские школы будут иметь свои библиотечки. С Сахалина началась забота и помощь Чехова школам».
> Даже в таком начинании как помощь голодающим ставились запреты и ограничения. «Все повесили носы, пали духом, — писал Чехов Егорову, выражая недовольство распоряжением министра, — кто озлился, а кто просто омыл руки. Надо иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроениям, и делать то, что велит долг»

Чехов, «Дуэль»:

> « — Не смейтесь, дьякон, — сказал фон Корен, — это глупо, наконец. Я бы не обратил внимания на его ничтожество, — продолжал он, выждав, когда дьякон перестал хохотать, — я бы прошел мимо него, если бы он не был так вреден и опасен.
> Рыться под цивилизацию, под авторитеты, под чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на них только для того, чтобы оправдать и скрыть свою хилость и нравственную убогость, может только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное.
> — Нравственный закон, который свойственен каждому из людей, философы выдумали или же его бог создал вместе с телом?
> — Не знаю. Но этот закон до такой степени общ для всех народов и эпох, что, мне кажется, его следует признать органически связанным с человеком. Он не выдуман, а есть и будет. Я не скажу вам, что его увидят когда-нибудь под микроскопом, но органическая связь его уже доказывается очевидностью: серьезное страдание мозга и все так называемые душевные болезни выражаются прежде всего в извращении нравственного закона, насколько мне известно».

Чехов, «Гусев»:

> «В харькове у меня литератор приятель. Приду к нему и скажу: ну брат оставь на время свои гнусные сюжеты насчет бабьих амуров и обличай двуногую мразь… вот тебе темы…»
> Чехов, «Рассказ неизвестного человека»:
> «я сама ненавижу и презираю свое прошлое, и Орлова и свою любовь… какая это любовь? Все эти любви только туманят совесть и сбивают с толку. Смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову, и чтобы она — крак! Вот в чем смысл. В этом одном или же вовсе нет смысла».

Чехов, «Крыжовник»:

> «И говорят также теперь, что если наша интеллигенция имеет тяготение к земле и стремится в усадьбы, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвига. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа»
> Я соображал: как, в сущности, много довольных, счастливых людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч живущих в городе ни одного, который бы вскрикнул, громко возмутился
> Иван Иваныч прошелся в волнении из угла в угол и повторил: — Если б я был молод! Он вдруг подошел к Алехину и стал пожимать ему то одну руку, то другую. — Павел Константиныч, — проговорил он умоляющим голосом, — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте делать добро! Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом. Делайте добро!»

Чехов, «Скучная история»:

> « — Тон и манера у тебя таковы, как будто ты жертва. Это мне не нравится, друг мой. Сама ты виновата. Вспомни, ты начала с того, что рассердилась на людей и на порядки, но ничего не сделала, чтобы те и другие стали лучше. Ты не боролась со злом, а утомилась, и ты жертва не борьбы, а своего бессилия»

Чехов, «Палата №6»:

> «– Это пошло! — сказал он, быстро вставая и отходя к окну. — Неужели
> вы не понимаете, что говорите пошлости?
> Он хотел продолжать мягко и вежливо, но против воли вдруг сжал
> кулаки и поднял их выше головы.
> — Оставьте меня! — крикнул он не своим голосом, багровея и дрожа всем телом. — Вон! Оба вон, оба!

> Михаил Аверьяныч и Хоботов встали и уставились на него сначала с недоумением, потом со страхом.
> — Оба вон! — продолжал кричать Андрей Ефимыч. — Тупые люди!
> Глупые люди! Не нужно мне ни дружбы, ни твоих лекарств, тупой человек!
> Пошлось! Гадость!
> Хоботов и Михаил Аверьяныч, растерянно переглядываясь,
> попятились к двери и вышли в сени. Андрей Ефимыч схватил склянку с
> бромистым калием и швырнул им вслед: склянка со звоном разбилась о
> порог.
> — Убирайтесь к черту! — крикнул он плачущим голосом, выбегая в сени. — К черту!
> По уходе гостей Андрей Ефимыч, дрожа как в лихорадке, лег на диван
> и долго еще повторял:
> — Тупые люди! Глупые люди!»

Чехов, «Учитель словесности»:

> «Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны. И в воображении вдруг, как живой, вырос бритый Шебалдин и проговорил с ужасом:
> — Вы не читали даже Лессинга! Как вы отстали! Боже, как вы опустились!
> ...В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском, а он старался не слушать и писал в своем дневнике: «Где я, боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Чехов, «Ионыч»:

> «А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить. При всем том обыватели не делали ничего, решительно ничего, и не интересовались ничем, и никак нельзя было придумать, о чем говорить с ними. и всё, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, ...Всё это раздражало Старцева. Садясь в коляску и глядя

> на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил всё сразу — и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город».

Малюгин, Гитович, «Чехов»:

> «Такая кругом Азия, что я просто глазам своим не верю! 60 000 жителей занимаются только тем, что едят пьют, плодятся, а других интересов — никаких! Куда ни явишься, всюду куличи, яйца, сантуринское, грудные ребята, но нигде нет ни газет, ни книг. Местоположение города прекрасное, климат великолепный, плодов земли тьма, но жители инертны до чертиков. Все одарены, нервны, чувствительны, но все это пропадает зря...»

Как ученый, Чехов обнаружил «Пошлость Зла». Он борется не со сверхъестественными силами, а с болезнью души, которая выражается прежде всего в невежестве, лжи, и пошлости. И он обнаруживает ее повсюду, и понимает, как Кьеркегор и Бертран Рассел, как Э. Фромм и Марк Твен, что само общество больно, что единичны не случаи патологии, а случаи здоровья. Что само общество — это система зла, где люди «густой замес Ноздрева и Хлестакова», как пишет он в «Письмах из Сахалина».

Л. Малюгин, И. Гитович: «Чехов»:

> «Из письма Немировичу: «Почему мы вообще ведем серьезные разговоры так редко? Когда люди молчат, это значит что им не о чем говорить. О чем говорить? У нас нет политики... у нас нет ни общественной, ни кружковой, ни даже уличной жизни, наше городское существование бедно, однообразно, тягуче, неинтересно... Разговоры же на общие темы никогда не клеятся, потому что когда кругом тебя тундра и эскимосы, то общие идеи, как неприменимые к настоящему, так же быстро расплываются и ускользают, как мысли о вечном блаженстве... В нашем молчании и несерьезности и в неинтересности наших бесед не обвиняй ни себя, ни меня, а обвиняй, как говорит критика «эпоху»

У Шеллинга в «Ночных бдениях» палаты сумасшедшего дома заняты философами. Чехов «Палате номер 6» показывает

как раз эту ситуацию: больное пошлостью общество, черт Гоголя, помещает людей с развитой духовной энергией разума в сумасшедшие дома. Гоголь писал, что его «Мертвые души» ужаснули Россию, потому что все герои выходили один пошлее другого, так что стало душно как в погребе. Та же ситуация в творчестве Чехова: или удушающая пошлость Зла, или бессилие Добра, которое всегда в конечном итоге падает жертвой зла. И ответ напрашивается сам собой: виновата сама система, которая воспроизводит Зло, больных людей в массовых количествах — «стадные люди», говорит о них «черный монах». А разумные люди появляются в такой системе как исключение и обречены на гибель. И вот «гения» принимаются лечить в «Черном монахе», а интеллигентный врач, сумевший оценить ум пациента сумасшедшего дома, осужден стать его соседом по камере.

Чехов, «Палата 6»:

> «– А за что вы меня здесь держите?
> — За то, что вы больны.
> — Да, болен. Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе,
> потому что ваше невежество не способно отличить их от здоровых. Почему
> же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы
> отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в
> нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы
> сидим, а вы нет? Где логика?
> — Нравственное отношение и логика тут ни при чем. Все зависит от случая. Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и все.
> В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни
> логики, а одна только пустая случайность».

Вывод один: надо сломать систему, которая постоянно воспроизводит пошлость зла. Нужно всеобщее образование,

и не азбуки и грамматики, а университеты и научные институты, нужен прежде всего досуг для учебы, нужно освободить людей от тяжелого физического труда. Нужна в итоге, церковь дружбы единой духовной энергии разума, к такому выводу он приходит в «Доме с Мезонином»:

> «– Нужно освободить людей от тяжкого физического труда, — сказал я. — Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе и тогда увидите, какая в сущности насмешка эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки.
> — Освободить от труда! — усмехнулась Лида. — Разве это возможно?
> — Да. Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день. Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума. Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они ни боялись голода, холода и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, — сколько свободного времени у нас остается в конце концов! Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам. Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и все мы сообща, миром, искали бы правды и смысла жизни, и — я уверен в этом — правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти».

Мережковский говорит, что Чехов так ярко отразил эту гнилость всего общества в своем творчестве, такими красками

правды показал невозможную духоту пошлости, что он непременно ставит его в один ряд с вождями разразившейся в итоге революции: Толстым, Достоевским, Гоголем.

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Везде уныние. Какая то метафизическая скука, чувство беспредельной пустоты, ненужности, ничтожности всего.
> ...Эта пронзительно унылая свирель Луки Бедного — не самого ли Антона Бедного, Антона Чехова? — предчувствие всеобщего конца, всемирной погибели — основной напев, Leitmotiv чеховской музыки. Иногда в мертвом затишье перед грозой одна только птица поет, словно стонет, уныло и жалобно: такова песня Чехова. Мы теперь уже вышли из этого предгрозового затишья — из чеховской скуки; мы уже видим грозу, которую он предсказывал: «Надвигается на всех громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, гнилую скуку» («Три сестры»). Чехову было скучно и страшно; нам теперь страшно и весело. Наконец то гроза! Наконец «началось», сорвалось, полетело — все кругом летит, летим и мы, вверх или вниз, к Богу или к черту, — не знаем пока, боимся узнать, но, во всяком случае, летим, не остановимся, — и слава Богу! Кончился быт, начались события. Но какова бы ни была сила бури, которая сметет чеховский быт, — мы никогда не забудем — в темноте грозовой тучи белую чайку с ее жалобно вещим криком. Каков бы ни был ужас конца, мы никогда не забудем пронзительно унылую свирель Антона Бедного, которая напророчила этот конец».

ГЛАВА 7. БОГОЧЕЛОВЕК ТОЛСТОЙ И ВЛАСТЬ СУМАСШЕДШИХ

1. Богочеловек Толстой и трон русских царей.

2. «Между нами идет борьба насмерть — Божье или не божье»

1. БОГОЧЕЛОВЕК ТОЛСТОЙ И ТРОН РУССКИХ ЦАРЕЙ

Быть Богочеловеком и значит быть «как боги» в чеховском понимании. Напрасно Мережковский старается уличить Чехова в язычестве Человекобога. Не человека обожествляет Чехов, а Интеллект и науку, и потому прав, когда говорит, что люди, у который научный контроль их духовной энергии наконец достигнет зрелости, будут богоподобны: ведь наличие мышления у человека и в самом деле есть Доступ человека в Пространство Интеллекта Творца. Мышление — этот святой дар человеку, открывает ему доступ к видению законов природы, установленных Творцом, и открывает ему доступ к силе природных энергий. Человек может видеть величие Господа и даже пользоваться огромной его силой, умножая познания своего научного контроля. И в этом он подобен Господу, и в этом он Богочеловек. Прав Чехов когда выводит божественность человека из интеллекта и науки! Но делает ли это человека равным Господу? Смешно даже ставить такой вопрос, творение никогда не уравняется с творцом, мы можем постигать законы природы, но и сантиметр не можем изменить в них. А ведь языческие Человекобоги равняют себя богам, они всесильны.

Богочеловек не всесилен, он такая же часть детерминированного Господом мира, также подчиняется законам природы;

его отличие, его относительная свобода, его особенная сила только в том, что мышление, активный интеллект дают ему возможность контролировать эти законы природы, то есть получать доступ к энергиям природы, очерченным этими законами. Но и его собственная энергия, не только материальная, но и духовная детерминирована законами природы. Так, человек чувствует «нравственный закон в себе», как говорил Кант. И этот нравственный закон есть поле совести духовной энергии разума. Совесть, сочувствие и справедливость — как выражение единства истинного Я (духовной энергии) человечества, здоровые люди чувствуют как «нравственный закон в себе». Вот почему все Богочеловеки (в отличии от человеко-богов) всегда ставят свой громадный интеллект, свою громадную силу духа на службу обществу.

Таким Богочеловеком был, вне всяких сомнений, Толстой. И он всей своей жизнью доказал не только тот факт, что поле совести реально существует, но и тот факт, что оно намного сильнее поля Эгосистемы (тщеславия и разврата).

«Убийства и жесткость всё усиливаются и усиливаются. Как же быть? Как остановить? Запирают, ссылают на каторгу, казнят. Злодейства не уменьшаются, напротив. Что же делать? Одно и одно: самому каждому все силы положить на то, чтоб жить по-божьи. Они будут бить, грабить. А я, с поднятыми по их приказанию кверху руками, буду умолять их перестать жить дурно. „Они не послушают, будут делать всё то же“. Что же делать? Мне-то больше нечего делать». — пишет он в дневнике

Действительно, достаточно вспомнить ужасы из дневников и воспоминаний Герцена, Кропоткина о том, что творилось в царской России, чтобы понять, что совсем не шуточная гроза собиралась над Толстым, когда он выступил со своими яростными обличениями власти (мало в них было от мольбы, то был тон древнееврейского пророка, вступившего в смертный бой с порочными царями Израиля). Во всех его философских, богословских, социологических и публицистических писаниях, он уже больше не художник, он в прямом смысле божий воин, который

ведет войну с силами зла не на живот, а на смерть. Он не только не стесняется в выражениях, он ищет и находит «знаменитые толстовские сарказмы», как говорит Р. Роллан, то есть самую резкую и самую грубую форму, которая высветит зло и нанесет ему наибольшее поражение. И как всякий божий воин он готов к распятию на Голгофе («Я сораспялся Христу, — говорил Павел, — и уже не я живу, но Христос живет во мне»).

Какого же его удивление, когда он видит, что снаряды со вражеского лагеря летят и поражают массы людей вокруг него, но ни одного снаряда не потратили на него самого! Не посмели!

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

> «Толстой жестоко страдал от того, что сам не подвергался преследованиям. Он жаждал мученичества, но правительство не спешило помочь ему стать мучеником.
> «Вокруг меня насилуют моих друзей, а меня оставляют в покое, хотя, если кто вреден... то это я. Очевидно, я еще не стою гонения. И мне совестно за это» (письмо к Тенеромо, 1892 г.).
> «Но, видно, я не достоин этого, и так мне и придется умереть, не пожив приблизительно и хотя короткое время так, как я считаю это должным, и не придется хоть какими-нибудь страданиями тела свидетельствовать истину» (письмо к Тенеромо от 16 мая 1892 г.).
> «Мне тяжело быть на воле» (июнь 1894 г., к нему же).
> А ведь Толстого никак нельзя упрекнуть в излишней осторожности. Он поносит царей, ополчается на отечество, «этот ужасный кумир, во имя которого люди жертвуют не только своей жизнью, но и свойственной разумным существам свободой» («Конец века»). Вспомните, как в «Едином на потребу» Толстой излагает историю России. Это какая-то галерея чудовищ: «душевнобольной Иоанн Грозный, жестокий и пьяный Петр, невежественная кухарка Екатерина I, развратная Елизавета, полоумный Павел, отцеубийца Александр I» (единственный, впрочем, к кому Толстой все же питает тайную нежность), «жестокий Николай I, то либеральный, то деспотичный Александр II, Александр III — глупый, грубый и невежественный, Николай II — невинный гусарский офицер, молодой человек, который ничего не знает, ничего не понимает».

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

«Так что же нам делать?» — первая веха на трудном пути Толстого, когда, отвергнув относительный покой религиозных исканий, он ринулся в общественные схватки. С тех пор началась та двадцатилетняя война против лжи и преступлений цивилизации, которую вел во имя евангелия старец-пророк из Ясной Поляны, вел в одиночку, оставаясь вне партий и все их осуждая.

Впервые он столкнулся так близко с нищетой больших городов. Впечатление было ужасающим. Вечером того дня, когда он впервые лично обнаружил эту скрытую язву цивилизации, он рассказывал своему другу обо всем виденном и при этом начал «кричать, плакать, потрясать кулаками».

Он начинает с того, что с фотографической точностью описывает нищету, которую наблюдал в Москве, посещая кварталы, где ютятся бедняки, и ночлежные дома. И видит, что заблуждался раньше, что не деньгами можно спасти этих несчастных, на которых лежит каинова печать больших городов. Тогда он смело принимается за поиски источников зла. И звено за звеном разворачивается перед ним ужасающая цепь виновности. Сначала богачи и проклятая зараза их роскоши, которая привлекает и развращает. Всеобщий соблазн праздной жизни. И, наконец, государство, — эта все убивающая машина, придуманная насильниками, чтобы грабить и порабощать человечество. Церковь — его союзница; наука и искусство — соучастники... Как бороться со всеми этими полчищами зла? Прежде всего отказываясь присоединиться к ним. Отказываясь принимать участие в эксплуатации людей. Отказываясь от денег и земельной собственности, ни в чем не помогая этому государству. Но это еще не все, надо «не лгать», не бояться правды». Так евангелист из Ясной Поляны, противник насилия, сам того не зная, предсказал коммунистическую революцию: «Я и думаю, что революция 1905 года, имеющая целью освобождение людей от насилия, должна начаться и начинается уже теперь именно в России».

Неутомимый борец против лжи, он продолжает неутомимо травить все религиозные и общественные предрассудки, все суеверия и фетиши. Он разоблачает не только вред старых официальных устоев церкви-гонительницы и царского самодержавия. Теперь, когда все, кому не лень, бросают в них камень, он становится даже несколько спокойнее в этом смысле. Ему кажется, что все знают им цену и потому церковь и самодержавие уже не столь опасны. Ведь они делают то, что им положено, и никто не обманывается на их счет. Письмо Толстого царю Николаю II, беспощадное в отношении монарха, которому он высказывает всю правду, полно снисхождения к нему как к человеку»

За самые ничтожные факты и по самым поверхностным подозрениям люди пропадали в застенках «царской охранки» навсегда — достаточно почитать дневники революционеров. Толстой громогласно призывает к свержению всего существующего строя, пишет самые дерзкие письма царям, «несомненно колеблет их трон», как говорит Суворин, и его никто не смеет тронуть пальцем! А в конечном итоге, именно он, как наконец признает Мережковский и будет в основании поднявшегося революционного движения в России. Как говорил Ренан, евангелие всегда оставалось силой, которая поднимала народы на сопротивление несправедливой власти и засилью зла.

Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая»:

> «14 января в английской газете «Daily Telegraph» в переводе Эмилия Диллона появилась запрещенная в России статья Толстого «О голоде». 22 января консервативные «Московские ведомости» с радостью перепечатали в обратном переводе фрагменты этой статьи с такими комментариями: «Письма гр. Толстого… являются открытою пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».
> Это был донос. Но это было правдой. Толстой действительно звал к «ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя», только не насильственным путем. Как раз в это время он работает над книгой «Царство Божие внутри нас», разрабатывая знаменитую идею «непротивления злу силою». Но кто это знал?
> Александр III приказал «оставить на этот раз без последствий». …император говорил о Толстом с его теткой А. А. Толстой, которая защищала племянника. Император сказал: «Я нисколько не намерен сделать из него мученика и обратить на себя всеобщее негодование». Поговаривали, что собирался кабинет министров, чтобы принять решение о высылке Толстого за границу».

Л. Малюгин, И. Гитович, «Чехов»:

> «Люди, узнав об этом, толпами собирались на площадях. В Синод посыпались письма с просьбой об отлучении. На передвижной вы-

> ставке в Перербурге перед портретом Репина «Толстой на молитве» посетители выставки устроили овацию и послали Толстому телеграмму, под которой стояло 398 подписей. Картину с выставки, конечно тут же сняли... Суворин именно в те дни записал в своем дневнике: «Два царя у нас: «Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай Второй ничего не может сделать с Толстым, не пожжет поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии... Попробуй кто тронуть Толстого, Весь мир закричит, а наша администрация подожмет хвост... Новое время настает и оно себя покажет»

Казнить, сажать в тюрьму, даже высылать не решались, при том что он уже не просто какой нибудь там революционер, а соперник царю живому. Единственное на что решились — отлучить его от церкви, и поговаривали что то была личная место Победоносцева за то, что Толстой вывел его в образе «мертвой души» Топорова в «Воскресении».

Давно подумывали о том, чтобы объявить его сумасшедшим, но боялись реакции народа, который давно уже определил себе настоящего царя: пусть только попробуют тронуть Толстого, как говорил Суворин.

> «В марте 1881 года он пишет Александру III дерзкое письмо, в котором просит не казнить убийц его отца, Александра II, после известного события 1 марта. В ответе Толстому Победоносцев писал: «...не взыщите за то, что я уклонился от исполнения вашего поручения. В таком важном деле всё должно делаться по вере. А прочитав ваше письмо, я увидел, что ваша вера одна, а моя и церковная вера другая, и что наш Христос — не ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить ваше поручение. Душевно уважающий и преданный К. Победоносцев».
> Намек на «расслабленность» и необходимость «исцеления» со стороны члена госсовета и недавно назначенного обер-прокурора Святейшего Синода был вполне прозрачен. История с письмом Чаадаева (даже не царю), за которое его признали сумасшедшим, была еще свежа в памяти. С этого письма Александру начинается диссидентский путь Толстого. Письмо не дошло до царя, но содержание его было ему известно.

> Толстой вступает на опасный путь, где гарантией его неприкосновенности является только его громкое литературное имя. Но именно это имя он ценит теперь менее всего»

Итак, объявят или не объявят Толстого сумасшедшим? Упекут или не упекут в чеховскую «Палату №6»? Ведь он прав, он живет в обществе сумасшедших, где правят сумасшедшие, и борется с властью сумасшедших. Что такое Власть сумасшедших?

Это власть дурака над умным, это власть пошлости над наукой и искусством, это власть садиста над человеком, это власть животного и развратника над конструктивной работой духа, это власть мелкой зависти над единством духа великих людей, это власть низости над благородством, это власть подлости и грязи над совестью и добродетелью, это власть злорадства над философским юмором, это власть насилия над искренностью и уважением, это власть Мертвого над Живым.

Здоровый человек непременно чувствует несправедливость, страшную метафизическую несправедливость ситуации, где власть над научным контролем духовной энергии человека оказывается в руках мертвой материальной энергии поля Эгосистемы. То есть в руках сумасшедших, как правильно говорил Толстой. Потому что так сказывается действие закона сохранения силы в психике человека: великая энергия активного интеллекта, имеющая доступ к пространство Интеллекта и контроль над силами всех природных энергий никак не может подчиняться какому то мертвому «свиному рылу», как сказал бы Гоголь, каким то там автоматизмам кругового голода тупой и стандартной материальной энергии.

Потому всякое явление Богочеловека всегда сказывается как вызов этой страшной несправедливости в униженности божественной энергии разума перед свиным рылом материальной энергии. И потому и Иисус и Толстой сражались за церкви дружбы, за царствие небесное на земле, которое они противопоставляли физическому контролю насилия и подчинения, то есть противопоставляли власти дураков и сумасшедших. Христа распяли, но Церковь его победила на всей земле, составив Его славу

и славу всего христианства. Толстого не посмела тронуть Власть сумасшедших, с которой он так отчаянно дрался, и дело его и книги его с течением времени все славнее. Ибо истинная сила духовной энергии, явленная во всей мощи своей в Богочеловеке великого ума и духа, не может не победить силу заурядной материальной энергии, не выходящей за черту заколдованного круга автоматизмов пассивного интеллекта.

2. «Между нами идет борьба насмерть — Божье или не божье»

Чехов прав когда говорит о «людях как богах» в будущем времени. Пока Богочеловеки — единицы, пророки и гении, божьи ангелы, наделенные огромной силой духа и присланные на землю, чтобы, как говорит черный монах Чехова, ускорить процесс становления царства становления духовной энергии на земле. Но вот когда оно установится, люди в самом деле станут как боги; нет, не в языческом смысле самообожествления, ибо люди научного контроля не претендуют на всесилие, только на контроль установленных Творцом законов природы.

А пока «великий человек» Чехова — талантливый врач Дымов, трудяга и благороднейшая душа — погибает в расцвете сил в обществе, где Власть у сумасшедших. Другого его великого человека — гения Коврина, которому черный монах предсказывает великое будущее пророка и ученого — тоже погибает от власти сумасшедших у себя дома. Жена и тесть отвозят его лечиться и он превращается в бездарного лектора. Иван Дмитрич, талантливейший и благороднейший человек насмерть пугается общества, где правит черт Гоголя в обличии многих своих мертвых душ, и власть сумасшедших запирает его в сумасшедший дом. Доктор этой больницы, Андрей Ефимыч, который восстает против власти сумасшедших, и выказывает дружбу и уважение к Ивану Дмитричу, — другой великий человек своего времени — погибает вместе с Иваном Дмитричем. Тако-

ва судьба будущих Богочеловеков — то есть честных, умных, талантливых людей — в обществе, где правит Власть Сумасшедших.

Герои Чехова интеллигенты как Толстой. Они стараются «любовью» лечить своих сумасшедших правителей и палачей. Они приносят себя в жертву как врач Дымов, они уступают женам как гений Коврин, они не могут повысить голоса как доктор Андрей Ефимыч, когда видят что их обкрадывают, и не могут противостоять своим домашним, как старый профессор, когда те убивают их своей пошлостью. И это потому что они считают их «своими заблудшими младшими братьями», над которыми они возвышаются своим умом и благородством, и обязаны терпеть и лечить их любовью. «Я был королем, — старый профессор, — я всем прощал, а теперь я не могу, я раздражаюсь». Он стал злиться и даже злословить.

Однажды, смиренные интеллигенты Чехова вдруг срываются, и начинают кричать «пошли вон! Это пошло! Тупые люди!» и топать ногами, махать руками и всячески себя физически и морально защищать от людей, чье насилие и пошлость они до сих пор терпели. Почему? Да потому что у них открываются глаза, и они понимают, что невежество и глупость не делают этих людей слабее них сегодня, напротив, они и есть Власть в обществе. И тогда они понимают, что живут под властью сумасшедших! Вот где с них слетает интеллигентность и они превращаются в яростных борцов за свою свободу, по крайней мере, на эти несколько минут, пока они кричат и требует освободить их от присутствия этих «мертвых душ».

Чехов, «Скучная история»:

> «Вся кровь вдруг отливает от моего мозга, из глаз сыплются искры, я вскакиваю и, схватив себя за голову, топоча ногами, кричу не своим голосом:
> — Оставьте меня! Оставьте меня! Оставьте!
> Вероятно, лицо мое ужасно, голос странен, потому что жена вдруг бледнеет и громко вскрикивает каким-то тоже не своим, отчаянным голосом. На наш крик вбегают Лиза, Гнеккер, потом Егор...
> — Оставьте меня! — кричу я. — Вон! Оставьте!

> Ноги мои немеют, точно их нет совсем, я чувствую, как падаю на чьи-то руки, потом недолго слышу плач я погружаюсь в обморок, который длится часа дватри».

Чехов, «Палата 6»:

> «– Доктор пришел! — крикнул он и захохотал. — Наконец-то! Господа,
> поздравляю, доктор удостаивает нас своим визитом! Проклятая гадина! —
> взвизгнул он и в исступлении, какого никогда еще не видели в палате,
> топнул ногой. — Убить эту гадину! Нет, мало убить! Утопить в отхожем
> месте!
> Андрей Ефимыч, слышавший это, выглянул из сеней в палату и
> спросил мягко:
> — За что?
> — За что? — крикнул Иван Дмитрич, подходя к нему с угрожающим видом и судорожно запахиваясь в халат. — За что? Вор! — проговорил он с
> отвращением и делая губы так, как будто желая плюнуть. — Шарлатан!
> Палач!
> ….
> — Это пошло! — сказал он, быстро вставая и отходя к окну. — Неужели
> вы не понимаете, что говорите пошлости?
> Он хотел продолжать мягко и вежливо, но против воли вдруг сжал
> кулаки и поднял их выше головы.
> — Оставьте меня! — крикнул он не своим голосом, багровея и дрожа
> всем телом. — Вон! Оба вон, оба!
> Михаил Аверьяныч и Хоботов встали и уставились на него сначала с
> недоумением, потом со страхом.
> — Оба вон! — продолжал кричать Андрей Ефимыч. — Тупые люди!
> Глупые люди! Не нужно мне ни дружбы, ни твоих лекарств, тупой человек!
> Пошлось! Гадость!»

Интеллигенты уступают и уступают натиску хамов, пока не оказываются припертыми к стене дальше которой только полная потеря личности, свободы, ума, душевного здоровья.

И тогда всем интеллигентам, даже Толстому, становится ясно, что они живут под властью сумасшедших. И тогда они бегут прочь: удирать, удирать отсюда, пишет он в дневниках. Понятно, что вопрос не в медицинском диагнозе домашним Толстому и его супруге, а в простой логике фактов: нормальный человек не стал бы смущать так свободу любого другого человека, тем более близкого и тем более великого писателя. Если супруга была не согласна с ним, она могла бы проявить уважение к его воле какой бы она не была и просто разъехаться с ним, ведь все имущество он переписал на нее и детей. Она же пользуясь его добротой, всякий раз угрожала самоубийством в случае, если он сам ее оставит. При этом он реально отдал всю власть и юридическую и экономическую в руки жены, переписав на нее все, и пожертвовав ей своими, пусть утопическими, но очень дорогими для него убеждениями об отказе от частной собственности. Потому вне зависимости от того был ли диагноз Россолимо хорошо или плох, очевидно, что жена Толстого не уважала его убеждений и его миссию как религиозного гения, и что насильно старалась подчинить его своей воле. Это и значит жить под Властью сумасшедших. При этом подобно старому профессору из «Скучной истории» Чехова, Толстой чувствует себя «королем» великодушия, но тоже до поры, до времени.

Басинский, «Бегство из Рая»:

> «Когда С. А. выбила у мужа обещание не встречаться с Чертковым, В.Г. нанес ответный удар в виде еще одного письма к Толстому. Целью его было «открыть глаза» Л.Н. на подоплеку поведения его жены и сыновей.
> «Цель же состояла и состоит в том, чтобы, удалив от вас меня, а если возможно и Сашу, путем неотступного, совместного давления выпытать от вас или узнать из ваших дневников и бумаг, написали ли вы какое-нибудь завещание, лишающее ваших семейных вашего литературного наследства, если не написали, то путем неотступного наблюдения за вами до вашей смерти помешать вам это сделать, а если — написали, то не отпускать вас никуда, пока не успеют пригласить черносотенных врачей, которые признали бы вас впавшим в старческое слабоумие для того, чтобы лишить значения ваше завещание».

> Это был откровенный донос. Но, увы, не лишенный правды. Маковицкий писал в своих «Записках»: «Софья Андреевна выдала свои планы: если бы узнала, что Лев Николаевич написал Завещание, то пошла бы к царю, представила бы себя нищей и выпросила бы уничтожения Завещания Льва Николаевича и введение себя в права. Думает о том с тремя младшими сыновьями: объявить Льва Николаевича сумасшедшим».

Вот здесь уже видно, как Власть сумасшедших окружает человека со всех сторон и заходит прямо к нему в дом. Ведь их власть -это поле Эгосистемы, а Левиафаны постоянно воспроизводят это поле, уничтожая духовную энергию людей. В конечном итоге, здоровые люди чувствуют себя тем более одиноко, чем больше они решаются говорить правду, подобно Толстому и Чехову, и в конечном итоге, против них ополчается даже их семья.

Басинский, «Бегство из рая»:

> «Толстой чувствовал себя одиноким, лишившись поддержки семьи. „...вы не можете и представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящее *я*, презираемо всеми окружающими меня“, — писал он Михаилу Энгельгардту в конце 1882 года»

Малюгин, Гитович, «Чехов»:

> «Меня окружает густая атмосфера злого чувства... — жаловался Чехов сестре. — Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Черт их знает. Если бы я застрелился то доставил бы этим большое удовольствие девяти десятым своих друзей и почитателей»

Басинский, «Бегство из рая»:

> «Но заглянем в дневник Толстого... Такое впечатление, что он живет не в раю, а в аду.
> В 1882 и 1883 годах Толстой почти не вел дневник, но с 1884 года начинает вести регулярно.
> *31 марта*. «Остался один с ней. Разговор. Я имел несчастье и жестокость затронуть ее самолюбие, и началось. Я не замолчал. Оказа-

> лось, что я раздражил ее еще 3-го дня утром, когда она приходила мешать мне. Она очень тяжело душевно больна».
> *3 мая*. «...нашел письмо жены. Бедная, как она ненавидит меня. Господи, помоги мне. Крест бы, так крест, чтобы давил, раздавил меня. А это дерганье души — ужасно не только тяжело, больно, но трудно. Помоги же мне!»
> *28 мая*. «Пытаюсь быть ясен и счастлив, но очень, очень тяжело. Всё, что я делаю, дурно, и я страдаю от этого дурного ужасно. Точно я один несумасшедший живу в доме сумасшедших, управляемом сумасшедшими».

Вот Толстой казалось бы победил гидру Власти сумасшедших там, вне дома, в институтах государства, сражаясь с ними с неземной отвагой, как когда-то на войне, не на жизнь, а на смерть. И вот эта гидра у него, у победителя Дракона, Царя-Кощея, оживает прямо в его доме: до какой степени цели и желания царя и супруги его сходятся. Те мечтают повторить трюк с сумасшествием Чаадаева и уже отлучили его от церкви, и этим надо того же, признать старика недееспособным, и лишить его полностью личностной свободы: пускай себе пасется на лужайках Ясной Поляны как скот. Война, которую затеяла с мужем С.А. — это война за власть: она ставит свой физический контроль, своего мелкого женского тщеславия выше его гения, и хочет подчинить себе его гений. Достаточно почитать ее поэму «Чья вина?», которую она написала в пику «Крейцеровой сонате» Толстого.

П. Басинский, «Бегство из рая»:

> «Оторопь вызывает и характеристика Толстого как мыслителя в «Чья вина?» С.А. «Он много путешествовал, прожил бурную веселую юность, от всего устал и поселился в деревне, занимаясь философией и воображая себя глубоким мыслителем. Это была его слабость. Он писал статьи, и многим казалось, что он действительно очень умен. Только чуткие и очень сведущие люди видели, что в сущности философия князя была очень жалка и смешна. Он писал и печатал в журналах статьи, не имеющие ничего оригинального, а представляющие из себя перетасовку старых, избитых тем и мыслей целого ряда мыслителей древних и новых времен. Перетасовка делалась

> так ловко, что большинство публики читало их даже с некоторым увлечением, и этот маленький успех бесконечно радовал князя...» Характеристики князя, т. е. Толстого, вообще ужасны. Если взгляд, то непременно «зверский», если поселится в гостинице, то в «грязном» номере». Наоборот — все характеристики Анны, т. е. автора, запредельно завышены. Это не женщина, а Мадонна. «Высочайшие идеалы религиозности и целомудрия».

Мережковский в ужасе от одного предположения, что супруга Толстого планировала лишить его дееспособности (установить опеку), он цитирует воспоминания ее брата:

> «И, наконец, последнее, уже самое неимоверное признание:
> «Жена Льва Николаевича, чтобы сохранить состояние для детей, ***готова была просить власти об учреждении опеки над его имуществом».***
> Опека, учреждаемая гр. Софьей Андреевной над Л. Толстым! Да ведь это трагедия, может быть, величайшая в современной русской, и уж во всяком случае — в его жизни. Это и есть то острие меча, на котором вся судьба человеческая, решаясь, колеблется. И мы об этом узнаем от случайных наблюдателей, от праздно любопытствующих. И это ужасное происходит в самом темном, тайном углу его жизни, глухо и немо. Ни слова от него самого, который всю жизнь только и делал, что исповедывался, который и теперь утверждает, что ему нечего скрывать от людей.
> Как же он, однако, вышел из этой трагедии?»

Вот почему Толстой, такой добрый и снисходительный к «душевной болезни» жены вначале, вдруг чувствует, что его трясет от ярости, как чеховских героев, которые больше не могут мириться с властью пошлости. И если жена его не осуществила своих планов и не вступила в сговор с правительством, то по крайней мере он не мог не чувствовать как близка угроза. Его друг Чертков, спас его по видимому, прежде всего тем что был всегда рядом, и не менее важно тем, что вкладывая все что имел в продвижение книг Толстого сделал ему имя и зарубежом и сильно способствовал росту его славы в России. Возможно, Толстой умер бы много трагичнее, если бы Бог не послал ему такого помощника.

Басинский, «Бегство из рая»:

> «...Когда-то он сказал дочери Маше: „Когда я слышу ее торопливую походку, приближающуюся к моему кабинету, руки у меня начинают трястись от негодования.
>
> ...Это письмо — крик души! Оно обрывается на страшной фразе: «Между нами идет борьба насмерть — Божье или не божье». Это письмо обращено не к одной С.А., но ко всей семье, из которой Л.Н. снова хочет уйти.
>
> ... — Я как в аду киплю в этом доме, — жаловался он, — а мне завидуют, говорят, что я живу по-барски, а как я здесь мучаюсь, никто не видит и не понимает.
> В ту ночь Толстой изложил Новикову свой замысел.
> — Я не умру в этом доме. Я решил уйти в незнакомое место, где бы меня не знали. А может, я и впрямь приду умирать в вашу хату. Только я наперед знаю, вы меня станете бранить, ведь странников нигде не любят. Я это видал в ваших крестьянских семьях, а я ведь такой же стал беспомощный и бесполезный... Я вам буду только мешать и брюзжать по-стариковски.
> «Мне стоило большого усилия, чтобы не расплакаться при этих словах... — вспоминал Новиков».
>
> ...«Михаил Петрович,
> В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом, обращаюсь к вам еще с следующей просьбой: если бы действительно случилось то, чтобы я приехал к вам, то не могли бы вы найти мне у вас в деревне хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую хату, так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время. Еще сообщаю вам то, что если бы мне пришлось телеграфировать вам, то я телеграфировал бы вам не от своего имени, а от Т. Николаева.
> Буду ждать вашего ответа, дружески жму руку. *Лев Толстой*.
> Имейте в виду, что всё это должно быть известно только вам одним».
> Какие уж тут шутки! В этом письме впервые называется секретный шифр, который Толстой с Сашей и Чертковым будут использовать во время бегства Л.Н. из Ясной Поляны, чтобы обмануть С.А. и газетчиков. Великий Толстой, презиравший псевдонимы, не боявшийся подписывать своим именем дерзкие письма царям, Столыпину и Победоносцеву, скроется за тенью Т. Николаева».

В конечном итоге, в одном из таких приступов бунта против власти сумасшедших, которые в смертный час проявляют чеховские герои, взбунтовался окончательно и Толстой. Он сбежал из дома — Удирать! Удирать! Между нами борьба Божье или не Божье! — и как известно, умер в дороге. Конечно, супруга его, как большинство обычных людей своего времени, как большинство чеховских героев, только жертва обстоятельств, которые взращивают в человеке не доброе, не божье, а болезнь поля Эгосистемы. Дело не в ней, и вины ее никакой в смерти Толстого нет. В конце концов, он мог сам ее оставить и раньше, проявить больше твердости и меньше сентиментальности, и просто разъехаться. Вопрос не в его супруге и не в том кто из них двоих виноват.

Речь о том, что система эта, которая в чеховских рассказах убивает все живое, всех и вся, в конечном итоге находит даже такого Богочеловека как Толстой, победивший эту систему в ратном поле! Находит везде, находит даже у него дома, дотягиваясь своими щупальцами спрута до незащищенной психики обычных людей и разлагая ее своим тлетворным влиянием.

Р. Роллан, «Жизнь Толстого»:

> «Яростным обличением современного общества и в особенности брака, то саркастически едким, то откровенно насмешливым, «Смерть Ивана Ильича» открывает серию новых произведений Толстого; повесть эта предвещает еще более суровый реализм «Крейцеровой сонаты» и «Воскресения». Жалкая и нелепо пустая жизнь людей, которых сотни и тысячи; смешное тщеславие, радости мелочного самолюбия — мизерные радости, но все же лучше они, «чем сидеть одному или с женой». Жизнь, отравленная служебными неудачами, несправедливыми оскорблениями (когда вас обходят чином). И эта нелепая, никому не нужная жизнь, в которой единственное счастье — игра в вист.
> …Опираясь на евангелия от Матфея, Толстой доказывает, что брак не может соответствовать христианскому идеалу, что не может существовать христианское супружество, что брак, с точки зрения христианства, не может рассматриваться как явление прогрессивное, наоборот, это явление упадочное, и что любовь, а равно и все то, что ей

предшествует и за ней следует, является препятствием на пути к достижению истинного человеческого идеала.

Но эти мысли никогда, быть может, не отлились бы в. столь четкую форму, если бы Толстой не вложил их в уста Позднышева. Как это часто бывает с великими художниками, произведение увлекло за собой автора. Художник опередил мыслителя. Искусство от этого оказалось не в накладе. По силе воздействия, по страстной сосредоточенности повествования, по откровенной обрисовке чувств, по зрелости и совершенству формы ни одно произведение Толстого не может сравниться с «Крейцеровой сонатой».

ГЛАВА 8. ГРАД ДЬЯВОЛА И ВЛАСТЬ ТЬМЫ В КЛАССИЧЕСКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

1. НЕУЛОВИМОЕ ЗЛО

Самым первым Церковь и Государство, как Град Божий и Град Дьявола, противопоставил платоновский Сократ, когда нарисовал государство философов-правителей как великое Добро и противопоставил его государству тиранов, как великому Злу. Потому как церковь — это и есть общество людей, управляемых естественным правом законов природы (то есть законов интеллекта, законов божьих).

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вопрос о естественном праве есть центральный, жизненный вопрос философии права, о котором философы и ученые спорят с самого момента его зарождения. Еще в Древней Греции философы спорили о том, коренится ли право в самой природе вещей, в вечном неизменном порядке мироздания, или же оно составляет результат произвольного соглашения людей, человеческое установление, возникшее в определенный момент времени. Против этого учения софистов восстали глубочайшие ученые древности: прежде всего Сократ, а за ним — Платон и Аристотель. В основе права лежит вечный незыблемый божественный порядок, существуют вечные неписанные законы, вложенные в сердца людей самим божественным разумом. Сходная точка зрения господствовала и в римской юриспруденции».

Е. Н. Трубецкой, современник Мережковского, с которым они полемизировали в прессе — великий русский философ и ученый юрист, и между прочим организатор Психологического общества России! Как философ он откровенно за Метафизику Интеллекта, за объективные законы природы, установленные творцом-интеллектом. Я уже писала в предыдущем томе, что Трубецкой счел нужным внести поправку в ход рассуждений Д. Мережковского о бескомпромиссной войне между церковью и государством, и напомнить ему, что церковь без четкого определения как института противостоящего государству есть только «пустой звук». Правда за Трубецким в этой полемике, потому что только в том случае, если мы понимаем церковь как общество людей, управляемых естественным правом законов нравственности (научным контролем духовной энергии), а государство как общество людей, управляемых физическим контролем материальной энергии (насилием, террором), — только в этом случае постановка вопроса Мережковским о бескомпромиссной войне между этими двумя институтами оправдана и обоснована. И вот мы видим, что уже Платон противопоставлял именно в этом смысле — как научный контроль естественного права философов-правителей и физический контроль тиранов Левиафанов — свое идеальное государство деспотиям насилия своего времени.

Далее Цицерон, горячий последователь Платона, дает превосходное изложение теории естественного права как научного контроля общества в своей книге «О законах». Теория естественного права получит развитие в римском праве, а также в трудах писателей моралистов первого и второго веков, уже после того, как Иисус даст свое, самое точное и самое яркое определение противостояние Града Божьего и Града Дьявола. После него Плиний противопоставит Град Божий Граду Сатаны в «Панегирике Траяну», а Тацит глубиной своего неподражаемого гения воссоздаст в «Анналах» лик первого антихриста Нерона, превратившего Рим в Град Сатаны. Э. Ренан опишет другой Рим в «Марке Аврелии» — Рим — Государство Платона, с правителями-философами и торжеством науки и естественного права.

Война между физическим контролем Левиафанов и научным контролем Царства Божьего разгорается. «Огонь я принес, — сказал Иисус, — и как хотел бы чтобы он уже возгорелся».

Цицерон, «О законах»:

> *«Но из всего того, что обсуждают ученые люди, конечно, ничто не важно в такой степени, в какой важно полное понимание того, что мы рождены для справедливости и что не на мнении людей, а на природе основано право. Это сразу станет очевидным, если мы вникнем в сущность человеческого общества и связей между людьми. Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. И если бы упадок наших обычаев и расхождение мнений не извращали и не отвлекали наших слабых умов, куда только пожелают, то каждый из нас был бы столь же подобен самому себе, сколь все люди подобны друг другу.*
> *И в самом деле, разум, который один возвышает нас над зверями, разум, благодаря которому мы сильны своей догадливостью, приводим доказательства, опровергаем, рассуждаем, делаем выводы, несомненно, есть общее достояние всех людей; он различен в зависимости от полученного ими образования, но одинаков у всех, в отношении способности учиться. Ведь чувства всех людей воспринимают одно и то же, и то, что действует на чувства, в равной степени действует на чувства всех людей*
> *И сходство между людьми необычайно велико не только в хороших, но и в дурных качествах. Но какой народ не ценит приветливости, благожелательности, сердечной доброты и способности помнить оказанные благодеяния? Какой народ не презирает, не ненавидит надменных, злокозненных, жестоких и неблагодарных людей? И когда мы поймем, что это объединяет весь человеческий род, то останется [только показать, что этим объединением людей должны управлять законы, способные укреплять дружбу и основанные на разуме,] так как разумный образ жизни делает людей лучше»*

Люди осознали, что идет великая борьба двух противоположных сил — добра и зла, научного контроля духовной энергии и физического контроля материальной энергии — задолго до проповеди Иисуса, как мы можем видеть. Однако, именно с его проповеди начинается четкое противопоставление двух совершенно разных общественных организаций: братства и дружбы, управляемой естественным правом этики (научный

контроль духовной энергии) с одной стороны и садомазохизма, насилия и подчинения, управляемого физическим контролем с другой стороны. Христианская церковь начинает свой смертный бой королями и императорами за власть: естественное право, закон божий над насилием светских правителей. «Град Божий» Августина объявил эту священную войну Граду Дьявола, которая с тех пор идет с переменным успехом. А Е. Н. Трубецкой справедливо замечает в своем исследовании о философии Августина, что Августин основывает свою церковь как Град Божий на земле, на метафизике интеллекта и естественном праве, восходящем еще к Платону и Цицерону. А. Тойнби, тоже ссылаясь на Августина, противопоставит церковь естественного права (где наука и религия соединяться в метафизике интеллекта) — Левиафанам физического контроля, и предскажет победу церкви.

Церковь христова установлена, вражеские стороны определились, война объявлена, линия фронта четко прочерчена, военные действия идут полным ходом. Казалось бы сила божья, сила духовной энергии не может не победить рядового черта материальной энергии. И действительно в первом раунде католическая церковь одерживает блестящую победу над императорами: сначала Карл Великий верно ей служит, признав власть церкви над собой и приняв титул императора из рук папы, а потом папы разбивают и других непокорных императоров, утвердив над ними свою власть силой духовного меча.

Однако, после этой первой победы, начинается череда мистических превращений всех завоеваний научного контроля духовной энергии в свою противоположность: то что Мережковский называет «Ванькой-Встанькой революций», когда попытка одолеть зло и установить Град Божий справедливости на земле всегда заканчивались обращением победителей в злодеев. И круг начинался сначала: одни злодеи замещали место других злодеев, и зло оказывалось мистически неуловимым.

Действительно, католическая церковь как известно проиграла потому, что сама обратилась в Зло с которым боролась: церковь перестала быть научным контроль духовной энергии, есте-

ственным правом этики и стала сама Левиафаном физического контроля. Потому Лютер, который начал борьбу с католической церковью, и говорил, что Сатана сидит на троне папы. Конечно, это были не только циклы борьбы, безо всякого развития: и победа пап над императорами, и победа Реформации над коррумпированными папами — все принесло свои плоды, все дало большой толчок развитию научного контроля духовной энергии. Ведь теперь борьба за власть естественного права разума перешла к народу, и этого бы не случилось без предшествовавшей борьбы церкви.

П. Новгородцев, «Лекции по истории философии права»:

> «В 1892 г. проф. Ковалевский, а три года спустя гейдельбергский ученый Иеллинек вновь вспомнили полузабытых протестантских политиков XVI и XVII столетий, чтобы подчеркнуть их значение в развитии политической мысли нового времени.) Ковалевский признал в них родоначальников английского радикализма и отметил вместе с тем их значение для образования принципов французской революции. В том же духе высказался Иеллинек. „Что до сих пор считали делом революции, — замечает он — то на самом деле есть плод Реформации и ее борений. Первым апостолом принципов революции был не Лафайет, а Роджер Вильямс“. Но что же нового внести индепенденты в оборот политической мысли? Они впервые провозглашают известные права личности неотчуждаемыми и прирожденными, независимыми даже от народного представительства. Ковалевский и Иеллинек, вслед за Вейнгартеном, неопровержимо доказали, что французская декларация прав есть не более как список с соответствующих американских деклараций и что эти последние представляют собой выражение тех взглядов и требований, которые привозили с собой в Америку английские индепенденты, как плод политических опытов, вынесенных ими с родины. Вот где следует искать первый зародыш французских идей XVIII в. В новых Американских Штатах положения, высказанные левеллерами, являлись исходными моментами для всего последующего развития американской нации. Декларация Джефферсона, как и самая американская конституция, служат выражением тех же начал, из-за признания которых боролись левеллеры»

Коллапс католической церкви, коллапс Реформации в борьбе против физического контроля Левиафанов: все тот же сатана –соблазнитель из евангелия, все тот же «князь мира сего,

который осужден» приходит и выигрывает все потуги научного контроля духовной энергии передать власть естественному праву научного контроля. И вот теперь явление Наполеона — и коллапс Французской революции! А до этого коллапс религиозной революции Кромвеля и Мильтона в Англии. «Ванька-Встанька революций» безжалостно уничтожает все потуги человечества определить и уничтожить Зло, обращая каждый раз новых победителей в злодеев. Пожалуй, один из самых ярких примеров — русская революция, такая грандиозная своим духом божьего гнева на угнетателей, звучащим в русской литературе того времени, и такая сатанинская впоследствии, когда победители превратились в самых отъявленных злодеев, глумящихся над народом. Американская революция совершила в этом смысле стандартный круг, начав с борьбы за демократию и церковь христову и закончив полной победой консерваторов и официальной и популярной церковью Дарвинизма-Сатанизма.

П. Кропоткин, «Нравственные начала анархизма»:

> «История человеческой мысли напоминает собой качания маятника. Только каждое из этих качаний продолжается целые века. Мысль то дремлет и застывает, то снова пробуждается после долгого сна. Тогда она сбрасывает с себя цепи, которыми опутывали ее все заинтересованные в этом — правители, законники, духовенство. Она рвет свои путы. Она подвергает строгой критике все, чему ее учили, и разоблачает предрассудки, религиозные, юридические и общественные, среди которых прозябала до тех пор. Она открывает исследованию новые пути, обогащает наше знание непредвиденными открытиями, создает новые науки.
> Но исконные враги свободной человеческой мысли — правитель, законник, жрец — скоро оправляются от поражения. Мало-помалу они начинают собирать свои рассеянные было силы; они подновляют свои религии и свои своды законов, приспособляя их к некоторым современным потребностям. И, пользуясь тем рабством характеров и мысли, которое они сами же воспитали, пользуясь временной дезорганизацией общества, потребностью отдыха у одних, жаждой обогащения у других и обманутыми надеждами третьих — особенно обманутыми надеждами, — они потихоньку снова берутся за свою старую работу, прежде всего, овладевая воспитанием детей и юношества»

И все-таки, как победы церкви в борьбе с Властью черта физического контроля двигали каждый раз человечество вперед, так и каждая революция двигала человечество вперед, отбивая у Левиафанов важную уступку, — правовое государство: верховенство закона, институт прав человека, народный суверенитет. И казалось, научный контроль духовной энергии еще может победить в этой схватке с чертом, и Град Божий естественного права станет следующим шагом в этой войне.

Однако, пришел двадцатый век и полностью уничтожил какие бы то ни было остатки научного контроля в болезненных абстракциях шизоидной мысли, оторванной от реальности. Философия рационализма (метафизика интеллекта) разрушена в английском эмпиризме, в немецком идеализме, в сартровском экзистенциализме, в диалектическом материализме, и наконец, в оформившейся дарвиновской парадигме двадцатого века. Парадигма эта с гордостью утвердила, что нет ни бога, ни истины, ни законов природы, ни разума, который был бы способен их постигать, а только миражи субъектов, их иллюзии, и их «исторические» предпочтения. Вот и все: научный контроль разбит, и Власти Града Божьего, власти церкви естественного права единой истины нанесен смертельный удар.

О разрушенном научном контроле (самоубийстве разума) говорится в таких известных книгах, как «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда, «Упадок и возрождение культуры» А. Швейцера, «Новый мировой порядок» Г. Уэллса, «Поражение разума» А. Финкелькраута, «1984» Оруэлла, «Влияние науки на общество» Б. Рассела, «Бунтующий человек» А. Камю, «Постижение истории» А. Тойнби.

Л. Ландау, сборник цитат «Так говорил Ландау»:

> «У нас наука окончательно проституирована, и в большей степени, чем за границей. Там все-таки есть какая-то свобода ученых. Науку у нас не понимают и не любят. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуют сверху. Академию педагогических наук давно надо разогнать. Это ведь дармоеды от науки. Их

> надо послать на села, сажать картофель. Тогда они принесут человеческому обществу больше пользы, чем когда они создают свои программы для учебных заведений»

Дж. Оруэлл, «1984»:

> «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие». … Все, что угодно, может быть истиной. Так называемые законы природы — вздор. Закон тяготения — вздор. «Если бы я пожелал, — сказал О'Брайен, — я мог бы взлететь сейчас с пола, как мыльный пузырь».

2. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ГРАДА БОЖЬЕГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Позитивист Конта — не враг метафизике интеллекта и науке, потому что в отличие от эмпирика он признает законы природы и единую истину, в отличие от кантианцев он признает законы природы в психике человека и в обществе, в отличии от материалистов-дарвинистов позитивист разделяет уровень духовной и материальной энергии в человеке, и изучает общество как движение законов духовной энергии. Пусть Конт назвал три стадии развития сознания — религиозной, метафизической и позитивной: нам достаточно заменить их на близкие по тому смыслу, который он в них вкладывал — магическая, шизоидная и научная. Пусть Конт отказал психологии как науке, он поставил на ее место этику, и признал законы этики, то есть законы развития духа — важнейшей наукой человека. И это Конт говорил об исключительной важности различения научного контроля естественного права от временного юридизма позитивного права. Поэтому Мережковский неправ, когда отождествляет позитивизм с эмпиризмом, материализмом и дарвинизмом, — словом, дарвиновской парадигмой, разрушевшей метафизику интеллек-

та и науку. И это справедливо в отношении Милля и Спенсера, а также русских позитивистов Герцена и Кропоткина. Их позиция ничем не отличается от позиции рационалиста и адвоката естественного права Е. Трубецкого, который утверждает, что человек есть «вечный всеобщий закон нравственности» духовной энергии, и что именно этот закон есть то естественное право, которое должно быть в основании права всякого народа и государства.

П. Кропоткин развивает учение О. Конта в своей последней работе «Этика»:

П. Кропоткин, «Этика»:

> «Новой реалистической науки о нравственности, освобожденной от религиозного догматизма, суеверий и метафизической мифологии, подобно тому как освобождена уже современная естественнонаучная философия, и вместе с тем одухотворенной высшими чувствами и светлыми надеждами, внушаемыми нам современным знанием о человеке и его истории, — вот чего настоятельно требует человечество. Что такая наука возможна — в этом нет никакого сомнения. Если изучение природы дало нам основы философии, обнимающей жизнь всего мироздания, развитие живых существ на земле, законы психической жизни и развитие обществ, — то это же изучение должно дать нам естественное объяснение источников нравственного чувства. И оно должно указать нам, где лежат силы, способные поднимать нравственное чувство до все большей и большей высоты и чистоты
> Этика, говорит Конт, создается на почве истории. Существует естественная эволюция, и эта эволюция есть прогресс, торжество человеческих особенностей над животными особенностями, торжество человека над животными. Высший нравственный закон заключается в том, что личность должна поставить на второе место свои эгоистические интересы, высшие обязанности — социальные обязанности. Таким образом, основой этики должен служить интерес человеческого рода, человечества — этого великого существа, которого каждый из нас составляет лишь атом, живущий одно мгновение и тотчас же погибающий, чтобы передать жизнь другим индивидуумам»

Очень интересно, как в «Энциклопедии права» Е. Трубецкой, излагая свою теорию естественного права, излагает общие с Толстым и Чеховым положения об «отказе от блага животной

личности» как в «О жизни» Толстого, или о бессмысленности «жизни ради жизни» без духовных целей научного познания истины, как у Чехова в «Скучной истории».

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Вера в объективный, незыблемый закон добра, существующий независимо от наших несовершенных понятий о добре, составляет необходимое предположение нравственности. Если сущность добра сводится к субъективным понятиям о нем, меняющими сообразно уровню развития, то нет вообще ничего нравственного и безнравственного, постыдного и недозволенного. О нравственности вообще можно говорить только в том предположении, что существует закон добра объективный и всеобщий, не зависящий от тех или иных человеческих суждений о добре. Эта объективность и всеобщность закона добра всегда составляла и составляет необходимое предположение нравственного сознания.
>
> В чем же заключается содержание этого закона, каковы те требования, которые он к нам предъявляет?
>
> Итак солидарность людей с его ближними, единство людей в обществе есть благо, раздор и разъединение есть зло.
>
> Таким образом, в нравственном мировоззрении всех народов выражается сознание одного основного нравственного начала: благо человека — не в эгоистическом обособлении, а в солидарности с другими людьми, причем этот принцип выражается во всей своей полноте и широте в христианской заповеди всеобщей любви, то есть такой солидарности, которая охватывает и внутреннюю сферу душевного настроения.
>
> Когда мы говорим, что путь замкнутого в себе эгоизма есть ложь, а путь солидарности есть истина, то в этом выражается не только наше субъективное представление о добре, а объективный закон добра. Человек органической связью связан со своими ближними, и внеобщественный человек немыслим: что эгоизм замкнутой в себе личности не в состоянии обосновать в себе своего блага, доказывается повседневным, будничным опытом. Точно также как эгоизм индивидуальный несостоятелен и эгоизм коллективный — эгоизм замкнутого в себе рода и племени.
>
> Невозможность внеобщественного существования для личности слишком очевидно, потому эгоизм личности обычно выражается не в грубой форме отрицания общества, а в том, что низводит общество на степень средства для эгоистических целей. Нетрудно убедиться в том, что и такая точка зрения самоубийственна, ибо она обрекает жизнь личности на полную пустоту и бессодержательность

в погоне за призраком счастья. Если я не задаюсь роковым вопросом о конечной цели и смысле моего существования, я могу пожалуй наполнить мою жизнь заботами о моем личном комфорте и чувственными наслаждениями; но во первых, такое наполнение достигается ценой самоусыпления, самоубийства сознания, то есть ценою умерщвления во мне самого дорого и ценного, что отличает меня как человека от животного; если мне чужды те великие непреходящие цели человеческого рода, которые существовали до меня и переживут меня как физическое существо, если вся моя жизнь наполняется мелкими личными интересами, которые умрут вместе с моим телом, то я тем самым превращаюсь в ходячего мертвеца. Над этим счастьем тяготеет грозный кошмар смерти, оно разлетается как призрак, при первой болезни. Другой эгоизм, не животный, такой как слава, почет, наслаждения власти, или же наконец наслаждения эстетические или умственные — над ними тоже тяготеет ужас смерти. В конце концов и этот эгоизм основан на иллюзии нашей воли и на добровольном усыплении нашего разума, и пробуждение сознания должно быть ужасным. Первый проблеск философской мысли должен обнаружить полную бесцельность и бессмысленность замкнутого в себе эгоистического существования; а что лишено смысла то лишено и всякой цены.. Не стоит жить жизнью иллюзий и самообмана, не стоит жить ради мнимого эгоистического счастья, которого не существует, ради того, что беспрерывно гниет и умирает. А так как ясно, что я не могу найти смысла жизни во мне самом, в удовлетворении моего личного эгоизма, то значит не стоит жить для самого себя; это значит, что смысл моей жизни в чем то другом, что больше и выше меня.

И тут великий закон солидарности обнаруживается как объективная истина, как объективный закон добра, который торжествует над заблуждениями отдельных личностей и целых народов.

В эгоистическом самоутверждении, в отъединении от прочих людей моя жизнь бессодержательна и бессмысленна, потому что объективное благо — в единении всех; путь эгоизма обнаруживается как ложь, при сколько нибудь внимательном и глубоком философском анализе, а путь солидарности обнаруживается как истина. Смысл жизни раскрывается в любви и только в ней одной, ибо одна любовь может приподнять меня над моим индивидуальным ничтожеством и приобщить меня к тем великим мировым целям, которые существовали раньше меня и будут существовать после меня.

Теперь мы можем убедиться, что предположение объективного закона добра составляет единственно возможное логическое оправдание нашей жизни. Если мы сколько нибудь углубимся в наше созна-

> ние то увидим что не только наши нравственные суждения, но и вся наша жизнь покоиться на предположении какого то объективного безусловного добра: более того в этом предположении заключается весь смысл нашей жизни. Если мы признаем что добро есть только субъективное понятие, а не живая реальная сила, которая может пересоздать нашу действительность, то единственно логичным выводом отсюда будет самоубийство: продолжать жизнь от которой не ждешь никакого добра и которой совсем не ценишь, очевидно представляется верхом бессмыслицы. Жизнь наша может получить логическое оправдание при том только условии, если мы верим в такое объективное добро которое составляет ее цель и смысл.
> Те высшие конечные цели, к которым стремится человек, имеют независимое от него существование и значение. Человеку незачем было бы искать истины если бы он не был убежден что где то вне его и независимо от него существует та истина, которой он не обладает».

Закончив излагать законы природы духовной энергии человека, борющейся с материальной энергией поля Эгосистемы («мертвеца»), Трубецкой формулирует свое определение естественного права, как выражение психических законов сознания:

Е. Трубецкой, «Энциклопедия права»:

> «Право прежде всего явление психическое. Первоначальным источником права всегда и везде является наше сознание. Поэтому сила и действительность всякого позитивного права теми неписанными правовыми нормами, которые обитают в глубине нашего сознания, его внутренними велениями. Наглядным доказательством такого психического характера права служат революции. Во всех революциях сказывается один и тот же факт: положительное право теряет значение права, когда оно перестает быть предметом убеждения той или иной общественной среды.
> Этим неопровержимо доказывается существование норм нравственного или — что то же — естественного права, которое составляет идеальную основу и идеальный критерий всего правового порядка. Естественное право есть синоним нравственно должного в праве. Прогресс, то есть движение права к добру, возможен лишь постольку, поскольку над правом положительным есть высшее нравственное или естественное право, которое служит ему основою и критерием. И в самом деле в истории права идея естественного права играет и играла роль мощного двигателя. Естественное право решительно должно быть признано, как нравственная основа всякого человече-

> ского авторитета и законодательства и как тот нравственный идеал, который должен определять собой развитие права.
> Отвергнув естественное право мы лишим себя всякого критерия для оценки действующего права; если над правом действующим нет никакого другого высшего права, то в таком случае оно есть правда: чистый историзм должен привести нас к совершенному консерватизму, вот почему зародившаяся в начале прошлого столетия историческая школа действительно послужила оплотом техх реакционных тенденций, которые явились на смену идеям Французской революции»

А. Герцен дает ту же оценку полю Эгосистемы как болезни, разлагающей истинную живую и разумную энергию духа человека в повести «Доктор Крупов». Вслед за всей истинной наукой, берущей начало в осевом времени зарождения этических религий, вслед за Градом Божьим Августина, он видит существо всемирного исторического процесса в постепенном избавлении человека от безумия поля Эгосистемы. Но именно поэтому всемирная история — это грустное зрелище человеческого безумия, которое все еще не излечено. На этом он основывает свою теорию естественного права, как Трубецкой и Кропоткин: «Он берет подход врача», право должно быть основано на «вечном всеобщем законе нравственности», как говорит Трубецкой.

А. Герцен, «Доктор Крупов»:

> «Что бы историческое я ни начинал читать, везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединялись в одно всемирное хроническое сумасшествие. Тита Ливия я брал или Муратори, Тацита или Гиббона — никакой разницы: все они, равно как и наш отечественный историк Карамзин, все доказывают одно: ***что история, не что иное, как связный рассказ родового хронического безумия и его медленного излечения (этот рассказ даст по наведению полное право надеяться, что через тысячу лет двумя-тремя безумиями будет меньше)***. Истинно, не считаю нужным приводить примеры; их миллионы. Разверните какую хотите историю, везде вас поразит, что вместо действительных интересов всем заправляют мнимые фантастические интересы; вглядитесь, из-за чего льется кровь, из-за чего несут крайность, что восхваляют, что порицают, — и вы ясно убедитесь в печальной на первый взгляд истине — и истине, полной утешения на второй взгляд, что все это следствие рас-

> стройства умственных способностей. Куда ни взглянешь в древнем мире, везде безумие почти также очевидно, как в новом.
> История доселе остается непонятною от ошибочной точки зрения. Историки, будучи большею частию не врачами, не знают, на что обращать внимание; они стремятся везде выставить после придуманную разумность и необходимость всех народов и событий; совсем напротив, надобно на историю взглянуть с точки зрения патологии, надобно взглянуть на исторические лица с точки зрения безумия, на события — с точки зрения нелепости и ненужности»

А. Герцен, «С того берега»:

> *«Люди только справедливы к безумным и к совершенным дуракам, их по крайней мере мы не обвиняем за дурное устройство мозга, им прощаем природные недостатки; с остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждем от всех встречных на улице примерных доблестей, необыкновенного понимания — я не знаю; вероятно, по привычке все идеализировать. Я иначе смотрю, я привык к взгляду врача, к взгляду совершенно противоположному судьи. Недаром Фемиду изображают с завязанными глазами, она тем справедливее, чем меньше видит жизнь; наш брат напротив, хотел бы, чтоб пальцы и уши имели глаза....».*

Таким образом мы можем убедиться, что русская классическая литература и цвет российской философской мысли этого времени совершенно однозначно развивали теорию естественного права как Града Божьего противопоставленного деспотизму, произволу и насилию физического контроля Града Дьявола. Иначе говоря, противопоставляют Церковь — Государству в истинном смысле каждого из этих терминов: естественное право законов природы, то есть божий закон в обществе — есть Церковь, тогда как власть насилия самодержавия — есть Левиафан государства. Республики и выборные демократии, которые со времен античности стоят между этими двумя крайностями, между Градом божьим научного контроля и Градом Дьявола иерархии насилия физического контроля, и Рассел, и Герцен одинаково именуют как «негативную ценность»: их заслуга в том, что они разрушили Левиафаны голого насилия, но они ничего не построили, ничего не создали. «Воля большинства» пу-

тем всеобщего голосования — это химера, иллюзия, которая на деле приводит к больше или меньше скрытому старому насилию физического контроля за лозунгами демократии. Так, Рассел говорит в книге «Власть»: «Достоинства демократии негативны: она не устанавливает хорошего правительства, она предназначена для предупреждения определенных злоупотреблений» (Russell, «Power»: The merits of democracy are negative: it does not insure good government, but it prevents certain evils). В другой книге, «борьба за счастье», Рассел утверждает, что эволюция человека далека от конечной стадии, и что мы должны расширить свой ум и свое сердце (развитие духовной энергии разума), чтобы достичь последней стадии.

В точности эту мысль задолго до Рассела сформулировал Герцен в эссе «С того берега»:

> «Демократия не может ничего создать, это не ее дело, она будет нелепостию после смерти последнего врага; демократы только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят; чего они хотят, они не знают*. Но действительного творчества в демократии нет — и потому-то она не будущее. Будущее вне политики, будущее носится над хаосом всех политических и социальных стремлений и возьмет из них нитки в свою новую ткань, из которой выйдут саван прошедшему и пеленки новорожденному. Социализм соответствует назарейскому учению в Римской империи
>
> …
>
> Я не умею выбирать между рабствами так, как между религиями; у меня вкус притупился, я не в состоянии различать тонкостей, которое рабство хуже, которое лучше, которая религия ближе к спасению, которая дальше, что притеснительнее: *честная* республика или *честная* монархия, революционный консерватизм Радецкого или консервативная революционность Каваньяка, что пошлее: квекеры или иезуиты, что хуже: розги или краподина. С обеих сторон рабство, с одной — хитрое, прикрытое именем свободы и, следственно, опасное; с другой — дикое, животное и, следственно, бросающееся в глаза. По счастию, они друг в друге не узнают родственных черт и готовы ежеминутно вступить в бой; пусть борются, пусть составляют коалиции, пусть грызут друг друга и тащат в могилу. Кто бы из них ни восторжествовал, ложь или насилие, на первый случай это победа не для нас, а впрочем, и не для них; все, что победители успеют, — это ловко попировать денек, другой».

Мы видим, что и Герцен, будучи позитивистом, дает определение Церкви Христа как созидающего блага человечества, противостоящего Граду Дьявола левиафанов, победившему в Риме времен упадка (Рим времен золотого века пяти хороших императоров, воспетый Плинием был Градом Божьим). Герцен, будучи защитником естественного права, противопоставляет не республики-выборные демократии против Левиафанов самодержавия, а Церковь Христову, то есть Град Божий естественного права, подобно Е. Трубецкому и П. Новгородцеву, Д. Мережковскому и П. Кропоткину, Толстому и Достоевскому, или Гоголю и Чехову. Он говорит, что «будущее вне политики, и что «Пеленки новорожденному выйдут из назарейского учения». Интересно, что Рассел сходится с Герценым и в другом определении научного контроля естественного права: в подходе врача противопоставленного подходу системы наказаний в юридизме, об этом Рассел говорит в книге «Предложенные дороги к свободе», где он анализирует творчество Кропоткина. Я напомню, что Рассел отстаивал теорию «демократического социализма» или «международного социализма» (всемирного, как сказали бы Мережковский и Достоевский), и что как все позитивисты, начиная с Конта (Милль и Спенсер) Рассел противопоставил себя марксизму, который утверждал законами общества — законы экономики, и видел в основе общества законы психики; считал движущей энергией общества именно духовную энергию разума. Подобно Платону, он считал, что только научный контроль должен руководить обществом, и потому элитой принимающей решения должна быть не родовая аристократия, а самые глубокие мыслители (в книге «Образование и здоровое общество»).

Герцен, утверждая Церковь естественного права научного контроля в то же время, подобно Л. Толстому, отвергает коррумпированные церкви, разложившиеся в магическое сознание идолопоклонства и вступившие в «преступный сговор с государством», как говорит Томас Пейн в «Веке разума». Церковь научного контроля только та церковь, которая ведет борьбу не на жизнь, а на смерть с Градом Дьявола левиафанов, ибо на-

учный и физический контроль, поле интеллекта и поле Эгосистемы, бог и дьявол не могут ни примириться, ни ужиться, а только вести борьбу до поражения одной из сторон. Герцен противопоставляет в этой связи социализм Прудона — абсолютизму самодержавия. И здесь утверждает научный контроль! Ибо никто так четко не сформулировал идею научного контроля как Прудон в «Что такое собственность». Пожалуй, Прудон первым говорит, что демократии и воля большинства — это смена воли одного короля на волю многих королей». Не воля человека, а наука должны править! Подобно Толстому и Трубецкому, Достоевскому и Кропоткину, Чехову и Соловьеву, Герцен — социалист –христианин, то есть такой социалист, который видит в общности людей не единство собственности, а единство духовной энергии. Ренан прав, когда говорит, что все попытки утвердить социализм на материализме обречены на катастрофу. Марксизм пал, а церковь христова стоит и всегда будет стоять, хотя может быть уже на Третьем завете научного метода.

Герцен, «С того берега»:

> «враждебные партии не могут ни объясниться, ни понять друг друга, у них разные логики, два разума. Когда вопросы становятся так, нет выхода — кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм.
> Подумайте, у кого больше шансов? Я предлагаю пари за социализм. «Мудрено себе представить!» — Мудрено было и христианству восторжествовать над Римом. Я часто воображаю, как Тацит или Плиний умно рассуждали с своими приятелями об этой нелепой секте назареев, об этих Пьер Ле-Ру, пришедших из Иудеи с энергической и полубезумной речью, о тогдашнем Прудоне, явившемся в самый Рим проповедовать конец Рима. Гордо и мощно стояла империя в противуположность этим бедным пропагандистам — а не устояла однако. Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать?»

3. КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ

Принято говорить, что «Кто виноват и Что делать» — вечные русские вопросы, так словно бы на них еще не было дано ответа, и уже вряд ли найдется ответ. Однако, я хотела бы показать, что совершенно напротив, русская литература, которая их поставила, дала на них твердый и совершенно определенный ответ.

В «Братьях Карамазовых», где расследуется убийство отца четырех сыновей, в том числе одного незаконного, вопрос «Кто виноват?» поставлен с обычною для Достоевского остротой. Уже понятно, что убил отца кто-то из сыновей, и все кроме Алеши, оказываются замешанными в убийство. Старший Дмитрий грозил его убить и даже в письменной форме, средний Иван в задоре философской полемики доказывал сводному своему брату Смердякову, что «ежели Бога нет, то все позволено». Этот последний, сын надругательства его отца над юродивой больной нищенкой, воспитанный из милосердия лакеем в доме отца, в конечном итоге и ударит его по голове тяжелым пресс-папье. И потом скажет Ивану: «Вы убили, — говорит Смердяков Ивану, — вы главный убивец и есть, а я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным, и по слову вашему дело это и совершил». А потом пойдет и повесится, больной, забитый всеми эпилептик. А Иван пойдет на суд, где за убийство отца судят его старшего брата Дмитрия, и возьмет всю вину на себя. Ему не поверят, потому что будет предъявлено письмо, где Дмитрий божиться, что убьет своего отца. Так кто же виноват в конечном итоге?

Понятно, что Достоевский хотел только показать, что люди — только пешки в руках настоящего Сатаны, который ими играет. Сатану этого постоянно видит Иван, то в образе Великого Инквизитора, а то в образе мелкого черта, и именно этот Сатана и объясняет ему «Кто виноват?». Виноват тот мелкий черт, который обратился Великим Инквизитором в глазах людей, и занял место Христа, место Главы Церкви, место — правителя людьми. Другими словами, Достоевский отвечает также, как Толстой

и Мережковский, как Герцен и Кропоткин, как Трубецкой и Новгородцев, как Гоголь и Чехов: Виноват Черт, который засел в Правительстве Града Дьявола, Антихрист, который уничтожил Град божий естественного права. Ведь Великий Инквизитор из повести Ивана — это тот, кто укоряет Христа за то, что тот отверг соблазн Сатаны властью кесаря, и объявляет ему что «Мы с ним, мы не с Тобой».

Мережковский раскрывает смысл образа Великого Инквизитора в «Братьях Карамазовых» Достоевского, показывая, что Царство Сатаны есть царство того миража, той иллюзии «чертова марева» поклонению количественной абстракции силы, которая так здорово описана у Гоголя в «Ревизоре» и «Мертвых душах» в виде удушливой пошлости, разлагающей живые души, их разум и сердце. Это кривое зеркало материальной энергии поля Эгосистемы, которое создает этот мираж «чертова марева» чинопочитания, и обожествления социальной лестницы. Это безумие, которое кладет на алтарь «мыльного пузыря» кривого зеркала разум, совесть и реальную жизнь человека. Так, один из пациентов «Палаты 6» Чехова имеет свою большую тайну: ему дали орден, и стесняется его показывать. А рядовой чиновник из «Записок сумасшедшего» у Гоголя, который чинит «Перья» для своего большого начальника показан жертвой этого черта, «толстяка со звездой», «генерала и камер-юнкера» — то есть большого начальника, кесаря, самодержца Града Дьявола. Великий Инквизитор Достоевского, рассказывая о пошлости общества, лишенного свободы и держащегося на сознательном обмане простых людей, не говорит ли словами Толстого из «Царствия Божьего внутри вас»? Что кесари и самодержцы «гипнотизируют» и «одуряют» народ для того чтобы ввергнуть его и в телесное и в духовное рабство?

Д. Мережковский, «Чехов и Горький»:

> «Мы солжем во имя Твое, — говорит у Достоевского Великий Инквизитор своему Посетителю. — Нам дороги и слабые. Они порочны, и бунтовщики, но, под конец, они то и станут послушными».

«Они будут дивиться на нас и считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу, которой они испугались, и над ними господствовать, — так ужасно им станет, под конец, быть свободными». «Мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы... Мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками»...

« — И все будут счастливы, — продолжает Великий Инквизитор, — все миллионы существ, кроме сотни тысяч, управляющих ими. Ибо лишь мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое, и за гробом обрящут лишь смерть...»

« — ...Говорят и пророчествуют, что Ты придешь и вновь победишь, придешь со своими избранниками, со своими гордыми и могучими; но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а

мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет Блудница, сидящая на Звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее гадкое тело. Но я тогда встану и укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их, для счастья их, на себя, мы станем пред Тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь!» Знай, что я не боюсь Тебя!»

«То, что я говорю тебе, сбудется, и царство наше созиждется».

«Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна!»

С ним, то есть с «умным и страшным Духом Небытия».

Но последней тайны своей Великий Инквизитор, так же как старец Лука, не открывает. Последняя тайна обоих в том, что они, подобно отцу своему, отцу лжи, который «человекоубийца был искони», хотят не спасти, а погубить мир. Оба они знают, что человек никогда ни для какого блаженства не откажется окончательно от свободы, никогда, ни для какой утешительной лжи не отвергнет истину окончательно, никогда, ни для каких золотых снов земли не забудет снов небесных окончательно. Оба они знают, что рано или поздно человек проснется от сна,

затоскует и в рабстве, проклянет ложь и увидит за ложью бездонную пустоту, в которую влечет его «отец лжи».

Тогда-то наступит та последняя скорбь, о которой сказано: «будет скорбь, какой не было от начала мира»; тогда люди «будут издыхать от страха», потому что страшнее всякого страха — небытие; будут «проклинать имя Бога живого и звать смерть, но смерть убежит от них». И захотят уничтожить себя, уничтожить мир, только бы

> не видеть этого грозящего ничтожества, этой бездонной пустоты небытия.
> Великий Инквизитор и старец Лука — не реальные лица, а фантастические призраки. Но тот, для кого христианство реально, увидит и за этими призраками нечто реальное, как бы математически точную проекцию в неизмеримые дали будущего.
> «Я пришел во имя Отца Моего, и вы Меня не принимаете; другой придет во имя свое, его примите».
> Эти вещие призраки — первые вехи пути, на который уже вступило так называемое «христианское» человечество, — пути, ведущего от религии истины к религии лжи, от Богочеловечества к Человекобожеству, от Христа к Антихристу».

В «Записках сумасшедшего» Гоголь показывает, как Достоевский и Толстой, которые делят Град Божий на «активны сумасшедших», так сказать, и «пассивных сумасшедших», то есть как говорил Герцен на «людоедов и их блюда». Толстой утверждает что Самодержавие и его руководящие чиновники сознательно вводят людей в обман, «гипнотизируют их», сводят народ с ума, чтобы сделать из них добровольные жертвы своей власти, чтобы «блюдо» само просилось на стол людоеда. Достоевский в повести Ивана о Великом Инквизиторе утверждает то же самое: нас сто тысяч, но мы обманываем миллионы. Гоголь, описывая медленный процесс схождения с ума мелкого чиновника, влюбленного в дочь своего большого начальника, показывает, что Град Дьявола есть психическая сущность, которая держится на мираже социальной лестницы, идолопоклонстве чинопочитания, «Самолюбие-Влюбленности» поля Эгосистемы: Большие начальники — Самолюбие, мелкие чиновники — Влюблены в них. И вот, этот мелкий чиновник, который пытается постичь разумные основания мира, управляемого сумасшедшими и негодяями (сумасшествие есть извращение нравственного закона, говорит Чехов), влюбленный как все мелкие чиновники в своего господина, вдруг понимает, что эта Влюбленность есть Влюбленность в Черта! То есть поле Эгосистемы материальной энергии. Гоголь верен своей цели «насмеяться вволю над чертом в своих произведениях». Он сравнивает своего «великого инквизитора», своих само-

держцев и генералов с собаками, которые важничают и большие политики, и главное «не человек! Я требую человека!». Гоголь со всей очевидностью проводит мысль о том, что в безумии чинопочитания (идолопоклонства социальной лестнице) именно Самолюбие Власти есть черт (честолюбцы толстые со звездой, черти), тогда как Влюбленность подчиненных — есть только жертва. Вот почему Град Божий и Град Дьявола ведут борьбу за простой народ: сделать ли их влюбленными в черта идиотов, которые в конечном итоге окончательно сходят с ума, или же дать им образование: «Познай истину, приводит Толстой слова Евангелия в эпиграфе к Царствию Божьему, — и истина освободит тебя».

Гоголь, «Записки сумасшедшего»:

> «Я несколько раз уже хотел добраться, отчего происходят все эти разности. Отчего я титулярный советник и с какой стати я титулярный советник? Может быть, я какой-нибудь граф или генерал, а только так кажусь титулярным советником?
> Теперь-то, наконец, я узнаю все дела, помышления, все эти пружины и доберусь, наконец, до всего. Эти письма мне всё откроют. Собаки народ умный, они знают все политические отношения, и потому, верно, там будет всё: портрет и все дела этого мужа.
> Чрезвычайно неровный слог. Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как следует, а кончит собачиною. Тьфу, к черту!.. Экая дрянь!.. И как можно наполнять письма эдакими глупостями. Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека; я требую пищи — той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вместо того эдакие пустяки...
> Я тебе открою, что у меня много куртизанов. Я часто, сидя на окне, рассматриваю их. Ах, если б ты знала, какие между ними есть уроды. Иной преаляповатый, дворняга, глуп страшно, на лице написана глупость, преважно идет по улице и воображает, что он презнатная особа, думает, что так на него и заглядятся все. Ничуть. Я даже и внимания не обратила, так как бы и не видала его. А какой страшный дога останавливается перед моим окном! Если бы он стал на задние лапы, чего, грубиян, он, верно, не умеет, — то он бы был целою головою выше пап*а* моей Софи, который тоже довольно высокого роста и толст собою. Этот болван, должно быть, наглец преужасный.
> Черт возьми! я не могу более читать... Всё или камер-юнкер, или генерал. Всё, что есть лучшего на свете, всё достается или камер-юн-

> керам, или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал. Черт побери! Желал бы я сам сделаться генералом: не для того, чтобы получить руку и прочее, нет, хотел бы быть генералом для того только, чтобы увидеть, как они будут увиваться и делать все эти разные придворные штуки и экивоки, и потом сказать им, что я плюю на вас обоих. Черт побери. Досадно! Я изорвал в клочки письма глупой собачонки.
> Я глядел на всю канцелярскую сволочь и думал: «Что, если бы вы знали, кто между вами сидит... Господи Боже! какую бы вы ералашь подняли, да и сам начальник отделения начал бы мне так же кланяться в пояс, как он теперь кланяется перед директором». Что за директор! чтобы я встал перед ним — никогда! Какой он директор? Он пробка, а не директор. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего. Вот которою закупоривают бутылки. Мне больше всего было забавно, когда подсунули мне бумагу, чтобы я подписал. Как бы не так! а я на самом главном месте, где подписывается директор департамента, черкнул: «Фердинанд VIII».
> я первый открыл это. Женщина влюблена в черта. Да, не шутя. Физики пишут глупости, что она то и то, — она любит только одного черта. Вон видите, из ложи первого яруса она наводит лорнет. Вы думаете, что она глядит на этого толстяка со звездою? Совсем нет, она глядит на черта, что у него стоит за спиною. Вон он спрятался к нему в звезду. Вон он кивает оттуда к ней пальцем! И она выйдет за него. Выйдет. А вот эти все, чиновные отцы их, вот эти все, что юлят во все стороны и лезут ко двору и говорят, что они патриоты и то и сё: аренды, аренды хотят эти патриоты! Мать, отца, Бога продадут за деньги, честолюбцы, христопродавцы! Всё это честолюбие, и честолюбие оттого, что под язычком находится маленький пузырек и в нем небольшой червячок величиною с булавочную головку»

В этой связи Мережковский отмечает, что «великий инквизитор» Достоевского, тот же мелкий черт безумия, что и черт толстых генералов со звездой у Гоголя.

.«Он не сатана, это он лжет, — говорит Иван, вспоминая свой бред или свое видение. — Он самозванец. Он просто черт, дрянной, мелкий черт». Признать в таком «лакее» единственного и настоящего Диавола своего, того самого, о котором Великий Инквизитор говорит: «***мы с ниму*** — Ивану не позволяет гордость, и он утешает себя тем, что есть будто бы, кроме этого, «дрянного, мелкого черта», другой, настоящий, «великий

и страшный дух небытия», херувим «с опаленными крыльями», «гремящий и блистающий», противоположный и, может быть, равный Богу. Понимает ли, по крайней мере, сам Достоевский, что другого черта вовсе нет, что это подлинный, единственный Сатана и что в нем постигнута последняя сущность нуменального «зла», поскольку видимо оно с нашей планеты,

Герцен в «Докторе Крупове», как мы видели развивает ту же теорию: о безумии и пошлости идолопоклонства чинам и деньгам. Там же он пишет, что «Начальство — всего корень», и что чего бы не писали о чинопочитании он больше не будет над ними смеяться когда убедился, что это безумие, ведь смеяться над душевно больными нехорошо. Мы видим, что на вопрос «Кто виноват?» Герцен отвечает также как Толстой и Достоевский: виноваты начальники, это активное зло, которое сводит с ума народ, превращая их в пассивных пособников, в циклический гомеостаз садомазохизма Самолюбия-Влюбленности, господства и подчинения, или как говорит Герцен в антропофагию, в поедание людей друг другом.

А. Герцен, «Доктор Крупов»:

> «Добросовестно изучая субъекты в обоих заведениях, я был поражен сходством чиновников канцелярии с больными. Признаюсь, когда я вполне убедился, что чиновничество (я, разумеется, далее XIII класса восходить не смею) есть особое специфическое поражение мозга, мне опротивели все эти журнальные побасенки, наполненные насмешками над чиновниками. Смеяться над больными показывает жестокость сердца.
> От чиновников я перешел к прочим жителям города, и в скором времени не осталось ни малейшего сомнения, что все они поврежденные. Предоставляю тем, которые долго трудились над каким-нибудь открытием, оценить то чувство радости, которым исполнилось сердце мое, когда я убедился в этом драгоценном факте.
> Начальство составило сущность, цвет, корень и плод города. Остальные жители — как купцы, мещане — больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу без купцов и мещан. Все получали смысл только в отношении к начальству»

Герцен, «С того берега»:

> «Аристократия — вообще более или менее образованная антропофагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Герцен, «С того берега»:

> «Непреодолимое отвращение, сильный, непобедимый внутренний голос не позволяют мне переступить границу России в то время, когда самодержавие, озлобленное и испуганное всем, что делается в Европе, задавило всякое умственное движение, отрезало от освобождающегося человечества 60 миллионов человек и загородило свет, скудно падавший на малое число из них, своей черной железной рукой, на которой запеклась польская кровь. — Нет, друзья мои, я не могу переступить рубеж этого царства мглы, произвола, молчаливого замиранья, гибели без вести, мучений с платком во рту — до тех пор, пока усталая власть, ослабленная безуспешными усилиями и возбужденным противудействием, не при знает *чего-нибудь* достойным уважения в русском человеке
> Власть у нас, уверенная в себе, свободнее, нежели в Турции; ее ничто не останавливает: никакое прошедшее — от своего она отказалась, до европейского ей дела нет; народность она не уважает, гуманности не знает, с настоящим она борется. Прежде правительство стыдилось соседей — при Екатерине, при Александре; теперь оно считает себя призванным служить примером для всех притеснительных правительств — оно поучает.
> Но вы слишком хорошо знаете все это. Мы с вами видели самое грубое, самое страшное развитие императорства; мы видели его первую борьбу со свободой, оно показалось тут во всей красе. Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы сломились под неслыханным гнетом; мы видели своими глазами, как эта власть, не зная более никаких пределов, дошла до того, что написала на своем знамени: «Самодержавие» — как будто самодержавие — вся цель русского народа»

Герцен, «Письмо к Мишле»:

> «Мы видели монархию, окруженную республиканскими учреждениями, но наше воображение отказывается представить себе рус-

ского императора, окруженного учреждениями коммунистическими.

Прежде чем осуществится это отдаленное будущее, произойдет немало событий, и влияние императорской России на реакционную Европу будет не менее пагубным, чем влияние этой последней на Россию. Это она, это солдафонская Россия хочет штыками положить конец вопросам, волнующим мир. Это она шумит и грохочет, как море, у дверей цивилизованного мира, всегда готовая выступить из берегов, всегда трепещущая от жажды завоеваний, словно ей нечего делать у себя, словно угрызения совести и приступы безумия помрачают рассудок ее государей.

....И вот эти первые пришли, явив такое величие души, такую силу характера, что правительство не посмело в своем официальном донесении ни унизить их, ни заклеймить позором; Николай ограничился жестоким наказанием. Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз.

Не менее решительным было действие заговора 14 декабря на самое правительство; от Петра до Николая правительство высоко держало знамя прогресса и цивилизации; с 1825 года — ничего похожего: власть только о том и думает, как бы замедлить умственное движение; уже не слово «прогресс» пишется на императорском штандарте, а слова «самодержавие, православие и народность» — это mane, fares, takel деспотизма, причем последние два слова стояли там только для проформы. Религия, патриотизм были всего лишь средством укрепить самодержавие, народ никогда не обманывался насчет национализма Николая; ярчайшее выражение его царствования — девиз деспотизма: «Пусть погибнет Россия, лишь бы власть осталась неограниченной и нерушимой». Этот дикарский девиз устраняет все недоразумения, именно 14 декабря принудило правительство отбросить лицемерие и открыто провозгласить деспотизм.

С тех пор единственной целью царизма остался царизм. Он властвует, чтоб властвовать. Громадные силы употребляются на взаимное уничтожение, на сохранение искусственного покоя. Но самодержавие для самодержавия напоследок становится невозможным; это слишком нелепо, слишком бесплодно.

Что же это, наконец, за чудовище, называемое Россией, которому нужно столько жертв и которое предоставляет детям своим лишь печальный выбор погибнуть нравственно в среде, враждебной всему человечеству, или умереть на заре своей жизни? Это бездонная пучина, где тонут лучшие пловцы, где величайшие усилия, величайшие

> таланты, величайшие способности исчезают прежде, чем успевают чего-либо достигнуть. Но можно ли сомневаться в существовании находящихся в зародыше сил, когда из самых глубин нации зазвучал такой голос, как голос Кольцова?
> Между крестьянином и литературою подымается чудовище официальной России — «Россия-ложь, Россия-холера», как вы ее назвали. Эта Россия начинается с императора и идет от жандарма-до жандарма, от чиновника до чиновника, до последнего полицейского в самом отдаленном закоулке империи. Каждая ступень этой лестницы приобретает, как в дантовских bolgi, новую силу зла, новую степень разврата и жестокости. Это живая пирамида из преступлений, злоупотреблений, подкупов, полицейских, негодяев, немецких бездушных администраторов, вечно голодных; невеж-судей, вечно пьяных; аристократов, вечно подлых: все это связано сообществом грабительства и добычи и опирается на шестьсот тысяч органических машин с штыками. Крестьянин никогда не марается об этот мир правительственного цинизма; он терпит его существование — в этом его единственная вина»

Знаменитые слова Толстого о Москве, о столицах России, как нельзя лучше отражают его известную позицию о том, что в разврате народа виновата правительство Града Дьявола, которому он противопоставляет Царство Божие в своих философских и религиозных сочинениях.

> «Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманивать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками».

Л. Толстой, «Царство Божье внутри вас»:

> «Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью. И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви.
> Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что на их

> утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею частью до такой степени, вследствие одурманения властью, потеряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают свое положение, что все то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; все же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства».

Книга Бертрана Рассела «Влияние науки на общество» показывает, как книга Оруэлла «1984», что Град Дьявола будет использовать достижения науки и техники, чтобы усилить давление физического контроля на людей, чтобы усилить насилие уже не только ложью и прямым давлением, но и достижениями техники, сосредоточенными в руках Секретных Служб Подполья — Служб Безопасности Града Дьявола. Однако, «Царство Божье» Л. Толстого намного опередило и Рассела и Оруэлла, ведь он там уже высказал все эти мысли с такой резкостью и негодованием, какой только заслуживает Власть Тьмы. Сказал Толстой задолго до Рассела и том, что деньги будут отнимать у народа, чтобы отдавать чиновникам, соблазняя их тем самым на сторону «ста тысяч служащих Великого Инквизитора». Сказал он задолго до Оруэлла и о том, что Град Дьявола — есть общество сумасшедших, которые будут помещать здоровых людей в психиатрические клиники, чтобы разложить их психику. Карательная психиатрия советов вполне оправдала пророчества Толстого.

Л. Толстой, «Царство Божье внутри вас»:

> «Правительства и правящие классы опираются теперь не на право, даже не на подобие справедливости, а на такую, с помощью усовершенствований науки, искусную организацию, при которой все люди захвачены в круг насилия, из которого нет никакой возможности вырваться. Круг этот составляется теперь из четырех средств воздействия на людей. Средства эти все связаны между собою и поддерживаются одно другим, как звенья кольцом соединенной цепи.
> Первое, самое старое средство есть средство устрашения. Средство это состоит в том, чтобы выставлять существующее государственное

устройство (какое бы оно ни было — свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чем-то священным и неизменным и потому казнить самыми жестокими казнями все попытки изменения его. Средство это как употреблялось прежде, так употребляется и теперь неизменно везде, где есть правительства: в России против так называемых нигилистов, в Америке против анархистов, во Франции против империалистов, монархистов, коммунаров и анархистов. Железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии и усовершенствованный способ без убийства удаления людей навеки в одиночные заключения, где они, скрытые от людей, гибнут и забываются, и многие другие новейшие изобретения, которыми преимущественно перед другими пользуются правительства, дают им такую силу, что, если только раз власть попала в известные руки и полиция, явная и тайная, и администрация, и всякого рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работают, нет никакой возможности свергнуть правительство, как бы оно ни было безумно и жестоко.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, распределять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и усиливать порабощение народа.

Подкупленные чиновники эти от высших министров до низших писцов, составляя одну неразрывную сеть людей, связанных одним и тем же интересом кормления себя трудами народа, тем более обогащаемые, чем покорнее они исполняют волю правительств, всегда и везде, не останавливаясь ни перед какими средствами, во всех отраслях деятельностей отстаивают словом и делом правительственное насилие, на котором и основано их благосостояние.

Третье средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организована самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма

и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Патриотическое суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления; кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, и поощряется всё, развращающее его, как-то: писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения: как-то: табак, водка, составляющие главный доход государства; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств. Таково третье средство.

Четвертое средство состоит в том, чтобы посредством трех предшествующих средств выделять из всех таким образом закованных и одуренных людей еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным, усиленным способам одурения и озверения, сделать из них безвольные орудия всех тех жестокостей и зверств, которые понадобятся правительству. Достигается это одурение и озверение тем, что людей этих берут в том юношеском возрасте, когда в людях не успели еще твердо сложиться какие-либо ясные понятия о нравственности, и, удалив их от всех естественных человеческих условий жизни: дома, семьи, родины, разумного труда, запирают вместе в казармы, наряжают в особенное платье и заставляют их при воздействии криков, барабанов, музыки, блестящих предметов ежедневно делать известные, придуманные для этого движения и этими способами приводят их в такое состояние гипноза, при котором они уже перестают быть людьми, а становятся бессмысленными, покорными гипнотизатору машинами. Эти-то загипнотизированные, физически сильные, молодые люди (теперь при общей воинской повинности все молодые люди), снабженные орудиями убийства, всегда покорные власти правительств и готовые по его приказанию на всякое насилие, и составляют четвертое и главное средство порабощения людей.

> Этим средством замыкается круг насилия. Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же дают власть и возможность и казнить людей, и обирать их (подкупая на эти деньги чиновников), и гипнотизировать, и вербовать их в те самые солдаты, которые дают власть делать всё это.
> Круг замкнут, и вырваться из него силой нет никакой возможности»

Таким образом, Толстой в своем непротивлении злу насилием и вся русская классическая литература уже дали ответ и на вопрос: Что делать?

Начертить дьявольский круг Черта, показать облик Черта народу, дать ему четкое определение, показать его народу, чтобы он стал узнаваем, чтобы он стал уловим, чтобы очередной переворот не заканчивался «Ванькой — Встанькой» возвращения к садомазохизму Града Дьявола. И вот русская классическая литература очертила этого черта, показала его людям. Но очертила и показала художественно. Опять не смогли идентифицировать и поймать материальную энергию поля Эгосистемы психики. Опять очередная революция подняла массы людей против Власти Тьмы, против Града Дьявола, пожирающего людей. Старых толстых генералов и камер-юнкеров -чертей со звездой наказали, но новые такие же страшные залезли на их спины, и уже явились к нам в новой классической русской литературе: в Архипелаге- ГУЛАГе Солженицына.

И все таки не зря работала русская классическая литература, не зря чертила черта со всех возможных ракурсов и точек зрения, чтобы сделать его узнаваемым и уловимым для народа, для человечества.

Открытие Психической энергии, Научная Революция Энергетика наконец дают полное и окончательное определение черта, которое тут же, автоматически упразднит все Грады Дьявола, как только будет признано официальной наукой. А не может не быть признано, потому что отвечает всем требованиям науки и опыта, и дает полное объяснение всем историческим фактом, снимает все противоречия в трактовках этих фактов.

И здесь как сильно пригодился художественный портрет, который уже был дан русской классической литературой». Ведь по понятным причинам, все правительства Градов Дьявола, все толстые Черти-генералы со звездой объединились, чтобы воспрепятствовать публикации Открытия Психической Энергии! Воспрепятствовать публикации Научного Портрета Дьявола! Ведь их узнают, и наконец неуловимый черт будет навсегда заточен в тюрьму научного контроля!

И как в таких обстоятельствах колоссальная помощь Научному Портрету, который забивают со всех стороны Толстые Черти-Генералы со звездой, от Портрета Художественного, данному черту русской литературой! Ведь Художественный Портрет широко в мире признан всеми, и если соединить художественный портрет с научным, они наконец помогут людям избавиться от черта. Научный добавит точности художественному, а художественный не позволит спрятать научный! Как бы Антихрист Путин и его западные враги-партнеры не старались спрятать от народа Открытие и Научную Революцию, русская классическая революция уже все это предвидела! И она этого не позволит, чего бы этот Клуб Сатаны не сделал с автором Научной Революции Энергетика.

П. Новгородцев, как и Е. Трубецкой (оба известные русские юристы и философы начала 20-го века) указывает на противостояние Града Божьего естественного права и Града Дьявола физического контроля (грубой силы); и хотя ему еще Град Божий естественного права представляется утопией, он уже отмечает, что успех теории естественного права в народе заставил считаться с ним действующую силу левиафанов физического контроля. Макиавелли против Гроция, Гоббс против Локка, марксизм-ленинизм против русской классической литературы, самодержавие антихриста- человекобога против Града Божьего естественного права Богочеловечества.

П. Новгородцев, «Лекции по истории философии права»:

> *Гроций и Макиавелли олицетворяют в области политики те две силы, которые борются между собой в человеческой истории: Макиавелли представляет в своих сочинениях теорию грубой силы, которая пролагает себе путь, не разбирая средств и приемов для достижения поставленных целей; Гроций — теорию нравственной силы, которая покоряет людей своими внутренними свойствами. Соответственно с этим, и его система естественного права основана прежде всего на признании известных нравственных начал для сознания людей, помимо каких бы то ни было внешних опор и авторитетов. В отыскании внутренних основ естественного права состоит главная философская задача его книги. Его учение не могло служить лозунгом для какой бы то ни было партии, но оно все, от начала до конца, было проникнуто духом гуманности, справедливости и миролюбия, который благотворно действовал на общественное сознание. Говоря об этой стороне книги Гроция, я не могу характеризовать ее лучше и яснее, как при помощи противопоставления его воззрений взглядам Макиавелли. Преклонение перед силой, проповедь политического успеха, достигаемого какими бы то ни было средствами, отрицание нравственных начал в политической области и неверие в силу добра — таковы характерные черты макиавеллизма. Гроций в этом отношении прямая противоположность Макиавелли. Человечность, миролюбие и справедливость, прежде всего — таковы симпатичные верования, которые он исповедует и которые силой своего авторитета он успел, поскольку это было невозможно, и более чем кто-либо другой из его современников, привить европейскому сознанию. Он твердо верил, что непреклонная честность и нравственные стремления составляют неизменные условия политики» П. Новгородцев Происхождение суверенитета*

ГЛАВА 9. ЦАРСТВО БОЖЬЕ МЕТАФИЗИКИ ИНТЕЛЛЕКТА. СВЯТОСТЬ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. РЕЛИГИЯ РАЗУМА ЭЙНШТЕЙНА И РЕНАНА

1. Религиозность Науки у Альберта Эйнштейна. Борьба с Эмпиризмом не на живот, а на смерть.

2. Религиозность Науки у Эрнеста Ренана. Религия разума как естественная религия.

3. Святость Духовной энергии разума. Святость энергии Добра.

4. Мистические переживания единства Духовной энергии Разума человечества

1. РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАУКИ У АЛЬБЕРТА ЭЙНШТЕЙНА. БОРЬБА С ЭМПИРИЗМОМ НЕ НА ЖИВОТ, А НА СМЕРТЬ

Понятно, что признавать Законы Природы в основании вселенной уже значит признавать наличие Творца, который установил эти законы. В свою очередь, признавать, что эти законы природы образуют Энергетику, то есть что законы природы даны как множество различных систем законов природных энергий, доступных нашему познанию, потому что мы также представляем собой природную энергию, — тем более признавать Творца. Ведь это уже не мир хаоса и случайностей, не мир юмовских регулярностей и последовательностей событий, а «мир идей» Платона, — мир, основание которого выстлано сложнейшим узором интеллектуальных формул, образу-

ющих общий смысл и направленный к какой-то цели или целям.

Это собственно и называется Метафизикой Интеллекта. Нам теперь предстоит разобраться с понятием Религиозности Науки, о которой много писали Эйнштейн и Эрнест Ренан, как это понятие следует из Метафизики Интеллекта. Понятно, что не Ренан и не Эйнштейн были первыми метафизиками интеллекта, что им предшествовал очень длинный ряд великий мыслителей: Заратустра, Пифагор, Сократ, Платон, Цицерон, Марк Аврелий, Филон, Христос, Августин, Фома Аквинский, Паскаль, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Ньютон, Кеплер, Руссо, Вольтер, и др.

Можно сказать, что всю современную теоретическую физику сделали метафизики интеллекта, то есть рационалисты, которые подобно Эйнштейну и Планку (первооткрывателям квантов) сознательно противопоставили свою «веру в объективную реальность», веру в законы природы, в детерминизм, исключающий случайность — «плоскому и бесплодному эмпиризму», по выражению Эйнштейна.

Ф. Гернек, «Пионеры 20-го века»:

> «Планк, который был в первую очередь физиком, заслуживает внимания и как мыслитель-философ.
> Подобно Эйнштейну, Планк считал, что между естествознанием и философией существует необходимое и неустранимое взаимодействие. Не следует полагать, говорил он, что можно «продвинуться вперед даже в самой точнейшей из естественных наук вовсе без мировоззрения». Мировоззренческая позиция любого исследователя решающим образом воздействует на направление его научной работы; результаты его исследования в свою очередь оказывают влияние на складывающуюся у него философскую картину мира. В естествознании тоже ведется борьба за мировоззрение, и физика в этой борьбе может стать очень острым оружием.
> Под мировоззрением Планк понимал «веру», которая справедлива, даже если она не может быть научно доказана. Это мнение он высказывал неоднократно.
> Так, в своей ректорской речи в октябре 1913 года в актовом зале Берлинского университета он сказал: «Для физики также имеет силу изречение, что нет спасения без веры, по крайней мере без веры в некоторую реальность. Только эта твердая вера и указывает путь

> творческому стремлению, только она дает точку опоры продвигающейся ощупью фантазии, только она в состоянии всякий раз ободрить мысль, усталую от неудач, и снова воодушевить ее».
> И, возражая позитивистам, Планк добавил: «Тот, кто отвергает реальность атомов и электронов, или электромагнитной природы световых волн, или тождество теплоты и движения, тот никогда не впадет из-за этого в противоречие с логикой и фактами. Но ему не остается ничего другого, как пассивно следить за успехами физического познания».

Эту «веру в реальность законов природы» с Планком и Эйнштейном разделяли Максвелл и Фарадей, Больцман и Шредингер, и именно эти ученые как известно создали божественную красоту математических формул современной теоретической физики. Причем следует заметить, что уравнения электромагнитных волн Максвелла были получены чисты дедуктивным методом, то есть математическим путем, и никто из физиков-эмпириков не воспринимал их всерьез по этой причине долгое время, пока не пришел Г. Герц и серией экспериментов не подтвердил правоты Максвелла.

Ф. Гернек, «Пионеры 20-го века»:

> «Максвелл ...подобно Фарадею, который всю жизнь свято верил в библию и был активным проповедником, подобно Роберту Майеру, который закончил свой доклад на Инсбрукском съезде естествоиспытателей в 1869 году, к удивлению большинства участников, открытым признанием христианской религии, Максвелл тоже был «способным естествоиспытателем» и одновременно «истинно набожным человеком».
> Из документов и сообщений следует, что он читал в своем шотландском поместье теологические сочинения и руководил религиозными обрядами в кругу семьи. Его письма к жене полны богобоязненных рассуждений. Максвелл в 1873 году в докладе по вопросам молекулярной физики выступил против эволюционной теории Дарвина и утверждал, что материя не может существовать сама по себе, но должна быть сотворена, то этим он ясно показал, как далек он по своим воззрениям от таких естествоиспытателей-атеистов, как Бюхнер, Мах или Геккель. Но эти религиозные убеждения, которые в несколько иной форме можно найти и у его великого почитателя Больцмана, не повлияли на его исследовательский труд.

Своими знаменитыми дифференциальными уравнениями Максвелл с высочайшей гениальностью охватил множество электромагнитных явлений. Его формулы ценятся математиками и физиками за их простоту и вызывают восхищение своей красотой. Известный австрийский физик Людвиг Больцман, говоря о них, повторил слова Фауста: «Начертан этот знак не бога ли рукой?»

Создание Максвеллом уравнений электромагнетизма, открывших век электричества, может рассматриваться как важнейшее теоретическое достижение в истории физики за период, отделяющий теорию гравитации Ньютона от теории относительности Эйнштейна. При этом с точки зрения познания существенно, что электромагнитное силовое поле выступило на равных правах с материальной точкой — как новая форма проявления реальности.

Чисто математическим путем Максвелл пришел к выводу, что в пустом пространстве образуются электромагнитные волны, распространяющиеся со скоростью, соответствующей скорости света в вакууме. Он обосновал с помощью математических методов предположение Фарадея о том, что свет и электричество одинаковы по своей природе.

«Уравнение Шрёдингера», при составлении которого Шрёдингер пользовался советами преподававшего в то время в Цюрихе крупного математика Германа Вейля, относится к числу наиболее распространенных формул в мировой литературе по физике атомного века Его классическая красота вызывала и вызывает такое же восхищение и уважение физиков-теоретиков, как в свое время максвелловская система формул электромагнитного поля. Говоря об этой системе, Людвиг Больцман приводил восторженные слова Фауста: «Начертан этот знак не бога ли рукой?» Макс Борн, оценивая труд Шрёдингера, восклицал: «Что существует более выдающегося в теоретической физике, чем его первые шесть работ по волновой механике?»

Уже в начале апреля 1926 года, после получения сигнальных оттисков первой основополагающей статьи по волновой механике, Планк писал Шрёдингеру «Читаю Вашу статью с тем же напряжением, с каким любопытный ребенок выслушивает развязку загадки, над которой он долго мучился, и радуюсь красотам, раскрывающимся перед моими глазами».

Религия для Планка — «вера в могущество разумных законов во вселенной». Как и Эйнштейн, он выступал за спинозовское понимание единой сущности бога и природы. Лиза Мейтнер, которая на протяжении сорока лет была близким другом великого исследователя, подтвердила это в одном из писем: «Конечно, вера Планка не имела

> формы какой-либо специальной религии; но он был религиозен (в смысле Спинозы или Гёте) и всегда это подчеркивал. И поскольку он был правдивейшим человеком, за его словами должно было стоять глубокое чувство, которое на трагических рубежах его жизни служило ему большой поддержкой». Пытаясь понять характер религиозности Планка, нельзя обойти вниманием 1937 год — время, когда ученый выступил с хвалой религии и с лозунгом «К богу!».

Можно видеть таким образом наглядно что вся история развития науки — это история развития метафизики интеллекта, от первых серьезных философских систем до самых современных открытий теоретической физики. То есть науку двигает «вера в реальность законов природы», «вера в вечный закон в основании вселенной», «вера в способность человеческого разума познавать истину, заложенную в законах природы».

Особенно четко и последовательно эта вера в метафизику интеллекта, эта Религиозность в отношении к науке выразилась у самого известного физика в мире — у А. Эйнштейна. И позже эта его вера в рационализм вселенной столкнется философском споре с эмпириком Нильсом Бором. Сам Эйнштейн как известно презирал «плоский и бесплодный эмпиризм», и несмотря на неспособность объяснить «нелокальность» квантов с позиций пространства-времени физического мира, он до конца жизни не отступил от своей твердой веры в рационализм, и в своем отвращении к плоскому эмпиризму.

> «Вы верите в Бога, который играет в кости, а я — в полную закономерность и правопорядок в мире, который объективно существует и который я дико умозрительным путём пытаюсь захватить. Я твёрдо верю, но я надеюсь, что кто-то откроет более реалистичный путь или основу, чем это было моим уделом его найти. Даже великий успех квантовой теории не заставит меня поверить в фундаментальную игру в кости, хотя я очень хорошо знаю, что некоторые из наших молодых коллег интерпретируют это как следствие старости»
> *— Adams, John (1995). Risk. London: University College London Press, p. 17.*

Эйнштейн никогда не стеснялся открыто заявлять о Религиозности своего отношения к науке. Даже названия его статей,

опубликованных в крупных журналах его времени (а каждое его слово воспринималось как слово оракула, что ему не нравилось) говорят сами за себя: «Космическая религия», «Религиозный дух науки», «Наука и Религия» и др. Ему приписывают даже создание Новой религии — космической религии будущего, но на самом деле он говорил о том, о чем говорят все метафизики интеллекта, и что Е. Трубецкой выразил как «Вечный закон в основании вселенной» и Познание этого закона как Смысл Жизни Человека. О том же пишет Толстой в «О жизни», и Чехов в «Студенте» и «Черном монахе». Религиозность науки, иными словами подразумевает, что Дух человеческий неволен выбирать — познавать ему законы природы или нет, что он органически связан с этим громадным знанием Пространства Интеллекта, которое обнаружил Эйнштейн в природе и красоте и гармонии которого так восхищался. И что эта связь проявляется в том, что зрелый и сознательный Дух отринет все эгоистическое (об этом Эйнтшейн пишет в таких же простых словах как Толстой и Трубецкой) и сосредоточится на Служении этому Пространству Интеллекта, на Познании. И что это активность ученого есть Религиозное Служение Богу-Интеллекту, являющему себя в законах природы. И в этом состоит Смысл Жизни, который есть Религиозная наполняющая духовной жизни человека — поиски и реализация Смысла Жизни. Именно об этом Смысле Жизни все попечения Чехова, Толстого, Трубецкого в тех цитатах, что я приводила выше.

Википедия, «Эйнштейн и Религия»:

> «Он расширил свои убеждения в письмах, отвечая японским учёным. В ответах были описаны его представление о науке и религии. Ответы появились ограниченным тиражом, выпущенным по случаю 50-летнего юбилея Эйнштейна:
> «Научные исследования могут уменьшить суеверие, поощряя людей думать и смотреть на вещи с точки зрения причины и следствия. Несомненно, это убеждение о рациональности и упорядоченности мира, которое сродни религиозному чувству, лежит в основе всех научных работ более высокого порядка... Это убеждение связано с глубокой верой в Высший разум, который показывает себя в мире

опыта, представляет мою концепцию Бога. В обиходе это может быть описано как „пантеизм“ (Спинозы)»

Эйнштейн ранее держался убеждения, что человек не может понять сущности природы Бога. В интервью, опубликованном в 1930 году в книге *Проблески Великого* Дж. Сильвестра Виерека, Эйнштейн в ответ на вопрос, верил он Бога или нет, объяснил:

«Ваш вопрос (о Боге) является самым трудным в мире. Это не тот вопрос, на который я могу ответить просто „да“ или „нет“. Я не атеист. Я не знаю, могу ли я охарактеризовать себя как пантеист. Эта проблема слишком обширна для наших ограниченных умов. Могу ли я не отвечать притчей? Человеческий разум, независимо от того, как хорошо он обучен, не может понять Вселенную. Мы подобны маленькому ребёнку, зашедшему в огромную библиотеку, стены которой забиты книгами на разных языках до потолка. Ребёнок понимает, что кто-то должен был написать эти книги. Но он не знает, кто и как их написал. Он не понимает языков, на которых написаны книги. Ребёнок замечает определённый порядок этих книг, порядок, который он не понимает, но смутно представляет. Это, как мне кажется, отражает отношение человеческого разума, даже наилучшего и самого культурного, к Богу. Мы видим, что Вселенная устроена удивительно, подчиняется определённым законам, но мы понимаем эти законы лишь смутно. Наш ограниченный разум не способен постичь загадочную силу, которая качает созвездия. Я очарован пантеизмом Спинозы. Я ещё больше восхищаюсь его вкладом в современную мысль. Спиноза — величайший из современных философов, потому что он первый философ, который относится к душе и телу как к одному целому, а не как к двум разным вещам»

— Viereck, George Sylvester. Glimpses of the Great. Duckworth, 1930. p. 372—373.

Согласно биографу Уолтеру Айзексону, Эйнштейн был более склонен очернять неверующих, чем верующих. Эйнштейн говорит в переписке: «Фанатичные атеисты, как рабы, которые всё ещё чувствуют тяжесть своих цепей, сброшенных после тяжёлой борьбы. Они существа, которые в своей обиде на традиционный «опиум для народа» не могут услышать музыку сфер. Несмотря на то, что он не верит в персонифицированного Бога, он указал, что «никогда не будет стремиться к борьбе с такой верой, потому что такая вера, мне кажется, предпочтительнее отсутствия трансцендентного мировоззрения»

В своей книге 1949 года *«Мир, каким я его вижу»* он писал: «Знания о существовании чего-то, во что мы не можем проникнуть, раскрывается для нас невероятно продуманным и восхитительно красивым,

> при этом доступно для нашего разума только в своих самых элементарных формах. Знания этого и эмоции возникают истинно религиозные; и в этом смысле я глубоко верующий человек» Эйнштейн называл свою систему убеждений как «космическая религия» и был автором одноименной статьи 1954 года. Позже эта система была описана в его книге *«Идеи и мнения»* 1955 года [. Эта система убеждений признала «чудесный порядок, который проявляется во всех явлениях природы так хорошо, как в мире идей», порядок, который отрицает личностного Бога, награждающего и наказывающего людей на основе их отрицательного поведения. Он отклонил конфликт между наукой и религией и заявил, что космическая религия была необходима для науки Он говорил Уильяму Германнсу в интервью, что «Бог — это загадка. Но загадка постижимая. Я ничего не испытываю, кроме трепета, когда наблюдаю законы природы. Нет законов без законодательства, но как выглядит законодатель? Конечно, он не похож на Большого человека» Он добавил с улыбкой «несколько столетий назад я был бы сожжён или повешен. Тем не менее, я был бы в хорошей компании»

Известно, что метафизика интеллекта Эйнштейна, его Религиозность Науки, вызвали ожесточенные споры между атеистами и теми, кто верует богословскими догматами. Каждый старался интерпретировать его позицию в свою пользу, но Эйнштейн не принадлежал ни к одной из этих сторон: он признавал Бога Интеллекта и установленную им «огромную библиотеку, забитую до потолка книгами» (то есть пространство интеллекта, исписанное формулами законов природы). Эйнштейн, отвечая на эти острые дебаты, четко разделил два вида религий: «религия страха» и «религия разума». Первая есть отрицание разума, есть чистый эгоизм магического сознания, который просит благо у бога и боится наказания (поклонение тотемам первобытного мышления, а также деградация этических религий в магию сознания). А вторая религия, религия Разума у него выражается точно также как у Л. Толстого «О Жизни», как у Е. Трубецкого в «Энциклопедии права», как у Антона Чехова в «Черном монахе», в «Крыжовнике», в «Доме с Мезонином». Это церковь единства человечества, это Евангелие, очищенное от всего мифологического, — как это

сделал Толстой в «Соединении и переводе четырех Евангелий». Это Третий завет Мережковского.

Помимо чисто интеллектуальной службы ученых в самом процессе познания, Эйнштейн также как Толстой в книге «О Жизни» говорит о «вечном законе», открытом еще Исайей, Заратустрой, Буддой и Христом: отказ от эгоизма животной личности и единение с человечеством в служении нравственности, красоте и добру. Эйнштейн не говорит подобно Ренану, что Наука докажет эти основания этической религии, но он твердо убежден в правдивости и реальности иудео-христианской традиции этики.

Альберт Эйнштейн. Перевод Леонида Ярославского.

[A. Einstein, Science and Religion, in: Out of My Later Years, The Citadel Press, Secaucus, New Jersey, 1956

> «Но наука может развиваться только теми, кто полностью впитал в себя стремление к истине и пониманию. Это стремление, однако, проистекает из сферы религии. К ней же принадлежит вера в возможность, что правила, пригодные для мира сущего, рациональны, то есть доступны разуму. Я не могу представить себе подлинного учёного без этой глубокой веры. Эту ситуацию можно выразить афоризмом: наука без религии хрома, религия без науки слепа.
> Чем дальше продвигается духовная эволюция человечества, тем более определённо мне представляется, что путь к истинной религиозности проходит не через страх жизни, страх смерти и слепую веру, но через стремление к рациональному знанию. В этом смысле я верю, что священник должен стать учителем, если он хочет оправдать свою высокую образовательную миссию.
> Если цель религии — освободить человечество, насколько это возможно, от рабства эгоцентричных устремлений, желаний и страхов, научное мышление может помочь религии
> В своей борьбе за этическое добро, учителя от религии должны иметь мужество отказаться от доктрины Бога как личности, то есть отказаться от этого источника страха и надежды, который в прошлом дал такую всеобъемлющую власть в руки служителей церкви. В своих работах они должны будут посвятить себя тем силам, которые способны культивировать Божественность, Истину и Красоту в самом человечестве.

> Прежде всего, вместо вопроса о том, что такое религия, я бы предпочёл спросить, что характеризует стремления человека, который кажется мне религиозным. Религиозно просвещённый человек представляется для меня человеком, который в максимально возможной для него степени освободил себя от пут эгоистических желаний и поглощён мыслями, чувствами и стремлениями, которых он придерживается ввиду их сверхличностного характера. Мне кажется, что важна сила сверхличностного содержания и глубина убеждения в его всемогущей значимости безотносительно от того, делалась ли попытка объединить это с божественным Существом, ибо в противном случае нельзя было бы считать Будду или Спинозу религиозными личностями.
> Они пришли в мир не через демонстрацию, но через откровение, через посредство ярких личностей. Не следует пытаться оправдать их, нужно только просто и ясно ощущать их природу.
> Высшие принципы наших устремлений и оценки даны нам иудейско-христианской религиозной традицией. Она ставит высокую цель, которую при нашей слабости мы в состоянии достичь только неполностью [inadequately], но которая даёт прочное основание нашим устремлениям и оценкам. Если отвлечься от её религиозной формы и взглянуть просто на её человеческую сторону, можно было бы, вероятно, сформулировать её так: свободное и ответственное развитие индивидуума, такое, чтобы он мог свободно и с радостью поставить свои силы на службу всему человечеству.
> Здесь нет места для обожествления нации, класса, не говоря уже об индивидууме. Говоря языком религии, разве мы не дети одного отца?»

2. РЕЛИГИОЗНОСТЬ НАУКИ У ЭРНЕСТА РЕНАНА. РЕЛИГИЯ РАЗУМА КАК ЕСТЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИЯ

Подобно Толстому и Эйнштейну Э. Ренан всегда утверждал («Жизнь Иисуса»), что Иисус не только не был богом, но никогда и не претендовал на такое «кощунство» хотя Мережковский утверждает, что один Толстой решился утверждать, что Иисус не называл себя богом). Эйнштейн говорил, что Иисус был еврей и знал, что Бог — Один.

И подобно Толстому и Эйнштейну Ренан объявил войну сверхъестественному: тому, что Эйнштейн называет «Религией

страха» и отрицает как бред магического сознания, и тому, что Толстой называл «примесью лжи» в Евангелиях, и от которых очистил Евангелия в своем собственном переводе.

Э. Ренан, «Будущее Науки»:

> «Наука, достойная этого имени, возможна лишь при условии полной автономии. Критика не знает почтения. Для нее нет ни тайн, ни престижа. Она разрушает все очарования, срывает все покровы. Интересы критики в то же время интересы рационализма, а интересы рационализма тождественны с интересами духа нового времени. Проклинать рационализм значит проклинать все развитие человеческого духа от Петрарки и Бокаччо, то есть от первого возникновения критического духа. Дух нового времени это сознательный разум. Вера в сверхъестественный порядок представляет отрицание критики, остаток антропоморфического взгляда на природу, и утверждает взгляд, что мир управляется фантазией, а не законами природы. Отрицание сверхъестественного является результатом развития всей совокупности современных наук. Единственное средство избавится от этой страшной болезни, которая к стыду человечества еще не исчезла в человечестве, есть современная культура. Одна лишь положительная и экспериментальная наука может уничтожить веру в сверхъестественное, вызывая в человеке чувство реальной жизни. ...Все факты совершаются в области духа. Природа есть разум, нечто нерушимое, полное исключение прихоти. Задача нового времени осуществиться только тогда, когда уничтожится это наивное убеждение в царстве случайности в мире в какой бы то ни было форме, точно также как уже исчезла вера в магию и колдовство. Все это относится к одному разряду. Итак задача современной критики в том, чтобы уничтожить все мировоззрения, не носящие научного критического характера».

Ренан тот самый священник, к которым обращается Эйнштейн с просьбой обратиться к знанию от своих мифологических догм, если они хотят быть настоящими учителями добра для человечества. Ренан — бывший католический священник, который навсегда отверг все сверхъестественное в христианстве, и именно потому что по настоящему уверовал в «в красоту и великолепие» христианства: «Иисус всегда будет моим богом», — говорит он в «Жизни Христа», где пишет о нем как о великой историче-

ской личности, не как о боге. Он понял, как Толстой, что в христианстве великая правда смысла жизни человеческого, но она запорошена снегами мифологии, снегами сверхъестественного, что во первых, затемняет ее смысл, а во вторых отвращает от нее человеческий разум. И тогда он посвятил себя научному исследованию христианства, и последовательно изложил философию христианства уже как чисто рациональной доктрины в нескольких томах своего фундаментального исследования. Это великий вклад в науку: в историю, в психологию, в философию. В «Будущем науки» Ренан пишет, как он начинал свой путь к научному христианству, — он начал с полного отказа от сверхъестественного. В итоге, говорит Ренан, мы ничего не потеряем отказавшись от «старых сказок», потому что настоящая наука даст нам новую религию, уже не смешанную со сверхъестественным, религию основанную на рационализме, на настоящем знании законов природы, — и все же это будет религия, самая настоящая религия, и намного более прекрасная, чем те старые сказки которыми нам приходилось довольствоваться, пока разум был развит недостаточно.

Эйнштейн любил подчеркивать свое пристрастие к философии Спинозы, и к личности этого великого философа. Действительно, эти выводы Ренана Спинозы сделал задолго до него в «Теолого-политическом трактате», где он говорит, что библейские догмы — это пища для детских умов. Эта пища содержит правду, но в «сверхъестественном свете», который требовался пока ум людей был «как у детей». Но вот человек развился, повзрослел и теперь ему достаточно «естественного света разума». А продолжать считать библейские истины священными, говорит Спиноза там же, значит, быть идолопоклонниками: поклоняться буквам. И апостол Павел говорил: «Я даю вам молоко, потому что как младенцы, еще не можете есть твердую пищу».

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Кеплер, Ньютон, Декарт и большая часть основателей современной науки были люди верующие. Страшный рок увлекает людей, работающих на поприще рационализма, к совершенному разрыву с поло-

> жительной религией. Для меня возвышенная наука, понимающая свою цель, возможна лишь вне сверхъестественности. Чистая любовь к науке побудила меня разорвать узы сверхъестественного, И я почувствовал, что в тот день, когда я признал своим господином один лишь разум, я создал необходимое условие для науки и философии. Я говорю так потому, что я серьезно отношусь к вещам религиозным. В действительности наука уничтожит мечтания минувшего только для того, чтобы заменить их несравненно более высокой реальностью. Если бы можно было, я бы ликовал на развалинах этих догм, в полной уверенности что реальная система вещей намного превосходит бедные возможности воображения, без которых мы не могли познать красоты вселенной. Правда, мы еще не знаем этой системы, но достаточно нашего сознания, что отрицание представляет путь к ней. Одни системы уходят, только для того, чтобы уступить место другим системам. Ведь на самом деле существует эта бесконечная красота, смутные очертания которой мы замечаем, и которую мы стараемся передать при помощи ограниченных образов. Точно также хотя нравственный мир получил смертельный удар с разрушением старых систем, но реалистический метод приведет нас к самым ослепительным чудесам; и до тех пор пока мы не откроем неслыханного великолепия, опьяняющих истин, роскошных и утешительных верований, мы можем быть вполне уверены, что мы не дошли до истины, что мы переживаем одну их тех роковых переходных эпох, когда человечество перестает верить в химерические красоты для того, чтобы открыть чудеса реальности. Никогда не нужно пугаться развитию науки, так как можно быть вполне уверенным, что она приведет нас к открытию ни с чем несравнимых красот».

Эйнштейн выделял «религию страха» и «религию разума», объявлял своим врагом первую, и поклонялся второй. Нетрудно заметить, что «религия страха» — это физический контроль поля Эгосистемы с его «страхом сверхъестественных сил» в основе мотивации. А «религия разума» — это научный контроль поля Интеллекта, с его общим Я духовной энергии, и интеллектуальным голодом в основе мотивации.

Почему люди называют такие разные вещи, как поле материальной энергии и поле разумной энергии, — одним словом «религия»? Что выражает слово «религия» в данном случае? Видимо, энергетическую природу человека, которую не могут объяснить на языке эмпириков и материалистов. Когда люди перей-

дут к настоящей науке, к Энергетике, они никогда не станут определять поле Эгосистемы и поле Интеллекта, то есть болезнь и здоровье, смерть и жизнь, — единым термином «религия».

Между этими двумя полюсами жизни и смерти человеческой, — между первобытным сознанием дикарей и духовной энергией ученого человечества — люди застряли в переходном периоде, где нет ни физического контроля, ни научного контроля как утвержденной нормы. Но поскольку человек не может жить без какого-либо контроля, то большая часть возвращается к физическому контролю поля Эгосистемы, а самые тонкие, умные и одаренные просто погибают — сходят с ума, кончают жизнь самоубийством, погибают от руки «человекохищников — эгоистов», просто умирают. Этот переходный период от физического контроля «религии страха» к научному контролю «религии разума» так затянулся, что грозит совершенно уничтожить человечество. Ведь настоящее человечество — это не материальная энергия поля Эгосистемы, а духовная энергия научного контроля, и именно это человечество падает жертвой переходного периода, где нет науки и нет религии, а есть только «страх сверхъестественного» первобытного сознания.

Ренан говорит об этом кризисе переходного периода как о кризисе «эмпиризма и атеизма», как о науке «Эгоистов», которые не видят дальше собственного носа, и которым он предсказывает абсолютное историческое забвение. «Это не люди», — говорит Ренан о дарвиновской парадигме. Он не видел ужасов 20-го века, которые принесла дарвиновская парадигма, но правильно понял сущность «Мертвых душ», отрицающих «религию разума». В конечном итоге, они всегда защищают «религию страха», то есть физический контроль насилия, потому что человек не может жить без одного из двух контролей. Дарвиновская парадигма, разрушив рационализм, утвердила физический контроль поля Эгосистемы. И в этом бунте против эмпиризма дарвиновской парадигмы Ренан опять солидарен с Эйнштейном.

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Я восстаю здесь против английской науки, столь мало возвышенной и столь мало философской. Я не знаю удалось ли кому-нибудь из англичан, за исключением может быть, Байрона, достаточно глубоко понять философию вещей. Ни одного возвышенного и беспокойного спекулятивного воззрения у мыслящих англичан, ни одного глубокого взгляда на существующее. Это зависит вероятно от того что позитивной религии отданной в консервативные руки приписывается способность сказать слово о великих вещах. Но так как в действительности наука имеет ценность лишь постольку поскольку она может заменить религию, то какая же участь должна постигнуть ее в подобной системе? Как это все жалко! Пусть человек будет как угодно остроумен, но если перед лицом бесконечности он не чувствует, что окружен тайнами и проблемами, то он в моих глазах не более как тупица.
> Что касается меня то я знаю лишь один результат науки. Он состоит в том, что разрешает загадку, раскрывает пере людьми тайну вещей и объясняет ее во имя единственной законной власти которой является человеческая природа во всей своей совокупности, дает этой тайне символ, который прежде она получила в готовом виде от религии и которого теперь уже не может принять»

И вот у Ренана готов символ веры для «естественной религии», то есть «религии разума» Эйнштейна. Надо сказать, что о «естественной религии» как противоположности «религии страха» с одной стороны и эмпиризму с другой стороны

> «Знание — это первое слово символа веры естественной религии. Знание — первое условие сношений человека с вещами и того проникновения в жизнь вселенной, которое составляет умственную жизнь индивидуума: знать это значит познавать Бога. Человек невежественный как бы лишен природы, замкнут в самом себе и принужден создать себе фантастическое «не-я», по образу и подобию своей личности. Отсюда возникает тот странный мир, в котором жил первобытный человек.
> Доказывать святость познания значило бы тратить время понапрасну: только тем придет в голову отрицать ее, для кого нет ничего святого. Наука — первая потребность человечества. Прежде всего это желание познания пробуждает природа. Находясь постоянно перед лицом неизвестного, человек испытывает двоякого рода чувство: уважение перед таинственностью и благородную смелость, которая побуждает его разодрать завесу и узнать что за ней.

> Вообще века, мало размышляющие, принимали теологическое объяснение вместо психологического. Вера в то, что благодать нисходит свыше, кажется нам естественной, и только значительно позже удалось открыть то, что она исходит из глубин совести».
> Врагами науки являются лишь те, кто считает истину бесполезной и неинтересной, а также те, кто признает в ней ее трансцендентную стоимость, но надеется прийти к ней без помощи критики и рационального исследования, а другим путем. О последних можно сожалеть потому что они удалились от истинного прямого метода человеческого духа, но они хотя бы признают идеальную цель жизни и могут дойти до симпатии к ученым. Нам нечего сказать первым, кто презирает науку также, как возвышенную поэзию и добродетель, потому что низменная душа может понимать только тленное. Это люди другого мира, они даже не заслуживают названия людей. Потому что не обладают способностью, составляющей привилегию человека. Безнравственными безбожниками являются именно эти люди, нечувствительные ко всему нисходящему свыше. Атеист — это человек индифферентный, поверхностный, и легкомысленный, это тот кто чтит лишь материальные выгоды и удовольствия. Англия, производящая впечатление одной из самых религиозных стран, в сущности наиболее атеистична, так как менее всех других идеалистична.
> В истории лишь только облако мелких интересов уходит в прошлое, как тот же самый период времени предстает перед нами в торжественном и строгом бескорыстном виде. Во все времена были эгоисты, лишенные чувства к искусству, науке и нравственности. Но все он умирают вполне; для них нет места в этой великой исторической картине, которую человек вышивает, а затем рассматривает».

Однако, несмотря на мощь врагов науки, которые не только разбили рационализм истинной науки, но и создали устойчивую лже-науку, дарвиновскую парадигму, Ренан твердо верит в победу разума. На место полулжи-полуистине (как говорил Толстой о теологии христианства) придет точное знание научного контроля, и только тогда человечество узнает что такое истинная религия разума, и что такое истинная наука, истинная метафизика интеллекта. Так, Мережковский только смутно предчувствовал Третий Завет, Ренан дал очень четкое разъяснение и разграничение его от существующих в его время понятий о науки, о религии, о метафизике и об эмпиризме.

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Придет день когда человечество перестанет верить, но будет знать, когда оно познает метафизический и моральный мир точно так же, как теперь оно знает мир физический; придет день когда человечеством будет управлять не случайность или интриги, а разумный выбор лучшей цели и наиболее действительных средств. Но если в этом именно цель науки, если задача ее в том, чтобы открыть человеку его цель и законы, управляющие им, если наука стремится дать ему возможность уловить истинный смысл жизни и при помощи искусства, поэзии и добродетели создать идеал, который один лишь придает ценность человеческому существованию, то могут ли быть у науки серьезные враги?»

3. СВЯТОСТЬ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА. СВЯТОСТЬ ЭНЕРГИИ ДОБРА

Надо сказать, что идея Третьего Завета Мережковского известна на западе как идея «естественной религии», и в этом понимании далеко не только Эйнштейн и Ренан развивали эту идею. Религия разума, как познание мира и смысл жизни человеческого духа, — единая всемирная естественная религия человечества, об этом говорили уже со времен «Теолого-политического трактата» Спинозы. А Ромен Роллан в своих книгах о религии индусов (Жизнь Вивеваканды, Жизнь Рамакришны, Жизнь Махатмы Ганди, Вселенское Евангелие Вивеваканды) рассказывает об устойчивых попытках найти естественную всемирную религию в Индии. И видимо сам Ромен Роллан приобщен к этим поискам очень серьезно, если посвящает Толстому и метафизики Индии столько времени. В России как мы видели поисками естественной всемирной религии были заняты все великие умы, так что Третий Завет Мережковского только обобщил эти усилия. На западе самые яркие имена помимо Эйнштейна и Ренана — Карл Ясперс, который писал о философской вере, В. Дильтей, обобщивший усилия европейцев в поисках естественной религии в книге «Развитие от Реформации до наших дней», Г. Лессинг в «Воспитание человеческо-

го рода», Ж. Санд и Пьер Леру в «Спиридионе», А. Швейцер «Упадок и возрождение культуры», наконец, А. Тойнби в «Постижении истории». Я также настаиваю, что «всемирный социализм» Бертрана Рассела и его философия рационализма — это поиски «религии разума» или «естественной религии», и это лучше всего доказала его дочь, Катерин Тейт в книге «Мой отец Бертран Рассел». Я не знаю ничего красивее, чем вот эта цитата из его книги «Education and social order» для выражения духа той естественной религии разума, о которой говорят все герои нашей повести — метафизики интеллекта

> *«В нашем мире много зла, которое мы могли бы излечить, если бы захотели. Те, кто способен видеть это зло и бороться с ним, скорее всего лишаться каждодневного покоя в отличие от тех, кто молча принимает сложившиеся положение вещей. Но вместо этой праздной расслабленности, они обретут нечто, что лично я ценю значительно больше, и для себя и для своих детей. Они будут согреты сознанием, что делают все, что в их силах, чтобы сократить количество боли в мире. Они будут обладателями более справедливой системы ценностей, нежели поддакивающие конформисты. Они будут знать, что находятся в стане тех, кто предохраняет человечество от бездны отчаяния и стагнации. Это гораздо лучше, нежели праздное принятие статус-кво»*

Майкл Игнатьев в книге «права человека как идолопоклонство» правильно замечает (и приводит цитаты ученых), что доктрина прав человека возможна только в случае, если у нее есть «религиозное», «метафизическое» основание. В противном случае, какая разница что делают с человеком? Если бога нет, говоря словами Достоевского, то все позволено. Только если есть эта «религия разума» Эйнштейна и Ренана, только если всемирные поиски естественной религии не были напрасными — только тогда Институт Прав Человека и звучит гордо и обоснована эта гордость истинной Святостью Духовной Энергии Разума Человека. Вот как об этой святости пишет Эрнест Ренан:

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Недалек уже тот день, когда люди признают, что возвышенный смысл вещей, высшая критика, великая любовь, истинно благород-

ное искусство и священный идеал нравственности возможны только в том случае, если мы с самого начала перейдем в область божественного, если все прекрасное, все чистое и приятное мы признаем одинаково святым и почтенным, если мы будем смотреть на то что есть как на единственный порядок вещей, и на что составляет природу, как на разнообразные проявления, цветы и побеги единого тождественного живого основания.

Итак, все связанное с высшей жизнью человека, с той жизнью которая отличает его от животного, — священно и заслуживает страстной привязанности прекрасных душ. Прекрасное чувство стоит прекрасной мысли и последняя стоит прекрасного действия. Философская система стоит поэмы, последняя стоит научного открытия, жизнь ученого стоит жизни добродетельного человека. Совершенством можно было бы признать такого человека который в одно и то же время был бы поэтом, философом, ученым и добродетельным человеком. Образец совершенства дан нам самим человечеством; наиболее совершенна такая жизнь, которая лучше всего представляет все человечество. Но образованное человечество не только нравственно, оно также учено, обладает большим любопытством, поэтическим талантом и страстностью.

Жизнь гениальных людей представляет почти всегда восхитительное зрелище огромных умственных способностей в соединении с очень развитым поэтическим чувством и очаровательной душевной добротой, так что жизнь их представляет почти всегда наиболее прекрасное произведение их и составляет существенную часть полного собрания их произведений. Слова философия поэзия, наука, искусство составляют не столько различные объекты умственной деятельности человека, как различные способы рассмотрения одного и того же предмета, то есть живое существо во всех его проявлениях.

Все гении бывают обыкновенно универсальными по отношению к предмету своего исследования, и насколько мелкие умы совершенно невыносимы, когда доказывают исключительное превосходство своего искусства, настолько правы великие люди когда доказывают что их искусство заключает всего человека, потому что хотят выразить нечто неделимое — душу или Бога».

Евангелие от Иоанна, которое считается квинтэссенцией философии Филона (еврейского философа-платоника, современника Христа), сообщает нам, что человек рожден от Духа Святого, и что если не рожден от духа, то нет ему места в Царствии Небесном.

Иоанн 3:3

> 3 Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия.
> 4 Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?
> 5 Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.
> 6 Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух.

Можно толковать эти слова как притчу, можно толковать буквально.

Что есть духовная энергия человека с точки зрения науки? Это энергия притяжения между двумя полюсами Интеллекта: Активным полюсом мышления и Пассивным полюсом законов природы. Притяжение между этими полюсами, которое человек ощущает как страсть к познанию, как потребность (голод) в знании, как любознательность и интерес к миру — вот тот фундаментальный поток Эмоций, который есть Тело духовной энергии, ее материальная составляющая, и которая образуется в результате притяжения между двумя полюсами Интеллекта.

Уже Платон и Аристотель определяли страсть к познанию человека как самоцель, как «мышление для мышления», то есть как притяжение между двумя полюсами интеллекта, где сам процесс познания есть первопричина самого себя, а потребности биологические и другие уже вторичные причины. Об этом говорит знаменитое Декартовское: «Я мыслю, следовательно, я существую». Об этом знаменитая «Этика» Спинозы, где доказывается, что здоровый человек движим «Интеллектуальной любовью к Богу, то есть к Разуму». Наконец, самые выдающиеся умы современной физики, от Эйнштейна до Ландау, подтверждают это положение: мышление ради мышления, страсть к познанию, «mere thirst for knowledge», как говорил Бертран Рассел, «интеллектуальный голод», как говорит Эрнест Ренан.

«Так говорил Ландау», Феникс, Ростов-на-Дону, 2014:

> «Я просто физик-теоретик. По настоящему меня интересуют только неразгаданные явления природы. Это высочайшее наслаждение, это огромная радость жизни, это самое большое счастье, которое суждено познать человеку. В этом состоит моя работа.
> Исследования я не назвал бы работой. Это высокая наслаждение, удовольствие, огромная радость. Ни с чем не сравнимая... Когда я познакомился с теорией относительности Эйнштейна, я был потрясен ее красотой. Статье Гейзенберга и Шредингера привели меня в восхищение. Никогда раньше я с такой ясностью не ощущал мощь человеческого гения».

П. Кропоткин, «Записки революционера»:

> «В человеческой жизни мало таких радостных моментов, которые могут сравниться с внезапным зарождением обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. То, что в течение целого ряда лет казалось хаотическим, противоречивым и загадочным, сразу принимает определенную, гармоническую форму. Из дикого смешения фактов, из-за тумана догадок, опровергаемых, едва лишь они успеют зародиться, возникает величественная картина подобно альпийской цепи, выступающей во всем своем великолепии из-за скрывавших ее облаков и сверкающей на солнце во всей простоте и многообразии, во всем величии и красоте. А когда обобщение подвергается проверке, применяя его ко множеству отдельных фактов, казавшихся до того безнадежно противоречивыми, каждый из них сразу занимает свое положение и только усиливает впечатление, производимое общей картиной. Одни факты оттеняют некоторые характерные черты, другие раскрывают неожиданные подробности, полные глубокого значения. Обобщение крепнет и расширяется. А дальше, сквозь туманную дымку, окутывающую горизонт, глаз открывает очертание новых и еще более широких обобщений.
> Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех.
> Эту работу я считаю моим главным вкладом в науку»

Б. Рассел, Автобиография:

> «Уайтхед остановился с нами и я объяснил ему мои новые идеи. Каждый вечер наша дискуссия заканчивалась на какой то трудности, и каждое утро я находил, что пока я спал трудность сама раз-

> решилась в моем сознании. Это было время интеллектуального опьянения. Мои чувства напоминали чувства того человека, который в туман забрался на гору, и когда он добрался до вершины, туман внезапно рассеялся, и открылась широкая панорама на 40 фунтов во всех направлениях. Годами я тратил усилия, чтобы проанализировать фундаментальные понятия математики. И вдруг, в течении нескольких недель, я сделал открытия, которые разрешили все те вопросы, ставившие меня в тупик годами. И в процессе открытий ответов на эти вопросы, я открыл также новую математическую технику, которая позволяла дать точные определения формулы понятиям ранее довольствовавшимся смутными философскими фразами. В интеллектуальном плане, тот сентябрь 1900 года был самой высшей точкой моей жизни».

Э. Ренан, «Будущее науки»:

> «Итак, пусть успокоятся те, кто боится, что заботы о духе уничтожатся под давлением материальных забот. Умственная культура, спекулятивные изыскания — одним словом, наука и философия, опираются на лучшую из гарантий — потребность человеческой природы. Человек не будет жить одним хлебом: бескорыстное стремление к истине, к добру и красоте, осуществление задач науки, искусства и морали представляет столь же настоятельную потребность как удовлетворение голода и жажды.
> Привычки практической жизни ослабляют инстинкт чистой любознательности, но адепту науки может утешиться тем, что ничто не уничтожит его, что монумент, в который он вложил один кирпич, будет вечен, и что его бессмертие, как и бессмертие морали, основано на самих инстинктах человеческой природы. Наука точно также как и нравственность имеет свою самостоятельную ценность, совершенно независимую от доставляемых ею выгод.
> Это вы скептики, а мы — верующие. Мы верили в задачу нового времени, в ее святость и ее будущее, а вы проклинаете ее. Мы верили в разум, — вы смеетесь над ним. Мы верим в человечество, в его божественную судьбу, в его нетленную будущность, вы насмехаетесь над всем этим. Мы верили в человеческое достоинство, в его природную доброту, в правоту его сердца, в его право на совершенство, а вы избираете темой своих разговоров зло».

4. МИСТИЧЕСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЕДИНСТВА ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ РАЗУМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

О Мистике еще будет много сказано потом, когда «Религия разума» повсеместно утвердится, и начнут серьезно изучать прямые отношения Духа человека с тем Пространством –временем Интеллекта куда у человека есть доступ благодаря Божественному Дару Мышления (активного Интеллекта). Пока сведений очень мало, и мне почти нечего сказать о мистике, кроме того что лично для меня было откровением, что мистика как способ какого непосредственного общения с Божественностью несомненно существует. Больше мне пока сказать нечего: ни пути этого общения, ни их глубину и форму обсуждать сейчас бессмысленно, кроме пожалуй тех частых заявлений ученых, что как сказал Толстой в письме к Черткову — «Ведь все что у меня хорошего, это не мое, оно только проходит через меня». Так и Никола Тесла, будучи как полагается эмпирику 20-го века атеистов, вдруг осознал, что он чувствует себя «приемником идей» и побежал искать церковь. Это чувство обще очень многим ученым, и я могу смело присоединить и себя к этому опыту, который позволил мне вообще выйти на понятие мистики и задуматься о нем всерьез. Но повторяю, что это вопрос не ближайшего будущего.

Эйнштейн открыл пространство-время физического мира как единый континуум в своей теории относительности. Ему оставался один шаг, чтобы открыть Пространство-время Интеллекта, и его вопрос о «Религии разума», которую он так здорово и подробно описал в своих статьях и книгах был бы разрешен. Более того, он сумел бы доказать Нильсу Бору, что поведение квантов и их нелокальность нисколько не разрушают картину детерминизма физического мира, и утвердить победу над эмпиризмом. Достаточно было сформулировать понятие об Активном и Пассивном полюсах интеллекта, и предположить наличие активного интеллекта у квантов: тогда их поведение объясняется детерминизмом.

Но может быть сейчас, с Пространством-временем Интеллекта, которое обосновывает и доказывает Открытие психической Энергии «Религия разума» Эйнштейна-Ренана может считаться уже полностью утвержденной.

Здесь бы мне просто хотелось обратить внимание читателей на элемент» мистичности переживаний» единства общего Я Духовной энергии Человечества, которое часто выходит за пределы пространства-времени физического мира.

Кропоткин Записки революционера.

> *«Те два года, что я проработал в кружке Чайковского, навсегда оставили во мне глубокое впечатление. В эти два года моя жизнь была полна лихорадочной деятельности. Я познал тот мощный размах жизни, когда каждую секунду чувствуешь напряженное трепетание всех фибр внутреннего я, тот размах, ради которого одного только и стоит жить. Я находился в семье людей, так тесно сплоченных для общей цели и взаимные отношения которых были проникнуты такой глубокой любовью к человечеству и такой тонкой деликатностью, что не могу припомнить ни одного момента, когда жизнь нашего кружка была бы омрачена хотя бы малейшим недоразумением. Этот факт оценят в особенности те, которым приходилось когда-нибудь вести политическую агитацию.*
> *Наши заседания отличались всегда сердечным отношением членов друг к другу. Председатель и всякого рода формальности крайне не по сердцу русским, и у нас ничего подобного не было. И хотя наши споры бывали порой очень горячи, в особенности когда обсуждались «программные вопросы», мы всегда отлично обходились без западноевропейских формальностей. Довольно было одной абсолютной искренности, общего желания разрешить дело возможно лучше и нескрываемого отвращения ко всякому проявлению театральности. Если бы кто-нибудь из нас прибег к декламаторским эффектам в речи, мы шутками напомнили бы ему, что цветы красноречия неуместны. Часто нам приходилось обедать на сходках же, и наша еда неизменно состояла из черного хлеба, соленых огурцов, кусочка сыра или колбасы и жидкого чая вволю. Ели мы так не потому, что у нас мало было денег (их у нас всегда было много), но мы считали, что социалисты должны жить так, как живет большинство рабочих. Деньги же, кроме того, нужны были на революционное дело»*

Герцен, Былое и думы:

> *«Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существуют исключительно для аристократии и для богатых. Студент, который бы вздумал у нас хвастаться своей белой костью или богатством, был бы отлучен от „воды и огня", замучен товарищами. ... Я был au large; вместо одиночества в нашей небольшой комнате, вместо тихих и полускрываемых свиданий с одним Огаревым, — шумная семья в семьсот голов окружила меня. В ней я больше оклиматился в две недели, чем в родительском доме с самого дня рождения. ...Как большая часть живых мальчиков, воспитанных в одиночестве, я с такой искренностью и стремительностью бросался каждому на шею, с такой безумной неосторожностью делал пропаганду и так откровенно сам всех любил, что не мог не вызвать горячий ответ со стороны аудитории, состоявшей из юношей почти одного возраста (мне был тогда семнадцатый год). Мудрые правила — со всеми быть учтивым и ни с кем близким, никому не доверяться — столько же способствовали этим сближениям, как неотлучная мысль, с которой мы вступили в университет — мысль, что здесь совершатся наши мечты, что здесь мы бросим семена, положим основу союзу. Мы были уверены, что из этой аудитории выйдет та фаланга, которая пойдет вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней»*
>
> ...
>
> *«Да, это были те дни полноты и личного счастья, в которые человек, не подозревая, касается высшего предела, последнего края личного счастья. Ни тени черного воспоминания, ни малейшего темного предчувствия — молодость, дружба, любовь, избыток сил, энергии, здоровья и бесконечная дорога впереди. Самое мистическое настроение, которое еще не проходило тогда, придавало праздничную торжественность нашему свиданию, как колокольный звон, певчие и зажженные паникадила.*
>
> *У меня в комнате, на одном столе, стояло небольшое чугунное распятие.*
>
> *— На колени! — сказал Огарев. — И поблагодарим за то, что мы все четверо вместе.*
>
> *Мы стали на колени возле него и, обтирая слезы, обнялись»*

А. Чехов, «Студент»:

> «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с на-

> стоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.
> А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла».

Л. Толстой, «О Жизни»:

> «Он сознает свое разумное происхождение вовсе не таким, каким ему видится его плотское рождение. Спрашивая себя о происхождении своего разумного сознания, человек никогда не представляет себе, чтобы он, как разумное существо, был сын своего отца, матери и внук своих дедов и бабок, родившихся в таком-то году, а он сознает себя всегда не то, что сыном, но слитым в одно с сознанием самых чуждых ему по времени и месту разумных существ, живших иногда за тысячи лет и на другом конце света. В разумном сознании своем человек не видит даже никакого происхождения себя, а сознает свое вневременное и внепространственное слияние с другими разумными сознаниями, так что они входят в него и он в них».

Абрахам Маслоу Дальние рубежи человеческой природы:

> «Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различи-
> мой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись
> к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я

> ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и шапочку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже
> не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать
> приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

Бертран Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Если вы сумеете развить в себе исторический взгляд на человечество, вы заложите основу глубокому фундаментальному счастью, которое никогда не покинет вас, как бы ни сложилась ваша личная судьба. Ваша жизнь станет продолжением жизни всех великих людей, имевших общие цели, и с вашей смертью эта нить общей жизни не оборвется, и поэтому покажется вам лишь незначительным инцидентом. Если бы я мог организовать образование так, как я считаю нужным, я бы искал чем заменить старую ортодоксию религии — которая привлекает только немногих молодых и как правило с наименьшим интеллектом и дурными наклонностями — что-то такое, что меньше всего подходило бы на роль религии, поскольку главное в этом подходе концентрация внимания на хорошо обоснованных фактах. Я бы постарался открыть перед глазами молодых во всей красочности картину человеческого прошлого, глубоко уяснить, что будущее человечества в любом случае будет несоизмеримо больше его прошлого, что сроки существования нашей планеты смехотворны и что наша жизнь на ней всего лишь временное недоразумение; и в то же время наряду с фактами, которые подчеркнули бы незначительность отдельного человека, я бы представил подборку фактов совершенно другого характера с тем, чтобы глубоко впечатлить их мощью человеческого разума и мощью возможностей познания, равным которым в звездном космосе нет ничего. Спиноза много лет назад писал о человеческом рабстве и о человеческой свободе; форма изложения и его язык сделали его труды трудно доступными для всех за исключением студентов философии, но смысл того, что я хочу передать мало отличается от того, что сказал Спиноза.

> Человек, который однажды почувствовал, пусть не навсегда и не надолго, в чем настоящая сила души, больше никогда не сможет быть счастлив, если он позволит себе быть мелочным, эгоистичным, переживающим о тривиальных неудачах, бояться своих ожиданий будущего. Человек достигший силы своей души широко откроет окна своего сознания, давая волю ветрам вселенной продувать его во всех направлениях. Он будет смотреть в глаза правде о себе и о мире так твердо, как только человеческая натура может позволить; понимая краткость и преходящий характер жизни человека, он также будет понимать что разум индивида вмещает в себя весь космос. И он будет видеть, что человек, чей разум способен отражать весь космос, так же велик как этот космос».

ГЛАВА 10. ХУЛА НА СВЯТОГО ДУХА. НАУЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ «ГРЯЗИ ПОРОКА»

1. Зло, которое не простится. Хула на Святого Духа.

2. Мертвая совесть маньяков от власти: нероны, чезаре борджа, маркизы сады

3. Антихрист Путин и Откровение русской классической литературы

1. ЗЛО, КОТОРОЕ НЕ ПРОСТИТСЯ. ХУЛА НА СВЯТОГО ДУХА

Негодяи во власти, которые считают, что Иисус пострадал на кресте, чтобы сфабриковать для их деспотического трона байку, которой бы они обманывали народ и пили его кровь, — вот эти негодяи обычно говорят, что Иисус учил все прощать; и что до такой степени Он учил все и всех прощать, что какое бы зло вы ему не сделали, он просил еще добавки, и «подставлял другую щеку». Понятно, что для негодяев, чья власть основана на угнетении и издевательстве над народом, такого рода доктрина просто манна небесная. Они не просто пьют кровь народа, но еще и по санкции прямо с Небес, заверенной прямо Сыном самого Бога! Вот что такое интерпретация христианства в руках таких антихистов как Путин, например.

Однако, люди эти очень глупы, и это не просто слова — это диагноз, который им ставит уже сама история — непроходимая тупость. Они никогда ничего не читают, кроме статей и отчетов своих Служб издевательств над людьми. Не читали они и Евангелия. Я показывала в первом томе «Антихриста Путина» (и во многих других своих книгах), что теория суверенитета Пу-

тина не только не опирается нигде на Евангелие, но является откровенным возвратом к языческому идолопоклонству, и ссылается на времена и мифологии до Рождества Христова. А ведь Путин претендует на христианскую теократию! Все соткано из такого рода безумных противоречий у этих людей, потому что мысль в принципе отсутствует. И они прямо в этой книге — «Происхождение суверенитета» И. Грачева (2018) — говорят, что отказываются от рационализма, от разума, от признания какого-либо прогресса. Если Д. Мережковский глубоко ошибся, обвиняя Л. Толстого и вообще движение «народничества» 19-го века в попытке решить проблемы «по-мужицки», «по-дурацки», то вот антихрист Путин как раз поставил себе задачу изнасиловать всю Россию «по мужицки», «по дурацки», чтобы подчинить страну великих умов и великой истории борьбы за Град Божий — своей мужицкой и дурацкой воле.

Д. Мережковский, «Гете»:

> «Нет-нет, да и усомнимся в самой сути просвещения вселенского, т. е. европейского, ибо иного взять негде, — усомнимся, добро оно или зло, от Бога или от дьявола; нет-нет, да и подумаем: не опроститься ли, не отправить ли всю европейскую цивилизацию к черту и не начать ли сызнова, «по-мужицки, по-дурацки», по-Божьему? Что это не только нелепая, но и нечестивая мысль, — мы все еще не поняли как следует.
> Вот от этого-то русского яда лучшее противоядие Гёте. Лучше, чем кто-либо, знает он, что просвещение — от Бога»

Во-первых, совершенно очевидно, что тексты евангелия и вообще всех древних откровений, которые были даны людям еще при самом зарождении рационализма, уже не могут удовлетворять современному научному сознанию людей. Конечно, они навсегда останутся ценнейшими памятниками не только истории, но и эпифании, откровения, данного людям, и источниками неиссякаемой мудрости в них заключенной. Однако, первое осевое время Ясперса, когда пришли первые откровения к Заратустре и Пифагору, к Исайе и Нуме, (а позже к Будде и Сократу),

и времена откровений Евангелия уже отстоят друг от друга на 7—8 веков. Сейчас, когда разум человеческий достиг своей высшей способности в понимании научного знания, откровения несут людям уже ученые, как это видно из предыдущей главы. И в этом смысле, и Никола Тесла, который осознав это, бросился искать церковь в Нью-Йорке, и А. Эйнштейн, который всю жизнь развивал свою теорию «религиозной науки», и Эрнест Ренан, который посвятил себя этой религиозной науке (Декарт, Ньютон, Лейбниц, Максвелл, Фарадей и Планк и многие другие) — все они были получателями откровения нового толка; того откровения о которого Иисус говорит в Евангелиях, что они уже не будут говорить притчами, но «будут говорить прямо от Отца», то есть от Интеллекта, на научном языке.

Павел, Первое послание к коринфянам 3:1

> 1 И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе.
> 2 Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах,
> 3 потому что вы еще плотские.

Тем не менее, тексты старых откровений именно для тех целей, для которых они когда-то давались — то есть для прогресса разума и духовной энергии — теперь не только не полезны, но стали очень вредны без поддержки научных текстов. Именно потому, что они так плотно смешаны еще с мифологическим языком, основаны больше на поэзии и на притчах, и больше произведения искусства, чем философии и науки, они могут трактоваться негодяями в каком угодно направлении. А желающих всегда было очень много. Даже Эйнштейн, который очень трепетно как известно относился к личности «Назарянина», в этой связи говорил: «Иногда я думаю, было бы лучше, если бы Иисус никогда не жил. Ничьё имя так не употреблялось ради власти». Дробление христианства на множество направлений — другой симптом нежизнеспособности старых поэтических текстов, который выполнив однажды свою громадную миссию

в становлении цивилизации, теперь уже несут вред, и будут нести пока не будут обновлены научным языком. Только переложение основной мысли Евангелия — а именно становления Духовной энергии Разума человечества, которое требует борьбы с демоном поля Эгосистемы — переложение этой основной мысли Евангелия на научный язык и остановит все злоупотребления его текстами, а также вырождение христианской философии в бесчисленном дроблении противоречащих друг другу направлений.

И именно об этом говорил Мережковский, когда сказал, что «человечество выросло из христианства как младенец из пеленок». Задолго до Мережковского эту мысль проводят Спиноза («Теолого-политический трактат») и Лессинг («Воспитание человеческого рода»). Лев Толстой — великий пророк своего времени, переложил Евангелие на язык разума, очистив его от мифологической составляющей («Соединение и перевод четырех Евангелий»). Однако, это пока только чистая логика, а время принесет еще открытие законов психической энергии, уже изложенное в поэтической форме в старых откровениях. Наконец, именно об этой «естественной религии» научного мышления все стремления новых пророков рационализма — К. Ясперса, М. Ганди, Р. Роллана, Жорж Санд и Пьер Леру, В. Дильтея, А. Эйнштейна, Н. Тесла, Э. Ренана.

Во-вторых, даже в самих текстах Евангелия нигде не проводится мысли о том, что «надо все и всех прощать». Ни в коем случае! Хула на Святого Духа не проститься никогда! Соблазн невинной души не проститься никогда!

Матфей 12:30

> 30 Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает.
> 31 Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам;
> 32 если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем.

Матфей 18:6

> 6 а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской.
> 7 Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.
> 8 Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный

Я старалась показать в этой книге, что «Мертвые души», «Толстые Черти-Генералы со звездой», те «Князья, которые осуждены» и не имеют ничего во Христе (тот Сатана что соблазняет его властью) — это и есть то Зло, то Хула на Духа Святого, которая не проститься никогда! Ибо эта власть Левиафанов и есть та абсолютная ложь, на которой стоит царство дьявола, «отца лжи» и «человекоубийцы» по слову Христа. Иисус постоянно подчеркивает, что говорит «не от себя, а от Отца», то есть говорит истину установленных законов природы (от Интеллекта), а дьявол «говорит свое», то есть лжет.

Иоанн 12: 30

> 30 Иисус на это сказал: не для Меня был глас сей, но для народа.
> 31 Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон.
> Иоанн 12:49
> 49 Ибо Я говорил не от Себя; но пославший Меня
> Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить.
> 50 И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец

Иоанн 14: 29

> 29 И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется.
> 30 Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего.

Иоанн 8:43

> 43 Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего.
> 44 Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи.
> 45 А как Я истину говорю, то не верите Мне.

Как все притчи Христа, его нападки на «книжников и фарисеев», «вождей слепых» и лицемеров — распространяются на «слепых вождей –лицемеров» всех времен и народов, поскольку вся власть Левиафанов — это слепые вожди и лицемеры, это — мертвые души, «гробы накрашенные», которые «очищают внешность», а «внутри полны хищений и неправды», красивые внешне, а внутри «мертвечина и нечистоты». Это ли не совершенный образ всякого Нерона и всякого Чезаре Борджа, воспетого в «Государе» Макиавелли? Ибо ложь поддерживается только этими мертвыми душами физического контроля поля Эгосистемы, хотя может зародится как невинная ошибка в уме ученого. Дарвин, Гегель, Кант, Маркс были порядочными людьми, но теории их вдребезги разрушили рационализм, а вместе с ним всякую науку, создав райские условия для процветания «отца лжи, дьявола и человекоубийцы». Посмотрите как быстро на их трудах возросла «Церковь Сатаны» Ла Вея, которая иначе называется Церковью Дарвина, поскольку на основе дарвинизма оправдывает все пороки. Ложь изначально могла быть просто результатом интеллектуальной ошибки, но удерживается она порочными душами, поскольку только ложь дает силу физического контролю поля Эгосистемы.

Матфей 23:

> 24 Вожди слепые, оцеживающие комара, а верблюда поглощающие!
> 25 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды.
> 26 Фарисей слепой! очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их.

> 27 Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты;
> 28 так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Итак, материальная энергия психики человека, или иначе физический контроль поля Эгосистемы — есть мертвечина и грязь, то есть зловонное разложение жизни. Если бы это был обычный круговорот биологической энергии — от жизни к смерти, от зарождения к разложению, от голода к пище и к перевариванию организмами друг друга, — то что могло бы нас оскорбить в процессе разложения жизни и даже в процессе поедания одной жизнью другой жизни? Что естественно, то небезобразно.

Однако, смысл слов Христа по видимому совсем не касается биологической энергии. Речь идет о Святости Духовной Энергии Разума, и тогда вопрос стоит совершенно иначе. Не поедание организмами друг друга, не спонтанные механизмы материальной энергии, а Уничтожение Святости Духовной Энергии Разума — автоматизмами обычной материальной энергии. Это — Грязь, когда Брюхо материальной энергии обманывает прекрасную чистоту и красоту Духа, только для того чтобы переваривать его и выпустить с пищевыми отходами. Это — Грязь, Подлость, Порок и Зловоние, когда Брюхо материальной энергии пожирает Интеллект, громадную Мощь, Красоту, Отвагу, Поэзию, Искусство, Доброту, Совесть, Сочувствие, Справедливость, Юмор, Науку, Дружбу, Братство, — то есть все то что составляет Святость Божественного Дара Мышления Духовной энергии Разума. Это — Грязь, когда говоря простонародным языком, идиоты казнят Божественный Разум просто для того, чтобы переварить его в свое говно.

Это наш ответ тем, кто любит смешивать все «концы и начала», для дьяволов, отцов лжи, что пользуются дарвинизмом, чтобы сказать, что нет добра и зла, нет подлости и грязи, а есть только «целесообразность выживания». ЕСТЬ БОЛЬШАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ РАЗНИЦА между пожиранием друг друга кру-

говоротом биологической (материальной энергии) и пожиранием Духовной энергии Разума, которая есть часть Пространства-времени Интеллекта, то есть обладает Святостью Божественности. И потому есть Добро — то есть эта самая божественная энергия, которая обладает общим Я и существует как Церковь Дружбы, как единое братство совести, сочувствия и справедливости. И потому есть Зло — то есть физический контроль материальной энергии, который живет «психическим людоедством», садомазохизмом, «пожиранием людьми друг друга». И по этой причине, когда Зло в виде материальной энергии пожирает людей, когда зло разлагает святость поля Интеллекта в обычное говно автоматизмов материальной энергии — то это Грязь, Подлость, Порок и Зловоние. Это — мертвечина и нечистоты. И если кто думает, что Божественная энергия Разума, в силу своей доброты и красоты, только «жирная невинная жертва» для этих грязных человекохищников, и что Завет Господа был в том, чтобы отдавать этой грязи и мертвечине его Божественный Дар для пожирания, то это им наш ответ. Недолго вам жрать Великую Мощь Интеллекта, вам «отцам лжи», тупым человекоубийцам; недолго доброте и красоте Духа быть наивной и не видеть обмана негодяев и идиотов. И когда Дух прозреет его первая задача Священная война со Злом! С мертвечиной и нечистотами! С Хулой на Духа Святого, которая не простится! С соблазнителями невинных душ, которым не простится!

И это — Хула на Духа Святого. Ибо когда «отцы лжи», «человекоубийцы» используют свои лже-науки для того, чтобы оправдать уничтожение божественной энергии разума в автоматизмах тупой материальной энергии — они возводят Хулу на Духа Святого, унижая его до тупой и мертвой материальной энергии.

Дневник Леонардо де Винчи (цит. по Мережковский, «Леонардо де Винчи»):

> «Правду говорит Сенека: в каждом человеке есть бог и зверь, скованные вместе».
> И далее, рядом с анатомическим рисунком:

> «Мне кажется, что люди с низкими душами, с презренными страстями, недостойны такого прекрасного и сложного строения тела, как люди великого разума и созерцания: довольно с них было бы мешка с двумя отверстиями, одним — чтобы принимать, другим — чтобы выбрасывать пищу, ибо воистину они не более как проход для пищи, как наполнители выгребных ям. Только лицом и голосом похожи на людей, а во всем остальном хуже скотов».

2. МЕРТВАЯ СОВЕСТЬ МАНЬЯКОВ ОТ ВЛАСТИ: НЕРОНЫ, ЧЕЗАРЕ БОРДЖА, МАРКИЗЫ ДЕ САДЫ

Если бы могли сделать рентгеновский снимок души (сознания, психики) человека, чье сознание поглощено метастазами поля Эгосистемы, мы увидели бы страшную картину (может быть смогут сделать и такие снимки, ведь и дух имеет свою материю в виде ткани эмоций). Это картина показала бы нам, что поле духовной энергии мертвенного цвета, задыхается в обильном гное, исходящем из его ран, а на его почти уже трупе сидит жуткий робот, воткнув клещи в гнойные раны и высасывая кровь. Мы не увидели бы на этой картине ни «раздвоения» великих наций и великих людей в свой младенческий период, ни какого либо вмешательства Интеллекта: одну только мертвенно-гнойную массу, в которой не осталось почти признаков жизни. И все же она еще дышит, потому что если перестанет дышать поле духовной энергии, человек станет недееспособен. Вот почему, несмотря на очевидное безумие маньяков, они сохраняют способность ориентации в окружающем мире, и подобно какому-нибудь Чикатиле способны обманывать нормальных людей, и даже работать учителями в школе. При шизофрении, существо которой в тотальном взрыве поля духовной энергии, человек больше не способен к ориентации, и то, что он труп, и физически и психически, сразу для всех очевидно. Мы не говорим здесь о шизоидах и шизофрениках, о «заблудшем духе» Интеллекта, как говорил Кьеркегор; мы говорим сейчас о Самолюбии поля Эгосистемы циклоидов, когда циклический гомеостаз остается функционирующим.

В отличие от шизоидов, у которых жива и чувствительна совесть, как у героев Достоевского (Раскольникова, Ивана Карамазова), и героев трагедий Шекспира, у маньяков, как у Подпольного героя Достоевского, как у Нерона, маркиза Сада или Чезаре Борджа — совесть погибла в этом гное разложения духовной энергии разума. Психиатрия подтверждает эти данные и говорит об отсутствии совести у большинства психопатов. Действительно, все психические расстройства имеют в своей основе разложение фундамента жизни человека — поля его духовной энергии разума. И шизоиды в конечном итоге погибают от взрыва этого поля, потому что интеллект ломает циклический гомеостаз; у маньяков циклический гомеостаз в норме, а безумие приходит от истощения духовного поля разума под автоматизмами поля Эгосистемы. Вот почему по настоящему опасны именно маньяки — они глубоко больны, а внешне способны сохранять видимость здоровья, как те гробы накрашенные, у которых внутри мертвечина и нечистоты.

Легко убедиться в истинности этого «синдрома маньяка», которым страдали все самые чудовищные представители власти, главы Левиафанов: то есть отсутствие настоящего интеллекта, даже формальной логики в ее истинном виде (не то что научного мышления), вместо интеллекта — хаос навыков в коварстве и хитрости, в лицемерии и обмане, мертвецкая жестокость, как вид страданий не только не пугает, но доставляет удовольствие, отсутствие каких либо угрызений совести, и как говорит Достоевский, «развратны до уродства». И все они, всегда ставят себе целью «сожрать» именно добродетельных людей, потому что маньяки живут болезнью своего мегало-Эго, им надо доказать что добродетели нет, а значит нет и их порока. И они считают, что если они изнасилуют добродетель, если победят ее физически, то докажут ей, что она ноль и пустое место. «Преступление, — говорит де Сад в своих книгах маньяка, — всегда интересуется Добродетелью». Ведь именно добродетельную Жюстину убивают все его герои-маньяки.

Э. Ренан в очередном томе своего исследования о христианстве, посвященном периоду казни Петра и Павла, и становления католической церкви в период правления Нерона, характеризует последнего как «Чудовище, не имеющее себе равных в истории и слабое подобие которого можно встретить разве лишь в патологической хронике эшафота». Он дает прекрасный психический портрет Нерона, основанный на всей совокупности дошедших до нас исторических свидетельств, от Тацита и Светония до Петрония. Можно обратиться и напрямую к этим источникам, и картина будет той же: маньяк с мертвой совестью, который пожирает людей для ненасыщаемого тщеславия своего Мегало-Эго.

Э. Ренан, «Антихрист»:

> «Он приказал умертвить почти всех своих близких и ввел в моду самые постыдные формы разврата. По его примеру и часть римского общества опустилась до последних пределов падения.
> Сначала эти смешные стороны черты казались у Неррона безобидными: обезьяна следила за собой и сохраняла ту позу, к которой ее приучили. Жестокость проявилась у него только после смерти Агриппины, вскоре она обуяла его всецело. Теперь каждый год отмечен преступлениями. Бура нет более и все приписывают его смерть Нерону, Октавия покинула этот мир, упившийся позором. Сенека с часу на час ожидает смертного приговора. Тигеллин хозяин положения, сатурналия в полном разгаре. Нерон ежедневно заявляет, что только искусство должно считаться серьезной вещью, что благородный человек тот, кто откровенен и сознается в своем полном бесстыдстве, великий человек тот, кто готов всем злоупотребить, все потерять, все тратить. Добродетельный человек в его глазах мятежник, лицемер, опасная личность, а главное соперник. Когда он узнает о какой нибудь чудовищной низости, подтверждающей его теории, он испытывает припадок веселья. Комедиант приобрел право жизни и смерти над своей аудиторией. Целый поток выдумок дурного вкуса, пошлостей
> .якобы комических словечек, испорченный жаргон подобный нашим бульварным газетенкам, хлынул в Рим и вошел в моду.
> Быть может, выбор христиан для чудовищной бойни, был просто причудой императора или тигеллина. Нерону не нужно было помощников, чтобы придумать чудовищный план, который собьет с толку все обычные правила. Эти казни представляли нечто ужасное. Никогда еще не было видано такой утонченной жестокости. Нерон без

> сомнения присутствовал на этих зрелищах. Он любил хвастаться своими познаниями в скульптуре; говорят над трупом своей матери, он высказал гнусные замечания, одобряя это, порицая то. Тело трепещущее в зубах диких зверей, робкая девушка, подхваченная на рога быком, — тут не бынедостатка в пластических формах и краска, достойных такого знатока как он. Он был там, в первом ряду, среди чиновников и весталок, со своим злым и глупым видом придуркаватого балбеса, надутого тщеславием, меж тем как медные звуки музыки колебали воздух насыщенный испарениями крови.
> Не оставалось больше места для сомнений, Антихрист, Христос Зла существовал. Антихристом было это чудовище с человеческим лицом, составленное из свирепости, лицемерия, бесстыдства, гордости, которое слонялось по свету в роли потешного героя, освещало свои кучерские триумфы факелами из человеческого тела, упивалось кровью святых. В самом деле мы склонны думать что рассказ Светония о чудовищной забаве, придуманной Нероном, относится к христианам. К столбам на арене привязывали подростков, мужчин, женщин, молодых девушек из пещеры выходил зверь и удовлетворял свою похоть над этими телами. Вольноотпущенник Дорифор делал вид, что убивает зверя. Зверь был Нерон, одетый в шкуру дикого животного. Дорифор тот негодяй, с которым Нерон вступил в брак, испуская стоны, насилуемой девственницы… имя Нерона найдено, он будет Зверем, Антихристом. Концепция апокалипсиса найдена. Христианская дева, которая, будучи привязана к столбу, претерпела гнусные объятия зверя, унесет с собой в вечность этот ужасный образ».

Другой очень яркий пример философии механицизма, которая низводит человека до уровня материальной энергии, и там уравнивает его с круговоротом биологической энергии, с прямым людоедством, с антропофагией, как говорил Герцен, -это «философия» маркиза де Сада, которую подробно излагает А. Камю в «Бунтующем человеке». Здесь наглядно видно, что отрицание Святости Духа и Разума в человеке, как особой энергии научного контроля, всегда основано на физическом контроле поля Эгосистемы, который сводится к садомазохизму, к насилию над людьми, и к поглощению их в разврате ненасыщаемых биологических потребностей. Здесь все сводится к физической силе, к насилию и рабству, и потому все мертво, все грязно, как в темном прогнившем подвале.

Альберт Камю, «Бунтующий человек»:

> «Идея Бога — это единственное, «чего нельзя простить человеку». Слово «простить» уже знаменательно у этого учителя пыток.
> Сад отрицает Бога во имя природы — идеологический материал для этого он почерпнет из рассуждений современных ему механицистов. Сад изображает природу как разрушительную силу. Природа для него — это секс; собственная логика заводит философа в хаотическую вселенную, в которой господствует только неиссякаемая энергия вожделения. Здесь его воспламененное царство, откуда он черпает самые вызывающие свои высказывания: «Что значат все живые создания по сравнению с любым из наших желаний!» Герой Сада пускается в длинные рассуждения о том, что природа нуждается в преступлении, что разрушение необходимо ради созидания, что, разрушая себя, человек тем самым способствует делу созидания в природе.
> Логика страстей опрокидывает традиционный порядок рассуждения и ставит заключение перед посылками. Чтобы убедиться в этом, достаточно оценить замечательный ряд софизмов, при помощи которых Сад оправдывает клевету, воровство и убийство, требуя, чтобы новое общество отнеслось к ним терпимо.
> необходимо бороться за власть. В этом мире действует один закон — закон силы, а источник его — воля к власти.
> Эта маленькая группа властителей, эти посвященные сознают, что обладают всеми правами. Если кто-то хотя бы на миг усомнится в этой страшной привилегии, он тотчас изгоняется из стаи и снова становится жертвой. Таким образом можно прийти к своего рода моральному бланкизму*, когда небольшое число мужчин и женщин решительно попирают касту рабов, поскольку обладают особым знанием.
> Если человек есть «род абсолютно материального растения», то его можно считать толь ко объектом, а именно объектом эксперимента. В республике Сада, огороженной колючей проволокой, существуют только механизмы и механики. Регламенту как способу функционирования механики здесь подчинено все. В отвратительных монастырях Сада существуют свои правила, многозначительным образом списанные из уставов религиозных общин. Согласно этим правилам, распутник должен публично исповедоваться. Но знак плюс меняется на знак минус: «Если его поведение безупречно, он проклят».

Сад строит, таким образом, идеальные общества, как это было принято в его время. Но, наперекор своей эпохе, он возводит

в закон природную злобность человека Он кропотливо воздвигает град силы и ненависти, будучи его предтечей.

Обладать тем, кого убиваешь, совокупляться с воплощенным страданием — вот мгновение тотальной свободы, ради которого и задумана вся организация жизни в замках. Но с того момента, когда сексуальное преступление уничтожает объект сладострастия, оно уничтожает и само сладострастие, которое существует только в миг уничтожения. Значит, надо подчинять себе новый объект и снова его убивать, а затем следующий и за ним — бесконечную череду всех возможных объектов. Так возникают мрачные скопления эротических и криминальных сцен, застылость которых в романах Сада парадоксальным образом оставляет у читателя впечатление омерзительной бесполости.

Если подлинна только природа, если ее закон — только вожделение и разрушение, тогда от разрушения к разрушению не хватит и всего человеческого царства, чтобы утолить жажду крови, а потому не остается ничего, кроме всеобщего уничтожения».

При этом в современном мире, где победила философия маркиза Сада, где дарвинизм поставил «Церковь» Сатане, «произведения» Сада, которые сначала справедливо считались лишь хорошей иллюстрацией безумия маньяков, стали иметь успех, как «философия» и как «литература». Понятное дело, когда-то сам Сад списывал их со своих царствующих современников (он сам родня королевской крови), а теперь новые «властители» Левиафанов, находят себе вдохновение в пышном цвете садистского маниакального безумия.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Безусловно, Сад страдал и умер ради того, чтобы распалять воображение обитателей богатых кварталов и завсегдатаев литературных кафе. Но это не всё. Успех Сада в нашу эпоху объясняется мечтой, роднящей его видение мира с современным мироощущением. Речь идет о требовании тотальной свободы и дегуманизации, хладнокровно осуществляемой рассудком. Низведение человека до уровня объекта экспериментов, регламент, определяющий отношения между волей к власти и человеком-объектом, замкнутое пространство

> этого жуткого опыта, — таковы уроки, которые воспримут теоретики силы, когда вознамерятся создать эпоху рабов».

Е. Морозова, «Маркиз де Сад»:

> «Стремительный, любвеобильный, скорый на принятие решений, внимающий более зову каприза, нежели разума, Жан Батист появился при дворе, когда бразды правления государством находились в руках Филиппа Орлеанского, дяди малолетнего короля Людовика XV.
>
> Герцог Орлеанский являл собой пример царственного либертена: он устраивал <оргии обнаженных» в садах Тюильри, состоял в связи с собственной дочерью — герцогиней Беррийской, и, судя по слухам, отравил ее мужа … «Удивляюсь, как бездна еще не поглотила Париж в наказание за те ужасы, которые в нем творятся», — вздыхала почтенная герцогиня Орлеанская.
>
> Словом, сюжеты для романов маркиза де Сада создавались задолго до его рождения.
>
> …
>
> Хотя многие из перечисленных маркизом преступлений наверняка были почерпнуты им из хроник и мемуаров — невъщуманного зла всегда хватало с лихвой. Во времена Людовика XIV, например,
>
> Париж был потрясен злодеяниями банды знатных молодчиков во главе с Гастоном Орлеанским, братом короля, которые забавы ради могли начинить порохом женщину и подЖечь ее или зверски надругаться над отвергнувшим сексуальные домогательства подростком. Обладатели громких имен и огромных состояний, эти «золотые негодяи», подобно либертенам де Сада, совершали свои злодеяния безнаказанно»

Другой классический пример маниакального безумия «государей» дает основной учебник, написанный специально для государей: «Князь» Макиавелли. Самого Макиавелли обычно изображают раздвоенным шизоидом, который подобно Раскольникову только силился «стать Наполеоном», но понял свою ошибку и горько раскаялся, то есть думающим человеком с живой совестью, который как многие люди в век отсутствия знания и научного контроля, допустили ошибку. Так его изображает Мережковский в «Леонардо де Винчи», так его изображает Ф. Бурлацкий в «Н. Макиавелли. Советник Государя». Как бы там ни бы там ни было, раскаялся ли он в том, что написал

свою книгу или нет — сам он никаких преступлений не совершал. Однако, имя его прочно вошло в историю мысли, как одно из имен Антихриста, потому что вся его книга — это попытка теоретически обосновать и опытно доказать примат физического контроля, примат насилия и вранья над совестью и истиной; другими словами примат материальной энергии психики над духовной энергией разума человека.

В этом и состоит весь сатанизм современной лже-науки: она есть открытое объявление войны всему, что составляет Святость Божественной энергии разума в человеке. И прежде всего, той особой тонкой ткани братских эмоций общего Я человечества, которая сплетает Дух человеческий: совести, справедливости, уважению к искренности. Это не могло быть иначе, потому что лже-наука всегда действует в защиту физического контроля поля Эгосистемы, а защита поля Эгосистемы требует уничтожения духовного поля разума, совести человеческой.

В этом смысле пособие Макиавелли для Властителей абсолютно разоблачает их природу бессовестных маньяков, которые объявили войну Добродетели, чтобы подобно Нерону и Саду, пожрать все прекрасное и божественное в человеке и переварить это в говно материальной энергии. Книга его полна советов о том, что для достижения власти физического насилия все средства хороши: и вранье, и крайняя жестокость, потому что власть насилия обосновывается как высшая ценность и самоцель — в точности как в «философии Сада». И как сам Сад, который как мы видели, опирался на реальные примеры из своего царствующей истории своего класса, так и Макиавелли ничего не придумывал, но писал о временах «Чудовищ Ренессанса» в католическом папстве, взяв за идеальный образец в самом деле совершенного маньяка, развратника и «мертвую душу», отправившего на тот свет уйму людей, родных и чужих, без малейших зазрений совести — все на алтарь власти насилия. Чезаре Борджа — сын одного из самых порочных пап, отравителя и развратника, Александра Борджа.

Один из самых успешных последователей Макиавелли, современный учитель Государей, автор «48 законов Власти» и «Искусства развращения», Р. Грин, и в самом деле активно используется политическими партиями Америки в качестве «советника». Чего же еще стеснятся, если в Америке функционирует «Церковь» (!) Сатаны, поклоняющаяся как все ненасытные маньяки с Мегало-Эго «Сатанинскому сексу», по крайней мере, так они называют половые отношения между людьми. Я упомянула работы Р. Грина, потому что на мой взгляд, они как нельзя лучше представляют эту открытую войну Грязи и Подлости физического контроля поля Эгосистемы с Красотой, Чистотой, и Совестью Божественной энергии Разума. Это открытое пособие о том, как надо использовать «наивность» природной доброты и искренности людей, притворяясь их другом, чтобы самым наглым образом над ними поиздеваться. Как надо притворяться им другом, чтобы работать «шпионом», выведывая сокровенные тайны, а потом использовать эти сведения, чтобы например украсть их труды и присвоить их себе (воруйте чужие труды! Одна из заповедей сатанистов), или чтобы «принести в жертву самого невинного», то есть свалить на него свои самые грязные преступления. Здесь еще более открыто ставится задача откровенно противопоставить вранье, интриги, коварство и хитрость — интеллекту; чтобы противопоставить тщеславие Мегало-Эго (раздутое Самолюбие Верхней Эгозащиты) — совести человеческой; чтобы противопоставить Святости Божественной энергии в ее «метамотивации» как говорит Маслоу — мотивацию животных и людоедов. И когда читаешь эту книгу остается тяжелое чувство того, что смотрел и наблюдал как животные и людоеды переваривают в своем ненасытном брюхе Святость Божественной энергии разума в говно материальной энергии. Остается чувство, что вас по уши искупали в Грязи, — то самое чувство которое всегда несут людям эти маньяки, накрашенные гробы снаружи, полные мертвечины и нечистот внутри.

Тут важно заострить внимание, что всем им абсолютно

недоступен интеллект — любой настоящий интеллект, даже просто формальная логика, потому и такое полное неуважение к духовной энергии разума и даже ненависть к ней. Кьеркегор четко разделял — отчаяние от отсутствия духа, и отчаяние от заблудшего духа, где духовная энергия есть, но она стала «истуканом на глиняных ногах». Шизоидная античность — это самый настоящий интеллект, пусть еще незрелый. Формальная логика тоже требует Активного Мышления, пусть она пока создает оторванные от действительности абстракции, пусть пока не видит законов природы и еще не стала научным контролем. Вот когда Достоевский описывает Раскольникова или Ивана Карамазова — он описывает формальную логику, «отточенную как бритва казуистику» шизоидов, а вот когда он описывает Подпольного у которого всем правит каприз и прихоть, которая отказывает не только фактам, но и логике (дважды два пять — тоже премилая вещица!) тогда он говорит о маньяке с мертвой совестью. Действительно, Подпольный, как Чичиков у Гоголя, не раскаивается: «Пусть весь мир провалится, а лишь бы мне чай пить!». Вот позиция мертвой совести. В этом же отличие трудов Ницше, другого писателя учебников для властителей, от маньяков с мертвой совестью: он сам как Достоевский, его великий учитель, крайне раздвоен, и как Раскольников, только дерзал стать «властью силы»; и потому закончил шизофреническим психозом, когда полная психическая смерть, что и интеллект и совесть его были настоящими. К «совестливым духом» все обращения Ницше! О зарезанном духе все его слезы! И он любит тех, кто любит добродетель больше себя! Вот, где дух действительно заблудился.

В трагедиях Шекспира, как вообще в трагедиях, показана эта трагическая раздвоенность незрелого сознания между полем совести и полем тщеславия, между духовной и материальной энергией. Это — человеческая трагедия. Сила Зла — другое, это то, что высмеяла Римская сатира, это безумные ненасытные маньяки с мертвой совестью, которые пожирают людей, и считают это деликатесом. Л. Толстой назвал людоедством в «Крейцеровой сона-

те» пожирание женщин в обществе идиотов, которые превращают женщин в объект развлечения, сами превращаются в «развратников» и навсегда лишают себя счастья братской любви, то есть совести. Также и Милль в своей книге о свободе женщин говорит, что тогда как цивилизация освободила из под Закона Насилия рабство все остального человечества, с женщинами по прежнему действует Закон Насилия, и что чтобы разбить в обществе оковы рабства, мы должны разбить рабство в этой его цитадели.

А. Чехов, «Дуэль»:

> «У этих сладострастников, должно быть, в мозгу есть особый нарост вроде саркомы, который сдавил мозг и управляет всею психикой. Понаблюдайте-ка Лаевского, когда он сидит где-нибудь в обществе. Вы заметьте: когда при нем поднимаешь какой-нибудь общий вопрос, например о клеточке или инстинкте, он сидит в стороне, молчит и не слушает; вид у него томный, разочарованный, ничто для него не интересно, всё пошло и ничтожно, но как только вы заговорили о самках и самцах, о том, например, что у пауков самка после оплодотворения съедает самца, — глаза у него загораются любопытством, лицо проясняется и человек оживает, одним словом. Все его мысли, как бы благородны, возвышенны или безразличны они ни были, имеют всегда одну и ту же точку общего схода. Идешь с ним по улице и встречаешь, например, осла... — «Скажите, пожалуйста, — спрашивает, — что произойдет, если случить ослицу с верблюдом?» А сны! Он рассказывал вам свои сны? Это великолепно! То ему снится, что его женят на луне, то будто зовут его в полицию и приказывают ему там, чтобы он жил с гитарой...
> ...Истина не нужна была ему, и он не искал ее, его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала; он, как чужой или нанятый с другой планеты, не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, исканиям, борьбе, он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной полезной, не пошлой строчки, не сделал людям ни на один грош, а только ел их хлеб, пил их вино, увозил их жен, жил их мыслями и, чтобы оправдать свою презренную, паразитную жизнь перед ними и самим собой, всегда старался придавать себе такой вид, как будто он выше и лучше их. Ложь, ложь и ложь...»

Дж. Оруэлл изобразил такой Град Дьявола, где победили нероны, сады, борджа, и где безумные маньяки поставили пер-

вой целью разрушить мышление и науку человеческую. Тот метафизический ужас, который чувствуешь от первой до последней страницы этой книги, говорит о том, что автор очень хорошо сумел передать все кощунство и все святотатство всякого Града Дьявола, в основе которого уничтожение Божественной энергии Разума на грязь, мертвечину и нечистоты автоматизмом материальной энергии — энергии людоедства и садомазохизма.

3. АНТИХРИСТ ПУТИН И ОТКРОВЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Еще реальнее, чем в «Библии Дарвина и Сатаны» Ла Вея, чем в «Ста днях Содома» Сада, чем в «48 законов Власти» Р. Грина, чем в «Князе» Макиавелли слышится Поступь Дьявола, когда читаешь книгу режима Путина «Происхождение суверенитета». Он решил ею очевидно заменить и Евангелия Христовы, и русскую классическую литературу, и марксизм-ленинизм. Читать невозможно, как все книги его режима, попробуйте прочитать например, «Революцию консерваторов» В. Соловьева. Ненависть к Интеллекту они и не думают скрывать, а Соловьев прямо излагает свои дарвиновские взгляды на политику: то что высмеял Мережковский в статье «Великая Россия», как борьбу государств за выживание. Девиз «по-мужицки, по-дурацки» не самое страшное в этой книге, хотя это основании, из которого путинский сатанизм поднимается во весь рост — сознательный отказ от интеллекта, от науки, как в «1984» Оруэлла. На место разума, который осмеян как «Революция ремесленников» в античности, ставится первобытное магическое сознание с тем, чтобы окончательно установить примат физического контроля поля Эгосистемы над Духовной энергией Разума. И дальше откровенно утверждается Град Дьявола насилия, господства и подчинения: это центральная тема книги, упразднить все попытки разговоров о «народном суверенитете» (юридическая фикция), о демократии (англосаксонская провокация), о равенстве субъекта и объекта власти, о верховенстве закона — все достижения мировой

цивилизации в направлении к научному контролю Града Божьего уничтожены и осмеяны в этой очередной Библии Сатаны с единственной целью прочно утвердить языческое идолопоклонство и самодержавие Путина. Права человека и естественное право — высмеивает в «Революции консерваторов» В. Соловьев.

Интересно, что Путин и его режим при том что они повергли все достижения русской классической литературы во прах, называют себя не просто русскими, а Русскими как символ всей русской культуры! Интересно, что сказали бы на это действительные столпы русской культуры: Толстой, Достоевский, Мережковский, Чехов, Герцен, Кропоткин, Чернышевский, Гоголь и др, кто столько раз заставлял весь мир смеяться над этими чертями — строителями Града Дьявола!

Я ставила своей целью показать в этих двух томах о роли русской классической литературы в Открытии психической энергии, в Научной Революции Энергетика в чем именно состояло Откровение русской литературы, и с этих позиций оттенить Власть Тьмы Порочного Подполья Путина, — антихриста во всем, что он делал. И в его целенаправленной и устойчивой работе по разрушению всех достижений цивилизации, и в его насмехательстве над откровением русской литературы, именем которой он прикрывает свои грязные преступления. Хула на Святого Духа — это про режим Путина, который именем Христовым и именем русской литературы творит свои черные беззакония.

Как можно видеть «синдром Зла» в этом случае весь налицо. И ненависть к интеллекту, и грязь и порок подполья, и подлость мегало-маньяка, уничтожающего правду и невинных людей по совету Макиавелли для власти своей, и циничный разврат человека, который начал свою карьеру со скандальной историей с проститутками, скомпрометировавшими генпрокурора Ю. Скуратова. Главное, при всем при этом — это стабильно мертвая совесть, это мертвая душа Гоголя, толстый черт-генерал со звездой, единственная цель которого возродить высмеянное всей русской литературой чинопочитание и идолопоклонство власти. Я

должна сказать, что если есть у меня какие-то заслуги в прозрении природы Зла, то это потому, что с после 2008 года, после публикации «переключи себе ток», и особенно после 2015 года, когда режим Путина надругался надо мной и искалечил меня, у меня всегда перед глазами был самый совершенный образец Зла, который только можно было бы себе представить. Я как все в стране не знала например, что проституток Скуратову тогда подставил Путин, и что так он выслужился у Ельцина, сумев и убрать генпрокурора который начал борьбу против коррупции Ельцина, и не скомпрометировать власть очередным убийством. Я узнала об этом из книги убитого Пола Хлебникова «История разграбления России или Крестный отец Кремля», и читать я ее стала специально чтобы понять что происходит вокруг меня. Ведь я обращалась в правительство с письмами об Эпохальном открытии, а мне отвечали «мерзким вонючим подпольем», как говорит Достоевский, секретных служб. И что эти службы делали? Мое интернет пространство завалили таким «развратом», причем явно в тесном сотрудничестве с западными службами «Мерзкого, вонючего подполья», что я наконец поняла, что это глубоко больные люди, маньяки, и дальше уже стала смотреть на них с точки зрения психиатра. Так и родилась моя концепция Зла мертвой совести маньяков. Она, как говорят ученые, не плод дедукции, а получена опытным путем, в каждодневном общении с маньяками, чьи души издают страшное зловоние в своем гнойном разложении.

Н. Чернышевский, «Что делать?»:

> *«Полгода Вера Павловна дышала чистым воздухом, грудь ее уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов, и страшное впечатление произвел на нее ее подвал. Грязь, пошлость, цинизм всякого рода, — все это бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны. „Как у меня доставало силы жить в таких гадких стеснениях? Как я могла дышать в этом подвале? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Как я могла тут вырасти с любовью к доб-*

> *ру? Непонятно, невероятно", думала Вера Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающей после удушья»*

Меня, конечно, убьют. Вы знаете, как этот антихрист крайне самолюбив, и как он безумен. Все это время мне угрожали убить всю мою семью. Систематически запугивали всех, не только меня. Ведь Научная Революция Энергетика означает конец Самодержавия Дьявола и начало Естественного права Града Божьего. Меня можно сказать уже убили. Я уже месяц, будучи инвалидом в коляске, у которого ниже плеч ничего не работает, обхожусь совсем одна: я сама полностью ношу на себе свое парализованное тело, мою, чищу, стираю, одеваю, и клею хирургические повязки каждый день. Один Господь знает как мне хватает сил, но выбора у меня нет. Каждую женщину которую я нанимаю в дом тут же ставят себе на службу «мерзкие вонючие подполья» секретных служб. Пустить еще раз такого человека в дом значить не просто погибнуть. Ведь на то они мерзкие и вонючие подполья, гной и грязь мертвечины, что они не станут просто убивать — для этого не нужно кого-то внедрять в дом. Для этого достаточно было бы просто застрелить меня когда я открываю дверь службам доставки. Им нужно «опорочить добродетель», как Нерону и Саду, им нужно втянуть в свой гной и грязь Святость Духовной энергии Разума, а иначе им придется признать, что они всего лишь гной и грязь.

Вот поэтому я никак не могу никого пустить в дом — я могу рисковать своей жизнью, но я не могу позволить этой грязи лепить свою мертвечину на Божественный Дух Разума, на добродетель духовной энергии. Таким образом, черти оставили меня без помощи в моем состоянии. Спасибо моему брату, который приносит продукты и выносит мусор — ведь я не могу сделать ни единого шагу из дома. И все же я конечно долго не продержусь одна. Спасибо Господу, что дал мне закончить эту работу об откровении русской литературе и об антихристе путине, чья физиономия так четко запечатлена в образе черта в этом русском откровении. Я опять разошлю эту книгу по всей России, объединю с первым томом, и разошлю по всему миру. И опять

мне конечно, никто не ответит. На сегодня мне ответил только Университет Кембриджа, издательство при университете, и здесь в России мне прислал благодарности Александр Шубин, глава социалистического общества «Информационал», в котором я состояла какое-то время и имела долгие дебаты с профессором Шубиным. Я благодарна и ученым Кембриджа и Александру Шубину за отклик — по крайней мере, когда режим Путина добьет меня в моей коляске, мое открытие и Научная Революция Энергетика не уйдут вместе со мной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Антихрист Путин и Откровение Русской Классической Литературы в 2-х томах

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero